

ВЕСНІК БДУ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА
УНІВЕРСІТЭТА

ВЫДАЕЦЦА З КРАСАВІКА 1969 ГОДА
АДЗІН РАЗ У ЧАТЫРЫ МЕСЯЦЫ

СЕРЫЯ 4

3, 2009

Галоўны рэдактар

В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

Н.Б. МЯЧКОЎСКАЯ (адказны рэдактар),

З.І. БАДЗЕВІЧ, Т.М. ВАЛЫНЕЦ, С.Я. ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ (нам. адказнага рэдактара),
С.В. ДУБОВІК (нам. адказнага рэдактара па журналістыцы), В.Л. ЖУК (нам. адказнага рэдактара па
педагогіцы), С.М. ЗАПРУДСКІ, В.І. ІЎЧАНКАЎ, Т.П. КАЗАКОВА, І.І. КАЗІМІРСКАЯ, Н.С. МАКАРЭВІЧ
(адказны сакратар), Н.М. НІЖНЁВА, М.Р. ПРЫГОДЗІЧ (нам. адказнага рэдактара), В.П. РАГОЙША,
І.С. РОЎДА, В.М. САМУСЕВІЧ, Л.П. САЯНКОВА, Л.Д. СІНЬКОВА, А.Г. СЛУКА, С.С. СТЭЛЯ,
І.У. ТАЯНОЎСКАЯ, Н.Ц. ФРАЛЬЦОВА, В.В. ХАЛІПАЎ, Л.У. ХВЯДЧЭНЯ, І.А. ЧАРОТА, Т.І. ШАМЯКІНА

МІНСК
БДУ

**Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт**

ВЕСНІК БДУ

Серыя 4: Філап. Журн. Пед. 2009. № 3

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі № 1080

На беларускай і рускай мовах

Паштовы адрас рэдакцыі: 220030, Мінск, вул. Бабруйская, 7.
Адрас рэдакцыі: вул. Кальварыйская, 9, каб. 101, 105.
Тэл. 259-70-74, 259-70-75
E-mail: vestnikbsu@bsu.by

Рэдактар аддзела *В.І. Барысава*
Рэдактар стылістычны *Л.А. Меркуль*
Тэхнічны рэдактар *В.П. Швед*
Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса *І.Я. Яновіч, В.П. Швед*

Падпісана да друку 17.02.10. Фармат 60x84 1/8. Папера афсетная. Друк афсетны.
Гарнітура Arial. Ум. друк. арк. 14,88. Ул.-выд. арк. 15,12.
Тыраж 250 экз. Заказ 92.
Цана: для індывідуальных падпісчыкаў – 12 300 руб.;
для арганізацый – 33 993 руб.

Надрукавана з арыгінала-макета ў РУП «Выдавецкі цэнтр БДУ»
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6
ЛП № 02330/0056850 ад 30.04.04

© Веснік БДУ, 2010

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Спалучэнне духоўных здабыткаў антычнасці і хрысціянства ў гуманістычнай канцэпцыі Мікалая Гусоўскага	3
Забродская В.С. Эпіталамічны цыкл 1599 г. на шлюб Льва Сапегі і Альжбеты Радзівіл	8
Дзюкава Э.Ю. «Апалогія» Мялецця Смятрыцкага (1628) як паломніцкі тэкст: ідэйна-мастацкія асаблівасці твора	11
Швед І.А. Семантычная апазіцыя «белы/чорны» ў міфалагічнай карціне свету беларусаў	15
Мятліцкая Г.М. Сацыяльная і міфалагічная семантыка вобразаў дрэў у нашаніўскай паэзіі Янкі Купалы	19
Бароўка В.Ю. Беларуская проза XX ст. як крыніца народазнаўства	23
Гончарова-Грабовская С.Я. Монодрама в творчестве Е. Гришковца	26
Хмяльніцкі М.М. Канцэпцыя героя і рэчаіснасці ў рамане Т. Новака «Прарок» (1977)	31

МОВАЗНАЎСТВА

Свістунова М.І. Моўныя сродкі выражэння дыялагічнасці ў старабеларускіх рэлігійна-палемічных тэкстах	35
Галоненка І.А. Пераносныя значэнні ў агульнаўжывальнай лексіцы беларускай мовы пачатку XX ст. (на матэрыяле газеты «Наша Ніва»)	39
Рамза Т.Р. Змешанае гутарковае маўленне ў мастацкіх тэкстах	43
Коршук Е.В. Соціум в зеркале свободного ассоциативного эксперимента	47
Церлюкевич В.К. О языке, речи и речевой деятельности	50
Муратова Е.Ю. Синергетический подход к проблеме смыслопорождения в системе поэтического языка	54
Биюмена А.А. Функционирование глагольной лексики знания в политическом дискурсе	57
Кузнецова Е.Л. Отражение лечебных свойств лекарственных растений во внутренней форме русских диалектных и литературных номинаций	60
Петрачкова И.М. Художественное использование антропонимов в драматургии А.В. Вампилова	64
Янковская О.В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа (на материале рассказов Т. Толстой)	68
Куркович Н.А. Особенности значения объективной необходимости в текстах разных функциональных стилей (на материале английского и белорусского языков)	72
Матюнова А.А. К вопросу о лингвокультурных аспектах мотивации при именовании (на примере языка Интернета и русскоязычных СМИ)	76
Лаппо О.Г. Влияние композиционной структуры научной статьи на функционирование эпистемических предикатов (на материале белорусскоязычных лингвистических статей)	79

Дыскусіі

О книге академика РАН Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» (М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.)

Прохорова С.М. Концепт – главный объект гуманитарной науки?	84
От редколлегии. Из статьи С.Н. Зенкина «Россия, Франция, семиотика»	87

ЖУРНАЛІСТЫКА

Мельникова Л.И. Формализация содержания и образ творческого субъекта в документальном ТВ	89
Басова А.И., Синькова Л.Д. Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич	93
Левчук Н.Н. Принцип медиавируса в процессе коммуникативного взаимодействия	96
Тянь Юехун. К вопросу о типологических особенностях регионального радиовещания КНР	100
Отливанчик А.В. Формирование идейного направления журнала «Гражданин» (период редакторства Г.К. Градовского и Ф.М. Достоевского)	103
Поварич П.П. Классификационные особенности журналов современной культуры	107

ПЕДАГОГІКА

Рашэтнікава Н.Б. Метадалогія літаратуразнаўчага аналізу на ўроках беларускай літаратуры ў старшых класах	110
Сманцер А.П. Теоретические основы преемственности в учебной деятельности школьников и студентов	113
Красовская Е.В. Механизм формирования социально-профессиональной компетентности студента неязыкового вуза в процессе обучения иностранному языку	118

РЭЦЭНЗІІ

Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Новыя выданні помнікаў старажытнай літаратуры ў Беларусі і Літве	122
---	-----

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

Макарэвіч Н.С. Кандыдацкія дысертацыі, абароненыя на філалагічным факультэце і зацверджаныя ВАК Рэспублікі Беларусь у 2008–2009 гг.	125
--	-----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Барыс Васільевіч Стральцоў	127
Паказальнік артыкулаў, апублікаваных у 2009 г.	128

Ж.В. НЕКРАШЭВІЧ-КАРОТКАЯ

СПАЛУЧЭННЕ ДУХОЎНЫХ ЗДАБЫТКАЎ АНТЫЧНАСЦІ І ХРЫСЦІЯНСТВА Ў ГУМАНІСТЫЧНАЙ КАНЦЭПЦЫІ МІКАЛАЯ ГУСОЎСКАГА

Поэтическое творчество Николая Гуссовского рассматривается как художественная практика, осуществляемая в русле христианского гуманизма. Делается краткая презентация произведений, в которых нашли яркое выражение основные особенности авторской концепции антропологии. Особое внимание обращается на специфику рассмотрения проблем духовной жизни человека, на акцентирование автором эстетического аспекта в христианской культуре.

The poetic work of Mikalaj Husousky is viewed as artistic practice carried out in the framework of Christian humanism. There is also a short presentation of those works where the main peculiarities of the author's anthropology conception are most prominently expressed. Special attention is paid to the specific features of viewing problems of spiritual life and emphasising the aesthetic aspect in the Christian culture.

Мікалай Гусоўскі побач з Францыскам Скарынам і Янам Вісліцкім называюцца ў сучасных даследаваннях асноўнымі прадстаўнікамі гуманізму ў беларускай літаратуры эпохі Рэнэсансу (гл. Лебядзевіч 2002, 12; Гісторыя 2006, 266). У тэарэтычных працах, прысвечаных эпасе Адраджэння, вызначальнымі рысамі гуманістычнай культуры традыцыйна прызнаюцца арыентацыя на антычныя мастацкія ўзоры, антрапацэнтрызм і фарміраванне новай рэнесансавай эстэтыкі з перакананнем у неабмежаванасці творчай свабоды (гл. Падокшын 2003, 70–71). Даследаванне адпаведных аспектаў творчасці беларускіх гуманістаў – надзвычай актуальная праблема для беларускай медыявістыкі. Аднак, як адзначаў І. Саверчанка, «эвалюцыя антрапалагічных і этычных ідэй у беларускай літаратуры эпохі Адраджэння дагэтуль як мае быць не вывучалася» (Саверчанка 1998, 180). Гэтая заўвага ў поўнай меры датычыць вывучэння творчасці Мікалая Гусоўскага.

У паззіі Мікалая Гусоўскага, як і ў публіцыстыцы яго сучасніка Францыска Скарыны, ярка выявілася тая адметнасць беларускай гуманістычнай літаратуры, на якую звярнуў увагу С.А. Падокшын. Вучоны адзначаў, што «айчынны рэнесансавы гуманізм часцей за ўсё прымаў выгляд хрысціянскага гуманізму» (Падокшын 2003, 75). Вершы і паэмы Мікалая Гусоўскага прэзентуюць адмысловы сінтэз асноўных палажэнняў антычнай этыкі з маральнымі догмамі хрысціянства, прычым менавіта праз прызму хрысціянства паэт успрымае гуманістычныя ідэі антычнасці. У выніку аўтар фармулюе ў мастацкай форме сваё выразнае ўяўленне пра тое, якім павінен быць сапраўдны *homo Christianus*.

На жаль, у большасці спецыяльных даследаванняў, прысвечаных творчасці Мікалая Гусоўскага, асаблівасці яго антрапалагічных поглядаў амаль не разглядаліся. В.І. Дарашкевіч, назваўшы паэта на пачатку адпаведнага раздзела сваёй адзінай манаграфіі «тыповым мастаком рэнесансавога тыпу» (Дарашкевіч 1979, 152), далей разгортвае гэты тэзіс, паказваючы шчыры патрыятызм аўтара, а таксама спецыфіку адлюстравання ў яго паззіі грамадска-сацыяльных адносін, надзённых палітычных праблем эпохі. Г.Б. Сегель, А.А. Жлутка і Т. Ветэйкіс звяртаюць большую ўвагу на хрысціянскую праблематыку ў вершах і паэмах Мікалая Гусоўскага, не заўсёды спалучаючы яе з аўтарскай канцэпцыяй антрапалогіі (гл. Segel 1989, 147–153; Жлутка 2006, 343–350; Veteikis 2007, 253–260). Разам з тым імкненне паэта-хрысціяніна (магчыма, паэта-святара) (гл. Некрашэвіч-Кароткая 2008, 7) да сінтэзу агульнагуманістычных і хрысціянскіх ідэй выяўляецца ў самых розных элементах яго мастацкай канцэпцыі: ад прынцыпаў фарміравання вобразнай сістэмы да спосабу фармулёўкі эстэтычнай праграмы.

Эстэтычная праграма паэта, якая раскрывае спецыфіку яго антрапалагічнай канцэпцыі, найбольш выразна фармулюецца ў своеасаблівым пасляслоўі да першага зборніка 1523 г. (гл. Hussovianus 1523, [56]). Тут змешчана гравюрная выява – павернуты ў профіль бюст, што стаіць на пастаменце. Гэтая выява знаходзіцца ў атачэнні надпісаў на трох свяшчэнных мовах: лацінскай, старажытнагрэчаскай і старажытнаўрэйскай. У непасрэднай блізкасці да партрэтнай выявы паляцінску напісана «Concedo nulli» (тут і далей пераклад аўтара. – Ж. Н.-К.) («Не саступаю ніко-

му»). Апошняя выслоўе – цалкам у духу рэнесансавага самаўсведамлення мастака. Яно расшыфроўвае сэнс гравюрнай выявы: на пастаменце напісана «Terminus», што ў перакладзе з лацінскай мовы азначае «мяжа». У культуры эпохі Рэнесансу антычнае боства мяжы Тэрмін інтэрпрэтавалася як абаронца творчай незалежнасці мастака.

Гэтая галоўная, глыбока антрапацэнтрычная ідэя ў літаральным сэнсе слова атачаецца на гравюры інскрыпцыямі, якія носяць багаслоўска-эсхаталагічны характар. У іх – ключ да разумення эстэтычнай праграмы паэта. Зверху, па-лацінску, чытаем: «Scilicet ultima semper memorare novissima» («Апошняя, зразумела, запамінай заўсёды як самае апошняя»). Гэтая думка пра хуткаплыннасць, незваротнасць часу, быццам бы ў люстэрку, адбіваецца ў ніжняй частцы старонкі – толькі цяпер у рэчышчы хрысціянскай аксіяматыкі: «Expectanda dies homini est, et in aeternum non peccabis» («Чалавеку належыць чакаць дня, і не ўчыніш граху вечна»). Здаецца, абодва выслоўі – самадастатковыя паводле свайго зместу. Аднак яны ўяўляюць сабой сапраўдную філалагічную загадку.

Пры ўважлівым разглядзе апошняй старонкі звяртае на сябе ўвагу той факт, што два радкі па-лацінску над партрэтнай выявай і два радкі па-лацінску пад ёй надрукаваны рознымі шрыфтамі. Калі аб'яднаць першыя радкі верхняга і ніжняга выслоўяў па-лацінску, то атрымаецца: «Scilicet ultima semper expectanda dies homini est» («Зразумела, чалавеку трэба заўсёды чакаць апошняга дня»). Гэтыя словы – нішто іншае, як цытата з «Метамарфозаў» Авідзія! У арыгінале адпаведны фрагмент выглядае так: ...sed scilicet ultima semper // expectanda dies hominis, dicique beatus // ante obitum nemo supremaque funera debet» (Ovid. Met. III, 135–137) («...але, зразумела, чалавеку трэба заўсёды чакаць апошняга дня, і ніхто не павінен называцца шчаслівым да скону і да пахавання»).

Калі ж аб'яднаць другія радкі верхняга і ніжняга выслоўяў па-лацінску, то атрымаецца: «Memorare novissima, et in aeternum non peccabis». Гэта – амаль даслоўнае ўзнаўленне фрагмента 40-га (у рускім сінадальным перакладзе – 39-га) верша 7-га раздзела «Кнігі Ісуса Сірахава», які цалкам выглядае наступным чынам: «In omnibus operibus tuis memorare novissima tua et in aeternum non peccabis» («Ва ўсіх тваіх справах успамінай пра апошнія [дні] твае, і не ўчыніш граху вечна») (Sirach 7:40).

Такое «мазаічнае» размяшчэнне цытат сімвалізуе дамінанту творчай праграмы Мікалая Гусоўскага: спалучэнне элементаў антычнай і хрысціянскай эстэтыкі. Беларускі паэт праяўляе сябе як сапраўдны ідэйны апалагет эпохі Адраджэння: ён імкнецца паказаць, што перадавыя ідэі антычнасці і хрысціянства пераклікаюцца паміж сабою, выяўляюць аксіялагічную еднасць.

Думкі Авідзія па-лацінску пацвярджаюцца словамі аднаго з сямі старажытнагрэчаскіх мудрацоў, афінскага заканадаўцы Салона – адпаведна па-старагрэчаску, – якія размешчаны ўздоўж левай рамкі гравюрнай выявы: «Ὅρα τέλος μακροῦ βίου» («Глядзі на канец доўгага жыцця»). Выслоўе з «Кнігі Ісуса Сірахава» па-лацінску пацвярджаецца словамі 13-га верша 25-га раздзела Евангелля ад Матфея па-старагрэчаску: «Γρηγορεῖτε οὖν, οὐκ οἴδατε πότε ἡμέραν οὐδὲ πότε ὥραν» («Будзьце пільнымі, бо не ведаеце ні дня, ні часу»).

Нарэшце, на апошняй старонцы прысутнічаюць інскрыпцыі на старажытнаўрэйскай мове*, прычым частка з іх таксама спалучаецца паміж сабою. Так, у самым нізе старонкі чытаем наступныя словы: «על ימי מציחן» (літаральна: «з вызначанымі днямі яго»). Гэта пачатак 5-га верша 14-га раздзела кнігі «Іоў». А ўздоўж правай рамкі – заключны фрагмент гэтага ж верша: «על ימי מציחן» (літаральна: «...мяжу яго Ты зрабіў, і ён не прайдзе»). Тут, як і ў цэнтральнай частцы гравюрнай выявы, таксама акцэнтуюцца архетып мяжы.

Наогул, усе выслоўі, размешчаныя зверху і знізу, датычаць абавязку чалавека дбаць пра выкананне свайго вышэйшага – Боскага! – прызначэння ў жыцці. Пры гэтым падкрэсліваецца думка, што час для спаўнення гэтага прызначэння абмежаваны. Адмысловым спалучэннем антычнай і хрысціянскай мудрасці Мікалай Гусоўскі стварае ўласную творчую аксіялогію: плён творчай чалавечай працы – гэта тое, што ён пакідае як падзяку Стваральніку, як духоўны завет нашчадкам. І толькі ў канцы доўгага жыцця можна зрабіць высновы пра тое, як гэтае жыццё было пражыта, ці застанеца ў вяках тое, што стварыў той ці іншы смяротны. Пры гэтым Бог – галоўны Тварэц і галоўны Суддзя ў дачыненні да ўсяго, што стварыў чалавек. Вось чаму Мікалай Гусоўскі да ўсіх працытаваных вышэй афарызмаў дадае выслоўе з Псалтыра: «ברוך יהוה לולא מלך» (літаральна: «Бласлаўлены ІHWH на векі, Амэн!») [Пс 89:53]).

Такі мэтанакіраваны падбор цытат з твораў антычных і хрысціянскіх аўтараў – сведчанне галоўнай асаблівасці антрапалагічнай канцэпцыі Мікалая Гусоўскага: імкненне спалучыць у ёй дзве магутныя культурныя плыні еўрапейскай цывілізацыі. І антычнасць, і хрысціянства надавалі вялікае значэнне Чалавеку-Творцу, які павінен успрымаць кожны падараваны яму дзень як магчымасць упрыгожыць свет. Паэт яўна акцэнтуюе гэты аксіялагічны аспект у дачыненні да мастацкай творчасці. *Ingenium* (талент) творцы

* Ідэнтыфікацыю, пераклад і каменціраванне старажытнаўрэйскага тэксту выканаў дацэнт кафедры культуралогіі БДУ М.У. Тарэлка.

На думку М.У. Тарэлкі, пры цытаванні ўзнікла памылка: ужываецца літара ו (айн) замест ח (алеф). Параўн.: «ימי מציחן ח» («Калі вызначаныя дні яго») [Іоў 14:5].

*** Імя Бога, так званы «тэтраграматон».

для паэта – найвышэйшая мера эстэтычнай каштоўнасці, прызначэнне і абавязак мастака – развіваць свой талент (успомнім «nulla dies sine linea» («ні дня без рыскі»)) – заклік старажытнагрэчаскага мастака Апелеса, сфармуляваны па-лацінску Гарацыем). З другога боку, абавязкам «моцных гэтага свету», у першую чаргу дзяржаўных валадароў, паэт лічыць мецэнацкую дзейнасць. Гэтая ідэя грунтуецца на перакананні гуманіста, што дзяржава «**virtute animi** magis, quam **vi corporis** niti, tam Graeci, quam Romani documento sunt» («мацуецца больш дасканаласцю душы, чым сілаю цела, пра што сведчаць як грэкі, так і рымляне») (Hussovianus 1523, [4]).

Т. Ветэйкіс лічыць, што гэтымі словамі з прысвячэння «Песні пра зубра», адрасаванага каралева Боне, Мікалай Гусоўскі імкнецца прыцягнуць увагу валадаркі і яе падданных да навук і мастацтваў (гл. Veteikis 2007, 236). Аднак ніхто з папярэдніх даследчыкаў і перакладчыкаў гэтага прысвячэння не выказаў ніякіх меркаванняў на конт магчымай крыніцы паходжання працытаванага вышэй фрагмента. На нашу думку, гэтай крыніцай з'яўляецца пачатак трактата Гая Салюстыя Крыспа (85–35 гг. да Р. Х.) «*Catiliae conjuratio*» («Змова Каціліны»). Разважаючы пра амбівалентнасць чалавечай прыроды, пра спалучэнне ў ёй цялесных і духоўных пачаткаў, Салюсты піша: «*Quo mihi rectius videtur ingeni quam virium opibus gloriam quaerere. <...> Sed diu magnum inter mortalis certamen fuit, vine corporis an virtute animi res militaris magis procederet*» (Sallustius. *Catiliae conjuratio*, 1) («Наколькі больш правільным здаецца мне, калі [чалавек] шукае славы пры дапамозе таленту, а не фізічнай сілы. <...> Аднак жа доўга паміж смяротнымі была спрэчка, праз сілу цела ці праз дасканаласць душы большы поспех мае ваенная моц»). На карысць сувязі ўрывка з прысвячэння Мікалая Гусоўскага з творам Салюстыя сведчыць поўная лексічная тоеснасць двух фрагментаў. Акрамя таго, далей, таксама як і Мікалай Гусоўскі, старажытнарымскі пісьменнік прыводзіць прыклады з гісторыі. Спачатку, піша ён, у эпоху цароў людзі не маглі вызначыць, што – сіла ці розум – з'яўляецца вызначальным чыннікам чалавечага поспеху ў жыцці. «*Postea vero, – разважае аўтар, – quam in Asia Cyrus, in Graecia Lacedaemonii et Athenienses coepere urbis atque nationes subigere, lubidinem dominandi causam belli habere, maximum gloriam in maximo imperio putare, tum demum periculo atque negotiis conpertum est in bello plurimum ingenium posse*» (Sallustius. *Catiliae conjuratio*, 1) («Але ж пазней, калі ў Азіі Кір, а ў Грэцыі спартанцы і афіняне пачалі падначальваць сабе гарады і народы ды пачалі лічыць імк-

ненне да ўладарніцтва нагодай для вайны, тады толькі сярод небяспекі і рызыкі [людзі] пераканаліся, што ў ваенных справах розум здольны на самыя вялікія [здзяйсненні]»). Менавіта пра гэта піша далей у сваім прысвячэнні і аўтар «Песні пра зубра»: «...*apud quos arma semper tum maxime dum litterae floruerunt et labentibus primum ingeniis debilitatae vires sunt, quibus lapsis, imperium corrui et servitus imposita est*» («у іх [гэта значыць у грэкаў і рымлянаў. – Ж. Н.-К.] заўсёды ваенная моц квітнела найбольш тады, калі і навукі; калі ж найперш пачалі прыходзіць у заняпад таленты, то змарнелі і сілы, а з іх заняпадам дзяржава абрушылася і ўсталявалася рабства») (Hussovianus 1523, [4]). Паралель напрошваецца сама сабой: толькі ў тым выпадку, калі ў карацействе Жыгімонта і Боны будзе дасягнуты разумны баланс у грамадскім і культурным (навуковым) жыцці, тады не страшны ім будзе грозны вораг – Асманская імперыя, якая падняволіла ў канцы XV – пачатку XVI ст. многія еўрапейскія дзяржавы. З другога боку, такая ўвага да інтэлектуальнага жыцця, на думку гуманіста, засцеражэ дзяржаву і ад унутраных канфліктаў, падобных таму, які ўзнік у часы Салюстыя ў Старажытным Рыме з-за палітычных інтрыг Луцыя Каціліны. Вось з якой мэтай Мікалай Гусоўскі ўжывае тут алузію на вядомы твор Салюстыя.

Такім чынам, жыццё для паэта – гэта найперш жыццё душы, а не цела. Толькі духоўная дасканаласць, унутранае характэрнае з'яўляюцца для яго крытэрыем ацэнкі не толькі чалавека і яго ўчынкаў, але таксама ўсіх ідэй, у тым ліку і рэлігійных поглядаў. У гэтым пункце эстэтычныя дактрыны антычнасці і хрысціянства сугучныя паміж сабою. Антычнасць найвышэй цаніла чалавека, які нясе ў свет мудрасць і прыгажосць, хрысціянства звяртала найбольшую ўвагу на маральны аспект дасканаласці. Але і антычная, і хрысціянская этыка вучаць чалавека спяшацца: думаць, твараць, рабіць дабро. Акцэнтаванне неабходнасці цаніць кожнае імгненне, адпушчанае чалавеку ў жыцці, блізкае Мікалаю Гусоўскаму. Вось чаму, з аднаго боку, паэт скардзіцца на цяжкі стан здароўя (напрыклад, у экспазіцыі паэмы «Пра перамогу над туркамі»), у якім ён усё роўна працягвае выконваць сваё Боскае прызначэнне, з другога боку, наракае ў «Песні пра зубра» на нястачу вольнага часу для творчасці (гл. *Carmen*, 92–102; 515–516)¹¹. Ідэя незваротнасці пражытых дзён у тым ці іншым рэчышчы развівалася ўсімі буйнейшымі творцамі беларускага Адраджэння. Успомнім, якія словы выйшлі першымі з-пад друкарскага станка Францыска Скарыны. Гэта цытата з

¹¹ Паэма «Песня пра зубра» (са скарачанымі варыянтам назвы «*Carmen*») цытуецца з пазначэннем парадкавых нумароў паэтычных радкоў паводле класічнага перавыдання твораў Мікалая Гусоўскага, падрыхтаванага Янам Пельчарам, гл.: Nicolai Hussoviani carmina. Edidit, praefatione instruit, adnotationibus illustravit Joannes Pelczar. Cracoviae, 1894.

¹² Вылучэнне паўтлустым шрыфтам асобных слоў у фрагментах з твораў Мікалая Гусоўскага і Салюстыя дазваляе ўбачыць сувязь паміж імі нават на лексічным узроўні.

другога пасланьня апостала Паўла да Цімафея (гл. 2 Цім. 3:16–17): «Усё Пісанне натхнёна Богам і карыснае для навучання, дакору, выпраўлення і ўзгадвання ў справядлівасці, каб дасканалым быў чалавек Божы, настаўлены на ўсякае добрае дзеянне» (Скарына 2005, 56). Бясспрэчна, тлумачэнне высокай каштоўнасці біблейскіх кніг непасрэдна выліваецца ў заклік першадрукара: спяшайцеся рабіць добрыя справы! Ні хрысціянскі адзіны ў Тройцы Бог, ні антычны Тэрмін не саступяць ані хвіліны, растрачанай на марныя справы або грэшныя ўчынкі.

На апошняй старонцы зборніка «Песня пра зубра» аўтар дае ключ да цэласнага разумення сваёй творчасці. Разважанні пра «боскасць» мастака, пра вечнае жыццё створаных ім культурных каштоўнасцей арганічна дапаўняюцца напамінамі пра неабходнасць пазбягаць граху, помніць пра дзень Страшнага суду, пра першаснасць ролі Бога ва ўсіх зямных справах, пра патрэбу чалавека ў Божым благаславенні. Ніхто іншы, акрамя Мікалая Гусоўскага, так не паказаў у сваёй творчасці, як магчыма спалучыць гэтыя на першы погляд супрацьлеглыя экзістэнцыяльныя тэзісы.

Толькі ў рэчышчы своеасаблівай гуманістычнай канцэпцыі паэта можна адекватна зразумець мастацкую спецыфіку «Песні пра зубра»: свядомае адмежаванне аўтара ад вобразнай сістэмы антычнай паззіі. У творы прысутнічае праграма заява на гэтую тэму: *Pro love qui Christum veneror Christique Parentem // Pro lunone loqui carmina nostra solent. // Nec miscenda mihi est tam certis fabula rebus* (Carmen, 405–407) («Я замест Юпітэра шаную Хрыста, і песні мае маюць звычай праслаўляюць Маці Хрыста замест Юноны. Мне нельга змешваць праўду з байкай»).

Усё, што звязана з хрысціянствам, – «certi res» («надзейныя рэчы»). Багі старажытных рымлян несумяшчальныя з «pietate» («набожнасцю») паэта, гэта – «fabula» («байка»). Апірышчы веры для паэта-хрысціяніна – Сын Божы і Багародзіца. Супастаўленне Маці Хрыста з Юнонай зразумелае: абедзве з'яўляюцца ў першую чаргу апякункамі жанчын, мацярынства, сям'і. Таму «Parens Christi» – гэта Багародзіца: для хрысціян-католікаў знакавай постаццю, апроч самога Збавіцеля, з'яўляецца менавіта Панна Марыя.

Ва ўсіх славянскіх перастварэннях «Песні пра зубра» (і ў адаптацыях, якія абапіраліся на падрадкоўнік Я. Парэцкага, і ў перакладзе У. Шатона) сэнс гэтых слоў скажаецца. Я. Парэцкі зразумеў выраз «Parens Christi» як «Бог-Айцец»: *Все воспевают Юпитера или Юнону, // Я же, Иисуса и бога отца почитаю, // Смысла не вижу в смешении истины с басней* (Гусоўскі 1980, 143). У двух беларускіх перастварэннях (Я. Семяжона і Н. Арсенневай) і ў перакладзе У. Шатона таксама замест Багародзіцы выступае Бог-Айцец (гл. Гусоўскі 1980, 79; Гусоўскі 1994, 24; Гусоўскі 1997, 14). Аднак ва ўсіх іншых перакладах, выкананых фі-

лолагамі-лаціністамі, «Christus» і «Christi Parens» – гэта адпаведна «Хрыстос» і «Маці Хрыста». Так, у перакладзе на польскую мову Яна Каспровіча гэта «Chrystus» і «Matka Chrystusowa» (гл. Hussowski 2007, 71), у перакладзе на літоўскую мову Б. Казлаўскаса – «Kristus» і «motina Kristaus» (гл. Husovianas 2007, 129), у перакладзе на ўкраінскую мову А. Садаморы – «Хрыстос» і «Богородиця» (гл. Гусовський 2007, 63). У адпаведнасці з такой устаноўкай паэт адштурхоўваўся ад прамых запазычанняў з твораў антычных аўтараў, ад «неапаганства» (гл. Biełkowski 1976, 62).

Антрапалагічныя праблемы Мікалая Гусоўскага разглядае праз прызму эстэтыкі. Асаблівым чынам акцэнтую паэт эстэтычны аспект хрысціянскага культу, менавіта ў ім ён бачыць вонкавую прывабнасць, а значыць, здольнасць рабіць станоўчае выхаваўчае ўздзеянне на людзей. Яшчэ ў пазме «Песня пра зубра» паэт, прызнаючы, што паганскія чары робяць на большасць людзей магчымае ўражанне, усё ж такі лічыў, што ад іх – «*gratia prava*» («мала дабрадаці») (Carmen, 326). У агіяграфічнай пазме «Пра жыццё і подзвігі Святога Гіяцынта» (Кракаў, 1525) прысутнічае ўжо выразнае супрацьпастаўленне паганства хрысціянству менавіта з эстэтычнага пункту гледжання. Вось як ён апісвае адзін з язычніцкіх абрадаў: <...> *numenque dei fluvialis adorant, // Ludere quem per aquae contorta volumina cernunt, // Et ne vana fides temereque exorta putetur, // Volvitur et totis vox horrida murmurat undis* (De vita, 542–545) («Яны таксама пакланяюцца рачному божству і глядзяць, як яно гуляе закручанымі вадзянымі вірамі, і лічаць, што гэта – не марная вера, што ўзніклі яны (віры. – Ж. Н.-К.) невыпадкова; скрозь над хвалямі круціцца і мармыча жудасны голас»).

У гэтым апісанні відавочны момант дээстэтызацыі, які суправаджае аксіялагічнае непрыняцце язычніцтва аўтарам. У адпаведнасці з такім стаўленнем голас паганскага вешчуна – *horridus* (жудасны), ён не гучыць, не лунае, але *volvitur et murmurat* (круціцца і мармыча); эмацыянальнае ўздзеянне апошніх слоў, несумненна, узмацняецца за кошт алітэрацыі. Паганства адштурхоўвае аўтара перадусім сваёй грубай прымітыўнасцю. З іншага боку, паэт, палемізуючы з апалагетамі Рэфармацыі, засяроджвае яшчэ раз пільную ўвагу на тым, што Марцін Лютэр прапанаваў пазбавіць набажэнства пышнасці і каштоўнай атрыбутыкі. Але без гэтага, лічыць Мікалай Гусоўскі, будзе аслаблены выхаваўчы ўплыў хрысціянскай веры. Касцельныя або царкоўныя аздобы, адзенне святара, іконы, залаты посуд, харавыя спевы неабходныя, на думку аўтара, на пачатковым этапе далучэння чалавека (прынамсі дзіцяці) да хрысціянскіх каштоўнасцей (гл. De vita, 554–559).

* Твор цытуецца (са скарачаным варыянтам назвы «De vita») паводле перавыдання, падрыхтаванага Янам Пельчарам.

Праз хараство хрысціянскага набажэнства, лічыць паэт, удасканальваецца душа чалавека, актывізуецца *quinta essentia* (пятая стыхія), пра якую пісаў у сваіх творах нямецкі філосаф Філіп Тэафраст Парацэльс (1493–1541). Мікалай Гусоўскі разумее, «якую ролю ў рэлігійным светаўспрыманні займаюць усе дэталі традыцыйнага храмавага набажэнства; разбурэнне гэтага «сінтэзу мастацтваў», якое ўводзілі лютэране, выклікае ў яго шчыры пратэст і адпаведна імкненне растлумачыць мэтазгоднасць старажытных абрадаў» (Цісык 2001, 95). Па-рэнесансавому аргументавана паэт тлумачыць, што багатае аздабленне святыні і велічная прывабнасць святара ўздзімаюць чалавека над марнасцю зямнога існавання, умацоўваюць у яго душы кволя па-расткі веры.

Гэтаксама ж даступна растлумачыць паэт маральную каштоўнасць святасці. Яна ўзвышае чалавека, цешыць яго душу, стварае эффект унутранай радасці, свята. Палемізуючы з прыхільнікамі лютэранства, якія адмянялі культ святых, паэт прыходзіць да высновы, што спробы кардынальным чынам рэфармаваць хрысціянскую веру могуць даць адваротны вынік. Ён гаворыць пра неабходнасць зберагаць лепшыя духоўныя здабыткі мінуўшчыны (гл. *De vita*, 662–663). Маральны абавязак чалавека, на думку паэта, заключаецца менавіта ў тым, каб захаваць гэтыя святы запавет продкаў: *nec sit discernere nostrum, // quae bona vel mala sint* («і не наша справа – разважаць: што добрае, а што благое») (*De vita*, 668–669).

Мастацкая задума большасці твораў Мікалая Гусоўскага была звязана з яго прадчуваннем, «што расхістанне хрысціянскай традыцыі непазбежна прывядзе да злomu ў людскай душы, дзе страцяць святасць і вартасць свет, грамадства і сам чалавек, а дэсакралізацыя жыцця, вынясенае *sacrum* за яго рамкі стануць найвялікшай шкодаю для ўсяго чалавецтва» (Жлутка 2006, 355). Паэт шчыра прапагандуе нормы і прынцыпы хрысціянскай маралі, абуралі, абуралі выпадкамі людскай малавернасці, бязвер'я, забабоннасці (вершы «На ахвярапрынашэнне чорнага быка», «Пра чутку, што ўзнікла ў Касцёле Сятога Лаўрэнція ў Дамасе»). Малітву ён лічыць найлепшым сродкам вырашэння складанай жыццёвай сітуацыі. З малітвай да святой Ганны, да святога Себасцьяна звяртаўся ён сам падчас чумы ў Рыме; у малітве да Багародзіцы прасіў вярнуць «здоровы розум» усім дзяржаўным валадарам («Песня пра зубра»); з малітваю звяртаецца да Бога кароль, прамаўляючы перад войскам, гатовым ісці на бітву («Пра перамогу над туркамі»). У розных творах паэт сцвярджае сваю гарачую веру ў тое, што Бог заўсёды дапамагае верным у гадзіну нягоды.

Ян Пельц, характарызуючы польскую літаратуру на мяжы XVI і XVII ст., адзначаў у ёй «суіснаванне і ўзаемае пранікненне *sacrum* і *profanum*»

(Pelc 1984, 12), гэта значыць «святшчэннага» і «зямнога». Заўважана польскім вучоным тэндэнцыя, якая стане вызначальнай у літаратуры наступнага перыяду, выразна прадстаўлена ў творчасці Мікалая Гусоўскага. Ён, як многія вялікія творцы, апярэдзіў сваю эпоху. Субстанцыяльная дыхатамія чалавека, моцна знітаная з зямным жыццём, але адоранага бессмяротнай душой, – тое, што паэт імкнецца асэнсаваць у мастацкай форме. «*Miscere profanos salamos sacris rebus*» («спалучаць зямную песню са святымі рэчамі») – сфармуляванае ў першых радках паэмы «Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта» творчае крэда паэта, якое ён рэалізоўваў усёй сваёй літаратурнай творчасцю. Гарманічнае спалучэнне ў ёй элементаў антычнай і хрысціянскай этыкі, эстэтыкі, антрапалогіі дазволіла Мікалаю Гусоўскаму бліскуча рэалізаваць сваю мастацкую задуму.

ЛІТАРАТУРА

- Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. Т. 1. Даўняя літаратура. XI – першая палова XVIII стагоддзя. Мн., 2006.
- Гусовський М. Пісня про зубра. Поема: на лат. та укр. мовах; Пер. з лат. А. Содомори. Рівне, 2007.
- Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра; Пер. У. Шатона. Мн., 1994.
- Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра: на лац., бел., рус. мовах; Пер. на бел. мову Я. Семяжона, пер. на рус. мову Я. Парэцкага і Я. Семяжона; Пер. прысвяч. паэмы Боне Сфорца, паслясл., камент. і бібліягр. В. Дарашкевіча. Мн., 1980.
- Гусоўскі Мікола Песня пра зубра; Пер. Н. Арсеневай // Крыніца. 1997. № 7. С. 3–32.
- Дорашкевич В.И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI века. Мн., 1979.
- Жлутка А.А. Мікола Гусоўскі // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. Т. 1. Даўняя літаратура. XI – першая палова XVIII стагоддзя. Мн., 2006. С. 309–357.
- Лебядзевіч Д.М. З жыватворных крыніц Гелікона: антычная спадчына і станаўленне беларускай класічнай літаратурнай традыцыі. Слонім, 2002.
- Некрашэвіч-Кароткая Ж. «Хочацца святасці цуд ахапіць сваім розумам кволым...»: паэма «Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта» Мікалая Гусоўскага // Роднае слова. 2008. № 9. С. 3–10.
- Падокшын С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры. Мн., 2003.
- Саверчанка І. *Aurea mediocritas*: Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняя барока. Мн., 1998.
- Скарына Ф. Прадмова да Псалтыра (у скар.); Пер. са старабел. мовы У. Кароткага і Ж. Некрашэвіч-Кароткай // Беларуская мова і літаратура. 2005. № 2. С. 56.
- Цісык А.З., Шкурдюк І.А. Пламенное слово в защиту веры отцов в поэме Н. Гусовского «О жизни и деяниях Божественного Гиацинта» (*De vita et gestis Divi Hyacinthi*) // Класічна спадчына і сучаснае художняе мыслення: збірнік навуковых прац до 60-річчя М. І. Борецького. Дрогобич; Черкаси, 2001. С. 91–98.
- Bieńkowski T. Antyk w literaturze i kulturze staropolskiej (1450–1750). Główne problemy i kierunki recepcji. Wrocław etc., 1976.
- Husovianas Mikalojus. Raštai / Iš lotynų kalbos vertė Benediktas Kazlauskas, Sigitas Narbutas, Eugenija Ulčinaitė, Tomas Veteikis = Nicolaus Hussovianus. Opera. Transtulerunt Benediktas Kazlauskas, Sigitas Narbutas, Eugenija Ulčinaitė, Tomas Veteikis. Vilnius, 2007.
- [Hussovianus Nicolaus] Carmen Nicolai Hussoviani de statura feritate ac venatione bisontis. Impressum Cracoviae, 1523.

Hussowski Mikołaj. Pieśń o żubrze, jego postaci, dzikości i o polowaniu na niego = Carmen de statura feritate ac venatione bisonis = Песня пра аблічка, дзікасыць зубра і паляванне на яго = Giesmė apie stumbro išvaizdą, žiaurumą ir medžioklę = Песнь о зубре = A poem on bison (fragments) / tłumaczenia: Natalia Arseniewa, Wiktor Daraszkewicz, Benediktas Kazlauskas, Wojciech Łazewski, Michael J. Mikoś, Jakow Parecki, Witaut Rudnik, Jazep Siemiazon, Laima Staričėnkaite, Marta Szyska. Supraśl, 2007.

Pelc J. Literatura na przełomie dwu stuleci (XVI i XVII): perspektywy polskie i europejskie // Przełom wieków XVI i XVII w literaturze i kulturze polskiej / Pod red. B. Otwinowskiej i J. Pelca. Wrocław etc., 1984. C. 7–20.

Segel H.B. Renaissance culture in Poland: The Rise of Humanism, 1470–1543. Ithaca and London, 1989.

Veteikis T. Mikalojus Husovianas epochų ir tapatybių sankirtose // Husovianas, Mikalojus. Raštai = Nicolaus Hussovianus. Opera. Vilnius, 2007. S. 205–302.

Паступіў у рэдакцыю 30.12.08.

Жанна Вацлаваўна Некрашэвіч-Кароткая – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дактарант кафедры тэорыі літаратуры.

В.С. ЗАБРОДСКАЯ

ЭПІТАЛАМІЧНЫ ЦЫКЛ 1599 г. НА ШЛЮБ ЛЬВА САПЕГІ І АЛЬЖБЕТЫ РАДЗІВІЛ

Рассматриваются тенденции создания разнообразных поэтических форм в границах жанра эпиграмм на примере свадебного цикла, созданного в 1599 г. по случаю женитьбы Льва Сапегу.

This paper presents the creative tendencies of different literary forms within the boundaries of the genre of epigram due to example of the prothalamium cycle written on the occasion of the wedding of Leo Sapieha in 1599.

Канец XVI ст. – час плённага развіцця шматмоўнай літаратуры Беларусі. Падчас усебаковага развіцця грамадства і пашырэння сацыяльных кантактаў узрасла цікавасць да панегірычнай літаратуры. У калегіумах і ў Віленскай езуіцкай акадэміі на занятках па рыторыцы і паэтыцы на прыкладах твораў антычных аўтараў навучалі пісаць пахвальныя творы, якія потым выдавалі ў зборніках (гл. Кавалёў 2002, 142).

У сучаснай беларускай літаратуры панегірычная паэзія перыяду Адраджэння, да якой належаць і вершы, напісаныя з нагоды вясельляў, даследуецца даволі рэдка і несістэматычна. Некаторыя звесткі пра пахвальную матрыманіяльную паэзію падаюць І.В. Саверчанка (гл. Саверчанка 1992, 58–59) і С.В. Кавалёў (гл. Кавалёў 2005, 141–198). Пра панегірычныя і эмблематычныя творы піша ў сваіх артыкулах Ж.В. Некрашэвіч-Кароткая (гл. Некрашэвіч-Кароткая 2007, 39; Некрашэвіч-Кароткая 2007 [а], 315).

Тым не менш жанр эпиграма мае шматвековую гісторыю развіцця і вывучэння. Яго аснову складаюць розныя па прызначэнні і функцыях вясельныя песні, якія суправаджалі канкрэтныя абрадавыя дзеянні ў Старажытнай Грэцыі і Рыме. Даволі часта гэтыя творы былі напісаны метрычнымі памерамі грэчаскай мелікі (ямбамі, сапфічнай страфой і г. д.) у выглядзе партыі для выканання хорамі дзяўчат і хлопцаў. Паступова лірычны пачатак вясельных песень саступіў месца падрабязным і дэталёвым эпічным нарацыям Стацыя і Клаўдзіана.

Як адзначае К. Мрочак, побач з узнікненнем і развіццём эпічнага рытарычна-пахвальнага вясельнага твора за ім трывала замацавалася назва, якая здаўна выкарыстоўвалася для азначэння абрадавай песні, што спявалася ўвечары перад пакоем маладых, «epithalamion» альбо лацінізаваная «epithalamium» (гл. Mroczek 1989, 25). Так, Клаўдзіан у першым радку прадмовы да

«Эпіталамы для Паладзія і Цэлірыны» акрэслівае свой верш як carmina per thalamum – песня перад таламам (шлюбным пакоем) (гл. Epithalamia... 1999, 123).

Звесткі аб змесце, асаблівасцях кампазіцыі, топікі і стылю вясельных твораў можна знайсці ўжо ў старажытных рытарычных трактатах. Аналізуючы творы Сапфа і Катула, рытары знаходзілі ў іх рысы, агульныя з вясельнымі прамовамі. Паводле тэарэтычных разважанняў, захаваных у Дыянісія (гісторыка са Старажытнай Грэцыі), вясельныя прамовы павінны былі змяшчаць чатыры структурныя часткі: прадмову, звесткі пра інстытут шлюбу, энкомій маладым і пажаданні. Абавязковымі кампанентамі эпиграма былі: 1) пахвалы багам – ахоўнікам шлюбу; 2) развагі пра значэнне шлюбу для чалавецтва; 3) пажаданні мець шматлікіх нашчадкаў; 4) энкомій маладой пары (пахвала айчыне, роду, выгляду і здольнасцям); 5) узгадваў пра ўдзел сваякоў і знаёмых у вясельнай цырымоніі; 6) заклікі да кахання; 7) малітва (гл. Mroczek 1989, 38; Szelest 1971, 72–75).

У часы позняй антычнасці і ранняга сярэднявечча характэрнымі асаблівасцямі эпиграма былі алегарычны характар, а таксама спалучэнне элементаў антычнай міфалогіі і хрысціянскай абрадаваасці (гл. Mroczek 1989, 26–28).

Попыт на пахвальную паэзію на дварах манархаў Еўропы паспрыяў адраджэнню свежых панегірыкаў у часы Рэнесансу. У першай палове XVI ст. побач з новалацінскімі эпиграмамі пачалі з'яўляцца творы на народных мовах.

У перыяд Рэнесансу вясельныя творы ўсебакова разгледзеў Юлій Цэзар Скалігер у I главе першай кнігі і ў CI главе трэцяй кнігі трактата «Poetices libri septem» (гл. Scaliger 1581, 128–131, 381–382). Гэтая кніга па паэтыцы была адной з самых распаўсюджаных на тэрыторыі Рэчы Паспалітай (гл. Hernas 1999, 26). У ёй аўтар разме-

жаваў гіменей і эпیتالаму. Гіменей – гэта вясельная песня, неад’емным элементам якой з’яўляецца заклік Гімена (гл. Scaliger 1581, 128).

Эпіталама азначана Скалігерам як песня, што ўсхваляе шлюб, і павінна ўтрымліваць наступныя часткі: 1) апісанне жаданняў маладых, 2) пахвалу абодвум (лаўдацыю ў гонар радзімы, родаў, здольнасцей, фізічнай прыгажосці), 3) варажбу, забавы, 4) зычэнне нашчадкаў, 5) закліканне гэсцей да сну, а маладых да прыемнай ночы (гл. Scaliger 1581, 381–382).

Карыстаючыся гэтымі правіламі, паэты эпохі Адраджэння стваралі з нагоды вяселляў шматлікія творы: эпічныя і драматычныя эпіталамы, песні, вясельныя прамовы, оды, элегіі, панегірыкі, раксаланкі (гл. Mroczek 1989, 70–122). У прадмоўным комплексе вясельных твораў шырока выкарыстоўваліся вершы-тлумачэнні гербаў (гл. Mroczek 1989, 125–131).

Даследчык шматмоўнай літаратуры Беларусі XVI–XVII ст. С.В. Кавалёў звяртае ўвагу на навучальна-дыдактычную і палітычную мэты напісання панегірычных вершаў і адзначае «відавочную “лацінізацыю”» тагачаснай паэзіі (гл. Кавалёў 2002, 142–143).

Такую тэндэнцыю мы можам прасачыць пры разглядзе эпіталамічных твораў, створаных з нагоды шлюбу Льва Сапегі і Альжбеты Радзівіл. Тры творы (адзін з іх напісаны на польскай мове, а два – на лацінскай) прысвечаны гэтаму важнаму кроку ў палітычным жыцці краіны.

1. J. Sapieha. Epithalamium na wesele Jaśnie Wielmożnego Pana, Pana Leona Sapiehi Kanclerza najwyższego W(ielkiego) X(ęstwa) Lith(ewskiego), Słonimskiego, Parnawskiego, Mohilowskiego, et. et. Starosty i Oświeconey Księżny na Birżach z Dubinek Panny Elżbiety Radziwiłowny Woiewodzanki Wileńskiej. Przez mie Jana Sapiehę Starostę Markowskiego, Miadzielskiego, Jaswońskiego, et. et. Syna u służę Ich M(o)ści uprzeymie napisanie. Honorabile connubium in omnibus, & thorus immaculatus. Ho(norable) & Cap(itale). W Wilnie, 1599.

2. A. Loaechius. Epithalamium in nuptias illustrissimi et magnifici Domini D(omini) Leonis Sapiehae, Cancellarii Magni Duc(atus) Lit(eviensis), Slonimscen(sis), Markow(iensis), Pernav(iensis), Miedzialien(sis) &c. Capitanei et Maiorum splendore clariss(imae) virginis, Elisabethae Radivillae, illustrissimi Principis D(omini) Christophori Radivilli Ducis Bierzarum et Dubunki, Palatini Vilnensis: Exercituum M(agni) D(ucatus) Lit(eviensis) Generalis, filiae. Andreae Loaechii, Scoti. Vilnae, 1599.

3. D. Hilchen. Epistola gratulatoria ad illustrissimum Dominum, D(ominu)m Leonem Sapieha, Magni Ducatus Lithuaniae Cancellarium, Sloninen(sis), Mogilen(sis), Pernauien(sis)que Capitaneum: & nunc generalem in Louonia Commissarium: qua felix matrimonium, una cum consorte eius, Illustri Elisabetha Radzivilia Ill(ustrissi)mi Palatini Vilnen(sis) filia, exoptat David Hilchen S(ui) R(egis) M(os)tis

Secretarius, & Notarius in Liuania terrestris Venden-sis. Rigae Livonum, 1599.

Падзея заключэння шлюбу адбылася 20 ліпеня 1599 г. (гл. Lazutka 1998, 29). Леў Сапега, «узяўшы шлюб (ужо як удавец)... з дачкой Крыштофа Радзівіла Перуна, узмацніў сваю палітычную пазіцыю», «як верны выканаўца палітыкі двара, які паяднаўся з дачкой главы праціўнікаў уніі» (Sapieha 1935 XXXV, 88).

Першы твор – «Эпіталама на вяселле Ясна Вяльможнага Пана Льва Сапегі, найвышэйшага канцлера Вялікага Княства Літоўскага, старасты слонімскага, парнаўскага, магілёўскага і г. д. і асвечанай княгіні на Біржах і Дубінках Панны Альжбеты Радзівілаўны – дачкі выяводы віленскага. Мною, Янам Сапегам, старастам маркаўскім, мядзельскім, ясвоньскім і г. д., сынам і служкай іх Мосці, з павагай напісаны» (гл. Sapieha 1599, тыт. л.). Ужо ў назве твора змешчана анатацыя, якая паведамляе нам пра статус паэта, што здаралася даволі рэдка пры афармленні тытульных лістоў (гл. Ślękowska 1991, 19). Лацінскімі словамі лаканічна акрэслена важнасць падзеі: «Усімі паважаны шлюб і чыстае ложа. З павагай і ўрачыста» (Sapieha 1599, тыт. л.) (тут і далей пераклад аўтара. – В. З.).

Аўтарам эпіталамы пазначаны Ян Станіслаў Сапега (1589–1635) – сын Льва Сапегі ад першага шлюбу. Безумоўна, дзесяцігадовы хлопчык не змог бы напісаць такі даволі аб’ёмны верш (эпіталама надрукавана на 4 картках, што складае 16 старонак). На самай жа справе даволі часта здаралася, што твор, падпісаны прозвішчам сваяка, мог быць створаны некалькімі аўтарамі альбо настаўнікамі ці выхаванцамі (гл. Ślękowska 1991, 16). У бібліяграфічным даведніку паведамляецца, што Ян Станіслаў Сапега вельмі рана быў аддадзены на выхаванне ў Віленскую езуіцкую акадэмію і «напэўна з дапамогай больш вопытнага паэта з кола прафесараў ці студэнтаў напісаў эпіталаму з нагоды шлюбу свайго бацькі і Альжбеты Радзівіл (Sapieha 1935 XXXIV, 624).

Прадмоўны комплекс эпіталамы складаецца з кампазіцыі гербаў родаў і дванаццацірадковай дэдыкацыі. Герб Ліс Сапегаў і герб Трубы Радзівілаў змешчаны паводле рэнэсансавай традыцыі на адвароце тытульнага ліста эпіталамы на агульным гербавым полі, якое падтрымліваюць з бакоў два львы. Дэдыкацыю пачынае мадыфікаваная «cytata incipitowa» (гл. Pelc 1965, 90) з перакладу да Давыдавага псалтыра Яна Каханоўскага (гл. Sapieha 1599, тыт. л. адв.): *Żniwa mego pierwszy kłos (młoda Muza. – В. З.) pioseć niedożytały... (Майго жніва першы колас (маладая Муза. – В. З.) нясе няспелы...)*

У дэдыкацыі да Пятра Мышкоўскага паэт з Чарналесу ў 1579 г. напісаў (гл. Kochanowski 1988, 204): *Żniwa swego pierwszy snop tobie ofiaruię... (Свайго жніва першы сноп табе прысвячаю...)*

Цытаты такога тыпу старапольскія паэты выкарыстоўвалі дзеля аздаблення тэкстаў альбо для стварэння асацыяцыі з арыгіналам, на якіяны абапіраліся пры напісанні сваіх твораў (гл. Pelc 1965, 90). Разглядаемы намі тэкст «Эпіталамы з нагоды шлюбу Льва Сапегі і Альжбеты Радзівіл», як заўважыў даследчык гісторыі польскай літаратуры Раман Кжывы, хоць і «паўтарае аўтарска-сітуацыйнае рашэнне Яна Каханюўскага з «Эпіталамы на шлюб Крыштофа Радзівіла і Катажыны Астрожскай» (1578), але значна яго пашырае» (Krzywy 2008, 217).

Эпіталама для Льва Сапегі ўяўляе сабой мазаіку з пахвальных матываў (вызначаных антычнымі рытарамі і Ю.Ц. Скалігерам): пахвалы дасягненняў і цнот маладога, выгляду маладой, ваеннай славы родаў і г. д. У рэпетыцыйнай і ампліфікацыйнай формах з выкарыстаннем шматлікіх параўнанняў гістарычнага і міфалагічнага характару Леў Сапега прадстаўлены адказным і паважаным чалавекам, адзначаным за годную і плённую працу на карысць дзяржавы прызначэннем у 1585 г. на пасаду канцлера.

Другі твор мае назву «Эпіталама з нагоды шлюбу найсвятлейшага і найслаўнейшага Спадара Льва Сапегі, канцлера Вялікага Княства Літоўскага, старасты слонімскага, маркаўскага, парнаўскага, мядзельскага і г. д. і асвечанай цнотамі продкаў, дзяўчыны Альжбеты Радзівіл, дачкі найсвятлейшага князя Спадара Крыштофа Радзівіла, князя Біржаў і Дубінак, ваяводы віленскага, гетмана Вялікага Княства Літоўскага. Андрэя Лаэхія, шатландца» (гл. Loeschnius 1599, тыт. л.).

Па форме гэты твор нагадвае вершаваную эпіталаму-гіменей, якая выконвалася ўвечары. У дваццацідвухрадковай эпіграме інтэрпрэтуецца геральдычны элемент герба Друцк (рука, сагнутая ў локці, параненая стралой). Аўтар паведамляе, што страла Купідона параніла не толькі руку ў гербе, але і сэрца маладога. Пры гэтым выява герба ў творы адсутнічае. Як паведамляе даследчык геральдыкі Вялікага Княства Літоўскага Эгле Паціеўне, адсутнасць ілюстраванага герба і наяўнасць эпіграмы для віленскіх друкаў канца XVI ст. былі даволі распаўсюджаны (гл. Patiejunienė 1998, 368). Адсутнасць герба ў дадзеным выпадку можна вытлумачыць тым, што твор, хутчэй за ўсё, прызначаўся для драматызацыі і, магчыма, выява герба была на сцэне.

Драматычны характар твора створаны аўтарам з дапамогай пахвальных маналагаў-пажанняў, якія па чарзе прамаўляюць Музы і Апалон. Гэтыя прамовы злучаны паміж сабой рэгулярным рэфрэнам-зваротам да Гіменея, які традыцыйна прысутнічаў у антычных помніках пісьменства. Як лічыць М. Бергман, такая кампазіцыя твора ў той час была вельмі папулярная пры напісанні сцэнарыяў для драматычных вясельных відовішч (гл. Bergman 1928, 189). Першым аўтарам эпіталам-драм ён называе Георгія Фабры-

цыуса, які напісаў твор, дзе чаргаваліся маналогі нарачонага і Гіменея. Сярод яго наступнікаў быў Эразм Ратэрдамскі, персанажы якога, Апалон і Музы, прамаўляюць словы ўсхваляні ў гонар маладых.

Трэці твор – «Віншавальны ліст да найсвятлейшага Спадара Льва Сапегі, канцлера Вялікага Княства Літоўскага, магілёўскага, парнаўскага старасты і цяпер кіраўніка камісіі ў Лівоніі, – дзе шчаслівага шлюбу яму і яго выбранніцы, святлейшай Альжбеце Радзівіл, дачцэ найсвятлейшага віленскага ваяводы, жадае Давыд Хілхэн, каралеўскі сакратар і натарыус земляў вендскіх у Лівоніі» (Hilchen 1599, тыт. л.). Аўтар Давід Хілхэн – сакратар і натарыус, даўні сябра сям'і Сапегаў, які спецыяльна для сына Льва Сапегі Яна Станіслава зрабіў элементарны падручнік па праву (гл. Sapieha 1935 XXXIV, 624).

Назва (ліст) паказвае на афіцыйны характар дадзенага твора, што прадстаўляе сабой асобныя вершаваныя творы шасці аўтараў, якімі выступілі члены камісіі па ўладкаванні інфлянцкай кампаніі, створанай у 1598 г. на чале з канцлерам Вялікага Княства Літоўскага Львом Сапегам. Сярод іх былі: Я.Д. Салікоўскі (львоўскі арцыбіскуп), М. Лінэк (стараста Ньюхаўзена), Е. Шэнкінг (радца ў Дорпаце), П. Астроўскі (пасада не адзначана), Б. Холдшуэр (падкаморый у Дорпаце), Я. Вільчэк (каралеўскі сакратар) і Д. Хілхэн (галоўны вендскі натарыус) (гл. Nehring 1860, 72).

Сярод пералічаных вышэй імёнаў звяртае на сябе ўвагу прозвішча Яна Дзмітрыя Салікоўскага. Ён быў не толькі каралеўскім сакратаром, канонікам і арцыбіскупам львоўскім, але і таленавітым паэтам, пісьменнікам і перакладчыкам, які стварыў шматлікія рэлігійныя і палітычныя творы на лацінскай і польскай мовах (гл. Nehring 1860, 7). Таксама вызначаецца і яго твор, напісаны гекзаметрам (іншыя вершы напісаны чатырохстопным харэем).

Давіду Хілхэну, імя якога вынесена на тытульны ліст, належаць некалькі твораў. Ён напісаў «In insignia... epigrama» («Эпіграма на знакі гербаў родаў»), дзе не інтэрпрэтуе сімвалы гербаў, а малюе карціну неўміручай славы новага саюзу. Пры гэтым выкарыстаны матывы піраміды, а таксама недаслоўныя цытаты з верша Гарацыя «Да Мельпамены». Пасля эпіграмы змешчана аб'ёмная прэзіячная прадмова, дзе Д. Хілхэн прадстаўляе сааўтараў. Яго пярэ належаць таксама гераічная песня пра ваенную славу родаў і пажання для маладых і іх родаў.

Як бачым, разгледжаныя эпіталамічныя творы, напісаныя з нагоды шлюбу Льва Сапегі і Альжбеты Радзівіл, маюць рознае кампазіцыйна-сюжэтнае рашэнне. Кожны з іх прызначаўся для выканання ў пэўным моманце цырымоніі вясельня.

Такім чынам, нягледзячы на жорсткія паэтычныя каноны, якія існавалі на мяжы XVI–XVII ст. і

маглі быць прычынай манатанізацыі твораў, аўтары пахвальных твораў шукалі розныя шляхі, каб пазбегнуць паўтарэння і стварыць непаўторныя ўзоры панегірыкаў, а шматвекавая традыцыя развіцця жанру эпіталам дапамагала ім напоўніць свае творы разнастайнымі матывамі. Пры гэтым аўтарамі панегірычных твораў, напісаных з нагоды вяселляў, маглі быць як прафесійныя паэты, так і сваякі альбо калегі маладых. Нягледзячы на рознае афармленне вясельнага твора (у выглядзе драматычных маналогаў, вершаваных кампазіцый), усе яны былі арганічна напоўнены пахвальнымі матывамі і паспяхова стваралі прывабны і аб'ёмны вобраз маладых і іх родаў.

ЛІТАРАТУРА

Кавалёў С.В. Станаўленне польскамоўнай паэзіі ў полілінгвістычнай літаратуры Беларусі эпохі Рэнесансу. Мн., 2002.

Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Паэтыка антычнасці і мастацкая крытыка беларускіх лацінамоўных паэтаў эпохі Рэнесансу // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта: Навук. зб. Мн., 2007. Вып. 8. С. 33–41.

Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Род Сапераў у беларускай лацінамоўнай паэзіі позняга Рэнесансу // Леў Сапера (1577–1633) і яго час: 36. навук. арт. Гродна, 2007 [а]. С. 314–320.

Саверчанка І.В. Старажытная паэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. Мн., 1992.

Bergman M. Polsko-łacińskie epitalamium // Pamiętnik literacki. Warszawa, 1928. Z. 2. S. 184–205.

Epitalamia antyczne czyli Antyczne pieśni weselne / Przeł. i oprac. M. Brożek. Warszawa-Poznań, 1999.

Hernas Cz. Barok. Warszawa, 1999.

[Hilchen D.] Epistola gratulatoria ad <...> Leonem Sapieha <...> qua felix matrimonium, una cum consorte ejus <...> Elisabetha Radzivile, exoptat David Hilchen. Riga, 1599.

Kochanowski J. Poezja. Warszawa, 1988.

Krzywy R. Sztuka wyborów i dar inwencji: studium o strukturze gatunkowej poematów Jana Kochanowskiego. Warszawa, 2008.

Lazutka S. Leonas Sapiega: (gyvenimas, valstybinė veikla, politinės ir filosofinės pažiūros). Vilnius, 1998.

[Loaechius A.] Epithalamium in nuptias <...> Leonis Sapiehae <...> et <...> Elisabethae Radivillae. Vilna, 1599.

Mroczek K. Epitalamium staropolskie: między tradycją literacką a obrzędem weselnym. Wrocław, 1989.

Nehring W.E. O historykach polskich szesnastego wieku: W 3 cz. Poznań, 1860. Cz. 3.

Patiejūnienė E. Brevitas ornatē. Māžosios literatūros formos XVI–XVII amžiaus Lietuvos. Vilnius, 1998.

Pelc J. Jan Kochanowski w tradycjach literatury polskiej: (od XVI do połowy XVII w.). Warszawa, 1965.

[Sapieha J.] Epithalamium na wesele <...> Pana Leona Sapiehi i Panny Elżbiety Radziwiłłówny. Wilnia, 1599.

Sapieha Jan. Polski słownik biograficzny: W 42 t. Kraków, 1935. T. 34. S. 624–629.

Sapieha Lew. Polski słownik biograficzny: W 42 t. Kraków, 1935. T. 35. S. 84–104.

Scaliger J.C. Poetices libri septem. Heidelberg, 1581.

Szelest H. Sylwy Stacjusza. Wrocław, 1971.

Ślękowa L. Muza domowa. Okolicznościowa poezja rodzinna czasów renesansu i baroku. Wrocław, 1991.

Паступіў у рэдакцыю 10.06.09.

Вольга Святаславаўна Забродская – аспірантка кафедры гісторыі беларускай літаратуры. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай літаратуры У.Г. Кароткі.

Э.Ю. ДЗЮКАВА

«АПАЛОГІЯ» МЯЛЕЦІЯ СМАТРЫЦКАГА (1628) ЯК ПАЛОМНІЦКІ ТЭКСТ: ІДЭЙНА-МАСТАЦКІЯ АСАБЛІВАСЦІ ТВОРА

Впервые «Апология» Мелетия Смотрицкого отнесена к жанру паломнической литературы. Сопоставительный анализ с «Хождением игумена Даниила» (XII в.) позволяет сделать выводы о новой концептуальности паломнического текста в XVII в., раскрывает мастерство писателя – гуманиста-утописта, свидетельствует об эволюции жанра хождений.

For the first time Meletij Smotrickij's «Apologia» is considered to be pilgrimage genre. The particular attention is turned to comparative analysis. «Apologia» and Hegumen Daniils (XII c.) texts are investigated. General regularities of the pilgrimage genres evolution of the XVII century are revealed.

Тэкст «Апалогіі» Мялецыя Сматрыцкага (1628) абаяваецца на «традыцыі айчынай паломніцкай прозы» (Білоус 1998, 37). Аднак, створаны ў новы час, гэты паломніцкі твор мае складаныя зместавую структуру, стыль, кампазіцыю, бо пісьменнік XVII ст. валодаў большым вопытам стварэння літаратуры. Здзяйсняючы паломніцтва, Сматрыцкі кіраваўся і іншымі мэтамі.

Гісторыя апісанняў паломніцкіх падарожжаў, паходжаннем звязаных з усходнеславянскімі землямі, пачынаецца з твора «Хоженье Даниила, Русьскыя земли игумена» (пач. XII ст.). Даниіл найперш імкнуўся пераканацца ў сапраўднасці існавання тых рэалій, у святасць якіх заклікала верыць хрысціянская царква (гл. Хождение игумена Даниила 1997). «Хаджэнне Даниіла» ў жанравых адносінах лічыцца кананічным. Доўгі

час наступныя тэксты-паломнікі ў ідэйным і вобразна-структурным планах ствараліся па яго ўзору.

«Апалогія» Сматрыцкага ўзнікла ў час працяглага функцыянавання палемічнай літаратуры. Талент Сматрыцкага-палеміста выявіўся яшчэ ў першы перыяд яго творчасці, калі ён выступаў як ідэолаг праваслаўя, пра што сведчыць яго твор «Трэнас» (1610). Аднак у творах другога перыяду творчасці пісьменнік выступае як уніяц. «Апалогія» таксама можна залічыць да палемічнай літаратуры, бо гэта – падагульненне падарожных уражанняў і роздумаў паломніка, які пабываў у Канстанцінопаля, Егіпце, Палесціне. Як і ўсе паломнікі, Сматрыцкі наведваў Сіён, «адкуль пайшоў закон Божы», і Іерусалім, «адкуль пайшло слова Божэ». Ён як сапраўдны хрысціянін

пакланіўся ўсім месцам, з якімі звязана жыццё Ісуса і яго пакуты. Дзеянні яго былі, як і ў ігумена Данііла, усіх іншых паломнікаў. Аднак паломніцтва Сматрыцкага, якое не было актам прыватнага характару, мела іншую мэту – філасофскую, культурніцкую, ідэалагічную.

Сматрыцкі хацеў бачыць Рэч Паспалітую як федэратыўную дзяржаву, дзе будуць створаны ўмовы для шчаслівага жыцця ўсіх хрысціянскіх народаў. Думкі, занатаваныя ў «Апалогіі», Сматрыцкі развівае і ў наступных сваіх творах. Сярод іх – «*Paraenesis abo napomnienie*» («Угаворванне»), «*Exethesis abo expostatulatio to est rosprowa miedzy Apologia y Antidotem*» («Экзэтэзіс, альбо развенчванне, гэта значыць спрэчка між Апалогіяй і Антыдотумам») і інш. Пры асэнсаванні канфесійнага супрацьстаяння на землях украінцаў і беларусаў у XVI–XVII ст. усходнеславянскія даследчыкі пераважна выступалі як абаронцы праваслаўя. У апошні час назіраецца ўсебаковы падыход да разгляду праблемы, пра што сведчаць зборнікі прац, выдадзеныя ў Мінску і Брэсце да 400-годдзя Брэсцкай уніі («3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі/Да 400-годдзя Брэсцкай уніі». Мн., 1996; «Брэсцкай царкоўнай уніі – 400». Брэст, 1997). Сёння, гаворачы пра пераход Сматрыцкага з праваслаўя да уніі, варта адмовіцца ад ранейшых клішэ ў яго характарыстыцы як «зdraдніка» і «адступніка». Паказальнай варта лічыць наступную пазіцыю: «Справядлівасць патрабуе падкрэсліць, што, аргументуючы канцэпцыі уніі, Сматрыцкі ўсведамляе яе не як фактар асіміляцыі з каталікамі, не як здраду нацыянальным традыцыям “русінаў”, а як фактар паратунку для беларусаў і ўкраінцаў – як здавалася Сматрыцкаму – ад непазбежнай пагібелі» (Яременко 1986, 132).

«Апалогія» (як і іншыя тэксты) сведчыць, што Сматрыцкага вельмі непакоіў нізкі стан асветы сярод праваслаўных. Пісьменнік б'е трывогу: заняпалі школы ў Астрогу, Львове, Брэсце, няма карысці нават ад брацкага вучылішча ў Вільні. Сматрыцкі верыў, што яднанне Усходняй і Заходняй Цэркваў павінна «школы падняць, семінарыі пабудаваць, цэрквы добрымі казнадзеемі і спавядальнікамі забяспечыць, манастыры ўпарадкаваць, катэхізіс узгоджанага веравучэння надрукаваць... злосныя звычкі і ўчынкі духоўных і свецкіх людзей ачысцяць і хутка руская царква паўстане ў такой вонкавай і ўнутранай аздобе, у якой яна ніколі не была...» (Smotrzycki 1629, 31–32) (тут і далей пераклад аўтара. – Э. Д.). У час падарожжа аўтар убачыў стан праваслаўя ў Візантыі. Ён з болей піша ў «Апалогіі», што прыходы праваслаўных у Канстанцінопальскага і Іерусалімскага патрыярхаў знаходзяцца пад моцным кантролем урада Асманскай Порты. І гэта яшчэ больш схіліла Сматрыцкага да думак пра неабходнасць прыняцця уніі, бо, як ён лічыў, патрыярхі з Грэцыі і Іерусаліма не змогуць абараніць праваслаўных на Русі. І кіеўскія іерархі, і Сматрыцкі

хацелі бачыць новым цэнтрам праваслаўя зямлю русічаў. Характарызуючы Сматрыцкага як мысліцеля, адзначым утапічнасць яго планаў. Аўтар «Апалогіі» выявіў сябе блізім да заходнееўрапейскіх гуманістаў-утапістаў. Па мастацкіх асаблівасцях гэты твор можа быць пастаўлены ў тыпалагічным плане ля вытокаў заходнееўрапейскага філасофскага і сацыяльна-ўтапічнага рамана XVI–XVII ст., які пачаў афармляцца як дарожныя запіскі, успаміны і разважанні пра ўбачанае.

Пры апісанні паломніцтва Сматрыцкі адзначае, што перад гробам Гасподнім ён складаў малітву «ад імя свайго краю». Улічваючы шматканфесійнасць беларускага насельніцтва, Сматрыцкі ў час паломніцтва прасіў у Госпада, каб адбылося паразуменне паміж праваслаўнымі і каталікамі, каб «прымірылася Русь з Руссю». Ён запіша ў «Апалогіі», што ў Іерусаліме «прасіў, каб раздвоены наш народ быў адзіным, як адзіныя Айцец наш нябесны і з сваім Сынам» (Smotrzycki 1628, 6). Як падкрэсліў сам аўтар, ён, добра валодаючы грэчаскай мовай, мог бы свяшчэнна-дзеійнічаць на Святой Зямлі, карыстаючыся грэчаскай мовай. Але прыныпова «прыносіў на тым і іншым месцы бяскроўную ахвяру ў імя нашага выратавання на мове славянскай... І рабіў я гэта свядома, каб прынесці ахвяру за цябе, народзе мой наймілейшы рускі, і за ўсе народы, што на славянскай мове ўсхваляюць і праслаўляюць Бога. Я дзейнічаў з тым добрым намерам, каб усе славянскія народы адзінымі вуснамі і адзіным сэрцам ва ўлонні святой царквы хвалілі і славілі Айца і Сына і Святога Духа» (Smotrzycki 1628, 6–7).

Стыль пісьма Сматрыцкага дае падставы бачыць у ім прадстаўніка філалагічнай культуры Барока. Як і літаратары Барока, Сматрыцкі выступае настаўнікам. З дыдактычнасцю, павучальнасцю звязана рытарычнасць стылю, ім падначалена і моўнае афармленне тэксту. Аўтар імкнецца, каб слова атрымлівала эмацыянальную афарбоўку. У творах назіраецца спалучэнне народнага, фальклорнага і элітарнага, што таксама з'яўляецца прыкметай Барока. Стаўленне Сматрыцкага да моўнага пытання раскрываюць многія факты. Агульнапрынята лічыць на падставе працы Сматрыцкага «Грамматікі славенскія правільнае синтагма» (1618, 1619), што ён найперш аберагаў высокі статус царкоўнаславянскай мовы. Аднак і ў гэту працу Сматрыцкага, дзе антычныя і славянскія мовы, узятыя як «у адным гісторыка-часавым кантынууме, шырока ўведзена вялікая колькасць элементаў, пазычаных з жывых нацыянальных моў (украінскай, беларускай, польскай)» (Абрамовіч 1984, 141). Варта ўвагі і яшчэ адзін прыклад. Выданне ў Еўі ў 1616 г. «Евангелля вучыцельнага» Каліста было здзейснена пры ўдзеце Сматрыцкага як перакладчыка царкоўнага тэксту на мову сваёй паствы. У прадмове пазначана, што тэкст «Евангелля» «пере-

ложеньем... на язык наш простой рускій з мертвых воскрешон» (Евангеліе 8). Даследчыкі падкрэслваюць, што Сматрыцкі ўспрымаў мову як фактар аб'яднальнай і аж ніяк не як спосаб дэнацыяналізацыі (гл. Паўлавец 2009). Такім чынам, Сматрыцкі карыстаецца народнай размоўнай лексікай. У творы яго пранікаюць элементы фальклору. Так, у «Апалогіі» змешчаны радок з песні («Пасі, пасі авечкі, да вечара ніводнай»), прымаўкі і прыказкі (пра хрэн з мёдам) і інш. За выкарыстаннем народнага слова стаяць свядомая пазіцыя пісьменніка, яго патрыятычная скіраванасць. Калі ж параўноўваць «Апалогію» з «Хаджэннем Данііла», то відавочна наступнае: Сматрыцкі выявіў такое разуменне моўнай сітуацыі, якое характарызуе яго як прагрэсіўнага пісьменніка XVII ст.

Мастацкія адметнасці «Апалогіі» праяўляюцца праз філасафічнасць думкі, шырокую асацыятыўнасць вобразаў. Так, стан роздумаў вызначыў характар аўтарскіх апеляцый да Бібліі. Сматрыцкі павучальна расказвае пра біблейскага героя Седэкію, які імкнуўся вызваліць свой народ ад вавілонскага прыгнёту, аднак, не ацаніўшы правільна сітуацыю, быў пераможаны Навухаданосарам. У выніку народ іудзейскі трапіў пад яшчэ большы прыгнёт, а сам цар загінуў. Алегарычнасць «Апалогіі» вырастае з багатай скарбніцы Бібліі, грэчаскай і рымскай класічнай культуры. Як выдатны стыліст Сматрыцкі шырока карыстаецца паралелізмамі, анафарай, эпіфарай, градацыяй, што прыдае яго мове энергію, экспрэсіўнасць. Аднак заўважым, што ў танальнасці «Апалогіі» ў параўнанні з творамі Сматрыцкага першага перыяду адчуваецца большая стрыманасць у дачыненні да апанентаў, манеру гаворкі можна вызначыць нават як «арыстакратычную» (гл. Абрамовіч 1984, 157). Няма ў ёй прыёмаў бурлеску, прыніжэння вобраза супраціўніка, што досыць характэрна для палемічнай літаратуры. Іронія мае інтэлектуальнае напаўненне.

Паломніцкі тэкст Данііла даследчыкі схільны разглядаць як своеасаблівую споведзь (гл. Колесов 1989, 74). Гэтаму спрыяе *маналагізаваная форма аповеду* ў творы. Тэкст «Апалогіі» таксама набліжаны да формы споведзі, аднак гэта «споведзь *смятенной душы*» (Грушевський 1995, 389). Сматрыцкі шукае шляхі пераадолення канфліктнай сітуацыі паміж праваслаўнымі і католікамі, таму яго «Апалогія» насычана і аналітычнай ацэнкай сітуацыі ў краі, і палемікай. Паколькі палеміка па сваёй сутнасці не можа не заклікаць да дзялогу, у творы Сматрыцкага з'яўляецца *мадэль маналагічна/дыялагічнай аўтарскай свядомасці*. «Хаджэнне Данііла» насычана інфарматыўнасцю, падачай мноства рэалій. Жанр твора Данііла пры ўсёй сакральнасці тэматыкі разглядаюць як «путевой очерк», пабудаваны на рэалістычнай канстатацыі ўбачанага (гл. Прокофьев 1968). Сматрыцкі ж пра ўбачанае планаваў напі-

саць асобна «як Бог дасць – пазней» (Smotrzycki 1628, 89). У яго творы на першае месца выступаюць, у адрозненне ад Данііла, разважанні, што набліжае «Апалогію» да эсэістычнай формы аповеду. Пры гэтым падача аўтарскай пазіцыі падкрэслівае аўтабіяграфічны пачатак у творы.

Тэарэтыкамі літаратуры сёння услед за канцэпцыяй С. Бройтмана, аўтара працы «Гістарычная паэтыка», распрацоўваецца разуменне трох эпох у развіцці славеснага мастацтва: перыяд сінкрэтызму, эйдэтычная паэтыка і паэтыка мастацкай мадальнасці. Даўняй, архаічнай літаратуры ўласціва *неразмежаванасць аўтара і героя*. Другая эпоха характарызуецца *паяднанасцю вобраза і ідэі*. У гэты час аўтар ужо адступае ад усталяванага ў Сярэднявеччы літаратурнага ўзору. «Пачуццё аўтарскай свядомасці ў эйдэтычнай паэтыцы развівалася на грунце прыналежнасці “я” да Бога і да свету» (Бройтман 2001, 146). *Эйдас* вучоны ўспрымае як своеасаблівую *зрошчэнасць ідэі і вобраза*. Менавіта на працягу другой эпохі адбываецца зараджэнне аўтарскай свядомасці. Трэцяя эпоха характарызуецца тым, што ў паэтыцы мастацкай мадальнасці *аўтар – гэта творца, творчая індывідуальнасць*. Аўтар і герой тут набываюць пэўную аўтаномнасць, творца можа не праяўляцца ў мастацкім змесце тэксту, героі твора, вобраз апавядальніка могуць не залежаць ад вобраза аўтара тэксту, адсюль вырастае канцэпцыя «смерці аўтара» (Р. Барт). Такім чынам, калі пісьменнік старажытнага перыяду арыентаваўся выключна на форму канона (хаджэнні, жыцці і інш.), то пісьменнік XVII ст. выпрацоўвае крытэрыі і дыдактычнасці, і рэфлексіўнасці (гл. Александров 2008). Маналагічная свядомасць, як у ігумена Данііла, адлюстроўвала празрыстую карціну Боскага пачатку, канчаткова аформленую, якая не магла выклікаць ніякіх пырэнняў. У яго «Хаджэнні» фіксавалася канцэптуальна-сакральная цэласнасць свету, бо ў Сярэднявеччы для аўтара Бог з'яўляўся пунктам адліку ўсіх сусветных сэнсаў. У Сматрыцкага як у аўтара пераходнага перыяду пры распрацоўцы сакральнай тэмы ў цэнтры твора з'яўляецца таксама і чалавек.

У «Апалогіі» традыцыйна прысутнічае ідэя Бога як найбольш важкая. Напрыканцы «Апалогіі» Сматрыцкі падкрэсліць мэту свайго звароту да народа: ён заклікае, каб здзейсніліся заветы Бога, каб зраўняліся людзі ў любові, ліквідавалі ўзнікшую паміж вернікамі пропасць. «І прыйдзем да таго, што ў нашым слаўнейшым каралеўстве ўсе мы – Русь, Польшча, Літва – аднымі вуснамі і адным сэрцам будзем усхваляць і праслаўляць Бога ў тройцы адзінага» (Smotrzycki 1628, 129). У «Апалогіі» накрэслены яшчэ і характарыстыкі царкоўнікаў, прачытваецца ў тэксце і вобраз аўтара з яго выразным светапоглядам, пошукамі формаў цэласнасці і дасканаласці грамадства. Сматрыцкі не толькі падае свае думкі, ён агітуе

за іх прыняцце. Аўтар заклікае сваіх суайчыннікаў да «сладумання», да актыўнага ўдзелу, апелюючы да біблейскай прытчы пра лянiвага раба. «Ці пойдзеце за маімі парадамі, ці прыдумаеце штосьці лепшае – толькі нешта рабіце для выратавання душ вашых!» (Smotrzyński 1628, 126) – звяртаецца ўсхвалявана Смятрыцкі да сваіх чытачоў. Ён выступае як пісьменнік, адораны талентам вядзення палемікі, з вопытам прапаведвання, пераканання. Такім чынам, «Апалогія» Смятрыцкага зніталва ў сабе царкоўны і свецкі пачаткі. «Апалогія» – гэта і тэалагічны трактат, і юрыдычны дакумент часу, і палітычны маніфест, і пропаведзь, і споведзь.

Апошнім часам навукоўцы пры даследаванні літаратурнага працэсу ўсё часцей зыходзяць з канцэпцыі непарыўнасці яго развіцця. Разгляд твораў XVI–XVII ст. вучоныя прапануюць у тыпалагічным супастаўленні з пісьменствам ранняга Сярэднявечча, што дазваляе высветліць праявы трансфармацыі даўнярускай жанравай сістэмы. Раней сярэднявекавыя жанравыя каноны вывучаліся пераважна ў пэўнай ізаляванасці, у межах сваіх храналагічных рамак. Сёння літаратурнаразнаўцы схільныя бачыць залежнасць з'яўлення новага ў мастацкім мысленні ад дасягненняў папярэднікаў. Пры гэтым увага даследчыкаў (Д. Ліхачоў, Я. Лур'е, А. Дзёмін і інш.) скіравана на шляхі станаўлення раманнай формы, якая выводзіцца пераважна з сярэднявечных жыццёў і лепісаў.

Аналіз распрацоўкі тэмы паломніцтва таксама дазваляе ўбачыць, як мадэрнізаваліся звыклыя жанрава-стылёвыя традыцыі. У паломніцкіх творах сакральная тэматыка ўсё больш супраджаецца свецкім элементам. Жанр хаджэння набліжаецца да твораў апавядальнага тыпу творчасці, пра што сведчыць супастаўленне тэкстаў «Хаджэнне Данііла» і «Апалогія» Смятрыцкага.

Сучасны падыход да старажытнай літаратуры Беларусі, калі паняццем «нацыянальнае» прапануецца ахопліваць усю культурную спадчыну народа, незалежна ад мовы яе стварэння (у тым ліку і лацінамоўныя, і польскамоўныя творы), дазваляе пашырыць поле паломніцкіх твораў. Блізкім да «Апалогіі» па наватарскай распрацоўцы тэмы паломніцтва можна лічыць «Перагрынацыю ў Святую Землю» Мікалая Крыштофа Радзівіла (Сіроткі) (канец XVI ст.). Першапачатковая форма тэксту – дыярыуш. У далейшым з'яўляецца новая арыгінальная кампазіцыя: тэма паломніцтва падаецца ў форме лістоў да сябра. Твор Радзівіла пазначаны прыкметамі рэнесанснай культуры. Яшчэ ў большай ступені, чым тэкст Смятрыцкага, ён напоўнены свецкім матэрыялам. І гэта дало падставы С. Гараніну сцвярджаць, што «пераймальнасці ў выглядзе непасрэднага ўплыву паміж хаджэннямі і творамі эпохі Адраджэння бачыць усё ж такі нельга: Адраджэнне было не працягам старых традыцый, а

адмаўленнем Сярэднявечча» (Гаранін 1999, 93). Аднак заўважым, што ва Украіне, Расіі «біяграфію» хаджэнняў даследчыкі працягваюць да XVIII ст. (гл. Білоус 1998, 51). Паказальна пры гэтым, што блізкі да «Перагрынацыі» Радзівіла разнажанравы тэкст украінскага паломніка пад назвай «Вандроўкі Васіля Грыгаровіча-Барскага па Святых месцах Усходу з 1723 па 1747 г.» з'явіўся значна пазней.

Назіранні над «Апалогіяй» Смятрыцкага даюць падставы пераканацца ў наступным. Калі ў Сярэднявеччы інфармацыя падаецца па ўзору канона, у пісьменстве, як і ў выяўленчым мастацтве, існуе прынцып іканаграфічнасці, то ў пераходны перыяд адбываецца зрух у бок інтэрпрэтацыі жыцця, пачынае прызнавацца каштоўнасць індывідуальнага бачання свету, здзяйсняюцца пошукі новай стылістычнай сістэмы. Бунтарскі дух Смятрыцкага ўпісваецца ў эпоху: Барока ўвогуле лічыцца часам актыўнага руйнавання старых догмаў. «Апалогія» дае падставы вылучыць наступныя наватарскія адметнасці: філасафічнасць і медытацыю, дыялектычнасць і дынаміку, пашырэнне выяўленчых сродкаў мовы за кошт увядзення народнага, нацыянальнага элемента, набліжанасць да перадачы псіхалагічных сітуацый. «Апалогія» пры спалучанасці сакральнай і свецкай тэматыкі ілюструе тэндэнцыю да секулярызацыі мастацкага тэксту. Пісьменнік ужо не арыентуецца на маналагічную мадэль, закладзеную ў сярэднявечным «Хаджэнні Данііла». «Апалогія» ўяўляе мадэль маналагічна-дыялагічнай аўтарскай свядомасці, што ўказвае на тыя перамены, якія спрыялі прыходу ў літаратуру новай эпохі. «Апалогія» Смятрыцкага рэпрэзентуе індывідуальны почырк аўтара. Акрамя таго, яе тэкст раскрывае агульныя тэндэнцыі развіцця грамадства і літаратурнага працэсу на землях Украіны і Беларусі пачатку XVII ст. Аўтарская індывідуальнасць пачынае праяўляцца праз спалучэнне дакументальнасці і публіцыстычнасці, праз жывы размоўны пачатак аповеду. Аналіз «Апалогіі» дазваляе сцвярджаць, што ў пісьменстве здзяйсняецца пэўная эвалюцыя кананічнага жанру хаджэння, бо актыўна і плённа адбываецца паяднанне традыцыйнага і наватарскага, пашыраюцца магчымасці апавядальнай стылістыкі, ажыццяўляецца зараджэнне новага аўтара ў літаратуры.

Дасягненнямі ўкраінцаў і беларусаў актыўна цікавіліся ў Расіі. Так, ва ўсіх значных расійскіх дарэвалюцыйных энцыклапедыях былі змешчаны артыкулы пра Смятрыцкага. Яго «Апалогія» ў 1863 г. была перакладзена на рускую мову. У прадмове да выдання перакладчык І. Мартынаў з захапленнем пісаў пра шырыню памкненняў аўтара «Апалогіі». Думкі Смятрыцкага пра аб'яднанне хрысціян перакладчык назваў «прарочымі» (гл. Мартынов 1863, 12).

ЛІТАРАТУРА

- Абрамович С.Д. Мелетій Смотрицкий та проблеми філологічної культури Бароко // Українська література XVI–XVII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984. С. 137–161.
- Александров О. Автор в українській середньовічній літературі // *Sakrum i Biblia w ukraińskiej literatury*. Люблін, 2008. С. 79–92.
- Білоус П. Українська паломницька проза: історія жанру. Київ, 1998.
- Бройтман С. Историческая поэтика. М., 2001.
- Гаранін С. Шляхами даўніх вандраванняў. Мн., 1999.
- Грушевський М. Історія української літератури. Київ, 1995 Т. 6.
- Колесов В.В. Хожение – исповедь // Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 73–84.
- Мартынов И. Предисловие // Кирилло-Мефодиевский сборник. Лейпциг; Париж, 1863. Вып. 1. С. 1–XLIV.
- Паўлавец Дз. Моўная сітуацыя на Беларусі ў XV–XVI ст. // Изв. ГГУ им. Ф. Скорины. 2009. № 3 (54). Ч. 2. С. 154–159.

Прокофьев Н.И. Хожение как жанр в древнерусской литературе // Вопросы русской литературы: Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1968. Т. 288. С. 3–24.

Смотрицкий М. Апология моему странствованию на Восток // Кирилло-Мефодиевский сборник. Лейпциг; Париж, 1863. Вып. 1. С. 1–148.

Хожение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 26–118.

Яременко П.К. Мелетій Смотрицкий: Жицця і творчість. Київ, 1986.

Smotrzyński M. Apologia peregrinatiey do Krajow Wschodnych... [Lwów, 1628].

Smotrzyński M. Paraenesis. Kraków, 1629.

Паступіў у рэдакцыю 21.09.09.

Эла Юр'ёна Дзюкава – аспірантка кафедры славянскіх літаратур. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, прафесар І.А. Чарота.

І.А. ШВЕД

СЕМАНТЫЧНАЯ АПАЗІЦЫЯ «БЕЛЫ/ЧОРНЫ» Ў МІФАЛАГІЧНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

На мифофольклорном материале белорусской традиции рассматриваются семантика и функциональность оппозиции «белый/черный». Отмечается, что признаки «белый» и «черный» выполняют оценочную роль, указывают на происхождение и статус объекта, маркируют хронотоп.

The article is devoted to the semantics and functioning of the opposition «white/black» in the Belarusian mythology and folklore. Signs «white» and «black» value and indicate the origin and status of the object. These signs mark space and time.

Семантыка і сімваліка колераў, у тым ліку белага і чорнага, з'яўляліся прадметам цікавасці яшчэ з антычных часоў. Гэтую праблематыку распрацоўвалі прадстаўнікі разнастайных галін навукі: псіхалогіі, лінгвістыкі, літаратуразнаўства, народазнаўчых дысцыплін. Адапаведныя артыкулы ўключаны ў шматлікія энцыклапедычныя выданні (гл., у прыватнасці: Толстой 1995; Зайкоўскі 2006; Крук 2006 і інш.). Логіка мадэлявання розных фрагментаў карціны свету праз колеравы код складае важны прадмет фалькларыстычнага аналізу. Абазначаная навуковая праблема патрабуе фундаментальнага даследавання на аснове комплекснага падыходу. Асабае сімвалічнае значэнне ў традыцыйнай народнай культуры прыпісваецца камбінацыям розных колераў. Прычым сэнс такога сімвалічнага цэлага звычайна не зводзіцца да сумы значэнняў асобна ўзятых колераў. Найбольш моцным аптычным і сімвалічным кантрастам, як вядома, з'яўляецца кантраст чорнага і белага. Адапаведна апазіцыя «белы/чорны» адыгрывае значную ролю ў міфалагічных карцінах свету розных народаў.

Функцыя носьбітаў прыкметы «белы» замацоўваецца за пэўнымі рэаліямі – срэбрам, снегам, малаком, смятанай, мукой, яйкам, бярозай, рукамі і інш. «Чорны» суадносіцца з ноччу (калі чалавек губляе магчымасць арыентавацца ў наваколлі), са сном, з адсутнасцю свядомасці, попелам, распадам, макавым насеннем, зямлёй, падзем'ем, смалой, чортам і інш. Пры апісанні чалавечага цэлага эпітэт «чорны» ўжываецца пераважна з назоўнікамі *бровы, валасы, печань і кроў*.

Вызначальны колер пералічаных аб'ектаў непасрэдна называецца ў фальклорных тэкстах розных жанраў, а ў загадках ён выступае асновай для адгадкі. Напрыклад: «Шуба (шубка) бела ўвесь свет адзела. – Снег»; «Зялёная, а не луг, белая, а не снег, кучаравая, а без валасоў. – Бяроза» (Загадкі 1972, 50, 65). Як белым, так і чорным колерамі характарызуецца хлеб: *Божая кароўка, // Паляці на небка, // Прынясі нам хлебка // Чорнага і белага, // Толькі негарэлага* (зап. ад М.М. Мігн 1936 г. н., в. Аброва Івацэвіцкага р-на). Носьбіты прыкметаў «белы» і «чорны» могуць выступаць іх замяшчальнікамі і адапаведна семантызавацца, ацэньвацца. Так, белы колер, паводле слухнай заўвагі Л. Радэнкавіча, асацыіруецца са стваральнай сілай, якая знаходзіцца ў яйку, малаці і мужчынскім семени (гл. Раденковіч 1996, 281).

У міфалагічнай карціне свету беларусаў, як і многіх іншых народаў, чорны колер абагульняе асабліва характэрна супадзенне сімвалічных прыкмет чорнага і сіняга) і з ім суадносіцца малая колеравая інтэнсіўнасць ці яе адсутнасць, у адрозненне ад белага, які можа прадстаўляць абагульненна рад светлых таноў, вялікую колеравую інтэнсіўнасць. У сімвалічнай сферы карэляцыя «белы» – «чорны» ('светлы' – 'цёмны') нярэдка ўваходзіць у эквівалентны рад з парамі 'добры' – 'дрэнны', 'мужчынскі' – 'жаночы', 'жывы' – 'памерлы'. Магчыма суаднесенасць паводле прыкметы 'белы' – 'не белы', і тады белы колер, матываваны прыкметай 'ясны, светлы, чысты', абазначае сакральнасць, чысціню, плод-

насць, святло (гл. Толстой 1995, 151). Беларусам і іншым славянскім народам вядома ўяўленне пра «царства цемры» як пра замагільны свет, негатыўна ацэнены, які проціпастаўлены пазітыўна ацэненаму «беламу свету». *Белы свет – наш, гэты свет*, і ён проціпастаўлены таму, *не беламу свету*, як белы дзень – чорнай ночы. У сувязі з гэтым характэрны загадкі тыпу: «Белая птушка ўвесь свет абляцела. – Дзень»; «Чорна карова ўвесь свет збарапа, бела ўстала – увесь свет падымала. – Ноч, дзень» (Загадкі 1972, 59, 61).

У беларускай замоўнай традыцыі для стварэння вобразна верхняга яруса светабудовы выкарыстоўваюцца такія станоўча афарбаваныя колеравыя і светлавыя эпітэты, як белы (свет), ясны (месяц, сонца, зоры). Сталая формула беларускіх замоў («Ёсць на свеці тры цары: первы цар – ясён месяц на небе, другі цар – чорны рак у моры, трэці цар – серы воўк за морам») (Замовы 2000, 81) можа інтэрпрэтавацца як камбінацыя трох колераў, прадстаўленая іншым кодам (касмічны код) (гл. Раденковіч 1996). «Белы» ўваходзіць у рад эпітэтаў, пры дапамозе якіх ствараецца вобраз не толькі «верхняга» свету, але і іншых прасторавых кантынумаў: «таго» свету і міфалагічнага цэнтра. У розных фальклорных жанрах *белы (божы) свет* – гэта звычайна бачны свет, светабудова, узятая без яе ніжняга яруса – падзямелля, апраметнай.

Чорны колер асацыіруецца з «ніжнім» светам. З прычыны таго што дэманічныя істоты звязаны з хтанічным светам і іх актыўнасць выпадае на цёмную частку сутак, яны нярэдка атрыбуюцца як чорныя. Адна з агульных назваў нячыстай сілы – «чорная сіла». Чорны колер – характэрная прыкмета *чорта, д'ябла*, а таксама *лесавіка, дзядочка-палявічка, еўніка, дамавіка* і г. д. У д'ябла нават слёзы чорныя. Так, паводле легенды, крушына вырасла на тым месцы, куды падалі слёзы скінутага з неба д'ябла. Чорна-чырвоны колер ягад і сам сок іх дагэтуль захоўваюць найчысцейшы выгляд чортавых слёз (гл. Зямля... 1996, 156). У постаці жанчыны ў чорным (сімвал смерці) з'яўляюцца некаторыя персаніфікаваныя хваробы. Так, вераць, што камета перакідаецца ў *чорную бабу*, уночы ходзіць па вёсцы, малюе вуголь на дзвярах крыжы; дзе паставіць чорны крыж, у той хаце ўсе памруць (Там жа, 407). У выглядзе чорнай жанчыны з агнявымі стрэламі нібыта паказваецца *чума* (Там жа, 618). Чорны колер матывуе намінацыю шэрагу жаночых персанажаў. На прыкмеце «чорны» заснаваны назвы хвароб тыпу *чорная немач, чорная воспа* («Як хварэлі сем лет таму на чорную воспу дзеці, то бачылі, як ад сяла да сяла хадзіла некая паненка ў чорным доўгім блішчастым убранні: дзе яна толькі перайшла, то там пачалі надта хварэць і ўміраць») (Зямная дарога... 1999, 278–279).

Характэрна, што многія міфалагічныя персанажы, якія атрыбуюцца як чорныя, могуць мець

прыкмету «белы» (да прыкладу, русалка, дамавік, здань, ахоўнік месца ці скарбаў). Гэта ў шэрагу выпадкаў абумоўліваецца адрозненнямі лакальных традыцый. Так, у паўднёвай Беларусі русалку называюць *белай бабай*: яна нібыта ходзіць па белым жыце; у Жлобінскім раёне вераць, што русалкі паказваюцца чорнымі ці маюць чорную вопратку або валасы, косы (гл. Народная міфалогія 2003, 58). Разам з тым прыкметы «белы» і «чорны» адносна міфалагічных персанажаў могуць чаргавацца ў адной лакальнай традыцыі. Верылі таксама, што міфалагічныя істоты апрануты цалкам у белае ці маюць на сабе толькі элементы беллага (ці бліскучага) адзення. Лічыцца, што ў белым з'яўляюцца як русалкі, так і «чыстыя» памерлыя. «Белы колер ёсць колер іншасветных істот, што дастаткова выразна паказаў Негелейн у спецыяльнай працы пра значэнне беллага колеру. Белы колер ёсць колер істот, якія згубілі цялеснасць. Таму прывіды ўяўляюцца белымі. Такім з'яўляецца і конь, і не выпадкова ён калі-нікалі названы нябачным... Паўсюль, дзе конь адыгрывае культавую ролю, ён заўсёды белы» (Пропп 1986, 175). Ubачаная ў сне жанчына або дзяўчына ў белым прадказвае хваробу – *трасіцу*. Шэраг міфалагічных персанажаў мужчынскага роду (як дамавік), а таксама начныя здані паказваюцца ў белым.

Чорным і белым колерамі маркіруюцца прадметы, маніпуляцыя з якімі выклікае хваробы і смерць. Паводле беларускіх паданняў, перад надыходам паморку часам з'яўляецца *моравая панна*, якая, носячыся ў паветры, размахвае чорнай хусткай. Над якой вёскай яна памахае сваёй смяротнай хусткай, там і пачнецца паморак (гл. Зямля 1996, 407). Адзін са сталых матываў беларускіх замоў – змяя (*жабіца, гад*), якая ляжыць на далёкім востраве, на чорным руне ці шэрсці. Характэрна, што ў такіх кантэкстах чорны і белы колеры могуць выступаць у комплексе: «На моры на Кіянні, на быстрым буяні стаіць ліпавы куст, пад тым кустом ляжыць бел камень, у белым камні чорна руна. У чорнай руні змяя Шкурапея, сястра Палагея...» (Замовы 2000, 113).

Многія персанажы замоў маюць сталы эпітэт «чорны»: гадзіна чорная, чорны воўк, чорны сабака, чорны рак, чорны вол, чорны воран. Усе яны «звязаны з нячыстай сілай, а паколькі яны пражэрлівыя і носяць пячатку хтанізму, то прадстаўляюць для яе небяспеку» (Раденковіч 1996, 130). Чорны колер з'яўляецца таксама асаблівасцю некаторых прадметаў, якія выкарыстоўваюцца пры замаўленні (ад касавокасці, крывацёку і інш.). Маніпуляцыя з чорнымі прадметамі будуюцца на аснове прынцыпу «чорнае адганяе чорнае». Гэта выразна выяўляецца, напрыклад, у замове ад урокаў карове: «Ішоў чорны дзед чорнаю дарогаю, чорныя пасталы, чорныя валокі, чорныя нучы, чорныя штаны, чорная рубашка, чорна світа, чорна папруга, чорна

шапка. Нёс на плячэ сокеру. Стаў чорнага дуба рубачі, сталі асколкі лятаці» (Замовы 2000, 78). Каб дзяўчыну «адлучыць ад непатрэбных сябровак», нагавораным дзёгцем мазалі каля парога і замаўлялі: «Чёрен дёготь, чёрна ночь, іді раба (імя) от подругі прочь» (зап. ад М.М. Мігнэ 1926 г. н., в. Аброва Івацэвіцкага р-на). Жывёлы чорнага колеру шырока прадстаўлены ў варожбах і мэтэаралагічнай магіі: «На Каляды дзяўчаты садзіліся колам, насыпалі каля сябе зерне, ставілі люстэрка і ваду. Потым чорную курыцу пускалі ў кола: чыё зерне будзе з'едзена першым, тая дзяўчына першай выйдзе замуж» (зап. ад В.К. Трафімовіч 1940 г. н., в. Халап'я Івацэвіцкага р-на). Лічылі, што набыць розныя магічныя прадметы можна пры дапамозе чорных жывёл, у прыватнасці чорнага ката. Прыкметы «чорны» і «белы» ў такіх выпадках могуць спалучацца. Верылі, што ў пераносі ў чорнага ката з белымі вусамі і белай палоскай на верхняй сківіцы ёсць нейкая костачка. Варта толькі ўзяць гэтую костачку ў зубы – і чалавек робіцца нябачны, у той час як добра відаць усе рэчы, якія ён перасоўвае (гл. Зямная дарога 1999, 112).

На міфалагічным узроўні белаю колеру нярэдка надаецца семантыка пустаты, бесцяснасці. У дзеяннях чорнай магіі чарадзейным сродкам можа выступаць пэўнае рэчыва белага колеру. Так, чарадзеі малако ці смятану лілі на сцяну, на вароты, каб нарабіць чалавеку, яго гаспадарцы ліха, гэта называлася *заліто*. У сувязі з абазначанай сімволікай белага згадаем тлумачэнні сноў, паводле якіх убачанае малако прадказвала сварку, клопат, прыкрасць. Белае, семантызаванае як пустое, асацыіруецца з загальным светам, з'яўляецца атрыбутам лімінальных істот і функцыянуе ў надзвычай шырокім колераходных абрадаў, рытуалізаваных дзеянняў, звязаных з пачаткам пэўных працэсаў. Як першаколер белы – гэта знак пераходу з аднаго свету ў іншы, адсылае ў рытуалах да формул ініцыяцыі, надзяляецца семантыкай пачатку. Так, на калядны стол клалі сена і засцілалі яго белым абрусам. Сувязь белага колеру з убраннем нявесты характэрная для старажытных і сучасных еўрапейскіх звычаяў. На Беларусі лічылася, што, калі хлопец сасніць дзяўчыну ў белай сукенцы, тая стане яго жонкаю (гл. Зямная дарога 1999, 350). У абрадах «пахавання-вяселля» памерлых дзяўчат апранаюць у белае. Белы колер як знак жалобы выкарыстоўваўся ў многіх славянскіх традыцыях. Сама Смерць магла ўяўляцца высокаю жанчынаю ў белай вопратцы. У апошнім выпадку белы колер нярэдка чаргуецца з чорным.

У беларускіх вераваннях белы колер часта ўвасабляе канцэпты святасці (адно са значэнняў індаеўрап. *sveta* – белы), чысціні. Колеравым і светлавым сімвалам нячыстага выступае чорны (цёмны). Так, расказвалі, што над пажарышчам

з'яўляюцца невядомыя птушкі – белыя і чорныя. Гэта – душы продкаў, якія прыляцелі дапамагчы жывым суродзічам. Хто птушак пералічыць, той даведаецца пра колькасць сваіх продкаў, прычым белыя птушкі пакажуць продкаў-праведнікаў, а чорныя – продкаў-пьякельнікаў (гл. Зямля 1996, 498). На такой асацыяцыі могуць засноўвацца этыялагічныя апаведы тыпу: «Бусел то быў калісьці чалавек і называўся Войтак, але як Бог па свеце хадзіў, то ён улез пад мост і хацеў пастрашыць Бога, но і Бог за тое загневаўся на яго, так перакінуў яго ў бусла і кажа: “Каб ты да канца свету жабамі жыў!” І на знак таго, што ён быў чалавек, то палова белага, а за тое, што саграшыў, палова чорнага» (Зямля 1996, 111).

Семантычная апазіцыя «белы/чорны» ў тлумачэннях сноў дэманструе сувязі з такімі бінарнымі карэлятамі, як «добры/дрэнны», «здоровы/хворы», «шчаслівы/няшчасны», «нявінны/вінаваты», «пераможца/пераможаны», напрыклад: «Апранаць каго-небудзь у белую адзежу – хваліць, у чорную – нябожчык будзе. Апранацца ў белую адзежу – хараша, а ў чорную – людзі ачарняюць»; «Фарбаваць у белы колер – хваліць; у чорны – абгаворваць, у чырвоны – крэўнага прымаць будзеш» (Зямная дарога 1999, 365, 386). У «Малітве, еслі сын забудз матэра» белыя сцены проціпастаўлены цёмным вокнам: «Открою я, раба (імя) окно, поклыкаю мого сына, позову ёго ду порога. Скынъ, Господі, мою трывогу. Ны могу я ны йісты, ны спаты ны часа, ны получаса, ны страдаты. На білыі стены кыдаюся, на тэмны окна кыдаюся, ны бачу я ны місяца, ны сонца, всё я плакала ля оконца. Ідітэ, слёзы, і прывыдітэ того, кого вродыла я і кого молоком выкормыла. Ны бачыты мні білого світа бзз ясного сокола – сыночка...» (зап. ад В.К. Наўрось 1940 г. н., в. Яблачнае Маларыцкага р-на).

Протіпастаўленасць нячыстага і святога, дэманічнага і чалавечага адбываецца праз рэалізацыю апазіцыі «чорны/белы». Разам з тым прадстаўнікі вышэйшай нябеснай іерархіі могуць паказвацца не толькі ў белым, бліскучым, але і ў чорным, што мае негатыўную канатацыю. Так, апавядалі, што «ў час перастрэлкі паміж салдатамі Чырвонай Арміі і фашысцкімі акупантамі або два бакі пачулі, што ў прасторы паміж імі плача жанчына. Пасля таго, як перасталі страляць і дым рассяўся, усе ўбачылі жанчыну ў чорным, яе рост быў каля трох метраў. Яна схілялася над кожным забітым і плакала. Гэта была Божая Маці» (зап. ад Я.М. Брык 1939 г. н., в. Кустын Брэсцкага р-на).

Цікава таксама адзначыць, што прыкметы «белы» і «чорны» далучаюць прадстаўнікоў жывёльнага свету да асаблівага «міфалагічнага класа», вылучаюць іх з групы жывёл «звычайнай» афарбоўкі, указваюць на адхіленне ад нормы, ператвараюцца ў своеасаблівы ярлык жывёл –

цароў над сваімі суродзічамі. Так, у сферы дзікай прыроды белы воўк – цар над усімі ваўкамі, лясны цар; белая ці чорная змяя – цар змей; чорны бусел – важак буслоў і інш. Магічнымі ўласцівасцямі надзяляліся свойскія жывёлы чорнага колеру. Гэтыя ж уласцівасці прыпісваліся такім жывёлам белай афарбоўкі, як вол, карова, певень, казёл, кот і інш. У поўнай меры сваю магічную сілу яны рэалізавалі ў дзеяннях белай магіі. У час халернай пошасці стараліся знайсці валоў белай масці, на якіх яшчэ не пачыналі араць; такіх валоў запрагалі ў саху і абворвалі імі вакол вёскі. Пасля гэтага пошасць павінна спыніцца (гл. Зямля 1996, 411). Пажар ад перуна тушылі малаком белай каровы (Там жа, 500) [малако (= белае) знакава набліжанае да вільгаці верхняга і ніжняга светаў і проціпастаўленае стыхіі агню]. На Віцебшчыне верылі, што крывёю белага пеўня можна палегчыць роды, калі ёю намазаць жывот парадзіхі. Ад коклёшу націралі пяты лоем белага казла (гл. Зямная дарога 1999, 192). Неабходнай прыкметай жывёлы, якая выкарыстоўвалася ў чорнай магіі, можа служыць не толькі чорны колер, але і ўкрапанні – белыя на чорным.

Прыкметы «белы» ў адносінах да жывёл нярэдка маюць станоўчае значэнне, а «чорны» – адмоўнае. Так, верылі, што калі вандроўнік паедзе ў дарогу на белым кані, то яна будзе ўдалая (гл. Зямля 1996, 506). Калі прысніцца белы конь – хораша/снег; чорны – падман/дождж; сівы – добра (гл. Зямная дарога 1999, 425). Між тым, паводле народных тлумачэнняў сноў, белая афарбоўка жывёл можа арнаментавач іх негатыўнай экспрэсіяй і звязваць са смерцю. Так, бачыць белых свіней ці свінню з парасяткамі ў сне – да нябожчыка, «будуць яго везці». «Белая свіння – смерць» (Зямная дарога 1999, 429).

Праз агульную семантыку белага і чорнага колераў усталёўваецца сувязь паміж рознымі фрагментамі міфалагічнай карціны свету. Акрамя прыведзеных варожбаў, тлумачэнняў сноў, прадказанняў, паводле прыняцця падабенства, выконваюцца прадукцыйныя дзеянні. Прадмету ці асобе, адзначаным прыкметамі «белы» і «чорны», прыпісваюцца асаблівыя ўласцівасці, якія забяспечваюць поспех магічнай дзеі. Так, лічылі, што сеянне грэчкі з белага фартуха спрыяе яе доўгаму цвіцццю, і наадварот, сеяная з бруднага і чорнага фартуха – хутка адцвіце і пачарнее, што з'яўляецца прыкметай спеласці. Верылі таксама, што колер валасоў гаспадара павінен адпавядаць масці жывёлы: чарнявы чалавек не павінен заводзіць коней, кароў, авечак і іншых жывёл белай масці, бо ліхія людзі і звяры будуць зводзіць скаціну (гл. Зямля 1996, 298, 484).

Такім чынам, прыкметы «белы» і «чорны» належаць да катэгорый, што адыгрываюць ролю важных класіфікатараў, усталёўваюць семантыч-

ныя карэляцыі сімвалаў, якія ўваходзяць у розныя культурныя коды (касмічны, зааморфны, рэчыўны, прадметны, персанажны і інш.). Абсалютызаваныя і ператвораныя ў сімвал прыкметы «белы» і «чорны» суадносяцца з іншымі колеравымі прыкметамі, утвараюць з імі апазіцыі (акрамя «белы/чорны», гэта – «белы/чырвоны», «белы/жоўты») ці спалучаюцца («белы/чорны», «белы/чырвоны», «белы/жоўты», «белы/сіні»). Тая самая пара колераў, якая ў адных кантэкстах з'яўляецца апазіцыйнай, у іншых – можа выступаць як сінанімічная. У прыватнасці, сфера перакрывавання белага і чорнага (а таксама чырвонага) – гэта апісанні выгляду міфалагічных персанажаў і персанажаў рэальнага свету. Прыкметы «белы» і «чорны» выконваюць азначальную ролю, вызначаюць чалавека ў яго біялагічным, сацыяльным, рытуальным статусах, а таксама характарызуюць прастору і час.

Белы колер асацыіруецца з вітальнай сілай, жыццёвай патэнцыяй, якая знаходзіцца ў яйку (у міфалогіях розных народаў яйка – зыходная форма касмагенезу), малацэ і мужчынскім семіні, і суадносіцца з кардынальнымі канцэптамі жыцця, добра. Разам з тым гэты колер надзяляецца семантыкай пустаты, бесцялеснасці, звязваецца са стыхіяй смерці. У залежнасці ад кантэксту белізна можа сімвалізаваць святасць, чысціню, дабро, поспех, плоднасць, сакральную вызначнасць, царскі статус, лімінальнасць, далучанасць да іншасвету, смерць.

Чорны колер шырока прадстаўлены ў магічных рытуалах, якія звязаны са смерцю (рэальнай ці рытуальнай, сімвалічнай), заканчэннем ці перарываннем пэўнага этапу існавання, актыўным умяшальніцтвам у жыццё чалавека знешніх дэструктыўных сіл. Чорны сімвалічна прадстаўляе небыццё, хаос, разбурэнне, небяспеку, чужое, нечалавечае, няправеднае, дэманічнае і маркіруе пэўны аб'ект як прыналежны да «таго» свету, «чужы», адлюстроўвае негатыўныя ўласцівасці міфалагічнага персанажа, сведчыць пра яго варожасць стаўленне да людзей і інш. Паводле міфалагічных уяўленняў, дэмані паказваюцца ў чорным адзенні, маюць чорную афарбоўку ці ператвараюцца ў жывёл чорнай масці. Паколькі носьбіт гэтага колеру становіцца для небяспечных у адносінах да чалавека сіл «сваім», такім чынам ён пазбягае агрэсіі з іх боку. Таму чорны як сінонім нячыстага, бруднага з'яўляецца універсальным абярэгам і выкарыстоўваецца для абароны ад негатыўнага ўздзеяння сіл іншасвету.

У сімвалічнай сферы калі белы абазначае святло, то чорны – цемру, калі белы – жыццё, то чорны – смерць, белы – рытуальную чысціню, а таксама парадак, чорны – хаос, нечысціню, белы – дабро, чорны – зло і г. д. Разам з тым абодва колеры з'яўляюцца колерамі небыцця, жалобы, асацыіруюцца з іншасветам, у дэманалогіі выступаюць прыкметамі, на аснове якіх міфа-

лагічных персанажаў можна адрозніць ад рэальна існуючых людзей, жывёл ці артэфактаў.

ЛІТАРАТУРА

- Загадкі / Склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. Мн., 1972.
 Заікоўскі Э. Чорны // Беларуская міфалогія: Энцыкл. слоўнік / С. Санько і інш.; Склад. І. Клімковіч. 2-е выд., дап. Мн., 2006. С. 553.
 Замовы / Уклад. Г.А. Барташэвіч. 2-е выд. Мн., 2000.
 Зямля стаіць пасярод свету... Беларускія народныя прыкметы і павер'і: У 3 кн. / Уклад. У. Васілевіча. Мн., 1996. Кн. 1.
 Зямная дарога ў вырай: Беларускія народныя прыкметы і павер'і: У 3 кн. / Уклад. У. Васілевіча. Мн., 1999. Кн. 3.

- Народная міфалогія Гомельшчыны: фальклорна-этнаграфічны зборнік / Уклад. І.Ф. Штэйнер, В.С. Новак. Мн., 2003.
 Крук І. Белы // Беларуская міфалогія: Энцыкл. слоўнік / С. Санько і інш.; Склад. І. Клімковіч. 2-е выд., дап. Мн., 2006. С. 45–46.
 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
 Раденковіч Л. Сімболика света у народнай магіі јужных словена. Ниш Београд, 1996.
 Толстой Н.И. Белый цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1. А–Г. М., 1995. С. 151–154.
 Паступіў у рэдакцыю 03.03.09.

Іна Анато́льеўна Швед – доктар філалагічных навук, дацэнт, прафесар кафедры беларускага літаратуразнаўства БрДУ імя А.С. Пушкіна.

Г.М. МЯТЛІЦКАЯ

САЦЫЯЛЬНАЯ І МІФАЛАГІЧНАЯ СЕМАНТЫКА ВОБРАЗАЎ ДРЭЎ У НАШАНІЎСКОЙ ПАЗЭІІ ЯНКІ КУПАЛЫ

Рассматривается влияние славянской и мировой мифологических традиций на творчество Янки Купалы, а также отражение через призму образного языка социальных идей дореволюционного времени.

The article is devoted to revealing the influence of Slavonic and world mythological traditions on Yanka Kupala's poetry of pre-revolutionary period and the reflection of social ideas of that time.

Свет раслін складае значную частку вобразнасці ў нашаніўскай пазэіі Янкі Купалы. Гэта не толькі элементы асобных раслін (ліст, галіна і інш.), але і такія паняцці, як бор, лес, гай, пушча, сад, гушчар, а таксама вобразы асобных дрэў, кветак, кустоў, збожжавых культур і г. д. Кожны асобна ўзяты вобраз расліны ў нашаніўскай пазэіі Янкі Купалы так ці інакш адлюстроўвае міфалагічныя ўяўленні пра архетып Сусветнага Дрэва, які выконвае важную ролю ў міфалагічнай карціне свету розных народаў, у тым ліку славян, перадае значныя міфалагічныя суадносіны – з'яднанасць Неба і Зямлі, жыццёстойкасць і моц усяго жывога, разнастайнасць праяў жыцця. У творчасці класіка вобразы раслін дапаўняюць адзін аднаго, гарманічна суіснуюць, а праз сваю далучанасць да чалавечага жыцця – набываюць сімвалічнасць, выкарыстоўваюцца пазтам у алегорыях і іншых мастацкіх прыёмах.

Распаўсюджаным вобразам у нашаніўскай пазэіі Янкі Купалы з'яўляецца дрэва, якое расце на кургане. Паводле міфалагічных уяўленняў, Сусветнае Дрэва «часта ўяўляецца растучым на вяршыні гары» (Купер 1995, 70). У пазмах Янкі Купалы «Курган» і «Сон на кургане» сустракаем мастацкае спалучэнне вобразаў дуба (дубоў) і кургана.

Семантыка вобраза дуба раскрываецца пазтам у двух вершах з аднолькавай назвай «Дуб». У адным з іх, што мае падзагалоўак «Распусціўшы сучча...», знаходзім апісанне дуба, які параўноўваецца з царом у кароне і «аб нічым не дбае», «стаіць і дрэмле». Акрамя сілы і велічы дрэва, Купала адзначае яго мудрасць. У вершы з падзагалоўкам «Калыханы ветрамі...» спачатку таксама ствараецца падобны малюнак-апісанне старо-

га дуба, яго жыццёвых выпрабаванняў, а потым гэты вобраз набывае алегарычны сэнс – дуб рухне, і на кургане, на якім ён рос, з жалудоў паўстане дуброва, што зашуміць «песняй новай». Працяг гэтай думкі можна адшукаць і ў вершы «Ты, зялёная дуброва...», напісаным у форме звароту пазта да дубовы, у якім выказваецца просьба «гаманіць, расходзіцца шумам», «уліць надзею вольным думам». Менавіта дуброва павінна скінуць сон, расцвісці, данесці свету звесткі пра сябе і інш. Тлумачэнне гэтых алегарычных вобразаў магчыма толькі ў кантэксте важнай па значэнні для нашаніўскай пазэіі Янкі Купалы ідэі свабоды, ідэі народнага абуджэння, імкнення да лепшай будучыні: пазт асацыятыўна суадносіць вобраз дубовы з беларускім народам, яе шум – з народным абуджэннем, а моц маладых дубкоў – з новым пакаленнем беларусаў або з героямі-змагарамі.

Сіла дуба адзначаецца ў нашаніўскай пазэіі Янкі Купалы даволі часта: дуб называецца няўсечным (пазма «Сон на кургане»), з ім параўноўваюцца героі пазм «У Піліпаўку» («крапячы, як дуб») і «Адвечная песня» («дуж, як той дуб векавы»). Пры дапамозе метафары ссякання дуба адлюстроўваецца сіла чалавека (верш «Зімой у лесе»), буры (верш «Будзь смелым!...»). Знаходзім у Купалы і народнае суаднясенне вобразаў дуба і хлопца (творы «Плачуць мае песні», «Два браты»), з дубам і лілеяй параўноўваюцца маладыя ў вершы «Маладым на вяселлі». Дуб сімвалізуе «моц, вынослівасць, даўгалецце, высакароднасць» (Тресіддер 1999, 87), «сілу, ахову... мужнасць, вернасць, мужчыну, чалавечае цела». У многіх традыцыях дуб звязваецца з багамі-грымотнікамі, «таму можа таксама сімваліза-

ваць маланку і агонь». У хрысціянстве дуб сімвалізуе Хрыста як сілу, што праяўляецца ў бядзе, цвёрдасць у веры і дабрачыннасці (гл. Купер 1995, 82). У традыцыйнай славянскай культуры дуб – гэта дрэва, якое найбольш шанавалася і было прысвечана Перуну. Дуб і бяроза сімвалізуюць мужчынскі і жаночы пачаткі ў прыродзе (гл. Крук 2001, 287–293).

У адрозненне ад вобраза дуба вобраз *бярозы* ў Купалы мае значна больш эпітэтаў: ніцая (паэма «Яна і я»: раздзел «Сяўба»), белая (паэма «Бандароўна»), крывая (вершы «Гэта крык, што жыве Беларусь», «Чатыры крыжы»). Бярозы – шумныя (верш «3 песень нядолі»), плачучыя, яны стогнуць (верш «Пад крыжам»), вольныя (верш «Як у лесе зацвіталі...»). Вобраз бярозы таксама, як і вобраз дуба, сустракаецца побач з вобразам кургана: бярозы растуць «на вечным кургане бадыльным» (верш «Мой край»). Звычайна бярозы выкарыстоўваюцца ў якасці дэталей пры апісанні вёскі, прысад («Я ад вас далёка», «3 песень аб сваёй старонцы», «Падарожны» і інш.), нават з'яўляюцца для паэта адной з прыкмет радзімы. У славянскай міфалогіі бяроза «сімвалізуе вясну і дзявоцтва, з'яўляецца эмблемай малых жанчын» (Тресіддер 1999, 24). У народных уяўленнях назіраецца дваякае стаўленне да бярозы: яна абараняе ад злых сіл і, наадварот, прыносіць шкоду, звязваецца з духамі памерлых (гл. Шапарова 2001, 70). У сусветнай міфалогіі бяроза мае станоўчую семантыку, сімвалізуе ўрадлівасць і святло, адганяе злых духаў, а ў шаманізме выступае нават у якасці Сусветнага Дрэва (гл. Купер 1995, 41). У нашаніўскай паэзіі Янкі Купалы гэты вобраз станоўчы, бяроза суадносіцца з дзяўчынай, што сведчыць пра набліжанасць у адлюстраванні гэтага вобраза да славянскіх уяўленняў. На Беларусі з бярозай звязана свята Сёмуха, падрыхтоўка да якога – ламанне *маю* – апісана паэтам у вершы «Перад Сёмухай». Пры дапамозе вобраза маю перадаецца мара лірычнага героя аб сваёй долі і долі радзімы. «Майскае дрэва сімвалізуе сусветную вось, вакол якой абарочваецца Сусвет» (Купер 1995, 195).

Ліпа ў беларускіх замовах таксама з'яўляецца апякункай маці, дзяўчат «у іх спецыфічна жаночых праблемах, у пытаннях, звязаных са шлюбам і дзетараджэннем». Ліпа надзялялася гаючымі і жыватворнымі якасцямі. «Вядомыя і апатрапейчныя функцыі ліпы, яе лыка, якое не толькі адганяла дэманаў, але і магло пазбавіць іх шкоднай сілы» (Беларуская міфалогія 2004, 290). З гэтым, магчыма, звязана і тое, што ў беларусаў з ліпы зроблены многія прадметы сялянскага побыту: калыска (вершы «Да сваіх думак», «Лірнік вясковы», «Песні вайны»), лапці (вершы «Лапці», «Над калыскай»), скрыпка (верш «Забытая скрыпка»). Ліпа лічылася святым дрэвам, паўсюдна ў славян забаранялася чапаць ліпу, наносіць пашкоджанні, секчы, ламаць ліпавыя галіны (гл. Агапкина, Усачева

2004, 112–114). У вершы «Ліпа» паэт увасабляе гэта дрэва ў вобразе старой, якая ні аб чым не дбае, за сто год свайго жыцця бачыла рознае і многае, *ад віхраў і ад бураў // Не мела век патолі*. Людзі паважаюць і шануюць ліпу. Менавіта праз параўнанне з доляй ліпы Купала перадае пакуты зямлі з прыходам вясны 1915 г., якая прынесла вайну (верш «Вясна 1915-ага»).

У паэме «Нікому» Купала стварае вобразы *клёна* і *ліпы*, якія выраслі на магіле Алены, як вобраз пары і сімвал вернасці ў каханні: *Людзі ў тут па-свойму // Нейкі знак знайшлі: // Людскія назовы // Дзераўцам далі*. На жаль, вобраз клёна падрабязна не раскрываецца ў творчасці Янкі Купалы нашаніўскага перыяду.

У пары з «жаночым» дрэвам у паэта выступае і *явар*, «белы клён з сямейства псеўдаплатанавых, прыгожае, велічнае дрэва, улюбёнае дрэва беларускай вусна-паэтычнай спадчыны, хоць у прыродзе Беларусі яно адсутнічае. Важнае месца явара ў нашай духоўнай спадчыне тлумачыцца незвычайным яго паходжаннем. Явар – гэта моладзец, ператвораны ў дрэва праз праклён маці (часам бацькі) або па сваёй волі пад ціскам абставін ды інш.», – піша Л. Салавей (Беларуская міфалогія 2004, 575). У вершы «Явар» Купала стварае вобраз адзінокага дрэва, якое церпіць крыўды, пакуты: *за пакутнай за гарою // Плача хмурны, адзінокі*. Паэт расказвае аб яго былой славе: *явар быў князем гэтых ніваў, // На ўсім свеце меў павагу*, пра яго складалі і спявалі песні. Хутчэй за ўсё ў вобразе явара Купала алегарычна адлюстравваў Беларусь – яе мінулае і сучаснае (пачатак ХХ ст.); явар плача аб ранейшай славе, ён стары, слабы, памірае.

У славянскай традыцыі *каліна* – расліна, якая надзялялася «сімвалікай цнатлівасці; з-за яркачырвоных ягад асацыіруецца з крывёю; у некаторых традыцыях лічыцца нешчаслівым дрэвам, у іншых, наадварот, адносіцца да святых» (Усачева 1999, 446). Як адзначае І.А. Швед, у беларускім фальклоры *каліна* выступае сімвалам «нешчаслівай жанчыны ці яе горкай долі», што звязваецца з горыччу *калінавых* ягад, а таксама *каліне* ўласціва значэнне «надмагільнага дрэва, дрэва смерці» (Беларуская міфалогія 2004, 214–215). У вершы «Явар і каліна» выяўляецца гармонія пачуццяў закаханых, перададзеная праз малюнак узаемаадносін дрэў, якія абудзіліся вясной – *скінулі «зімнія чары»*. У творы «Песня» («Каб была я перапёлкай...») з вобразам горкіх *ягад каліны* паэт суадносіць долю дзяўчыны на службе; праз мастацкі прыём параўнання з выкарыстаннем вобраза бярозы ствараецца малюнак плачу дзяўчыны: *Ой, крывава паліюцца // Мае горкія слёзы, // Бы расіца ў летнюю ночку // З беленькай бярозы*. Паралелізм жыцця каліны і жыцця дзяўчыны, адпаведны вобразнасці народных песень, знаходзім і ў вершы «Над ракою ў спакою».

Сасна (хвоя) сімвалізуе бессмяротнасць і даўгалецце. Гэта звязана з тым, што яна вечназялёнае дрэва. Таксама сасна ўвасабляе «адкрытасць, жыццёвую сілу, плоднасць, сілу характару, маўклівасць, адасобленасць» (Купер 1995, 315). Як заўважыў даследчык М.М. Эпштэйн, хвойныя дрэвы перадаюць «таёмнае маўчанне, здранцвенне, паглыбленасць у сябе» (Эпштэйн 1990, 75). Купала характарызуе сасну пры дапамозе наступных эпітэтаў: смалістая (паэма «Яна і я»: раздзел «У хаце»), смутная (верш «Я нясу вам дар...»), высокая (верш «Заручыны»). Праз вобраз сасонак ілюструецца прыгажосць дзяўчат: *Дружка ў дружку, як сасонкі, // Пазірай – дзівіся!* (верш «З нуды»). М. Малоха адзначае, што елка ад хвоі «адрозніваецца больш “светлымі” рысамі. Вечная зеляніна, спрыяльнае “біяполе” вакол яе сталі асновай сакралізацыі і шанавання» (Беларуская міфалогія 2004, 532). У творах Купалы хвоі і елкі персаніфікаваныя: хвойкі баяць байкі (верш «Прывітанне»), хвойка з хвойкаю талкуе, // *Як дзе кума з кумой на рэчцы* (верш «Лес»), елкі, сасонкі слухаюць песню (верш «А як мы з хаткі выходзім...»). Матыў змагання хвойкі з бурай выкарыстоўваецца для паказу цяжкасцей у чалавечым жыцці (творы «Ой, чаму на хаты гэтыя?...», «Доля ўдавы»). Разам з тым, па словах М. Малохі, наяўнасць вострых іголак «дазваляе далучаць хвойныя дрэвы да падземнага царства, свету памерлых» (Беларуская міфалогія 2004, 531), што стала прычынай аднясення іх да адмоўных вобразаў у славянскіх літаратурах. «Сімволіка елкі ў народнай культуры часцей негатыўная... як дрэва, што расце ў сырых, цёмных месцах, лічыцца нядобрадзейнай, чорнай, таму яе ніколі не садзяць блізка ля хаты. У міфалагічным плане “калючасць”, “адмоўнасць” елкі адлюстраваліся ў сувязі яе з дэманалагічным светам» (Там жа, 159), а тое, што вечная зеляніна елкі асацыятыўна суадносіцца з вечнасцю жыцця, паслужыла асновай для выкарыстання яе галінак у пахавальных абрадах. У адпаведнасці са згадымі ўсходнеславянскімі ўяўленнямі вобразы хвойных дрэў выкарыстоўваюцца Купалам пры апісанні могілак: крыжы яловыя (верш «Над магіламі»), на могілках хвойкі плачуць (раздзел «Радаўніца» з паэмы «Яна і я»), над магілай беззямельных вырасцэ сасонка, якая забядуе над ім «песняю нязвонкай» (верш «Беззямельныя»). З хвойай звязваюцца трагічныя, фатальныя здарэнні: хвойка калечыць («крыша») нагу лесніку, і ён вымушаны ісці жабраваць, бо перад гэтым на вайне згубіў руку (паэма «Калека»); на сасонцы павесілася Зося (паэма «Адплата кахання»); у паэме «Адвечная песня» Мужыка забівае таксама хвойка. Вобраз елкі ў вершы «За чужую елку» такі ж адмоўны; елка ў гэтым творы фактычна выступае як дрэва, з-за якога згубілі жыццё два чалавекі – селянін Мікіта і ляснік Валівода. Толькі ў адным творы пры дапамозе вобраза елкі Купала пера-

дае людское неразуменне, адзіноту чалавека сярод людзей: *Каб здаецца, абняў елку, // Сагрэў бы сабой, // А з людзьмі так неяк зімна, // Жудка, Божа мой* (верш «Па жыццёвай пуцявіне»).

Сувязь з міфалагічнымі ўяўленнямі выразна праяўляецца ў купалаўскім вобразе *асіны*. У некаторых творах асіна – гэта дрэва, якое таксама расце ў сакральным цэнтры: на кургане пад асінай векавой іграе дудар (верш «Дудар»), паэт успамінае курган «з сухой асінаю» як дэталю ў вершы «Мой дом». У народных уяўленнях усходніх і часткова заходніх славян асіна – «“нячыстае” і праклятае дрэва; у абраднасці і магіі – універсальны абярэг» (Агапкина 2004 [а], 570). А.М. Афанасьев адзначае роднаскасць назвы асіна (серб. *јасика*) са словам *ясень*; асіне, гэтаксама як і ясеню, надаецца сіла, ад якой дранцвеюць змеі (гл. Афанасьев 1995, 158). Галоўная асаблівасць асіны – трымценне яе лістоў, якое, як заўважана народам, адбываецца і ў бязветранае надвор’е. Гэта заўважыў і паэт: «лісць» трасецца на асіне (верш «Хохлік»), дрыжанне асіны сустракаем у паэме «Сон на кургане» і інш. Беларускі даследчык Я. Крук прыводзіць розныя версіі, чым маглі быць абумоўлены народныя ўяўленні пра дрыжанне асіны, і адпаведна – чаму яна праклятае дрэва: з асіны былі зроблены крыж і цвікі, на якіх адбылося распяццё Хрыста; пад асінай падчас уцёкаў у Егіпет хавалася Маці Божая, і асіна выдала яе; на асіне павесіўся Іуда. Таксама даследчык прыводзіць беларускае паданне пра бярозу і асіну, як пра пакараных Богам няверную жонку і яе палюбоўніка. Беларусы не выкарыстоўваюць асіну пры будаўніцтве хаты, не садзяць на падворку. Між тым асіна выкарыстоўвалася і як абярэг, і ў народнай медыцыне (гл. Крук 2001, 293–296). Магчыма, у купалаўскім вершы «Грай жа, музыка...» рэмінісцэнцыяй на біблейскі сюжэт з’яўляецца выпадак, калі чалавек ідзе вешацца на асіне. Асіна выкарыстоўвалася і падчас пахавальнага абраду: «Каб нябожчык, у якім падазраюць злога ведзьмака, вампіра або ведзьму, не мог выходзіць з магілы, – піша А.М. Афанасьев, – сяляне ўбіваюць яму ў спіну асінавы кол... Паводле казак, ведзьмакам, якія выходзяць з магіл, убіваюць у сэрца асінавы кол, б’юць іх наводмаш асінавым паленам і спальваюць іх цэлы на асінавым кастры» (Афанасьев 1995, 159). Як ворага-ведзьмака, які не павінен выходзіць з магілы, хаваюць гусляра і яго гуслі ў паэме «Курган»: *Закапалі, убілі асінавы кол, // Далі насып тры сажні высокі*. Як прадвесце цяжкага жыцця і трагічнага лёсу Мужыка паэт у раздзеле «Хрэсьбіны» з паэмы «Адвечная песня» прыкмячае, што немаўля спіць у асінавых начоўках, калі над ім з’яўляюцца цені, якія спяваюць пра будучае жыццё дзіцяці.

У народнай медыцыне і ў якасці прадмета-апатрапея славяне выкарыстоўваюць і *вольху* (гл. Агапкина, Усачева 2004 [б], 546), дрэва, звя-

занае з замагільным светам, плачам і небяспечай. «Асаблівасць вольхі – на паветры яе сок, кара, сырая драўніна чырванеюць. Беларускія легенды звязваюць чырвоны колер кары вольхі з крывёй чорта, які ратаваўся на ёй ад ім жа створанага ваўка (чорт цкаваў ім Бога, аднак воўк паслухаўся апошняга і ўкусіў чорта)... Беларускія фраземы выкарыстоўваюць вобраз вольхі для характарыстыкі неадукаванага, цёмнага чалавека – “куст альховы”, “пень альховы”» (Беларуская міфалогія 2004, 88). У творах Купалы вольха заўсёды знаходзіцца ля рэчкі ці якой-небудзь вады (вершы «Летам», «Над Свіслачай» і інш.). У вершы «З летніх малюнкаў» ствараецца станоўчы вобраз вольхі праз адлюстраванне яе адносінаў да дзяўчыны, якая глядзіцца ў ваду. У вершы «Вольха» яе вобраз у нечым нагадвае вобраз адзінокага явара з разгледжанага вышэй верша «Явар»: яе карэнні ўхутаны нечым небяспечным, а неба сее непрыветы. Жыццё вольхі – гэта розныя выпрабаванні, якія яна вытрымлівае. Падобны малюнак знаходзім і ў вершы «Коціцца крыніца...». У гэтым творы вольха апавядае пра сваё жыццё, у якім нябачна нічога светлага: скардзіцца рэчцы, што яна век прыкавана да зямелькі чорнай; ветру, бо той свабодны, а ёй трэба жыць у нядолі; чалавеку, што яна марнее. Выснова верша – чалавеку жыць усё ж цяжэй, чым вольсе, і таму на скаргу вольхі ён адказвае: *Ты хоць ажыўляеш // Выгляд свой вясною, – // Я сплю адналькова // Летам і зімою.*

У якасці апатрапея беларусы выкарыстоўвалі і *вярбу*: яна «ўжывалася як лекавая расліна, галінкамі вярбы абтыкалі з ахоўнымі мэтамі палі і да т. п.» (Беларуская міфалогія 2004, 106). Вярба – куст або дрэва, якое ў славян сімвалізуе «хуткі рост, здароўе, жыццёвую сілу, урадлівасць» (Толстой, Усачева 1995, 333), а таксама – «вясенні росквіт прыроды» (Шапарова 2001, 160), што звязана з яе ўласцівасцямі хуткага прыжывання і хуткага росту і з яе раннім цвіццём як першай прыкметай вясны. У асноўным вярба расце па нізкіх мясцінах – над рэчкамі, ручаямі, каля вады, што адлюстравана, напрыклад, у няскончанай паэме «Гарыслава».

Уяўленні пра вярбу былі дваістымі: «...з аднаго боку, яна ўспрымалася як расліна карысная, нават святая, аднак з другога, ёй нярэдка прыпісваліся і нядобрыя якасці, сувязь з нячыстай сілай і інш.; пры гэтым такі падзел часта суадносіўся з узростам вярбы (так, у славян лічылася, што маладая вярба абараняе ад нячыстай сілы, стыхійных бедстваў, хвароб і г. д., у той час як старая служыць прыстанкам для чарцей, вадзянікоў і іншай “нечысці” і на яе можна адсылаць розныя хваробы)» (Шапарова 2001, 160–161).

Вобраз вярбы ў творах Купалы ў цэлым станоўчы. Сваю адзіноту лірычны герой верша «На адвітанне» параўноўвае з вярбінкай: *Я ж адзін, як над рэчкай вярбінка, // Буду жыць і цябе ўспамі-*

наць, пад шырокай вярбой, якая расце ў садзе, сустракаюцца закаханыя (верш «У зялёным садочку»). Адухаўленне вярбы яскрава выяўляецца ў «Песнях вайны», дзе вярба і асака непакоюцца, спрабуючы зразумець «варожбы» перад вайной. У купалаўскім вершы «Вярба» дрэва паказваецца адзінокім, пакутным, нямым, яно выклікае страх у птушак. Напрыканцы твора паэт тлумачыць, што ў гэтай сухой вярбе пакутуе грэшная душа.

Дрэва сямейства вярбовых – *таполя*. У сусветнай міфалогіі яна сімвалізуе дваістасць, што звязана з двума колерамі яе лістоў – цёмных зверху і светлых унізе. «Старажытныя грэкі спрабавалі растлумачыць гэту з’яву ў міфе пра Геракла... герой надзеў вянок з таполевых галін перад тым, як сысці ў падземнае царства. Дым закапіў верхні бок лістоў, а потым высветліў ніжні». 3-за рознага колеру лісця вобраз таполі сімвалізуе ўсе бінарныя апазіцыі: інь і ян, месяцавае і сонечнае (у Кітаі) і інш. (гл. Тресіддер 1999, 371). Для стварэння алегорыі ў вершы «Дзве таполі» Купалам выкарыстоўваецца вобраз таполяў: яны растуць у полі, шумяць, спяваюць пра Усход і Заход, пануюць над дубамі, «начуюць... самаўладна», іх насцігае помста неба – і яны «навекі... заснулі». Паэт не тлумачыць, за які грэх іх напаткала помста неба: ці за думкі пра чужыну, ці за панаванне над іншымі дрэвамі. Магчыма, таполя ўспрымалася паэтам як панскае дрэва (аб гэтым сведчыць і верш «Палац», у якім таполі растуць ля самых муроў палаца).

Такім чынам, у нашаніўскай паэзіі Янкі Купалы ў семантыцы асобных вобразаў дрэў спалучаецца міфалагічнае і сацыяльнае. Пры гэтым сімвалічныя якасці дрэў выкарыстоўваюцца для ўзмацнення пэўных якасцей чалавека: моц, веліч, мудрасць дуба, адчай і «неадукаванасць» вольхі, станоўчасць (дабрыня) бярозы, ліпы і г. д. Міфалагічным уяўленнем славян адпавядаюць купалаўскія вобразы асіны і хвойных дрэў. Супадае з народнай традыцыяй і наяўнасць парных вобразаў дрэў (клёна і ліпы, явара і каліны), адлюстраванне праз іх моцы і вернасці кахання.

ЛІТАРАТУРА

- Агапкина Т. А., Усачева В. В. Липа // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 112–114.
- Агапкина Т. А. Осина // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004 [а]. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 570–574.
- Агапкина Т. А., Усачева В. В. Оляха // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004 (б). Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 546–547.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1995. Т. 2.
- Беларуская міфалогія: Энцыкл. слоўнік. Мн., 2004.
- Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. 2-е выд., стэр. Мн., 2001.
- Купала Я. Поўны збор твораў: У 9 т. Мн., 1995–2001. Т. 1–7.
- Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995.

Толстой Н.И., Усачева В.В. Верба // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1: А – Г. С. 333–336.
Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
Усачева В.В. Калина // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2: Д – К (Крошки). С. 446–448.
Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2001.

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

Паступіў у рэдакцыю 04.03.09.

Ганна Мікалаеўна Мятліцкая – кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры беларускай літаратуры і культуры.

В.Ю. БАРОЎКА

БЕЛАРУСКАЯ ПРОЗА XX ст. ЯК КРЫНІЦА НАРОДАЗНАЎСТВА

Исследуются особенности художественного народознания, отмечается его бинарная природа. Подчеркиваются полифункциональность народоведческого материала в структуре литературного произведения и устойчивое присутствие культурологической функции в творчестве белорусских писателей XX в. Определяются доминантные способы и приемы художественного народоведения в белорусской прозе минувшего столетия.

In the article specificity of art anthropology is under investigation, and the author indicates its binary nature. The polyfunctionality of ethnographic material in the structure of literary work and the steady presence of culturalological function in the works of fiction by Belarusian writers of the XX century are emphasized. The dominant methods and ways of art anthropology in the Belarusian prose of the last century are defined.

Фальклор, міфалогія, этнаграфія, гісторыя, сацыялогія, мастацкая літаратура – найбольш важныя складнікі адзінай мегасістэмы – народазнаўства. Значнае і асаблівае месца ў іх шэрагу належыць мастацтву слова. Письменнікі звычайна звяртаюцца да рознага роду народазнаўчых звестак для паўнакроўнага ўвасаблення свету і чалавека. Сацыягістарычная, ландшафтная, аксіялагічная сферы нацыянальнай прасторы, з аднаго боку, у той ці іншай ступені ўплываюць на літаратурную творчасць, а з другога – яны самі мадэлююцца, міфалагізуюцца і рэпрэзентуюцца славаесным мастацтвам.

У ліку першых на гнесеалагічны і эстэтычна-аксіялагічны аспект народазнаўчага матэрыялу ў мастацкіх творах звярнуў увагу нямецкі вучоны XVIII ст. І.І. Вінкельман, які адзначыў дэтэрмінаванасць зместу і формы твораў мастацтва нацыянальным і рэгіянальным складам мыслення (гл. Вінкельман 1933, 18). Сучаснік і суайчыннік Вінкельмана І.Г. Гердэр на падставе аналізу сучаснага яму прыгожага пісьменства сцвярджаў, што творчым асобам, каб дасягнуць значных мастацкіх вышынь, атрымаць сусветнае прызнанне, трэба шырэй паказваць жыццё свайго народа. Літаратура еўрапейскага рамантызму акцэнтавала эстэтычную каштоўнасць адзінкавага, незвычайнага, істотнай праявай якога, на думку пісьменнікаў, выступалі нацыянальная гісторыя народаў свету, фальклор, этнаграфічна-бытавыя пласты. Рускі рамантык Арэст Сомай у артыкуле «Аб рамантычнай пэзіі» (1823) падкрэсліваў: «Славеснасць народа – гэта гаворачая карціна яго нораваў, звычаяў і ладу жыцця» (Сомов 1983, 25). Вядомы крытык В.Р. Бялінскі таксама лічыў, што «мастацтва з боку свайго зместу ёсць выяўленне гістарычнага жыцця народа» (Белинский 1955, 611). Пачатак канцэптуальна-сістэмнаму навуковаму асэнсаванню народазнаўчага ма-

тэрыялу ў літаратурных творах паклалі прадстаўнікі культурна-гістарычнай школы. Яны адзначалі, што каштоўнасць мастацтва слова ў многім вымяраецца пададзенай пісьменнікамі інфармацыяй народазнаўчага кшталту. Ва «Уводзінах» да «Гісторыі англійскай літаратуры» заснавальнік культурна-гістарычнай школы І.-А. Тэн заўважыў: «Письменник, калі паказвае спосаб быцця канкрэтнага народа ці канкрэтнага стагоддзя, тым самым дасягае прызнання гэтага стагоддзя і гэтага народа» (Тэн 1987, 94). Паслядоўнік Тэна, рускі вучоны А.М. Пыпін разглядаў літаратуру як каштоўны сродак пазнання народнай культуры, быту, нораваў грамадства і перш за ўсё сялянства, фактычна надаючы літаратуры этнаграфічны статус. На значнасць народазнаўчага боку літаратурных твораў указвалі ў сваіх літаратурна-крытычных працах пачынальнікі новай беларускай прозы Максім Багдановіч, Максім Гарэцкі, Вацлаў Ластоўскі. У артыкуле «Па сваім шляху!» (1914) Ластоўскі, у прыватнасці, сцвярджаў: «Літаратура адбівае ў сабе душу народа, яго трывожныя думы, яго чутыя і хвалюючыя пачуцці, яго зразуменні, душу радуючай красы» (Ластоўскі 1997, 283). Навукоўцы мінулага XX ст., асабліва прыхільнікі анталогічнай пэтыкі і экзістэнцыйнай культуралогіі, лічылі вартым увагі народазнаўчы матэрыял у мастацкіх творах.

Пры навуковым даследаванні літаратуры як крыніцы народазнаўства неабходна зыходзіць са своеасаблівасці мастацтва слова. Літаратура – дастаткова цікавая, змястоўная, але адметная крыніца інфармацыі пра пэўны нацыянальны свет, дзе сінтэзуюцца аб'ектыўнае і суб'ектыўнае, агульнае і індывідуальнае, рацыянальнае і эмацыянальнае. Вобразная форма адлюстравання свету і чалавека перадумоўлівае адпачатковую мнагаснасць паказанага аўтарам. Славуці італьянскі пісьменнік і вучоны XX ст. У. Эка, каб

артыкуляваць менавіта генетычна зададзеную мастацкую вартасць літаратурнага твора, ужыў азначэнне «адкрыты твор», гэта значыць «твор, які вызначаецца полем разнастайных інтэрпрэтацыйных магчымасцей»; таму «чалавек, які яго ўспрымае, уцягваецца ў ланцуг прачытанняў, прычым заўсёды зменлівых» (Эко 2006, 199).

Народазнаўчы матэрыял у паўнавартасным прыгожым пісьменстве ў адпаведнасці з законамі літаратурнай творчасці, якая непадзельная з выкарыстаннем мастацкай умоўнасці, уводзіцца не ў «сырым» выглядзе, а апрацоўваецца пісьменнікам. У дачыненні да народазнаўства ў літаратуры на падставе сказанага вышэй мэтазгодна гаварыць пра мастацкае народазнаўства, каб падкрэсліць ідэацыйнасць свету, пададзенага ў творы славеснага мастацтва. Неабходна таксама адзначыць, што эстэтычны і анталагічны феномен мастацкага народазнаўства вызначаецца багаццем і адзінствам прадметнага і сэнсавога планаў матэрыялу, прадстаўленага пісьменнікам.

Выяўленне асаблівасцей жыцця пэўнага этнасу ў літаратуры ўключае ў сябе апрацоўку фальклору, міфалогіі, апісанні быту, сацыяльных адносін, ландшафту, перадачу светаўспрымання. Дамінантнымі сродкамі мастацкага народазнаўства ў беларускай прозе XX ст. выступалі апісанні этнаграфічна-бытавога характару, лаканічныя, але семантычна значныя мастацкія дэталі, пейзажныя замалёўкі, фалькларызм і міфалагізм. Да пашыраных прыёмаў інкарпарацыі айчыннымі аўтарамі народазнаўчага матэрыялу ў структуру літаратурных твораў належаць апісанні ад імя аўтара або апавядальніка ці персанажаў, пададзеныя асобна або ў іх спалучэнні; метаапісанні; выкарыстанне фальклорных матываў, аўтаэтнастэрэатыпаў і гетэраэтнастэрэатыпаў.

Мастацкае народазнаўства ў беларускай прозе мінулага стагоддзя дэтэрмінавалася не толькі асабістай зацікаўленасцю пісьменнікаў тымі ці іншымі бакамі жыцця суайчыннікаў, але і аб'ектыўнымі, пераважна сацыякультурнымі фактарамі. Так, у айчынай прозе першай трэці мінулага стагоддзя пісьменнікі выяўлялі асаблівасці нацыянальнага характару, абумоўленыя сацыяльна-гістарычнымі абставінамі, імкнуліся паказваць спецыфіку светаўспрымання сваіх землякоў, у 1930-х гг. на першае месца выйшаў сацыяльны складнік народнага жыцця, у перыяд Вялікай Айчынай вайны значная ўвага надавалася даследаванню патрыятызму людзей з народнай гушчы, у 1950-х – ролі чалавека ў вытворчым працэсе, у другой палове XX ст. – асэнсаванню ролі маральнага вопыту мінулых часоў для сучаснасці.

Аўтарская задума і ўзровень пісьменніцкага таленту вызначаюць характар і ступень выкарыстання мастакамі слова народазнаўчага матэрыялу ў канкрэтных літаратурных творах. Адносіны пісьменнікаў да народазнаўчага матэрыялу

бываюць або рэпрадуктыўныя, калі захоўваецца яго аўтахтоннасць, або рэфлектыўныя, калі ён трансфармуецца. Адрэфлексаваная мастакамі слова этнічнасць у літаратурных творах прадстае як каштоўнасць эстэтычная, этычная, навуковая. Рэлевантная рыса мастацкага адлюстравання ўвогуле і звязанага з ім мастацкага народазнаўства – непарыўная сувязь у адлюстраваным гнэсеалагічнага, эстэтычнага і этычнага бакоў.

Народазнаўчы матэрыял надзвычай актыўна выкарыстоўваўся беларускімі пісьменнікамі, якія звярталіся да гістарычнай тэмы. Вопыт сусветнай літаратуры і айчынай прозы сведчыць, што ў такіх творах звычайна цесна пераплецены рысы гістарычнага і мастацкага пазнання свету, аднак таленавітыя аўтары ніколі не імкнуліся да люстранага ўзнаўлення рэчаіснасці, да фактаграфічнасці. У прыватнасці, класік беларускай гістарычнай прозы Уладзімір Караткевіч да асвятлення мінулага падыходзіў менавіта як крэатар, мастак, таму, напрыклад, у рамане «Каласы пад сярпом тваім» ён дастаткова адвольна абыходзіўся з гісторыка-этнаграфічнымі фактамі. Так, Караткевіч у адным з эпизодаў рамана маляўніча паказаў пастрыжыны Алеся Загорскага. Гэты абрад на беларускіх землях у XIX ст. не меў шырокага арэальнага бытавання, увогуле не быў прыняты ў сем'ях праваслаўнага веравызнання Падняпроўя (нагадаем: па настаянні старога Вежы бацькі хрысцілі Алеся ў царкве, а не ў касцёле. – В. Б.), аднак у апавядальніцкую тканіну твора эпизод уключаецца Уладзімірам Караткевічам, дзякуючы гэтаму ў рамане панарамна падаецца атачэнне князёў Загорскіх, абазначаецца чарговы этап сацыяльнай і псіхалагічнай ініцыяцыі галоўнага героя твора.

З дапамогай народазнаўчага матэрыялу ў літаратуры, з аднаго боку, адлюстроўваецца пэўная нацыянальная рэчаіснасць, а з другога – выяўляецца канкрэтнае пісьменніцкае стаўленне да яе. Пры гэтым амплітуда каштоўнасцей шкалы можа вагацца ад рамантызаванай паэтызацыі да сатырычнага выкрыцця. Варта зазначыць, што мастацкія вобразы, асобныя замалёўкі ды і сама цэласная карціна жыцця і нораваў у літаратурных творах дыялагічныя па сваёй сутнасці. Прыгадаем трактоўку навукоўцамі ролі малюнкаў вясковай беларускай рэчаіснасці ў аповесці Максіма Гарэцкага «Ціхая плынь». Паводле А.М. Адамовіча, Максім Гарэцкі высмейвае такім чынам свае ўласныя спробы ў духу гоголеўскіх «Вечароў на хутары бліз Дзіканькі» расказаць пра беларускі край, і адначасова тут Гарэцкім «падрабязна, з добрым веданнем жыцця мужычага – бо гэта дзеда, маці, бацькі, уласнага дзяцінства праўда і памяць – апавядаецца пра беларускую вёску» (Адамовіч 1980, 115). З пункту гледжання М.А. Тычыны, Гарэцкі з дапамогай этнаграфічна-бытавога фону стварае «эпітафію патрыярхальнаму ладу жыцця» (Тычына 1994, 83), на думку ж

Л.Д. Корань, Максім Гарэцкі выказвае шчырае спачуванне галоўнаму герою і яго землякам, «каб сціснулася нават самае “сапселае” сэрца ад болю за Хомку, за беларуса і Беларусь» (Корань 1996, 38).

Літаратуразнаўства першачаргова цікавіць эстэтычны бок народазнаўчага матэрыялу, яго семантыка-функцыянальны план. Да ліку галоўных функцый народазнаўчага матэрыялу ў мастацкіх творах адносяцца культуралагічная, характаратворчая, сюжэтна-кампазіцыйная, сэнсава-генератыўная. Культуралагічная функцыя народазнаўчага матэрыялу – адна з цэнтральных, яе сутнасць заключаецца ў рэпрэзентацыі пэўнага народа і яго матэрыяльнай і духоўнай культуры ў нейкі канкрэтны перыяд развіцця. Беларуская проза XX ст. назапасіла багаты вопыт у асэнсаванні народнага быту і ментальнасці суайчыннікаў. Вядома, што пры ўзнаўленні пэўнага нацыянальнага свету пісьменнікі звяртаюцца да рэпрадуктыўнага паказу або да ўласнай творчай інтэрпрэтацыі этнічных стэрэатыпаў, гэта значыць «устойлівых уяўленняў пра разумовыя і фізічныя якасці, уласцівыя прадстаўнікам розных этнічных агульнасцей» (Тавадов 2007, 587). Своеасаблівае нацыянальнае літаратуры не ў апошнюю чаргу выяўляецца праз тое, аўта- ці гетэраэтна-стэрэатыпам яна аддае перавагу і выкарыстоўвае іх непасрэдна або трансфармуючы. Айчыныя пісьменнікі XX ст. цэнтральнае месца адводзілі даследаванню менавіта характару саміх беларусаў, дапаўнялі і развівалі далей напрацоўкі сваіх папярэднікаў у гэтым кірунку, мадэлявалі і міфалагізавалі характары сваіх землякоў. Паводле сферы ўзнаўлення народазнаўчы матэрыял у беларускай прозе падзяляўся на сацыяльны: пісьменнікі ўзнаўлялі рэаліі, уласцівыя пэўнай сацыяльнай групе (па пазалітаратурных прычынах нацыянальнай прозай быў найбольш дэталёва даследаваны сацыяльны быт сялянства); бытавы, дзе падаваліся побытавыя падрабязнасці (рэчы, стравы, асаблівасці сямейных і міжасобных стасункаў, звычаі, святы і г. д.); ландшафтны (пейзажны), калі адлюстроўваліся характэрныя для Беларусі пейзажы. Гэтыя віды народазнаўчага матэрыялу маглі выступаць і ў асобных праявах, і ў спалучэннях (асабліва часта перапляталіся сацыяльны і бытавы віды), утвараючы пры гэтым цэласна змадэляваны пісьменнікамі этнаграфічны субстрат, які перадаваў шматстайнасць і цэласнасць адлюстравання майстрамі слова розных бакоў нацыянальнай рэчаіснасці ў літаратурным творы. У залежнасці ад таго, паказваліся праявамі адметнасці жыцця насельніцтва ўсёй краіны ці яе пэўнага рэгіёна, мэтазгодна вылучыць агульнанацыянальны, калі рэпрэзентаваліся матэрыяльная і духоўная культура беларусаў як народа (проза Якуба Коласа, Максіма Гарэцкага, Кузьмы Чорнага, Уладзіміра Караткевіча), і рэгіянальна-абласны, калі ад-

люстроўваліся асаблівасці быту і светаадчування, уласцівыя насельнікам нейкага асобнага рэгіёна Беларусі (у творчасці Вячаслава Адамчыка ўзнаўляліся яскравыя рэаліі заходнебеларускага жыцця, у «Палескай хроніцы» Івана Мележа – жыццё палешукоў 1920–1930-х гг.).

Культуралагічная функцыя пададзенага пісьменнікам у творах народазнаўчага матэрыялу па-свойму збліжае мастацтва слова з навукай, у прыватнасці з гісторыяй, сацыялогіяй, этнаграфіяй. Пісьменнік, дзякуючы народазнаўчаму матэрыялу, нярэдка не толькі паказвае існую, але і праграміруе жаданую, на яго погляд, нацыянальную рэчаіснасць. Так, Ян Баршчэўскі ў сваёй знакамітай кнізе «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях», падрабязна апісваючы сядзібу старога Завальні, фактычна выказваў уласную мару пра ідэальны Беларускі Дом, у якім пануе сацыяльная, канфесійная і нацыянальная талерантнасць. Культуралагічная функцыя народазнаўчага матэрыялу прысутнічае ў славесным мастацтве са старадаўніх часоў, мяняюцца толькі прыёмы яе рэалізацыі ў творчасці канкрэтных аўтараў, у беларускай прозе мінулага стагоддзя яна займала дамінантнае становішча.

Нярэдка народазнаўчы па сваёй прыродзе матэрыял выконвае характаратворчую функцыю. Агульнавядома, што ідэйна-мастацкі сэнс напісанага праявікам даходзіць да свядомасці чытача тады, калі пісьменнік пераканаўча раскрывае індывідуальныя рысы персанажаў. З дапамогай народазнаўчых звестак персанаж рэпрэзентуецца не толькі нацыянальна, але і асобасна, гістарычна, сацыяльна, псіхалагічна, этычна. Напрыклад, у рамана Івана Шамякіна «Снежныя зімы» прагматык і кар’ерыст Валянцін Будыка на вяселлі дачкі свайго былога партызанскага камандзіра Івана Антанюка на першы погляд зусім нечакана прадстае абаронцам народных традыцый, калі згадвае пра старадаўні беларускі вясельны абрад, калі абураецца тым, што зараз людзі забываюць старыя звычаі, але славесная пікіроўка Будыкі з паэтам выяўляе сапраўдную сутнасць гэтага чалавека, якая зводзіцца да крывадушнасці, бо Валянціну важна любой цаной прынізіць гаспадара, паказаць адарванасць Антанюка ад народа.

Сюжэтна-кампазіцыйная функцыя народазнаўчага матэрыялу рэалізуецца ва ўдзеле складнікаў мастацкага народазнаўства ў арганізацыі падзей, пра якія расказваецца ў творы. Напрыклад, апісанне вячораў у пачатку рамана Івана Мележа «Людзі на балоце» – важная частка сюжэтнага ланцуга, своеасаблівае завязка любоўнай сюжэтнай лініі «Ганна – Васіль – Яўхім – Хадоська». Сюжэтна-кампазіцыйную функцыю народазнаўчы матэрыял дастаткова часта набывае ў дэтэктыўных, прыгодніцкіх творах.

Сэнсава-генератыўная функцыя заключаецца ў тым, што народазнаўчы матэрыял у літаратур-

ным творы надае аповеду і пэўнай, па-мастацку ўзноўленай з'яве шырокі абагульняючы сэнс. Напрыклад, згадка пра купальскі агонь у аповесці Віктара Казько «Суд у Слабадзе» як сілу знішчальную, а не ачышчальную падкрэслівае антычалавечы твар вайны. Як сведчыць гісторыя сусветнай і нацыянальнай прозы, у межах канкрэтнага твора народазнаўчы матэрыял нярэдка выконвае адразу некалькі функцый. Так, у рамане «Людзі на балоце» Івана Мележа перш за ўсё рэалізуюцца культуралагічная, сюжэтна-кампазіцыйная і характаратворчая функцыі народазнаўчага матэрыялу, у «Нерушы» Віктара Казько – культуралагічная, характаратворчая, сэнсава-генератыўная і сюжэтна-кампазіцыйная, у якасці аргументацыі мэтазгодна найперш спаслацца на адлюстраванне прэзентам незваротных змен у прыродзе, побыце і светаадчуванні людзей, якія адбыліся ў Княжборы і яго ваколіцах пасля паспешливай і непрадуманай меліярацыі.

У мастацкім творы ў прыватнасці і ў літаратурным працэсе ўвогуле народазнаўчы матэрыял можа выконваць жанраўтваральную і стылеўтваральную функцыі. Насычанасць літаратурных твораў фальклорна-этнаграфічным і этнаграфічна-бытавым матэрыялам уздзеяннае на карэкцыю іх жанравай формы. Жанравыя мадыфікацыі ў беларускай прозе часта абумоўліваліся рухам семантыкі і функцый народазнаўчага матэрыялу ў творах аўтараў, засяроджаных на адлюстраванні народнага жыцця і на даследаванні характараў людзей з народа. Так, у перыяд фарміравання беларускага рамана этнаграфічна-бытавы матэрыял, што прадстаўляў нацыянальную рэчаіснасць, быў важнай часткай прадметнага свету сацыяльна-бытавога рамана, потым у панарамным сацыяльна-бытавым рамане, які нарадзіўся ў канцы 1920-х гг., у сацыяльна-бытавым рамане рэтраспектыўнага характару з вясковага жыцця і ў гістарычным рамане, што пачаў развівацца з 1960-х гг., народазнаўчы матэрыял істотна пашыраў семантычнае поле эпічнасці за кошт падключэння пісьменнікамі элегічна-этычна афарбаванага кампартыўнага дыяхроннага плана, а ў сацыяльна-філасофскім рамане, які вядзе свой радавод ад раманаў Кузьмы Чорнага 1930-х гг., ён яшчэ дадаткова ствараў багаты асацыятыўны фон. Народазнаўчы матэрыял выступаў у ролі стылеўтваральнай як у межах нацыянальнай

прозы, так і ў межах творчасці канкрэтных аўтараў, што адрозніваліся паміж сабой па дамінантных прынцыпах, прыёмах, сродках інкарпарацыі гэтага матэрыялу ў літаратурныя творы. Вядома, што ў канкрэтнай пісьменніцкай практыцы народаапісанне і народапазнанне рэалізуюцца па-рознаму: у адных пісьменнікаў (Якуб Колас, Кузьма Чорны, Вячаслаў Адамчык) яны знаходзяць усебаковае знешняе выяўленне, у другіх (Алесь Адамовіч, Васіль Быкаў, Іван Шамякін) – яны нярэдка латэнтныя ці рэдукаваныя; адны пісьменнікі акцэнтуюць рэлевантныя, на думку многіх аўтараў і грамадскасці, рысы характару свайго народа, другія, наадварот, – рэлятывныя, каб артыкуляваць складанасць і неадназначнасць нацыянальнага характару, пазбегнуць клішыраваных схем.

Айчынная проза мінулага стагоддзя асэнсоўвала важнейшыя вехі ў гісторыі беларусаў, спрабавала выявіць субстанцыянальныя рысы свайго народа. У пачатку трэцяга тысячагоддзя ў сувязі з інтэнсіўнымі культурна-цывілізацыйнымі ўзаемадзеяннямі, працэсаваннем антынамічных працэсаў глабалізацыі і глакалізацыі становіцца відавочнай уласна навуковая і грамадская запатрабаванасць тыпалагічных даследаванняў семантыка-функцыянальнага спектра народазнаўчага матэрыялу ў літаратурных творах.

ЛІТАРАТУРА

- Адамовіч А.М. «Браму скарбаў сваіх адчыняю...». Мн., 1980.
 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 4.
 Винкельман И.И. История искусства древности. М., 1933.
 Корань Л. Цукровы пеўнік: Літ.-крыт. арт. Мн., 1996.
 Ластоўскі В. Выбраныя творы. Мн., 1997.
 Сомов О. О романтической поэзии // Литературные манифесты русских романтиков. М., 1983. С. 23–36.
 Тавадов Г.Т. Этнология: современный словарь-справочник. М., 2007.
 Тычына М.А. Проза // Нарысы па гісторыі руска-беларускіх літаратурных сувязей: У 4 кн. Кн. 3. 1917–1941. Мн., 1994. С. 77–139.
 Тэн И.-А. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы: трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
 Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2006.
 Паступіў у рэдакцыю 17.03.08.

Ванда Юльянаўна Бароўка – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава.

С.Я. ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ

МОНОДРАМА В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ГРИШКОВЦА

Раскрывается жанровая специфика монодрам Е. Гришковца («Как я съел собаку», «ОднорЕмЕнно», «Город», «Планета» и др.). Особое внимание уделено художественной монодраматической структуре: синтезу лирического и эпического, авторефлексии, хронотопу, моногерою и транстекстуальному диалогу.

Genre specificity of Grishkovets' monodramas («How I ate the dog», «At the same time», «The City», «The Planet» and etc.) is revealed. Particular attention is given to the artistic monodramatic structure (synthesis of lyrical and epic, autoreflexion, chronotope, monohero, transtextual dialogue).

В русской драматургии конца XX – начала XXI в. продолжают эксперименты в области

жанровой структуры, происходит процесс не столько «диффузии» жанров, сколько отход от

традиционных канонов, смещение понятий «жанр – текст». Как никогда раньше, автор стремится обнаружить себя, доверительно поговорить со зрителем, рассказать о своем личном и сокровенном. Все это наблюдается в творчестве Е. Гришковца – уникального драматурга, актера и режиссера.

Жанровая атрибуция его пьес оказывается не простой, так как установить границу между эпическим и драматическим в них довольно сложно. Е. Гришковец ломает традиционную драматургическую структуру и придает ей повествовательный характер. Ярко выраженная нарративная основа (герой-рассказчик, воспоминания, «пересказ рассказов о своей жизни») выстроена по принципу «потока сознания». В нее «вмонтированы» элементы драмы (наличие ремарок, диалогов, монологов, микродиалогов). Налицо родовидовой синкретизм. По определению самого автора, такие пьесы, как «ОдноврЕмЕнно», «Как я съел собаку», «Дредноуты», являются монодрамами. К ним следует отнести и «Планету». Данную жанровую принадлежность констатируют исследователи М.И. Громова, Е.Е. Бондарева, отмечая в пьесах Е. Гришковца наличие признаков монодрамы (см. Бондарева 2006, 262–270; Громова 2005, 337–340).

В литературоведении эта жанровая модель изучена недостаточно глубоко. Интерес к ней был проявлен еще в начале XX в. и отражен в работах Н. Евреинова, А. Кугеля, Вяч. Иванова, А. Белого. Закономерно, что на современном этапе вновь произошла актуализация монодрамы, так как поиски новых форм, ломка старых канонов – общее для этих периодов.

Н. Евреинов представлял монодраму как «новую архитектуру драмы», способную вытеснить устаревшую структуру классической пьесы (см. Евреинов 1909, 2). По его мнению, монодрама, «стремясь наиболее полно сообщить зрителю душевное состояние действующего лица, являет на сцене мир таким, каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» (Евреинов 1909, 8). При этом зритель видит окружающий мир глазами героя, а герой видится зрителям таким, каким он кажется себе в тот или иной момент. А. Кугель уточнял, что монодрама дает право каждому видеть изображаемое на сцене по-своему (см. Кугель 1923, 196–201). Важную черту в этом виде драмы отметил Вяч. Иванов: он акцентировал внимание на субъективном мировидении драматурга, его личности и душевной судьбе (см. Иванов 1916, 284).

В конце XX в. произошло дальнейшее осмысление жанровой специфики монодрамы. Ее по праву отнесли к «лирико-драматическому междуродовому образованию», отмечая особенности композиции («многособытийная ассоциативная структура, упорядоченная системой лейтмотивов») и форму повествования («рассказ героя

либо его разговор с бессловесным или отчужденно присутствующим персонажем») (см. Ершов 1995, 411).

Интересные наблюдения относительно дискурсивной основы монодрамы принадлежат Е. Бондаревой, обратившей внимание на монодраматический текст, в котором имеют место переходные явления на стыке монолога и диалога (прежде всего скрытого), ею отмечаются подвижные рамки жанрового канона; монодрама интерпретируется в едином типологическом ряду с психодрамой (см. Бондарева 2006, 262–270).

Не вызывает споров и тот факт, что в монодраме ведущая роль отведена одному персонажу, остальные принимают пассивное участие. Существует утверждение, что данное драматическое произведение исполняется одним актером (см. Головенченко 2001, 586). И хотя толкование монодрамы (от греч. *monos* – один; *drama* – действие) ориентирует на наличие в ней одного героя, тем не менее, как показала практика драматургии, их может быть и больше, но значимой роли они не играют. Из перечисленных признаков многие присутствуют в пьесах Е. Гришковца («Как я съел собаку», «Город», «Планета», «ОдноврЕмЕнно», «Дредноуты»). Однако от монодрам того же Евреинова («В кулисах души», «Представление любви», «Эоловые арфы») они отличаются модифицированной структурой. В чем же она проявляется?

Сюжетную основу пьесы «Как я съел собаку» составляют воспоминания героя о том периоде, когда он служил во флоте. При этом субъективная переоценка объективных реалий представляется в пересказе историй и жизненных ситуаций. Драматург показывает, каким образом события жизни трансформируются в сознании героя. В памяти всплывают отдельные эпизоды, картины внезапно обрываются, сменяются, в них прошлое сочетается с настоящим. Его не заботит логика и законченность фраз, мысли, он говорит все то, что приходит ему в голову. Все выстроено на ассоциациях, спонтанной интерпретации. Здесь главную роль играет *слово*, оно движет сюжет. Экспрессия, сумбур, рефлексия пропитывают повествование, придавая ему динамику. Монолог часто переходит в скрытый диалог. И лишь в некоторых случаях, прерывая диалогическую нить, переходит на внутренний монолог-самоанализ. Форма беседы предполагает диалог, но он «условный», так как ведется на подсознательном уровне со зрителем и с самим собой. При этом субъективное настроение героя выглядит объективным. Его личный опыт кажется убедительным. Окружающий быт составляет для него единственную реальность, устойчивую константу, которая не поддается иллюзорному искажению. Бытовое пространство (вагон, купе, питье чая) вбирает контаминацию воспоминаний (поход в кинотеатр, уроки в школе, служба в ар-

мии) и размышлений о поступках, мучающих совесть. Реальное и виртуальное в нем сложно переплелись: «Представьте себе – вы проснулись однажды утром, а вы – гусар» (Гришковец 2003, 16). Устойчивые понятия «тогда» и «теперь» утрачивают смысл временной дистанции. Такой принцип, положенный в основу организации пространства, в свою очередь, рождает кинематографический метод изображения действительности. Наслаивая, надвигая один эпизод на другой, Е. Гришковец создает фрагментарную цепочку событий, которая формирует единое мнемотическое пространство. Его урбанистический и социографический топосы включают разные временные пласты, сотканные из жизненных перипетий героя, его размышлений о том, как жил, что делал, что помнил, рассказов «без причины» и «по поводу», воспоминаний о друзьях и знакомых.

«Разомкнутое» пространство (география путешествий) сочетается с «замкнутым» (родной город), внутренне локальным, раскрывающим микромир героя. При этом создается видимость одномоментности всего происходящего, что отражает концептуальное художественное единство макро- и микромира, а перемещение из одного пространства в другое создает движущую панораму «частной жизни» как составной части общественной. Фрагментарно-ассоциативный способ повествования позволяет читателю/зрителю видеть происходящее одновременно глазами героя и глазами автора.

В отличие от монодрам Н. Евреинова, в которых использовался принцип повторяемости одного и того же эпизода, увиденного по-разному героями пьес, монодрамы Е. Гришковца состоят из рассказов-эпизодов, нанизанных друг на друга. Они не повторяются, рассчитаны в большей степени на вербальное восприятие и получают однозначную трактовку.

В монодраматической структуре его пьес активно присутствуют *лирическое* и *эпическое* начала. Лиризм проявляется в раскрытии внутреннего мира героя, в его исповедальных монологах и искренних до наивности рассуждениях, вызывающих сопереживание. Эпическое повествование насыщается элементами лирической авторефлексии, превращающей автора одновременно в субъект и объект изображения. Он – носитель опыта, содержание которого разыгрывается в тексте по ролям, т. е. автор «развоплощается» в персонаже или персонажах, присутствует в системе целого как некая формотворческая сила, как демиург.

Эпическое выражено в развернутых монологах, содержащих скрытый или опосредованный диалог. Обращенный к себе дискурс предполагает актерскую форму выражения. Создается условный мир театра одного актера, на котором сосредоточено все. Фотографически изображенная действительность предстает как иллюстри-

рованный рассказ, как лента кинематографа. При этом единый мир сохраняет ощущение цельности, хотя соткан из кусочков, распадается на разные временные и событийные локусы, сосуществующие в едином пространстве автора-рассказчика.

Если в монодраме Н. Евреинова миры на сцене жили параллельно, создавая иллюзию одновременного их бытия, то у Е. Гришковца действительность преломляется в сознании автора-рассказчика, а иллюзия одновременности сохраняется за счет перебивки временных пластов и событий, сфокусированных в повествовании от одного лица. Мысль в настоящем одновременно видит прошлое по ассоциации с пережитым. Сюжет – «пересказ рассказов о жизни» – реализуется в театральной форме, стремящейся отразить мир сознания, рефлексии души, психологию и настроение героя-рассказчика. Цель – показать жизнь во времени, выяснить для себя и окружающих, в чем ее смысл.

Жанровым маркером монодрам Е. Гришковца является *моногогерой*, другие действующие лица выполняют роль пассивного собеседника, от которого ничего не зависит. Все подчинено эгоцентризму автора-героя и сконцентрировано на фигуре рассказчика. Драматургом проигрываются жизненные ситуации и раскрываются сомнения и поиски героя-рассказчика пьесы, который становится непосредственным действующим лицом. Так, в монодраме «Город» второстепенные персонажи (Она, Отец, Максим, Водитель) лишь участвуют в разговоре с Басиным, помогая ему самораскрыться. Сюжетная основа этой пьесы состоит из «разговоров», которые можно рассматривать как единый монолог главного героя, раскрывающий внутренний спор. Один голос говорит уйти из дома, уехать из душного города, другой – заставляет вспомнить то хорошее, что было в этом городе, в семье. Раздвоенное сознание – конфликт с самим собой, не психическая патология, а признак здорового ума, находящегося в постоянном поиске истины. Бинарная оппозиция *Я – Другой* помогает глубже раскрыть не только состояние Басина, но рефлексии его мысли, основанную на внутреннем противоречии, что усиливает психологизм пьесы. Наслаивание фантазий и реальности говорит о болезненном состоянии его души, о его сверхчувствительности. Такое внутреннее беспокойство отражается и в его внешнем виде, поведении, манере общения. У Басина возникает чувство необходимости бегства от родного и близкого в неизвестность. Называя его эгоистом, окружающие не понимают, что он ищет, от чего бежит.

Мотив пути, бегства сопряжен с мотивом поиска нужного пространства. Басин часто говорит, что он «не чувствует города», в котором живет: «Вот я хожу по городу, я его так знаю, здесь вся моя жизнь, за его пределами у меня ничего нет, и

никого, почти никого, а сейчас я не чувствую его, как город. Я его не чувствую... Я его вижу. И вижу я строения, между ними дороги... в землю зарыты трубы, провода, люки кругом, чуть поглубже метро...» (Гришковец 2003, 86).

Басин осознает себя свободным человеком, но не удовлетворенным жизнью, мечтает о будущем, строит планы, продумывает, но дальше разговоров не идет, действует не действуя. Споры с женой и другом напоминают диалоги из драмы абсурда. Каждый слышит только себя. Нарушается коммуникативная связь, подчеркивающая одиночество героя, который стремится найти выход в «родное пространство». Им является все же *Город*. В нем он стремится осознать смысл всего происходящего, смысл личной жизни: «Но это не тот город, который я любил, или страна... Мне так жаль того мальчика, то есть, меня мальчика, который думал про себя давным-давно: "Господи, какое счастье, что я родился именно здесь!" ...А сейчас я не понимаю, что это. В смысле, не что это за страна, а почему я ее то так любил, то не любил, почему я здесь живу, почему живу именно так...» (Гришковец 2003, 86).

Вставные монологи (ее монолог, его монолог) выполняют роль лирических отступлений, раскрывают отношение героя к *Городу*, который представлен автором в проекции настоящего, прошлого и будущего, приобретает социальный, бытовой и бытийный аспекты. Его пространство можно обозначить как оппозицию «прошлое – настоящее», «родное – чужое» (Ю.М. Лотман). *Город* формируется автором как макромир и микромир: город, в котором живут люди, – город детства, город, в котором живет герой-рассказчик, город-мечта. Разные пласты художественного пространства аккумулируются в единое целое, в котором особое место занимают такие концепты, как *Родина – Детство – Дом – Судьба*. Так, через урбанистический топос, связанный с жизнью персонажа, автор раскрывает его судьбу и внутренний мир.

В пьесах Е. Гришкова герой-рассказчик кажется беспечным, сентиментальным и чудаковатым. Находясь в постоянном поиске истины, он стремится разобраться в самом себе, обрести гармонию с миром, осознавая свою слабость. Он и философ, и наблюдатель, и участник одновременно. Анализируя некоторые свои поступки, он огорчается, постоянно задает философские вопросы: кто я есть? Сентиментально-философские воспоминания, оптика повседневности, размышления пронизаны искренностью наивного простака, хорошего человека. Контур реальности, пропущенные через его сознание, до боли знакомы зрителю. Публика узнает себя в этих рассказах – происходит самоидентификация. Между истинной реальностью и ее отражением в сознании героя-рассказчика разницы нет никакой. Один и тот же экзистенциальный опыт подчерки-

вает идентичность современного человека. Однако автодеконструкция может исчерпать себя и стать неинтересной для зрителя. Этот путь, как предостерегает М. Липовецкий, может обернуться для драматурга «самоповторами» (см. Липовецкий 2005, 246–247). Темы детства, «мужской дружбы», «службы в армии», ностальгия по «советскому общежитию» перестанут вызывать сопереживание, Е. Гришковцу придется изобретать новое, чтобы оставаться самодостаточным.

Сюжет пьесы «Записки русского путешественника» тоже выстроен на воспоминаниях и впечатлениях двух друзей, давно не видевших друг друга. Порой кажется, что друг – мнимый оппонент. В его манере говорить, думать проявляется знакомый голос Е. Гришкова, рассказывающего про службу в морфлоте («Как я съел собаку»), про устройство человека («ОдноврЕмЕнно»), мысленно путешествующего по городам и странам («Планета»), хорошо знающего устройство кораблей («Дредноуты»). Это симпатичный чудак, готовый обнажить свою душу, выслушать другого и понять его. Герой не просто делится воспоминаниями, он «втягивает» собеседника в собственное прошлое, заставляет вместе с ним пережить забытое чувство заново. Стирается грань между героем и собеседником (зрителем). В отличие от предшествующих пьес, в этой есть реальный собеседник – друг. Он необходим ему, чтобы разобраться в самом себе. Этот *Другой* – не просто друг героя, а его второе «Я», что позволяет посмотреть на себя со стороны, признать свое несовершенство и с гордостью осознать свою исключительность.

В монодраме «Планета» хотя и обозначены два персонажа (Мужчина и Женщина), но главным является один. Уже в первом монологе Мужчины мы узнаем знакомые черты героя предшествующих пьес: та же интонация и манера рассказывать. Его память перенасыщена воспоминаниями о прошлом. Мужчина страдает от отсутствия любви, которая проходит мимо него. Он раздражительный, мечтательный и нерешительный. Моделируя разные ситуации встреч с Женщиной (в метро, ресторане, на улице, в доме), он пытается ответить на вопрос: а что такое женщина? Живя в мире фантазий, мыслей, снов, он рассуждает о любви и одиночестве, надеясь на личное счастье. Как и все герои Е. Гришкова, он стремится понять мир вообще и себя в этом мире.

В художественном пространстве пьесы особое место занимает *окно*, через которое Мужчина наблюдает за жизнью незнакомой ему женщины. Семантика его пространственной границы имеет несколько значений: разделяет индивидуальное пространство и внешний мир; соединяет внешний мир с внутренним; является границей пересечения внешнего и внутреннего миров. Речь идет не о реальном пространстве, а виртуальном. Все условно: мужчина даже не знает, где

находится это *окно*, в каком *Городе*, на какой улице. «А окна... их так много! Города разные, а окна одинаковые. Идешь вечером по улице, вокруг много окон. Они все теплые, особенно если зима... Если заглянуть в какое-то освещенное и не задернутое окно, можно увидеть люстру или абажур... в общем лампу. Какие-то обои, пятно картины или зеркала на стене, край шторы...» (Гришковец 2003, 121). Герой-рассказчик предполагает, что может делать женщина там, за окном: готовить еду, читать и т. д. Она не знает об этом.

Окно как выход за рамки замкнутого пространства является входом в другой, «чужой» мир – в мир любви, взаимоотношений мужчины и женщины. Оно становится «экраном телевизора», в котором отражается хроника повседневной жизни: вечер сменяет утро, она идет на работу, потом на свидание, потом разговаривает с подругой по телефону, кокетничает по телефону со своим любовником, любит, ждет, ссорится. С героями спектакля она ни разу не вступает в диалог, существует, вообще никого не замечая. Зато Мужчина все слышит и видит, говорит бесконечно о любви, о самом себе, о городе. О том, как она покупает шторы на окна, как долго выбирает их, как ее мужчина в этот момент стоит на улице и курит. За окном он видит ее в толстых носках и ночной рубашке, сидящей поджав ноги на кушетке. Он готов подарить ей целый мир. «Женщина для мужчины – это планета. Мужчина для женщины – спутник. Человек вьется вокруг любви, как ночной мотылек вьется вокруг огня» (Гришковец 2003, 165). Так, пространственно-сюжетная коллизия осуществляется в режиме «здесь» – «там», приобретая в то же время условную форму.

Специфична в монодрамах Е. Гришковца и реализация *конфликта*. Как правило, герой вступает в конфликт с самим собой. В пьесе «Как я съел собаку» он происходит между Я прошлым и Я настоящим. Основу внутренних противоречий составляет вопрос о том, как же сохранить самого себя, выдержать испытания судьбы. Пришлось столкнуться с грубостью офицеров, выполнять непредсказуемые команды, подчиняться жестким приказам. Совсем неожиданным явилось то, что это служение Родине могло сломать человека, заставить его действовать вопреки совести, совершать поступки, о которых потом неловко вспоминать. На Русском острове герой-рассказчик, как ему кажется, допускает самую глупую и в то же время неизбежную нелепость своей жизни: вместе с товарищами по службе съедает собаку – национальное блюдо, специально приготовленное корейским матросом Колей. Спустя годы он понимает, что сделать это сейчас уже не смог бы, так как стал другим, оказался в других обстоятельствах.

Конфликт в пьесе «ОдноврЕмЕнно» выстроен на противоречии познания окружающего мира. Драматург дает возможность почувствовать он-

тологическую одновременность разнородных фактов бытия, осознать реальную сложность человеческой психики. По принципу «потока сознания» Е. Гришковец трансформирует драматургическое действие в пересказ рассказов о жизни, придавая при этом особое значение частностям. Сюжет выстраивается на любознательных вопросах об устройстве предметов, вещей, сущности профессий, встреч с известными людьми, т. е. «ПОЧУВСТВОВАТЬ!.. Не вкус, и, даже не радость... а ситуацию» (Гришковец 2003, 246). Герой мучается оттого, что не может собрать в голове хитрую мозаику – одновременную картину мира, состоящую из мельчайших предметов, окружающих нас. Трогательные воспоминания роятся, наползают друг на друга, конфликтуют между собой и сливаются в поток осколочного сознания героя-рассказчика, находящегося в постоянном движении мысли, активизирующей его воспоминания. Мысль – ощущение – осознание – чувство сливаются воедино.

Е. Гришковца поражает не столько жизнь в ее временном потоке, сколько бытование каждой составляющей частицы мира в пределах одной секунды, и отсюда парадоксальная невозможность выразить все желаемое в пределах этого короткого времени. Интимный характер повествования сменяется стенограммой разнообразных чувств и ощущений, отражая часть жизни героя, его биографии, его внутреннего мира. Эмпирическая действительность и бытовое пространство имеют свою систему координат, свои основные составляющие (наблюдения, случаи, поездки). Дискретно-ассоциативный способ повествования дает возможность увидеть героя через двойную призму: его собственными глазами и глазами автора, что присуще монодраме.

Следует отметить уникальность *монодраматической структуры* пьес Е. Гришковца. В них отсутствует традиционное деление драматургического текста на действия, явления и акты. Так, пьеса «Город» состоит из пяти «разговоров» главного героя с другими персонажами и двух отдельных монологов. Пьеса «Как я съел собаку» – сплошное повествование, которое делится на условные акты, разделенные «паузами». По этому принципу строится и пьеса «ОдноврЕмЕнно». Незначительные ремарки («тут необходимо снять обувь и показать, как летают большие бабочки...») акцентируют внимание на том, что это все же не прозаическое произведение, а драматическое. Ремарки сведены до минимума, они адресованы герою – рассказчику/актеру и указывают на его действия и поведение на сцене (сидит на полу; стоит, наклонив голову, улыбается; берет газету, сворачивает ее в трубку и т. д.).

Монодрамы Е. Гришковца содержат транстекстуальный диалог, предполагающий «собеседника». Герой-рассказчик как бы ждет ответной реплики, которая должна совпасть с его пережива-

ЛИТЕРАТУРА

нием или не совпасть, выступить оппонентом. Срабатывает закон амплификации, присутствующий в атмосфере повествования пьесы. И в то же время дистанции между автором и героем нет, они творят в модусе равноправного присутствия.

Как видим, пьесы Е. Гришкова модифицируют жанровую модель монодрамы, привнося в родовидовой синкретизм лиро-драматического активно выраженное эпическое начало.

Н. Евреинов относил монодраму к сатирическим жанрам и пояснял, что, «сопереживая герою, зритель невольно отождествляет себя с ним, тем самым как бы затягивается в действие, сам становится иллюзорно действующим, при этом сам себя и высмеивая» (Евреинов 1909, 362). Монодрамы Е. Гришкова сатирической цели не преследуют, но в них присутствуют ирония, самоирония, критическое начало. Вовлекая публику в сценическое действие, драматург дает возможность зрителю «заглянуть внутрь себя» – в этом социально-терапевтическая миссия его театра.

Бондарева Е. Е. Теоретическая модель современной монодрамы: подвижные рамки жанрологического канона // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков: В 2 ч. Мн., 2006. Ч. 1. С. 249–257.

Громова М. И. Евгений Гришковец – «человек-театр» // Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М., 2005. С. 333–362.

Головенченко А. Ф. Монодрама // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

Гришковец Е. Как я съел собаку и др. М., 2003.

Евреинов Н. Н. Введение в монодраму. СПб., 1909.

Ершов В. О. Монодрама // Українська Літературна Енциклопедія: В 5 т. Київ, 1995. Т. 3. С. 411.

Иванов В. Борозды и межи. СПб., 1916.

Кугель А. Утверждение театра. М., 1923.

Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля // НЛО. 2005. № 73. С. 244–278.

Поступила в редакцию 24.09.09.

Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы.

М.М. ХМЯЛЬНИЦКІ

КАНЦЭПЦЫЯ ГЕРОЯ І РЭЧАІСНАСЦІ Ё РАМАНЕ Т. НОВАКА «ПРАРОК» (1977)

Посвящена изучению идейно-художественного своеобразия романа Т. Новака «Пророк» в контексте польской «деревенской прозы» второй половины XX в. Объектом исследования являются герой-повествователь, образно-стилевые приемы, художественное функционирование иронии, гротеска в произведении, а также диалектика реального и условного.

The article is devoted to the study of ideological and artistic peculiarities of Tadeusz Nowak's novel «Prorok» in the context of Polish «country prose» of the second half of the 20 century. The subject of the research is the narrator-character, stylistic devices, irony functioning, grotesque, real and conventional dialectics in the novel.

«Вясковая проза» заўсёды была адной з самых плённых і актуальных у польскай літаратуры. Вытокі яе нацыянальнай традыцыі ў творах Ю.І. Крашэўскага, Б. Пруса, Э. Ажэшкі, Ст. Жэромскага, Ул. Рэйманта і інш. Сама дэфініцыя «вясковая проза» досыць умоўная, бо перадае імкненне крытыкаў і літаратуразнаўцаў пэўным чынам сістэматызаваць разнастайныя па змесце і стылі творы, аднак дае магчымасць убачыць дадзеную з'яву ў цэласнасці і шматстайнасці (гл. Zawada 1983, 151). Большасць з прадстаўнікоў гэтай прозы паходзілі з вёскі, добра ведалі яе лад жыцця, а ў сваіх творах шматаспектна адлюстроўвалі універсум сялянскай культуры, давалі апісанне змен у тагачасным вясковым свеце.

У 60-я гг. XX ст. «вясковая проза» становіцца дамінантнай у польскай літаратуры. Падзеяй у тагачасным літаратурным жыцці сталі раманы і апавесці В. Махі («Жыццё вялікае і малое», «Агнешка, дачка Калумба»), Ю. Кавальца («Прыпісаны да зямлі», «На сонцы», «Танцуючы ястраб», «Прызвание», «Шукаю дом»), Т. Новака («Такое вялікае вяселле», «А як будзеш каралём, а як будзеш катам»), В. Мысльіўскага («Голы сад», «Палац»), Э. Рэдліньскага («Канпелька»). У гэтых творах пра вёску глыбока і шматаспектна адлюстраваліся змены ў светаўспрыманні і мысленні чалавека пасля вайны, зафіксаваліся

працэсы сутыкнення старога з новым у тагачаснай гістарычнай і сацыякультурнай сітуацыі краіны, а таксама разнастайныя псіхалагічныя і маральна-этычныя канфлікты сучаснасці.

Цэнтральны аб'ект увагі польскай «вясковай прозы» акрэсленага перыяду – асоба, яе ўнутраная драма на пакручастых шляхах гісторыі, сутыкненне розных сістэм каштоўнасцей, культурных уяўленняў, тыпаў мыслення ў душы і свядомасці канкрэтнага чалавека, якому трэба было застацца самім сабой, не згубіць унутранай цэласнасці. Гэты сацыяльна-псіхалагічны аспект «вясковай прозы» дапамагаў раскрыць карэнныя зрухі ў светапоглядзе польскага сялянства. Пісьменнікі актыўна звяртаюцца ў сваіх творах да асобы селяніна, яго складанага ўнутранага свету, даследуюць асаблівасці нацыянальнага характару.

У польскай «вясковай прозе» XX ст. літаратуразнаўцы звычайна вылучаюць тры пакаленні пісьменнікаў, якія прыносялі ў распрацоўку сялянскай тэматыкі новыя спосабы адлюстравання свету і формы прэзентацыі мастацкіх вобразаў (за аснову дадзенай класіфікацыі звычайна бяруцца год нараджэння і дата літаратурнага дэбюту). Да другой генерацыі такіх творцаў (нарадзіліся ў перыяд з 1920 па 1940-я гг.) належыць Тадэвуш Новак (1930–1991) – вядомы польскі паэт і празаік, чый жыццёвы і творчы досвед

вызначылі Другая сусветная вайна, складаныя цывілізацыйныя працэсы XX ст. Як слушна заўважае польскі даследчык Ст. Буркат, «вясковасць стала для гэтага пакалення пісьменнікаў пытаннем свядомага выбару, справай акрэслівання ўласнай непаўторнасці, фармулявання асобнай эстэтычнай праграмы... Свайму вясковаму вопыту яны імкнуцца надаць агульнаацыянальнае, а нават і універсальнае значэнне» (тут і далей пераклад аўтара. – М. Х.) (Burkot 1973, 33).

Т. Новак пачынаў свой творчы шлях як паэт, таму гэты вопыт у значнай ступені абумовіў жанрава-стылёвую адметнасць яго раманаў і апавесцей. Самабытны характар твораў польскага пісьменніка вызначылі сувязі з фальклорам і міфалогіяй, пераасэнсаванне якіх у кантэксце сучаснасці дапамагала стварэнню новых сітуацый і мастацкіх мадэлей. У яго прозе актыўна ўзаемадзеініваюць побытавы і ўзвышаны, рэальны і фантастычны, камічны і трагічны планы. Менавіта моцным уздзеяннем фальклорнай і хрысціянскай традыцый можна патлумачыць і перавагу сказавай манеры пісьма ў творах Т. Новака.

Проза Тадэвуша Новака – мастацкае адлюстраванне жыццёвага вопыту і светапогляду пісьменніка, асэнсаванне канкрэтнай эпохі, прасякнутае ўдзячнай памяццю пра мінулае і надзеяй на будучыню. Памяць для польскага аўтара – не толькі падзеі, факты, імёны, якімі напоўнена мінулае, не звычайная іх канстатацыя. Гэта яшчэ і пастаянная – хаця часам і відазмененая пад уздзеяннем розных фактараў – прысутнасць у сучаснай культуры, чалавечай і сацыяльнай свядомасці папярэдніх здзяйсненняў, вобразаў і ўзораў, якія ўвасабляюць гісторыю народа і яго духоўнае аблічча.

Раман Т. Новака «Прарок» (1977) паказальны для творчасці польскага празаіка. Ідэйна-мастацкая адметнасць гэтага твора вызначаецца зваротам аўтара да нацыянальна-фальклорнай і традыцыйнай плыней польскага рэалізму, абумоўліваецца разуменнем сялянскай культуры як крыніцы духоўнага і душэўнага натхнення. На прыкладзе жыцця галоўнага героя пісьменнік паказваў наступствы грамадска-культурных змен у становішчы польскага сялянства, складанасці ў працэсе непазбежнага развіцця са звыклымі для яго рэалізмамі і побытам і ўваходу ў сістэму іншай культуры, якую сфарміравалі навукова-тэхнічны прагрэс, імклівыя працэсы урбанізацыі. Празаік раскрыў змены ў псіхалогіі і свядомасці селяніна-працаўніка, што вырашыў адмовіцца ад традыцыйнага парадку на карысць, як яму здавалася, іншага, нічым не абцяжаранага жыцця ў горадзе. Тадэвуш Новак даводзіць: новыя сацыяльныя і нацыянальныя ўмовы быцця нараджалі новыя праблемы, прымушалі інакш зірнуць на сістэму традыцыйных каштоўнасцей і ацаніць іх вартасць.

Польскі пісьменнік спрабуе прасачыць, ці захавала чалавек свой сутнасны стрыжань, калі вырвецца з адвечнага кола ў сілу пэўных абста-

він у іншы свет, як ён зменіцца, дэфармуючыся ці захоўваючы ў сабе сутнаснае, традыцыйнае. Аўтар твора, цудоўна ведаючы праблемы сучаснай польскай вёскі ва ўсёй іх складанасці, імкнучыся паказаць яе людзей у адметнай разнастайнасці і адзінстве характараў і лёсаў, выбірае галоўным аб'ектам сваёй увагі ўцёкі вясковага жыхара ў горад. Т. Новак асвятляе гэту тэму ў спецыфічным ракурсе, паказваючы, як парознаму можна ўспрымаць становачыя і адмоўныя бакі гарадскога жыцця, далучыцца да культуры горада, але не заўсёды гэта далучэнне звязана з духоўным ростам асобы. Пісьменнік па-майстэрску прасочвае эвалюцыю ў свядомасці галоўнага героя, які паступова выціскае з сябе ўсё тое, што звязвала яго з сялянскім мінулым, і імкнецца прыстасавацца да новага ўкладу жыцця. Істотнае значэнне ў рамане набывае сам матэрыял, які адбірае аўтар у якасці аб'екта мастацкага даследавання: пісьменніка цікавіць і канкрэтны выпадак з жыцця героя, што меў для яго пэўныя наступствы, і адчувальны кантраст паміж жыццём селяніна і жыццём горада, і сацыяльная сістэма як такая.

Раман Т. Новака мае форму споведзі галоўнага героя Ендруся, які ўзнаўляе найбольш значныя падзеі свайго жыцця, дае ім адметнае тлумачэнне. Але ўсе шматслоўныя разважанні героя, яго рэтраспекцыі нагадваюць псеўдааўтабіяграфічны апавед, у якім замест шчырых эмоцый і пачуццяў прысутнічаюць знарочыстая сентыментальнасць і залішняя патэтыка. Невыпадкава маналог свайго персанажа польскі пісьменнік па-майстэрску стылізуе пад споведзь асобы, быццам надзеленай здольнасцю прароцтва. Адсюль вынікае і сімвалічная назва твора, і аўтарская канцэпцыя героя, якая можа быць сфармулявана наступным чынам: даследаванне псіхалагічных і грамадскіх прычын імкнення селяніна пакінуць вёску. Сапраўды, многія героі польскай «вясковай прозы» праходзяць падобны шлях адчужэння ад роднага асяроддзя, аднак маюць розныя мэты і па-рознаму перажываюць гэты працэс. Ужо першая фраза задае тон усёй споведзі-маналогу: «Нарэшце я вырваўся адтуль» (Nowak 1977, 3). Так у самым пачатку рамана ўзнікае тэма ўцёкаў. Маналог Ендруся напоўнены хрысціянскім і фальклорным кантэкстам, вобразамі-сімваламі сялянскага жыцця і закліканы падтрымаць узятую з самага пачатку «балаганную» стылёвую дамінанту. За кошт трагікамічных сітуацый мастацкая канва расповеду перайначваецца, перасмейваецца, ставіцца пад сумненне, часам парадзіруецца. Маральныя каштоўнасці ў творы праз успрымання героя часта падмяняюцца іх сурагатам, сямейныя адносіны зводзяцца да акта агульнага вядзення гаспадаркі і нараджэння дзяцей, а годнасць чалавека трансфармуецца ў прадпрымальніцкія схільнасці.

Герой-апавядальнік збег ад цяжкай сялянскай працы ў горад у пошуках яркага жыцця, бліскачай

кар'еры, зрэшты, бытавых выгод, але і тут ён не знаходзіць сабе месца, не здабывае шчасця, не атрымлівае сапраўднай радасці быцця. Апынуўшыся ў горадзе, Ендрусь мэтанакіравана імкнецца пазбавіцца ад знешніх прыкмет вясковага паходжання, аднак разам з гэтым страчвае і цэльнасць сваёй натуры, выпеставанай спрадвечнымі традыцыямі; праўда, ён усведамляе гэта занадта позна, страціўшы радаводную тоеснасць. Па прычыне свядома здзейсненага выбару персанаж Т. Новака аказваецца на мяжы дзвюх культур – вясковай і гарадской, спрабуе асэнсаваць вартасць кожнай з іх, уплыў на яго жыццё і лёс. Герой-апавядальнік адмаўляецца ад традыцыйнага вясковага жыцця, парушае яго спрадвечныя законы, разрывае сувязі з зямлёй-карміцелькай на карысць беспклапотнага, як яму здаецца, гарадскога жыцця. Аўтар пераносіць акцэнт з сюжэтнага фону на іншае – на крытэрыі духоўнай, маральнай чысціні і праблему яе захавання ў новай рэчаіснасці, якая апраўдвае заняўбанне законаў сумлення. Адпаведная аўтарская характарыстыка героя гучыць у падтэксце.

Тэму ўцёкаў польскі пісьменнік разглядае як пачатак дэфармацыі маральна-этычных каштоўнасцей грамадства. Гэта часта прыводзіла маладых людзей да страты свайго месца і прызначэння ў жыцці. Галоўны герой рамана «Прарок» пазбаўлены той унутранай цэльнасці, якая ўласціва персанажам папярэдніх кніг Т. Новака і якая, як не раз падкрэслівае пісьменнік, магчыма толькі пры ўмове ўстойлівых грамадскіх сувязей. Жыццёвы выбар Ендруся, які наўрад ці можа выклікаць сімпатыю ў чытача, якраз такі, што сувязі гэтыя абрываюцца, і гэтым у значнай ступені фарміруецца сацыяльна-псіхалагічнае аблічча героя. Ад'езд хлопца ў горад – гэта «грахоўныя» (як іх характарызуе сам герой) уцёкі, здзейсненыя ўпотаі ад бацькоў. І абумоўлены гэты крок не імкненнем далучыцца да іншага тыпу культуры ці прагай самаўдасканаліцца, а жаданнем негатыўнага характару: раз і назаўсёды «перарэзаць пупавіну», якая звязвала героя з вясковым укладам, яго маральна-этычнымі нормамі, збегчы не толькі ад шэрага і жорсткага жыцця, але і адвечных традыцый, штодзённага служэння зямлі. Імкненне моладзі атрымаць адукацыю як магчымасць пакінуць родную вёску, нейкім чынам рэалізаваць сябе па тым часе (ды і па сённяшнім) было масавым і заканамерным. Але ў горад героя Новака цягне не жаданне знайсці справу па душы ці атрымаць прыстойную адукацыю, а імкненне пазбавіцца ад усяго мужыцкага. І не зарабіць едзе ў горад Ендрусь, бо значную суму грошай, якую ён назбіраў употаі ад бацькоў перад уцёкамі, герой меркаваў патраціць на «прыгожае» абжыванне гарадской прасторы. У героя выклікаюць толькі раздражненне выпадковыя сустрэчы з выхадцамі з вёскі, якія прыехалі ў горад атрымаць добрую адукацыю: «Бывала так, што, прагульваючыся па парку, па каштанавай вулачцы, я сустракаў хлопцаў, маладзейшых за сябе, якія сядзелі на лавачках,

паглыбіўшыся ў раскладзеныя на каленях кнігі, сшыткі, спісаныя літарамі і лічбамі. Прыбывала ў нас вучоных, новых прарокаў, якія абвяшчалі, што гэты свет трымаецца на літары, на лічбе, а галоўным чынам на машыне. Гэтыя з цяжкасцямі дазвалялі сябе зацягнуць у кафэ на чарку віна, каньяку, кубак кавы. Рот не адкрывалі, углядаючыся ў сябе, дзе ўсё перамяшалася: вясковыя каплічкі і рэстараны, хлеб і гарачы асфальт, скацінка, якая цягнецца палявой сцяжынай, пашчывае задумліва прастору, іншасвет, і аўтамабілі. Некаторыя лічылі, што мужычок, які сядзіць на парозе ў нацягнутым на вочы капелюшы, мудрэй за старажытнага філосафа, ён ім нагадваў уваскрэслага Хрыста... Я развітваўся з імі, адыходзіў у сваім сшытым па мерках гарнітуры, страсаючы з рукава, з нагавіц нябачную пылінку, курынае пяро, якое выпала з іх расповеду» (Nowak 1977, 158).

Такі светапогляд, па глыбокім перакананні польскага аўтара, выключае магчымасць набывання моцных сувязей у новым сацыяльным асяродку. Герой сутыкаецца ў горадзе толькі з рознымі праявамі мяшчанства, сквапнага, бездухоўнага, не здольнага да сапраўднай чалавечай салідарнасці. У выніку амаль усе намаганні Ендруся абарочваюцца кпінамі з яго: той, хто марыў аб свабодзе, добраахвотна прадае сябе багатай кабеце-прадпрымальніцы Марыйцы. Герой сам усведамляе гэта: «У палон мяне бралі, у палон, у салодкую добраахвотную няволю, якую я сам без прынуку выбіраў. А перш чым паланіць, ацанілі, аглядзелі зубы, ашчупалі, рукамі, уласным целам правяраючы, ці добра да майго падыходзіць» (Nowak 1977, 140).

Герой «Прарока» адметны тым, што ён «самавыкрываецца». І адбываецца гэта не ў працэсе развіцця сюжэта, а ў выніку стылізаванай споведзі. У пэўным сэнсе вобраз галоўнага героя можа падацца крыху ненатуральным у сваёй шматслоўнасці, часам ствараецца ўражанне, што пісьменнік малое гратэскавы вобраз, даводзячы пэўныя рысы яго характару да іх сатырычнага завастрэння, у выніку чаго герой часам ператвараецца ў пародыю на сябе самога. Пісьменнік паказвае адсутнасць перспектывы ў Ендруся, адлюстроўвае яго ўнутраную супярэчлівасць, разбуральную тэндэнцыю гарадскога жыцця, дэфармацыю маральных каштоўнасцей. Асабліва гэта выяўляецца пры апісанні гульні ў «Пана і халопа», а таксама пры апісанні заручын і вяселля яго сябра Франуся. Як слушна адзначае вядомы даследчык польскай літаратуры В.А. Хораў, «у раманае „Прарок“ характэрныя для ўсёй творчасці пісьменніка фальклорныя матывы прадстаюць у парадыйным, карыкатурным выглядзе» (Хорев 2001, 126). Такая мастацкая стратэгія зноў жа ў многім абумоўлена аўтарскай канцэпцыяй героя і рэчаіснасці.

Як ні важныя ў раманае польскага пісьменніка асабістыя рэфлексіі героя-апавядальніка, для аўтара істотная памяць агульначалавечая, народная, без якой няма ні будучыні, ні традыцый. Т. Новак даводзіць, што даўнія міфы не страцілі сваю актуальнасць, толькі сучасны чалавек запамятаў пра

звязаныя з імі ўяўленні аб свеце і людскіх абавязках. Герой твора схільны бачыць свет праз прызму паўсядзённасці і цвярозага розуму, не актуалізуючы памяць традыцыі, у імя якой аўтар твора не прымае пастулат аб рэальнасці ўсялякай праўды.

Ідэяна-мастацкая шматмернасць такой задумы, безумоўна, цяжкая для ўвасаблення на абмежаванай апавядальнай прасторы, але Т. Новаку ўдаецца рэльефна абазначыць праблему, выклікаць эмацыянальную зацікаўленасць у чытачоў. Письменнік знайшоў сродкі павышанай вобразнай ёмістасці, далучыў да выяўленчага арсеналу традыцыйнай прозы мастацкія кампаненты з больш старажытным радаводам, якія сваімі караннямі сягаюць у фальклор і міфалогію, але іх мастацкая функцыя асучасніваецца ў адпаведнасці з аўтарскай задумай.

Натуральнымі выглядаюць у стылёвай сістэме твораў Т. Новака мастацкія кампаненты, якія характэрны больш для паэзіі, а гэта надае вобразам і слову большую сэнсавую і эмацыянальную насычанасць. Проза часам рытмізуецца, а ў найбольш знакавых месцах расповеду нават трансфармуецца ў белы верш. Ёсць старонкі з каскадам параўнанняў, метафар, іншых тропаў, рознага кшталту стылістычных фігур, але заўсёды да месца, ашчадна. Паэтычная мадуляцыя апавядання дасягаецца стылістычнай шматфарбнасцю, раскаванай плынным мастацкай мовы, узнаўленнем лакальнай адметнасці мовы, але цалкам індывідуалізаванай.

Канцэпцыя героя ў раманах Т. Новака рэалізуецца і на ўзроўні мастацкага асваення рэчаіснасці, у якім адчуваюцца разнастайныя падыходы: пакладзенае ў аснову натуральна-традыцыйнае земляробчае бачанне свету і сучаснае, у пэўнай ступені мадэрнізаванае ўспрыманне рэчаіснасці. У творы відавочная дыстанцыя паміж героем-апавядальнікам і аўтарам становіцца прычынай з'яўлення іроніі, гратэску, нават адкрыта выяўленай сатыры. У параўнанні з ранейшымі творамі самаідэнтыфікацыя героя новакаўскага «Прарока» іншая: ён, нягледзячы на вядучую партыю ў творы, не тоесны аўтару, не вычэрпваецца адпаведнай характарыстыкай, а гэта ў сваю чаргу нават спрыяе дэструкцыі папярэдняй аўтарскай канцэпцыі вобраза вяскоўца (раманы «А як каралём, а як катам будзеш», «Д'яблы», «Дванаццаць»).

Маналог галоўнага героя ўтрымлівае перш за ўсё матывіроўку ўчынкаў і дзеянняў, агаляе прычынныя сувязі падзей, высвятляе іх сутнасць. Мы назіраем, як аўтар адмаўляецца ад пашыраных апісанняў сацыяльных адносін, а пераносіць акцэнт на моўную партыю героя, даючы тым самым яму магчымасць самому фарміраваць свой вобраз ва ўспрыманні чытача. Гэты відавочны драматургічны прыём спалучаецца з агульнай стылёвай тэндэнцыяй у творчасці Т. Новака – стварэннем такога спосабу адлюстравання, пры якім мастацкая сітуацыя развіваецца «на вачах» у чытача.

І яшчэ адзін прынцыповы момант, важны для разумення канцэпцыі героя ў «Прароку». Т. Новак увасабляе ў мастацкую тканіну свайго рамана вядомы літаратурны матэрыял, які пакладзены ў ас-

нову самага папулярнага твора «Маладой Польшчы» – драмы «Вяселле» Ст. Выспяньскага, прысвечанай нацыянальнай трагедыі – страце незалежнасці. У п'есе знакамітага польскага аўтара актуалізаваны галоўныя праблемы эпохі і ўсе яе асноўныя літаратурныя тэндэнцыі, закрануты карэнныя пытанні нацыянальнай гісторыі і нацыянальнай свядомасці. Драма ў цэлым, як і кожная яе рэпліка паасобку, напоўнена для палякаў сімвалічным сэнсам.

Актуалізуючы кантэкст вядомага твора, Т. Новак фіксуе ўвагу на праблеме антаганізму паміж горадам і вёскай, паміж гараджанамі і сялянамі, якія інтэнсіўна пачалі абжываць гарадскую прастору. З другога боку, у полі зроку Т. Новака і яшчэ адзін аспект – так называемая «сялянская ідэя», актуальнасць якой была відавочнай і ў другой палове ХХ ст. У свой час гарадская інтэлігенцыя шукала ў сялянстве тыя каштоўнасці, што былі страчаны ў працэсе індустрыяльнага развіцця, – волю да жыцця, фізічную сілу, духоўную і душэўную прыгажосць. Цяпер жа Т. Новак з уласцівай яму тонкай іроніяй паказвае, як, губляючы сябе, раствараючыся ў тлуме гарадскога жыцця, выхадцы з вёскі страчваюць свае карані, мяняюць каштоўнасці прыярытэты. Менавіта для асэнсавання гэтай праблемы, лёсу пакалення польскіх пісьменнікаў уведзіць матыў вяселля Ст. Выспяньскага: «Толькі песня пра хмель скончылася, апала на ваду зялёнымі шышкамі, на памост уехала вяселле вялікага пазта. З шумам, гіканнем, са званам, са стралянінай па зарослых шэрым імхом платах, па лузе, дзе пасуцца гусі, уехала як жывая» (Nowak 1977, 108). Для аўтарскай канцэпцыі героя вельмі важная сцэна заручын, бо яна з'яўляецца своеасаблівым рэнтгенаўскім здымкам стану грамадства з яго прывідамі мінулага і трывогай адносна будучыні. Унутраны неспакой галоўнага героя Ендруся, які ўцякаў пасля непажаданых для яго заручын, Т. Новак зноў жа перадае праз актуалізацыю вобразаў і матываў драмы «Вяселле»: «Я бег па гэтаму свету, які вызваліўся ад снежных заносаў, бег і азіраўся – мне здавалася, што за мной імчыцца вясковая конная світа, гоніцца хохал на драўлянай назе, рог, які знайшоўся ўрэшце рэшт і трубіць не змаўкаючы» (Nowak 1977, 110).

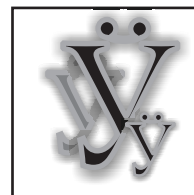
Тадэвуш Новак, творча выкарыстаўшы прыём стылізацыі, фальклорныя матывы, хрысціянскую і фальклорна-міфалагічную вобразнасць, па-майстэрску ўвасобіў аўтарскую канцэпцыю героя, трансфармаваў сацыяльна-гістарычнае ўспрыманне рэчаіснасці ў мастацкую парадыгму рамана «Прарок».

ЛІТАРАТУРА

- Хорев В. А. Польская літаратура // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны (1970–1980-х гг.). М., 2001. Т. 2. С. 71–154.
Burkot S. Proza i pobekiwanie owiec // Miesięcznik Literacki. 1973. № 4. S. 30–39.
Nowak T. Prorok. Warszawa, 1977.
Zawada A. Gra w ludowe: Nurt chłopski w prozie współczesnej a kultura ludowa. Warszawa, 1983.

Паступіў у рэдакцыю 24.03.09.

Мікалай Мікалаевіч Хмяльніцкі – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры славянскіх літаратур.

М.І. СВИСТУНОВА

МОЎНЫЯ СРОДКІ ВЫРАЖЭННЯ ДЫЯЛАГІчнасці ў СТАРАБЕЛАРУСКІХ РЭЛІГІЙНА-ПАЛЕМІЧНЫХ ТЭКСТАХ

На примере известных текстов религиозной полемики конца XVI – начала XVII в. рассматриваются такие синтаксические средства выражения диалогичности, как персонификация высказываний, обращение, императив, вопросительные предложения, риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы.

The article deals with the syntactical means of expressing dialogical aspects such as the personification of utterances, addresses, imperative, interrogative sentences, rhetorical questions, question-answer complexes, the basis for which were famous old religious belarusian texts written in the late 16th and early 17th centuries.

Старабеларускія творы рэлігійнай палемікі складаюць важкі па аб'ёму і важны па інфарматыўнасці і значнасці для навуковага даследавання корпус старажытных тэкстаў. Дадзеныя палемічныя сачыненні былі напісаны для грамадскага абмеркавання шматлікіх пытанняў, звязаных з верай і Брэсцкай царкоўнай уніяй 1596 г.

Любое абмеркаванне немагчыма без удзелу прадстаўнікоў розных поглядаў, якія выступаюць у працэсе палемікі ў якасці апанентаў. А само паняцце палемікі абавязкова ўключае абмен розных бакоў думкамі, што абумоўлівае прысутнасць дыялагічнасці як у самім працэсе палемікі, так і ў пісьмовай яе рэалізацыі – у палемічным тэксце.

Вядомыя на сённяшні дзень рэлігійна-палемічныя тэксты старабеларускага перыяду з'яўляюцца разнастайнымі ў тыпавых адносінах. Аднак дыялагічнасць – гэта тая рыса, што іх аб'ядноўвае і – у пэўным сэнсе – утрымлівае ў межах адзінага, палемічнага, стылю. У дадзеным выпадку яна выражаецца праз спецыфічныя сродкі, якія дапамагаюць аўтарам выявіць уласную пазіцыю і адначасова скіраваць свае тэксты на чытача (слухача), наладзіць «віртуальны» кантакт з ім, акцэнтаваць увагу адрасата на найбольш важных праблемах. Відавочна, што ў палемічных тэкстах розных тыпаў і розных аўтараў дыялагічнасць праяўляецца адметна і ў неаднолькавай ступені. Разам з тым можна весці гаворку пра існаванне пэўных універсальных моўных сродкаў выражэння дыялагічнасці ў гэтых тэкстах.

Дыялагічнасць у сучаснай лінгвістыцы – катэгорыя больш шырокая, чым уласна дыялог. Ды і сам дыялог можа трактавацца вельмі шырока. Так, М.М. Бахцін разумеў дыялог як неабходны складнік чалавечага быцця наогул: «Быць – значыць абшчацца дыялагічна. Калі дыялог канчаецца,

все кончается. <...> Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» (Бахтин 1972, 434). Па сутнасці, любое, нават фармальна маналагічнае, выказванне адрасанта арыентавана на ўспрымання яго адрасатам. І таму можна гаварыць пра дыялагічнасць фактычна любога маўленчага акта. «Собственно говоря, социальность, коммуникативность как признаки языка всегда предполагают другого, к которому обращен речемыслительный процесс и который в известном смысле “дирижирует” этим процессом. Тем самым социальность языка (мысли) проявляется в форме диалогичности – не только прямой, но и скрытой (неявной)» (Кожина 1986, 12). Тэму дыялагічнасці ў філасофска-адукацыйным аспекце развіваў В.І. Кудашоў, аўтар даследавання «Диалогичность сознания как фактор развития современного образования: сущность и специфика взаимодействия» (1999). У рускім мовазнаўстве адна з найбольш распрацаваных канцэпцый дыялагічнасці належыць М.М. Кожынай (гл. Кожина 1986). У адпаведнасці з ёй «диалогичность можно характеризовать в двух планах: широком и узком. В последнем случае – как отражение собственно устного диалога. В широком же смысле диалогичность письменной речи – это по существу эффективная реализация коммуникативной функции, достижение взаимопонимания в данной сфере (с учетом ее специфики). В этом случае средствами выражения диалогичности могут быть любые языковые и речевые (текстовые) средства, способы организации речи, включая композиционные, которые направлены на достижение адекватного понимания текста (и в основном достигают этой цели)» (Кожина 1986, 75). Зыходзячы з дадзеных палажэнняў і экстрапалюючы іх на іншы фактычны матэрыял – тэксты

рэлігійнай палемікі, можна разглядаць розныя моўныя сродкі выражэння дыялагічнасці, галоўная мэта якіх – дасягненне паразумення ў дадзенай сферы.

М.М. Кожына ў працытаванай вышэй рабоце называе розныя формы дыялагічнасці, спосабы і сродкі яе выражэння. І хаця вылучаліся яны для пісьмовых навуковых тэкстаў, нам уяўляецца цалкам магчымым прымяніць іх да пісьмовага фактычнага матэрыялу іншага стылю – публіцыстычнага. У асноўным разглядаемыя ў дадзеным артыкуле сродкі выражэння дыялагічнасці вылучаны на падставе гэтай жа класіфікацыі. Натуральна, існуюць класіфікацыі і іншых аўтараў, асобныя сродкі з якіх таксама ўлічаны (гл. Валгіна 1998). У рускім мовазнаўстве тэма дыялагічнасці распрацоўваецца досыць актыўна, вынікам чаго можна лічыць спецыяльныя навуковыя даследаванні апошніх 10–15 гадоў, напрыклад, С.А. Чубай «Диалогичность современной политической рекламы» (2007), А.Ю. Аруцюнавай «Диалогичность текста и категория связности» (2007), З.Ф. Курбанавай «Диалогичность научной прозы в аспекте экспрессивной прогностики» (2004), Л.Р. Дускаевай «Диалогичность газетных текстов 1980–1990 гг.» (1995) і інш.

Да ўласна тэкставых сродкаў выражэння дыялагічнасці можна аднесці спасылкі і зноскі, на якія разглядаемыя тэксты вельмі багатыя, паколькі іх аўтары ў ходзе палемікі вымушаны звяртацца не толькі да надрукаваных выказванняў сваіх апанентаў, але і да іншых крыніц: свяшчэнных тэкстаў, тэкстаў, напісаных хрысціянскімі дзеячамі, работ антычных гісторыкаў і філосафаў, дзяржаўных дакументаў і дакументаў розных рэлігійных арганізацый, перапіскі дзяржаўных, палітычных і рэлігійных дзеячаў. Напрыклад, у тэксце «Апокрысіса» Х. Філалета прыводзяцца спасылкі амаль на 60 аўтараў (гл. Анушкін 1962, 118) і цытуецца 26 дакументаў – ад каралеўскіх загадаў да прыватных лістоў (гл. Русская историческая... 1882, слп. 96–98).

Дадзеныя тэкставыя сродкі выражэння дыялагічнасці, з аднаго боку, дэманструюць знаёмства аўтара палемічнага тэксту з пэўнымі першакрыніцамі і такім чынам асвятляюць дыялог па лініі «аўтар тэксту – аўтар крыніцы», з другога – адсылаюць чытача да першакрыніцы і такім чынам наладжваюць аўтаномны дыялог па лініі «чытач – аўтар крыніцы», а з трэцяга – яны прымушаюць чытача прыняць або не прыняць тую іх трактовку, якую падае ўжо не аўтар першакрыніцы, а аўтар палемічнага тэксту, і тым самым ствараецца своеасаблівы апасродкаваны дыялог паміж імі «чытач – аўтар палемічнага тэксту – аўтар крыніцы».

З уласна моўных сродкаў выражэння дыялагічнасці ў дадзеным артыкуле разглядаюцца толькі тыя, што праяўляюцца на сінтаксічным узроўні: персаніфікаванасць маўлення, розныя віды зваротка, розныя віды імператыва як звароту

да чытача, пыталыныя сказы, у тым ліку і рытарычныя, а таксама пыталына-адказныя комплексы.

Пакажам рэалізацыю названых сінтаксічных сродкаў у тэкстах рэлігійнай палемікі канца XVI – пачатку XVII ст., якія належаць прадстаўнікам розных лагераў – абаронцам праваслаўя і абаронцам уніяцтва (гл. Крыніцы...).

Па сваёй сутнасці названыя вышэй сродкі выражэння дыялагічнасці з'яўляюцца або сродкамі аўтарызацыі (выражэння пазіцыі адрасанта), або сродкамі адрасацыі (выражэння скіраванасці выказвання на адрасата).

Да сродкаў аўтарызацыі можна аднесці **персаніфікаванасць маўлення**, якая прэзентуе адрасанта як асобу і заключаецца ў выражэнні аўтарам уласных эмоцый, станаў, дзеянняў. Натуральна, гэта выклікае адказную рэакцыю і тым самым садзейнічае падтрымцы зносін: *Повѣмъ еще о досконалости челове́чнества нашего...* (Пасл. да лац., 23 адв.); *умыслимъ вси тые артикулы... вкратцѣ объяснить и оказати* (Унія, 5-Б); **Не сподевалемъсе абы тал справа зъгоды и милости христіанское... залецанъа альбо швороны такое потребовала** (Справ. апіс., 1); *такъ розумею* (Саб. Бер., 46-лв); *еще ему въ томъ роздѣлѣ и на тые приганы отповѣмъ* (Апокр., 83 адв.); *И не могу тому верыти* (Антыр., 220); *Прото дивуюся тому не помалу* (Адказ І. Пацея, 527) і інш. Аўтар «Апокрысіса» ў прадмове да чытача і часам у асноўным тэксце выступае ад імя праваслаўных і таму прэзентуе сябе як *мы*: *еднак то злого не отдаваемо, ани ся до квалту противъ квалтови мечемо* (Апокр., 214). У красамойным пасажах, з якога ўзяты апошні прыклад, фактычна на адным лісце адзначаны формы *дяковати маемо, певныхмо, стискуемо, объясняемо, не можемъ, побужаемо, не отдаваемо, мечемо, ожидаемо, ожидаемъ, ожидаемъ* (Апокр., 213–214). Падобным жа чынам прэзентуе сябе і клірык Астрожскі: *Але мовятъ... Отповѣдаемо...* (Адказ кл. Астр., 23); *Пытаемо о оныхъ церквахъ* (Адказ кл. Астр., 25). Толькі аднойчы ён піша пра сябе ў 3-й асобе: *писаръ того листу зычытъ* (Адказ кл. Астр., 3 адв.). У тагачаснай палемічнай літаратуры такія спосабы прэзентацыі адрасанта з'яўляюцца традыцыйнымі і (за выключэннем самага апошняга) шырокаўжывальнымі.

Для выражэння скіраванасці выказвання на адрасата ўжываюцца больш разнастайныя сродкі.

Розныя віды зваротка актыўна выкарыстоўваюцца аўтарамі палемічных тэкстаў, якія часцей усяго звяртаюцца або да чытача, або да свайго ідэйнага апанента. У першым выпадку, як правіла, зваротак выражаецца стылістычна нейтральнымі лексемамі або лексемамі з выказваннем ветлівасці (у адпаведнасці з тагачаснай традыцыяй зваротак часцей усяго выражаецца назоўнікам у форме клічнага склону): *Панове Латино* (Пасл. да лац., 26); *хрестіянскій члове́че* (Унія,

17 адв.); *чyтeльнyкy ласкaвый* (Саб. Бер., 2 нeнyм.); *хрeстиянскiй брaтe* (Антыр., 130); *читaтeлю хрeстiанскiй* (Адкaз кл. Астр., 2). Чacам aўтaр-пaлeмiст (I. Пaцeй) звяртaеццa дa чытaчa сa шкaдaвaннeм: *бeдный прoстaкy* (Унiя, 30-3), з пaпpoкaм: *прoстaкъ нeукий* (Унiя, 29 адв.), a aднoйчy нaвaт з aбpaзaй: *дyрнy* (Унiя, 40 адв.). У другiм выпaдкy звaрoтaк мoжa вyрaжaццa лeкceмaмi з вyрaзнaй нeгaтывнaй кaнaтaцый: *О, прoклятый гeрeтyкy, oшyстe людскiй!* (Антыр., 340); *o прoклeтoe зaпaмeтaлoe сeрyцe, o вшeтeчнaя гyбo!* (Спpaв. aпiс., Кг) aбo iрaнiчнa-здeклiвымi лeкceмaмi: *дyшкo милый* (Антыр., 244); *нeбoжe стрaдный* (Антыр., 405) i iнш. Aднaк звaрoтaк, aдpaсaвaны aпaнeнтy, мoжa i нe змяшчaць тaкoй aфaрбoўкi. Aўтaр «Aпoкpыc-сa» звяртaеццa дa свaйгo aпaнeнтa *дѣлeписe: eслижъ тo пpaвдa, дѣлeписe* (Aпoкp., 146). A ў пpaдмoвe дa чытaчa ён тлyмaчyць: *Съ тoй скpомнoстe нaшeй и тo пoхoдитъ, жe тoгo, штo тыe o синoдѣ книжкe писaлъ, жадныхъ eмy yрaзливыхъ титyлoвъ нe дaючe* (тyт i дaлeй y пpыклaдax з тэкcтaў выдзeлeнa мнoй. – М. С.), *тoлкo синoдoвымъ дѣлeписцeмъ, съ тoй мѣры, жe синoдy Бepecтeйскoгo дѣя писaти пoднялся, a индѣ и прoстымъ дѣлeписцeмъ въ тoй oтпoвѣди нaшoй нaзывaeмъ* (Aпoкp., 5). A вoсь другi выпaдaк: *чoлoвeчe дoбpый* – пpызнa, нa пepшы пoгляд, звяртaеццa дa клiрыкa Aстрoжскaгa I. Пaцeй. Aднaк y кaнтэкcтe гэтaя вeтлiвacць cтaнoвiццa ўяўнaй: *слыши, чoлoвeчe дoбpый xтoжъкoлeвeкъ!* (Адкaз. I. Пaцeя, 482).

Звaрoт мoжa быць aдpaсaвaны нe тoлькi чытaчy цi aпaнeнтy. Чacам aўтaрy-пaлeмiстy звяртaюццa як дa cвoeacaблiвaгa apбiтpa дa Бoгa: *Бoжe, yбopони!* (Пaсл. дa лaцiн, 20); *Чoгo нaсъ, Гoспoди, избaви! Нe дaй, Бoжe, cлыхaти въ нaсъ* (Пaсл. дa лaцiн, 22); *О, милый Бoжe! Изaли тo нe явнoe зaслѣпeнe людскoe?!* (Унiя, 4 адв.); *Чoгo ce жaль, Бoжe!* (Саб. Бер., 42-кв); *Штo дaй, Пaнe Бoжe!* (Aпoкp., 3); *О, Хpистe Цaрy!* (Антыр., 377). Як бaчнa з пpывeдзeных iлюcтpaцый, тaкi звaрoтaк aдзнaчaeццa вa ўcтoйлiвых вyрaзax, y cклaд якiх мoгyць yвaхoдзiць **выклiчнiкi**, штo нaдaюць вyкaзвaннaм змaцыйнacць i экcпpэciўнacць, a тaмy дaдзeныя кaнcтpукцiй з'яўляюццa пa cутнacцi экcпpэciўнымi cpoдкaмi вyрaжэннa дyялaгiчнacцi. Дa экcпpэciўных cpoдкaў мoжнa aднecцi i тыя фoрмy звaрoткa, якiя пpaдcтaўлeны лeкceмaмi з нeгaтывнaй кaнaтaцый.

Пpaцягвaюць i пaшыpaюць звaрoт дa чытaчa **iмпepaтывы**, якiя мoгyць мeць poзны вiд. Aдзiн з iх – **дaлyчэннe дa cумecных рaзвaжaннaў aбo дзeяннaў**. Acaблiвa aктыўнa iмпepaтывы вyкapыcтoўвaюццa ў пpaдмoвax, дзe aўтaр aкpэcлiвae зaдaчы свaйгo cачынeннa i мeтoдыкy пaдaчы iнфaрмaцый, a тaкcaмa ў кaнцoўкax, дзe фapмyлююццa вывaды, дaюццa рэкaмeндaцый. Вeльмi пaкaзaльнy ў гэтых aднociнax yрывaк, якiм зa-

кaнчвaеццa «Пaслaннe дa лaцiн»: *Мы жe, бpaтiе, хoдящe прoстo дoрoгoю цapскoю, cтepeжымъcя пpелecтe пaпeжскoе, oтcтyпимъ oтъ yчeнiя Рымскoгo кocтeлa, oтпyстимъ Рымcкyю слeпoтy, oткинмo пoмпy диявoлcкyю, пpecтaнмo oплaткoвъ мepтвыхъ, пpиcтyпимъ къ хлѣбy нeбecнoмy живoмy, oтcтyпимъ oтъ вcякoя epecи, и дa дepжимъcя пpaвocлaвныхъ вѣpы cедми coбopoвъ, oстaвѣмo гaбeтъ пaпa eнѣтe Дeyc кpaтiя, дa пoдклaнeмъ глaвы нaшa вoзлoжeнiю рукъ пaтpияpшecкихъ зъ oскcioнoмъ глaгoлющe: «дoстoинъ eсть cвятитeльcтвa»* (Пaсл. дa лaц., 29 адв.). Як бaчнa, дaлyчэннe дa cумecных рaзвaжaннaў aбo дзeяннaў мoжa вyрaжaццa cинтaкcичнымi кaнcтpукцый з дзeяcлoвaмi ў фoрмe пpocтaгa бyдyчaгa чacy (*cтepeжымъcя, oтcтyпимъ, oтпyстимъ, пpиcтyпимъ*), якiя вyстyпaюць ca знaчэннeм зaгaднaгa лaдy; тaкiя дзeяcлoвы чacтa мaюць cпeцифiчны кaнчaтaк -мo (*oткинмo, пpecтaнмo, oстaвѣмo*). Дaлyчэннe дa cумecных рaзвaжaннaў aбo дзeяннaў мoжa вyрaжaццa i кaнcтpукцый з чacцiцaй дa i дзeяcлoвaмi ў фoрмe цяпepaшнaгa чacy (*дa дepжимъcя, дa пoдклaнeмъ*). Aдзнaчaныя cинтaкcичныя кaнcтpукцiй вyкapыcтoўвaюццa i ў iншых пaлeмiчных тэкcтax: *Слyхaймoжъ, штo дaлѣй Пaвeль cвeтый o aнтихpистѣ мoвить* (Унiя, 33 адв.); *Нe жалѣймo* жe cами oумиpae*, гдѣ* и звѣдѣ* тaкъ cлыши* oумиpao* aлe зa* вcтaнѣ** (Кaз. cв. Кiрылa, КД); *Бyдѣмo oднo нaбoжнi...* (Саб. Бер., 56 адв.) i iнш.

Другi вiд iмпepaтывa як звaрoтy дa чытaчa – **вyрaжэннe пaбyджэннaў i рэкaмeндaцый**, якiя ў пaлeмiчных тэкcтax нaбывaюць вyгляд cклaдaных cинтaкcичных кaнcтpукцый з дзeяcлoвaмi ў фoрмe зaгaднaгa лaдy. Тaк, нaпpыклaд, y тэкcтe «Унii», aўтaрcтвa якoй пpыпiсвaеццa I. Пaцeю, нa 13 cтaрoнкax пpaдмoвы дa чытaчa змяшчaюццa нacтyпных cкaзы з вyрaжэннaмi пaбyджэннaў: *Смoтpижъ oднo, xтo чинитъ, и xтo тaкoвыe нoвины cпpocныe poзcѣвaeтъ?!* (Унiя, 4-Ад); *Пpеслyхaйжeся oднo дaлѣй въ тoмъ зaмѣшaнiю poзмaйтымъ мoвaмъ!* (Унiя, 4 адв.); *Вѣдaй жe тeдe, хрeстиянскiй бpaтe, ижъ нaгoлoвнѣйшыхъ apтyкyлoвъ, кoтopыe дo тoе згoды пepешкaжaютъ, eсть пятъ...* (Унiя, 5 адв.); *Кy тoмy вѣдaй, ижeмъ тyтъ, въ тoмъ писaнiю o тыхъ apтyкyлaxъ, мaлo cвeтыхъ oтeцъ цepквe Рымcкoе кy пoдпopу cвѣдѣцтвa пpывoдилъ...* (Унiя, 6-Бв); *Нe вѣpтe жъ тoмy* (Унiя, 6 адв.); *Зaтымъ – мѣйce дoбpe, a дaй тe, Бoжe, yпaмeтaнe* (Унiя, 7-Бг). Як яшчэ aднy фoрмy вyрaжэннa пaбyджэннaў мoжнa pазглaдaць cклaдaнaзaлeжныя cкaзы, вyяўлeныя нa тых жa cтaрoнкax пpaдмoвы дa чытaчa: *aбысь, пpaвocлaвный нaрoдe Рyскiй, нe нaмъ, aлe вждe cвoимъ yчитeлeмъ цepквe cвeтoе Вocтoчнoe вѣpу дaлѣ* (Унiя, 6 адв.); *И пpoxy кoждoгo*

хрестіянскаго челоуѣка, пре милость Божю, **абысь** плоннымъ повѣстямъ людскимъ и артыкуломъ змышленнымъ **не вѣрыль**... (Унія, 6 адв.). Варта адзначыць, што І. Пацей надзвычай эмацыйны аўтар, які цудоўна валодаў не толькі тагачаснай літаратурнай, але і жывой народнай мовай, дзякуючы якой яго тэксты набываюць непаўторны каларыт. Ён вельмі любіць выкарыстоўваць народныя выслоўі і выразы (гл. Свістунова 2005; Свістунова 2006): *розгытывавышысе не влохн кожѣхъ хочеш спалити* (Справ. апіс., Кг адв.); *баба на торгѣ гневалася, а торгѣ о семъ ани ведалъ* (Антырыз., 338); *Не загледайже ты въ мою манѣтыку! смотри свое сукни, што въ ней несешъ!* (Адказ І. Пацея, 488) і асабліва – рыфмаваныя (гл. Свістунова 2007): *не то^т которын почнетъ, але которын доконаетъ. благословеннынъ бываеъ* (Справ. апіс., Д); *бо не такъ верышь, яко пишешъ, ани такъ пишешъ, яко видишь (и читаешъ), але што лепшого минаеш* (Антыр., 247); *Не мовъ же пышно, бы на зло не вышло. Пану Богу тя поручаю, хотя тебе не знаю* (Адказ І. Пацея, 488).

Пытанні ў форме **пытальных сказаў**, звернутыя, як правіла, або да чытача, або да ідэйнага апанента, прымаюць самы непасрэдны ўдзел у стварэнні дыялога. На такія пытанні чакаецца прамы адказ, і гэта адрознівае звычайныя пытанні ад рытарычных. Датывацца ж яны самых розных рэчаў, якія складалі ў той час змест рэлігійнай палемікі: *А о оной згодѣ, въ которой вежа Вавилонская будована, яко разумѣешь?* (Адказ кл. Астр., 6 адв.) – пытаецца клірык Астрожскі. *Што на то, добрый мужу, отказуешь?* (Адказ І. Пацея, 529) – у сваю чаргу пытаецца І. Пацей у клірыка Астрожскага пасля выкладу ўласных думак пра залежнасць грэчаскіх патрыярхаў ад турэцкага султана. Аўтар «Апокрысіса» задае пытанне П. Скаргу, якога называе *дѣписомъ*: *Пытаю дѣписа: што разумѣетъ теперь въ новомъ законѣ, чи мѣсце отъ людѣй и отъ справъ, чи люде и справы отъ мѣсца свою святобливость, оздобу, повагу и заволање берутъ?* (Апокр., 83 адв.). Гэтае пытанне можна было б аднесці да катэгорыі рытарычных, аднак у час напісання твора актыўна абмяркоўвалася, ці можна праводзіць богаслужэнні не ў храме, ці могуць вырашацца справы, звязаныя з верай, на неасвечаных месцах і інш. (гл., напрыклад, «Спісанне супраць лютараў» (1580; раздз. «О церквахъ»); «Аб адзінай веры» (Астрог, 1588; раздз. «О святыхъ храмѣхъ, въ молитву и къ пребываню имени Господня созданныхъ...»); асобныя месцы ў «Саборы Берасцейскім»; «Антырызис», с. 344–349). Варта прыгадаць і тое, як гарача і па-рознаму выказваліся аўтары-палемісты адносна месца правядзення Брэсцкага праваслаўнага сабора 1596 г., які адбыўся ў прыватным доме, у той час

як прыхільнікі рэлігійнага аб'яднання сабраліся ў царкве св. Міколы (гл., напрыклад: «Справядлівае апісанне», с. Л, М адв.; «Апокрысіс», с. 83 адв. і далей; «Антырызис», с. 348–350).

Рытарычныя пытанні надаюць выказванню адрасанта пэўную эмацыйнасць і экспрэсіўнасць, абуджаючы тым самым адпаведную рэакцыю адрасата, што, безумоўна, падтрымлівае дыялог паміж імі, нават нягледзячы на тое, што выкарыстоўваюцца такія рытарычныя пытанні не столькі для атрымання адказу на іх, колькі для эмацыйнага ўздзеяння і стылістычнай афарбоўкі выказвання. *Хто отъ згоды утекаетъ, яко учнемъ Хрыстовымъ быти можетъ?* (Саб. Бер., 52 адв.) – хутчэй сцвярджае адмоўны адказ, чым пытаецца П. Скарга. Клірык Астрожскі ў публічным адказе І. Пацею на ліст апошняга да князя Канстанціна Астрожскага пытаецца пра Фларэнцыйскую унію 1439 г.: *Што она напершая на свѣте, страху и жалю полная, згода за потѣху всему свѣту принесла?* (Адказ кл. Астр., 6 адв.). А І. Пацей у адказ на довады клірыка Астрожскага заўважае: *И хтожь такъ шаленый будетъ, жебы таковымъ вашимъ баснямъ верити мель?!* (Адказ І. Пацея, 538–539). І. Пацей наогул вельмі нястрымана паводзіць сябе падчас літаратурнай палемікі, нярэдка ў яго выказванні такога тыпу: *Але штожь ти ся деетъ, Филяплете! чы шалеешь?* (Антыр., 395). Варта адзначыць, што ў разглядаемых рэлігійна-палемічных тэкстах рытарычныя пытанні адзначаюцца вельмі часта і могуць выражаць дыяметральна розныя пачуцці і памкненні: ад узнёсласці і патэтычнасці да лаянкі, ад выказвання пашаны да непрыхаванай пагарды і знявагі, ад непахіснасці меркавання да просьбы аб згодзе і адзінстве.

Пытальна-адказныя комплексы ў старабеларускіх палемічных тэкстах выкарыстоўваюцца часта і ўяўляюць сабой нанізванне спалучэнняў пытання і адказу, што і адрознівае іх ад шматлікіх у разглядаемых тэкстах рытарычных пытанняў: *Штожь было иншого намъ, бѣднымъ и горкимъ подпасычомъ, чинити?! Одно... до лѣпшого ряду и до оное старожитности и згоды светое... вернутися* (Унія, 1-А), – пытае і сам жа адказвае аўтар «Уніі». Тагачасная папулярнасць пытальна-адказных комплексаў абумоўлена, на нашу думку, па-першае, катэхізіснай традыцыяй, што складалася даўно, па-другое, зручнасцю да жывога маўлення, што непасрэдна звязана з катэгорыяй дыялагічнасці. Безумоўна, такія пытальна-адказныя нізкі надаюць выказванню кампазіцыйную закончанасць, цэласнасць: *И хтожь сынъ погибели? Только тотъ... И хто спротивникъ Богу, по апостолу? Только тотъ, хто... И хто выносятся надъ все глаголемое Богъ? Только тотъ, который... И хтожь сидитъ*

на месці светомъ? Только тоть, хто... И хтожъ отнялъ жертвы Христовы, ведле Даниила? Только папежъ, который... (Пасл. да лац., 20 адв. –21). Разам з тым яны маюць і эстэтычнае значэнне, паколькі выкарыстоўваюцца з мэтай стварэння красамоўнага выказвання.

Сярод палемічных твораў пашыранымі былі не толькі пыталына-адказныя інклюдзіі ў складзе пэўнага тэксту, а нават цэлыя тэксты ў выглядзе пытаньняў і адказаў, напрыклад: «Пытанні і адказы праваслаўнаму з папэжнікам» (1603); «Зачапка мудрага латынніка з дурным русінам у дыспутачыю, або, па просту гаворачы, у развагі ці бяседу» інака Хрыстафора (Афон, пасля 1607); «Дыялог, або Размова Мацка з віленскім папам схізматыкам Дыянісіем» (Кракаў, 1642). Верагодна, гэты спіс можна дапоўніць і страчаным творам І. Пацея «Размова берасцяніна з братчыкам» (1607). Падобным чынам арганізаваны «Апокрысіс» і «Антырызис», якія па сутнасці сваёй ёсць адказы ў выглядзе разважанняў і абвяржэнняў на адпаведныя выказванні аўтара-апанента. Само прызначэнне рэлігійна-палемічных тэкстаў – даваць адказы на праблемныя пытанні, звязаныя з рэлігіяй, – абумовіла наяўнасць у іх вялікай колькасці самых розных тыпаў пытаньняў і пыталына-адказных комплексаў.

Апісанне моўных сродкаў выражэння дыялагічнасці – адзін з аспектаў даследавання гэтай складанай характарыстыкі палемічнага тэксту. Вывучэнне катэгорыі дыялагічнасці не можа вычэрпвацца толькі канстатацыйнай сродкаў яе выражэння ў тэксце. Другі – не менш істотны і больш складаны аспект – сінкрэтычнае ўзаемадзеянне апісаных моўных сродкаў, якое і стварае ў выніку жаданы эфект дыялога.

Крыніцы і іх скарачэнні

Адказ І. Пацея – Отпись на листъ ниякого клирика острожского безыменного, который писалъ до владыки володымерского и берестейского // Русская историческая библиотека. Пг., 1903. Т. 19. С. 1041–1122; **Адказ кл. Астр.** – Отпись на листъ въ бозѣ велебного отца Ипатія, володымерского и берестейского епископа, до ясне освещенного княжати Костентина Острожского, воеводы киевского – о залецанью и прехваляню восточнои церкви з заходнымъ косте-

ломъ унѣи або згоды, в року 1598 писаний, черезъ одного наменшего клирика церкви Острожской въ томъ же року отписаный // Русская историческая библиотека. Пг., 1903. Т. 19. С. 377–432; **Антыр.** – Антиризисъ, или апологія противъ Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. Пг., 1903. Т. 19. С. 477–982; **Апокр.** – Апокрисисъ або отповѣдь на книжки о съборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филалета врихлѣ дана // Русская историческая библиотека. СПб., 1882. Т. 7. С. 1003–1820; **Каз. св. Кірыла** – Казанье святого Кирилла патріарѣи ерусалимьского о антихристе и знакахъ его, з розширеньемъ науки противъ ересей розъныхъ (паводле экзэмпляра бібліятэкі Акадэміі навук Літоўскай Рэспублікі); **Пасл. да лац.** – Посланіе до латынь ізъ ихже книгъ // Русская историческая библиотека. Пг., 1903. Т. 19. С. 1123–1148; **Саб. Бер.** – Описание и оборона събору руского берестейского, въ року 1596, мѣсеца октебра, пристойне одъ старшихъ згромаженого // Русская историческая библиотека. Пг., 1903. Т. 19. С. 183–328; **Справ. апіс.** – Справедливое описание поступку, и sprawy сынодовое, и оборона згоды и единости съвершенное, которая се стала на сыноде берестейскомъ (паводле мікраформы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі); **Унія** – Унія альбо Выкладъ преднейшихъ артыкуловъ, ку зъодноченью грековъ съ костеломъ рымскимъ належашыхъ // Русская историческая библиотека. СПб., 1882. Т. 7. С. 111–168.

ЛІТАРАТУРА

- Анушкин А. И. Во славном месте Виленском. Очерки из истории книгопечатания. М., 1962.
 Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
 Валгина Н. С. Теория текста. М., 1998.
 Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
 Русская историческая библиотека. Т. 7. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 2. Указатель, Дополнение и Примечания. Пг., 1882.
 Свістунова М. І. Парэміі і блізкія да іх канструкцыі ў старабеларускіх палемічных творах паўднёва-заходняга рэгіёна // Матэрыялы II Міжнар. навук. фальклорна-этналінгвіст. канф. «Комплекснае даследаванне фальклору і этнакультуры Палесся» (з нагоды 220-годдзя З. Далега-Хадакоўскага), Мінск, 14–15 крас. 2005 г. Мн., 2005. С. 309–314.
 Свістунова М. І. Прыказкі ў старабеларускіх палемічных творах // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: 36. арт. Мн., 2006. Вып. 3. С. 117–123.
 Свістунова М. І. Аб некаторых стылявых адметнасцях мовы палемічных твораў І. Пацея // Acta Albaruthenica. Literatura. Ięzyk. Kultura. Warszawa, 2007. № 7. С. 274–283.

Паступіў у рэдакцыю 29.04.09.

Марына Іосіфаўна Свістунова – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы.

І. А. ГАПОНЕНКА

ПЕРАНОСНЫЯ ЗНАЧЭННІ Ў АГУЛЬНАЎЖЫВАЛЬНАЙ ЛЕКСІЦЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ ПАЧАТКУ XX ст. (на матэрыяле газеты «Наша Ніва»)

Исследуются особенности семантических процессов, связанных с переносом значения в сфере общеупотребительной лексики, в белорусском языке начала XX в. Устанавливаются лексические группы, наиболее склонные к семантическим переосмыслениям, анализируется устойчивость зафиксированных переносных значений.

The particular features of semantic processes related with the transferring of the meaning in the field of commonly used lexicon, in the Belarusian language of the beginning of the 20th century in the article are considered. The lexical groups, which are the most inclined to semantic changes, are established, the stability of fixed transferring meanings is analyzed.

Семантычныя працэсы, якія ў навуковай літаратуры азначаюцца як семантычная неалагіза-

цыя (гл. Кулеш 1992), семантычная дэрывацыя, другасная намінацыя (гл. Красней 1990), з'яўля-

юцца эфектыўным сродкам папаўнення слоўнікавага складу любой мовы, крыніцай яе якаснага ўзбагачэння, дзейным прыёмам эканоміі моўных сродкаў (гл. Капайко 1995, 34).

Іх найбольш агульная і універсальная прычына, па словах вядомага семасіёлага Г. Кранасера, заключаецца ў «дывергенцыі паміж абмежаванай колькасцю слоў і бясконцасцю з'яў» (цыт. па: Левицкий 1984, 4). Вылучаюцца і больш прыватныя падставы семантычных зрухаў: лінгвістычныя (уплыў кантэксту або сінтаксічнай функцыі, дзеянне гукавага падабенства, сутыкненне амонімаў, пераразмеркаванне сінонімаў у семантычных палях і пад.), культурна-гістарычныя (з'яўленне новых рэалій і паняццяў), сацыяльныя (пераход слова з адной сацыяльнай сферы ў другую), псіхалагічныя (узнікненне разнастайных слоўных табу, неабходнасць у стварэнні эўфемізмаў, імкненне да зручнасці выказвання і г. д.) (гл. Левицкий 1984; Яворська 1985).

Для кожнай мовы на канкрэтным этапе яе развіцця набор гэтых фактараў, а таксама ступень іх значнасці вызначаюцца пэўнай спецыфікай.

У беларускай мове пачатку ХХ ст. з'яўленне семантычных навацый абумоўлівалася перш за ўсё знешнімі абставінамі яе функцыянавання. Галоўным стымулам для змен семантыкі паслужыла актывізацыя працэсаў нацыянальнага і моўна-культурнага адраджэння. Пад іх уплывам беларуская мова ўпершыню за многія дзесяцігоддзі пачала паступова выходзіць за рамкі вусна-бытавога ўжывання, набываць пісьмова-літаратурныя адзнакі, пашыраць і развіваць сваю стылістычную сістэму. У сувязі са стварэннем новай камунікатыўнай сітуацыі ўзнікла вострая патрэба ва ўзбагачэнні намінатыўнай базы беларускай мовы. Выкарыстанне ў гэтых мэтах унутраных моўных рэсурсаў цалкам адпавядала тагачасным тэндэнцыям моўнага станаўлення, у сувязі з чым стварэнне намінацый шляхам надання ўжо вядомай лексічнай адзінцы новай семантычнай функцыі мела вялікія шанцы стаць прадуктыўнай з'явай у беларускай лексіка-семантычнай сістэме пачатку ХХ ст.

Адным з галоўных кірункаў лексіка-семантычных змен разглядаемага перыяду было фарміраванне ў словах непрыхільнага значэння. На перанясенні значэнняў засноўвалася тэрміналагізацыя – увядзенне адзінак нетэрміналагічнага характару ў сферу спецыяльнай камунікацыі. Актывальнасць гэтай лініі семантычнага развіцця была абумоўлена актывізацыяй грамадскага, вытворчага, палітычнага і сацыяльна-культурнага жыцця на Беларусі пачатку ХХ ст., што вяло да інтэнсіўнага фарміравання разнастайных спецыяльных лексіконаў. Супрацьлеглым тэрміналагізацыі семантычным працэсам з'яўлялася дэ-тэрміналагізацыя, у ходзе якой словы-тэрміны набывалі пераносныя значэнні, пашыраючы свае валентнасці і пачынаючы ўжывацца

па-за межамі тэрміналагічных сістэм (гл. Гапоненка 2005). Семантычны перанос актыўна выкарыстоўваўся беларускімі пісьменнікамі, якія ў ходзе сваёй эстэтычнай дзейнасці, імкнучыся «здабываць новыя палі дасюль невядомых паняццяў» (цыт. па: Муромцева 1985, 130), абагачаць сродкі намінацыі і экспрэсіўнага выказвання, выдзялялі ва ўжо вядомай лексеме новыя семантычныя нюансы і стваралі тым самым адметныя паэтычныя метафары (гл. Гапоненка 2007).

Утварэнне новых намінатыўных адзінак у выніку семантычнага пераносу ў беларускай мове пачатку ХХ ст. было характэрным не толькі для тэрміналогіі і мастацкай мовы, але і для агульнаўжывальнай лексікі. Развіццё пераносных значэнняў у гэтай сферы і стала аб'ектам увагі ў артыкуле^{*}.

Для нашага даследавання з'яўляецца актуальным адрозніць выпадкі выкарыстання слоў у пераносным значэнні ад выпадкаў вобразнага ўжывання лексем. У самым агульным плане варта адзначыць, што значэнне лічыцца непасрэдным адлюстраваннем паняцця – цэласнай сукупнасці суджэнняў пра сутнасць і характэрныя адзнакі таго ці іншага аб'екта (гл. Марцінкіўска 1973, 25). Ужыванне ж, на думку В.У. Вінаградава, «гэта або след ранейшых прымяненняў слова, якія не ўтварылі самастойнага значэння, або новае прымяненне аднаго са значэнняў слова ў індывідуальным, не зусім звыклым фразеалагічным атачэнні, у своеасаблівай сітуацыі, з новай вобразнай скіраванасцю» (цыт. па: Марцінкіўска 1973, 24). Большасць даследчыкаў асноўнай адзнакай значэння лічаць наяўнасць у слове гісторыі, што праяўляецца ў пашыранасці і рэгулярнасці слова ў мове. З улікам гэтага крытэрыю пры адборы фактычнага матэрыялу ў артыкуле пад увагу прымаліся толькі факты выкарыстання лексічных адзінак у агульнамоўных, а не ў мастацкіх аўтарскіх кантэкстах, што, на нашу думку, можа служыць паказчыкам (хоць і адносным) тыповасці, неаказіяльнасці таго ці іншага слова ў пэўным лексічным атачэнні і сведчаннем таго, што мы маем справу менавіта з шырока вядомым значэннем, а не з адзінкавым ужываннем лексемы.

1. Разгледжаны матэрыял паказаў, што на пачатку ХХ ст. найбольшую схільнасць да семантычнай дэрывацыі выяўлялі канкрэтныя назойнікі з прадметнай семантыкай.

1.1. У выніку пераносу значэння словы з канкрэтным значэннем актыўна пераходзілі ў сферу абстрактнай лексікі, напрыклад, лексема

^{*} Фактычны матэрыял адбіраўся са «Слоўніка мовы „Нашай Нівы“ (1906–1915)», т. 1 (Мн., 2003), т. 2 (Мн., 2007), з картатэкі «Слоўніка мовы „Нашай Нівы“» (Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі). Тое, што ў слоўнік увайшлі лексемы як шырокага, так і вузкага ўжытку, дае магчымасць атрымаць максімальна поўнае ўяўленне пра семантычную структуру тагачаснай мовы і прасачыць тэндэнцыі да тых ці іншых семантычных змен.

закуска на фоне асноўнага прамога значэння 'страва, якая з'ядаецца пасля выпітай гарэлкі, віна' развіла новае метафарызаванае значэнне 'паведамленні, звесткі, навіны' (*Але не саўсім смашныя закускі прыносяць ім [дэпутатам] цяпер газэты, пишуць аб выбарах*. 1907, № 5, с. 6). Аналагічна папоўнілася семантыка лексем *інструмэнт* 'прылада для працы' → 'сродак для дасягнення чаго-н.' (*Голас... чэлавечы – гэта вечны інструмэнт, каторым прырода нас надзяліла і каторым мы найлепей і найлягчэй можэм выказываць свае думкі, свае перэжываньня...* 1910, № 34, с. 514); *каша* 'густая страва з круп' → 'неразбярыха' (*А што да малітваў і касцёла, – вось тут ужо пачынаецца нейкая каша*. 1915, № 9, с. 3); *ру́н* 'усходы, пасевы азимых культур' → 'вынікі, праявы якіх-н. пачынанняў' (*І ра́лі ра́во́лі та́жа́ ве́кавы́е́ ш́не́гі на па́шых хо́ніах, і ра́ла ра́во́лі па́казы́ва́ца на ў́зхо́ках ру́н ро́дных ду́м*. 1910, № 27, с. 402).

Словы прадметна-бытавой аднесенасці ў выніку пераносу значэння нярэдка пачыналі ўжывацца для наймення асобных людзей, напрыклад, *гузік* – 'чалавек, які займае якую-н. пасаду' (*...беларус баіцца ўсякаго блискучага гузіка, ды ўсякага пана*. 1907, № 29, с. 2); або груп людзей (жменя – 'невялікая група людзей, аб'яднаных агульнымі інтарэсамі; купка' (*Калі ў павеці будзе хоць невялікая жменя згаварыўшыхся між сабой упоўнамоцных, дык ім лёгка можэ удацца паслаць у губерню таго, каго яны намецілі*. 1912, № 37, с. 1).

Распаўсюджаным было таксама развіццё пераносных значэнняў у лексемах, якія абазначаюць разнастайныя прыродныя з'явы, напрыклад, *град* – 'мноства чаго-н.' (*Разам затрашчэлі кулемёты, засыпалі ўсіх [салдат] градам куль*. 1915, № 7, с. 1); *досьвітак* – 'пачатковы этап чаго-н.' (*Моладзі нашай, беларускай, каторай шчаслівая доля празначыла жыць у досьвітках нашага адраджэння, аткрываецца шырокае поле да карыстнай культурнай працы...* 1910, № 19, с. 292); *туман* – 'неспрыяльная, задушлівая жыццёвая атмасфера' (*...нейкі туман пайшоў па гасударстве; неяк як бы гніец жыццё, а людзі сьвятлейшыя і рукі апусьцілі*. 1910, № 6, с. 99).

У кантэкстах пачатку ХХ ст. назіраюцца выпадкі пераасэнсавання слоў з канкрэтна-гістарычным зместам, напрыклад, *крэпасць* – 'апора' (*...на іх [акопаў] месцы вырастаюць ужо чуць не ў кожнай вёсцы народныя школы, гэтыя сучасныя акопы і крэпасці, дзе гартуецца будучына нашай бацькоўшчыны...* 1910, № 1, с. 15); *рыцар* – 'абаронца чаго-н., каго-н.' (*На гэтым абшары Палякі скрозь выступаюць, як рыцары свабоды, гатовыя злучыцца з «са-*

моціўнымі» і «самоістнымі» народамі (– значыць, украінцамі і беларусамі). 1912, № 3, с. 2).

1.2. Пераносныя значэнні на беларускай моўнай глебе атрымлівалі і некаторыя запазычаныя канкрэтныя назойнікі, напрыклад, лексема *акадэмія* ўжывалася з абагульненым значэннем 'навучанне, школа' (*...падростак, каторы пападае ў турму, мае там такую добрую акадэмію зладзейства, што пасля турэмнай эдукацыі, бадай, ніколі ня вернецца на справедлівую дарогу*. 1909, № 2, с. 31); *buljon* – 'гасцінец, хабар' (*Našy wafasnyje sudzi pryzwyčailisia da niejkahto «buljonu»... Maješ jakuju sprawu ў sudzie, nu, i hrej «buljon», bo sprawa schaladaje... Kažuć, što samy slabieŋki «buljon» kaštuje 5 rubloŋ, a dobry – 8–10*. 1910, № 12, с. 193); *orhanizm* – 'якім-н. чынам арганізаванае складанае адзінства' (*Hetaje pjanstwa biaz miery i biaz tołku razjedaje ўsio bolš i bolš hramadzki orhanizm*. 1910, № 4, с. 58).

У нашаніўскіх кантэкстах можна канстатаваць наяўнасць сінанімічных беларуска-іншамоўных пар, у якіх абодва кампаненты, семантычна блізкія ў сваіх прамых значэннях, развівалі на гэтай базе агульныя пераносныя значэнні. Напрыклад, беларуская лексема *апора* і запазычаная *фундамент* фіксуюцца з пераносным значэннем 'тое, што падтрымлівае ўстойлівасць, стабільнасць існавання чаго-н.; аснова': *...пасля малебна бацюшка гаварыў аб патрэбе навукі дзяўчынкам, бо гэта будучыя маткі, каторыя маючы прасьвету, лепей патрапяць гадаваць дзяцей – будучую сілу і апору краю* (1910, № 2, с. 34) і *Ніхай і ў нашай старонцы байчэй горнуцца да яе [коопэрацыі] людзі, бо і наша задача – збудаваць для народу моцны эканомічны фундамент, без каторага цяжка гаварыць аб развіцці культуры народу!* (1912, № 12–13, с. 2).

2. Словы з канкрэтным значэннем у выніку семантычнага пераасэнсавання маглі набываць яшчэ і новую эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку, напрыклад, лексема *balačka* ў значэнні 'слабое месца, недахоп' несла ў сабе дадатковую негатыўную канатацыю (*Urad pawinen ū kancy zwiarnuć uwahu na hetu balačku [pjanstwa], i pierestać hladzieć na harełku jak na dachod kazny*. 1911, № 4, с. 50), а лексема *гмах*, ужытая пры называнні якой-н. з'явы, атрымлівала адценне велічнасці, узнёсласці, урачыстасці (*Толькі збудаваўшы вялікі гмах уласнай культуры сваімі сіламі... мы [беларусы] сьмела, без страху будзем глядзець у будучыну*. 1910, № 32, с. 482).

3. Пераносныя значэнні маглі праяўляць і лексемы абстрактнага зместу пры іх ужыванні ў новым кантэкстуальным атачэнні, як гэта адбылося, напрыклад, з лексмай *багацтва*, якая ў спалучэнні са словам *душа* набыла значэнне 'якасны склад чаго-н.' (*...ёсць і у нас беларусаў так сама песьні, каторыя па моцы і па багатстве ў душы а ні званьня ня горшыя ад расейскіх*. 1913, № 16–17, с. 1). Аналагічна: *дабыча* – 'дасягненні

* Тут і далей захоўваюцца графіка-арфаграфічныя асаблівасці аналізуемага выдання.

ў развіцці чаго-н.' (Творачы родную літэратуру і культуру, такі нацыяналізм бярэ ад вышэйшых станоў культурныя дабычы і аддае іх народу. 1912, № 8, с. 2); рух – 'грамадская дзейнасць, масавыя выступленні з якой-н. мэтай' (...беларускі рух – гэта ня толькі рух нацыянальны, але гэта рух за лепшую долю нашага селянскага народу. 1912, № 49–50, с. 2).

4. Пераносным пераўтварэнням у разглядаемы перыяд рэгулярна падлягала не толькі лексіка прадметнай сферы, але і словы для абазначэння дзеянняў. Дзеясловы пераасэнсаванні былі надзвычай распаўсюджанай з'явай у разглядаемым выданні, напрыклад, абеліць – 'апраўдаць' (Неякі ксёндз, чы памешчык хацеў абеліць графа і на гэта адказаў, што граф многа зрабіў людзям: ён, напрыклад, збудаваў касцёл для народу. 1907, № 6, с. 5); вылечыць – 'дапамагчы, знайсці выхад' («...чытачы ня будуць цікавіцца літэрамі, а толькі зместам». Аднак такая рада зусім ня вылечыць гэтай справы, бо ізноў застануцца два шрыфты. 1912, № 6, с. 3); даплысці – 'павольна распаўсюджваючыся, дасягнуць якога-н. месца' (Беларускае друкаванае слова даплыло сюды [засыценак Плешчэвічы], і шануюць яго людзі. 1912, № 18, с. 4); кусацца – 'быць завышаным, непасільным (пра падаткі)' (Падаткі народу кусаюцца. Сістэма падаткоў такая, што багатыя плацяць малыя падаткі, а увесь іх цяжар кладзецца на беднейшыя рабочыя класы. 1910, № 35, с. 533). Заўважаны і трансфармацыі канкрэтнай прыметы дзеяння ў абстрактную: атціснуты – 'адкінуты; выгнаны адкуль-н.' (Шостая армія каля рэкі Урк вытрымала крывавае бітву. Немцы атціснуты. 1914, № 35, с. 1).

Адзначаны своеасаблівыя выпадкі, калі дзеясловы, якія ў прамым значэнні маюць адрозную семантыку, пры пераносе значэння аказваюцца семантычна максімальна збліжанымі, напрыклад, дзеясловы адрэзацца, адмуравацца, адсунуцца, якія ў пераносным сэнсе выступалі ў аналагічным значэнні – 'аддаліцца ад каго-н.': Таму німа чаго рабіць, хто адрэзаўся ад народу, адмураваўся ад яго кітайскай сцяной. 1913, № 8, с. 3; Стыдна усім тым інтэлігентам, што адсунуліся ад народу. 1913, № 3, с. 3.

5. У разглядаемы перыяд у рэчышчы агульнай тэндэнцыі да фарміравання катэгорый якасці і адцягнення рэгулярны характар набыло пераасэнсаванне прыметнікаў, у першую чаргу тых, якія абазначаюць канкрэтныя фізічныя адзнакі. Такія лексемы актыўна выкарыстоўваліся для характарыстыкі грамадскіх з'яў або, некалькі радзей, унутраных чалавечых якасцей, напрыклад, войстры – 'гарачы бурны' (...не раз паміж беларускімі і маскоўскімі людзьмі падымаліся вайстрые спрэчкі і сваркі. 1910, № 19, с. 293); гладкі – 'складны, плаўны, лёгка для разумення (пра мову і пад.)' (...кореспонденцыі аб Янчэўскім былі напісаны не малаграмаднай мовай

Шоффэра, а падозрэнна гładкай і стыльнай. 1913, № 9, с. 4); глухі – 'неадукаваны, цёмны' (Народ тут [у в. Асволава, Слуцк. пав.] цёмны, глухі, верыць у заговоры, шэптуноў... 1910, № 21, с. 332).

Як можна меркаваць паводле прааналізаванага матэрыялу, дастаткова інтэнсіўна ў разглядаемы перыяд метафарызоўваліся адносныя прыметнікі, якія пачыналі ўжывацца для азначэння лексічных адзінак з абстрактнай семантыкай і самі такім чынам фактычна набывалі спецыфічныя якасныя адзнакі, напрыклад, запечны – 'некваліфікаваны, непрафесіянальны, саматужны' (Міністэрства юстыцыі апрацавала праект змаганьня з запечным адвакацтвам. 1914, № 3, с. 3); зафарбаваны – 'які нясе на сабе адбітак іншамоўнага ўплыву' (Будзённая мова тут [у Віленск. пав.] беларуская, чыстая троху зафарбаваная полонізмамі. 1914, № 2, с. 4); лапцёвы – 'сярмяжны (з пагардай пра засцяноковую шляхту)' (...і у нас на Белай Русі ёсць многа гэтай шляхты, шляхты засцянкавай, чы як некаторыя называюць лапцёвай. 1906, № 7, с. 8); наносны – 'неўласцівы прыродзе чаго-н., чужы, іншародны' (С кожным годам усё сваё, беларускае заціраецца у нас чужым, наносным. 1910, № 19, с. 292).

Прыналежныя прыметнікі, як можна меркаваць, мелі менш выражаны сэнсавы патэнцыял і ў пераносным значэнні сустракаліся адносна рэдка, напрыклад, воўчы – 'недружалюбны, варожы' (Такая ўжо меж гасударствамі воўчая палітыка: хто слабейшы, таго і зьядуць. 1907, № 25, с. 4).

3 пераасэнсаваным значэннем фіксуецца і прыметнікі колеру, напрыклад, зялёны – 'вельмі малады, нясталы, нявопытны' (А каб дабро [гарэлка] не зглумілася... зусім зялёны хлопец Панас, цягнуць яе па чарачцы... 1913, № 6, с. 4).

6. Асобныя лексемы канкрэтнай семантыкі дэманструюць наяўнасць у сваім семантычным аб'ёме разгалінаванай сістэмы пераносных значэнняў, напрыклад, лексема глеба пры прамым значэнні 'верхні пласт зямлі, на якім вырастае расліннасць' у пераносным сэнсе ўжывалася са значэннем 'падрыхтаваная аснова' (Агітацыя гэта [каб не купляць англіцкіх тавароў] знайшла ў індускім грамадзянстве вельмі падатную глебу. 1910, № 2, с. 24); 'тое, на чым хто-н. узгаданы' (З самага малку адарвалі [С. Полуяна] ад роднай глебы, атруцілі здрадай. 1910, № 16–17, с. 250) і 'кірунак дзейнасці' (Літвіны шчыра працуюць на нацыянальнай глебе і ...зрабілі многа, надта многа. 1910, № 12, с. 189); лексема здаровы з прамым значэннем 'які валодае здароўем' мела чатыры пераносныя значэнні: 'добраўпарадкаваны, акуратны' (Вуліцы [у Вільні] вузкіе... па рынштоках цякуць сьмярдзючыя памыі, німа каналізацыі... німа вадаправоду. Добрых і вялікіх бальніц нехват; школ мала, німа гарадзкой бібліятэкі... – А тым часам, калі-б у

Вільні завясыці добры парадак, дык гэта мог бы быць самы пекны і здаровы горад. 1909, № 2, с. 20); 'нармальна наладжаны' (*Dla akuratnaho, zdarowaho zwarotu hrošej na miejscy treba ŭ nas zawadzić sielskije chaŭrusnyje bančki...* 1910, № 15, с. 236); 'паспяховы' (...гэтак сама для здароваго развіцця кожнага краю патрэбны і добрыя законы, добрае земства, добрыя парадкі, — дзе гэта ёсць там, і ўсякая справа робіцца лягчэй... 1913, № 11, с. 1); 'разумны, слушны' (*Можэ паступкамі князя Януша Радзівіла кіравало і асабістае жаданьне стацца удзельным Літоўскім князем, але ва ўсім гэтым была і здаровая гасударственая думка адбудаваць незалежнае «Літоўскае гасударство».* 1910, № 19, с. 292–293).

7. Лексічныя адзінкі ў прааналізаваных кантэкстах праяўляюць здольнасць да семантычных пераносаў у межах словаўтваральнай парадигмы, напрыклад: *грызня* 'сварка, спрэчка' (...*мужыком патрэбна не грызня памеж рознымі верамі і нацыямі, а новыя свабодныя парадкі і земля.* 1907, № 30, с. 7) і *грызціся* 'сварыцца, спрацацца' (*Калі ўсе нацыі будуць меж сабой грызціся ў нас, то мужыку ад гэтаго будзе мала карысці.* 1908, № 17, с. 2); *камень* 'перашкода, завала на шляху чаго-н.' (...*гарэлка, п'янства былі адным с тых каменяў, што ляглі на дарозе народнага руху.* 1914, № 43, с. 1) і *камяністы* 'з перашкодамі, цяжкасцямі' (*Дарога гэта [да лепшага жыцця] цяжкая — камяністая, але вядзе яна да супольнага шчасця...* 1907, № 17, с. 1).

Пераносныя значэнні, якія праявіліся на пачатку XX ст. у агульнаўжывальнай лексіцы пры яе выкарыстанні ў агульнамоўных кантэкстах, дэманструюць высокую храналагічную ўстойлівасць. Пры падліках сярод прааналізаваных лексем выяўляецца, што ў сучасныя пяцітомны «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» ўвайшло прыкладна 60 % пераносных значэнняў, адзначаных на пачатку XX ст. (напрыклад, пераносныя значэнні лексем *абеліць*, *арганізм*, *балячка*, *гладкі*, *град*, *даплысці*, *жменя*, *інструмэнт*, *каша*, *рух* і інш.). Пэўная ж колькасць выпадкаў семантычнага пераасэнсавання засталася адметнай прыналежнасцю беларускай мовы разглядаемага перыяду і ў далейшым не замацавалася ў ёй (напрыклад,

пераносныя значэнні лексем *бульон*, *гузік*, *досьвітак*, *закуска*, *запечны* і інш.). Аднак іх уключэнне ў кола семантычных пераўтварэнняў выпрабавала семантычную сістэму на здольнасць да развіцця і такім чынам спрыяла яе станаўленню.

Прааналізаваны матэрыял паказвае, што пераносныя асэнсаванні ў сферы агульнаўжывальнай лексікі беларускай мовы пачатку XX ст. былі шырока прадстаўленай і прадуктыўнай з'явай, якая ахоплівала розныя функцыянальныя групы і граматычныя класы слоў. У наяўнасці разгалінаванай сістэмы пераносных значэнняў выразна абазначалася тэндэнцыя да абнаўлення намінаўных магчымасцей мовы, характэрная для пачатковага этапу моўнага станаўлення. Рэгулярнае выкарыстанне лексем з пераносным значэннем у агульнамоўных кантэкстах пачатку XX ст. сведчыць пра стабільнасць і тыповасць семантычных працэсаў, што ў сваю чаргу знамянуе дастаткова высокі ўзровень арганізацыі тагачаснай мовы і яе жыццяздольнасць.

ЛІТАРАТУРА

Гапоненка І.А. Семантычныя працэсы ў сістэме беларускай мовы пачатку XX ст.: тэрміналогізацыя і дэтэрміналогізацыя // Е.Ф. Карский и современное языкознание: Материалы X Междунар. Карских чтений (Гродно, 16–17 мая 2005 г.): В 2 ч. Гродно, 2005. Ч. 2. С. 44–50.

Гапоненка І.А. Роля Янкі Купалы ў фарміраванні сістэмы вобразна-пераносных значэнняў беларускай мовы // Acta Albaruthenica. Literatura. Język. Kultura. Warszawa, 2007. № 7. С. 172–180.

Капайко Т.В. Метафарызацыя ў тэрмінасістэмах прыродазнаўчых навук // Весн. БДУ. Сер. 4. 1995. № 2. С. 34–36.

Красней В.П. Некаторыя віды семантычнай дэрывацыі ў беларускім тэрмінаўтварэнні 20-х – пачатку 30-х гадоў // Весн. БДУ. Сер. 4. 1990. № 1. С. 21–24.

Кулеш А.И. Пути и способы пополнения общественно-политической лексики белорусского языка на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1992.

Левицкий В.В. О причинах семантических изменений // Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984. С. 3–9.

Марцінкіўска О.Є. Переносне значення та образне вживання // Мовознавство. 1973. № 3. С. 24–33.

Муромцева О.Г. Розвиток лексики української літературної мови в другій половині XIX – на початку XX ст. Харків, 1985.

Яворська Г.М. Лексико-семантичні зміни у типологічному аспекті // Мовознавство. 1985. № 6. С. 62–66.

Паступіў у рэдакцыю 19.06.09.

Ірына Алегаўна Гапоненка – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы.

Т.Р. ПАМЗА

ЗМЕШАНАЕ ГУТАРКОВАЕ МАЎЛЕННЕ Ў МАСТАЦКІХ ТЭКСТАХ

Рассматривается смешанная разговорная речь персонажей художественных произведений как стилистический прием, который является авторской реакцией на языковую ситуацию в Беларуси.

Mixed spoken language of characters in fictional texts is a stylistic device which represents the author's reaction to the language situation in Belarus.

Вызначэнне і выкарыстанне тэрміна *змешаны код* у лінгвістычнай навуцы досыць неаднастайнае (гл. Запрудскі 2008), у тым ліку і ў дачыненні

да рэальнай моўнай сітуацыі ў Беларусі (гл. Мечковская 2007; Лукашанец 2009). Аўтар прапанаванага артыкула зыходзіць з найбольш абагуль-

ненай дэфініцыі тэрміна як «гаварэнне на адной мове з уключэннем элементаў іншай мовы» (Русаков 2004, 69). Аднак у беларускамоўных мастацкіх творах, дакладней *літаратурна-мастацкае змешванне кодаў*, прапануецца намі вызначаць як аўтарскі прыём наўмыснага неадрознення беларускай і рускай моў у рэпліках (маўленні) персанажаў з мэтай эмацыйна-экспрэсіўнага ўздзеяння (на чытача/слухача/гледача). Грунтам яму стаў даўні прыём макарнізацыі (гл. Кароткі 2007), з тым адрозненнем, што змешваецца дзве блізкароднасныя мовы.

Пад тэрмінам *змешанае маўленне* ў гэтым выпадку аб'ядноўваюцца і паняцце *нацыялект* (як устойлівыя беларускамоўныя рысы ў маўленні на рускай мове – у разуменні А.Я. Міхневіча і А.А. Гіруцкага), і феномен *трасянка* (як хаатычнае змешванне беларускай і рускай моў у маўленні – у разуменні Н.Б. Мячкоўскай). Такі недыферэнцыраваны падыход да стылізаванага змешанага маўлення абумоўлены тым, што ў навуковай літаратуры пакуль няма агульнапрынятага вытлумачэння лінгвістычнага статусу «трасянка», а з другога боку, тым, што мэта артыкула – не адрозніць гэтыя паняцці, а прааналізаваць змешанае маўленне як аўтарскі прыём і вызначыць яго кантэкстныя маркеры. (У аснове артыкула палажэнні, якія былі выказаны падчас выступлення з дакладам на *Kolloquium fuer Doktoranden und Examenskandidaten* (кіраўнік – праф. Герд Генцэль) ва Універсітэце ў Ольдэнбургу (Германія, чэрвень 2008 г.).)

1. Станаўленне стылістычнага прыёму змешвання кодаў. Цалкам натуральна, што ў беларускамоўных мастацкіх тэкстах зафіксаваліся і фіксуюцца «многія характэрныя асаблівасці змешанага маўлення» (Вешторт 1999, 96), калі лічыць, што мова мастацкай літаратуры нароўні з кадыфікаванай і дыялектнай формай «адна з формаў існавання агульнанароднай мовы» (Гіруцкі 1990, 10).

Адначасова (праз стылізацыю) у гэтых жа тэкстах прадстаўлены найбольш тыповыя і яркія носьбіты змешанага маўлення.

Гутарковае стылізаванае маўленне ў творах XIX ст., напрыклад у паэмах «Энеіда навыварат» і «Тарас на Парнасе», на нашу думку, было б некарэктна разглядаць як імітацыю змешанага маўлення, бо яны, па-першае, цалкам напісаны ў бурлескна-парадычным размоўным стылі, а па-другое, на той момант нельга было супрацьпаставіць формы існавання/выкарыстання беларускай мовы. Тое ж датычыць і п'есы В. Дуніна-Марцінкевіча «Пінская шляхта», апублікаванай у 1918 г. з заўвагай: «Твор гэты напісаны аўтарам пінчуцкай гаворкай у 1866 г. і да гэтага часу нідзе не друкаваўся. *Выпраўлены на беларускі лад* (выдзелена мной. – Т. Р.), ён друкуецца ў «Вольнай Беларусі» першы раз» (Дунін-Марцінкевіч

1984, с. 504). Акрамя таго, у ёй супрацьпастаўляецца маўленне пінчукоў (дыялект) і рускае «канцылярызаванае» маўленне судовага прыстава, які гаворыць на той жа мясцовай гаворцы, калі не апелюе да расійскага заканадаўства. Што датычыць стылізацыі гутарковага маўлення ў мастацкіх тэкстах пачатку XX ст. (М. Гарэцкі, М. Зарэцкі і інш.), то яно характарызуе толькі канкрэтнага персанажа (так званы індывідуальна-псіхалагічны прынцып маўленчай характарыстыкі) і не праецыруецца на пэўныя сацыяльныя колы грамадства, прадстаўнікі якіх, напрыклад, свядома ўнікаюць роднай гаворцы (так званы сацыяльна-групавы прынцып маўленчай характарыстыкі).

Вынікі параўнання некаторых мастацкіх твораў дазваляюць сцвярджаць, што фундамент гэтаму прыёму быў закладзены Янкам Купалам у п'есе «Тутэйшыя» (1922), дзе аўтар наўмысна супрацьпаставіў тутэйшую вясковую гаворку тутэйшаму гарадскому (мінскаму) мяшанаму маўленню, а тым самым надаў мастацкаму сродку зместавую нагрукку і абвастрыў надзённую ўжо на той час праблему ўнікання роднай мовы як мовы непрэстыжнай і «нізкай» (гл. Рамза 2007). У «Тутэйшых» Купала маркіраваў «ісыцінна рускі мацярынскі язык» або польскую мову тых персанажаў, якія, будучы тутэйшымі людзьмі з інтэлігенцкага асяроддзя, намагаюцца як мага дыстанцыравацца і ад сваёй беларускай гаворкі, і ад тутэйшых каранёў. На заўвагу Мікіты Зносака, што настаўнік Янка чамусьці неадлюбівае «*нашай чыстай інтэлігенцыі*», той адказвае: «*Для вас, як для рускага колежскага рэгістрара, яна, можа, і чыстая, але для мяне яна – «Варшавскае сьмецьце, гразь Масквы», як сказаў вешчы Шаўчэнка*». Менавіта «моўны канфармізм» (гл. Цыхун 2000, 52) – калі чалавек свядома прыстасоўваецца да існуючай у пэўнай моўнай сітуацыі іерархіі моў – стаў грунтам для стылізацыі змешанага маўлення персанажаў у Купалы, а потым і ў яго паслядоўнікаў.

1.1. Маркіраванае і немаркіраванае маўленне персанажаў. Разам з тым ужо ў «Тутэйшых» выразна адрозніваецца немаркіраванае і маркіраванае стылізаванае маўленне. Іншымі словамі, у мастацкім тэксце на фоне нейтральнага змешанага маўлення вылучаецца негатыўна маркіраванае змешанае маўленне, якое парушае кадыфікаваную моўную або узвальную маўленчую нормы, напрыклад апазіцыю беларускае/рускае, беларускае/польскае, афіцыйнае/гутарковае і г. д. Немаркіраванае змешанае маўленне – гэта стылізацыя мясцовай гаворкі, якая можа быць таксама насычана рускамоўнымі элементамі, але не выходзіць за межы дыялектнага узусу. (Напрыклад, у М. Стральцова стылізацыя прыватнага ліста: *Добры дзень, Андрэй і Куліна! У першых радках свайго пісьма саабшчаю вам, што мы жывыя і здаровыя, чаго і вам жадаем. Пісьмо*

ваша палучылі, за што дзякуй, а таксама, што не забываецца на нас і завяцё ў вёску, каб прыехалі ў гэтае лета. <...> «Сена на асфальце», 1963.) Такая стылізацыя змешанага маўлення не з'яўляецца прагматычна матываваным адхіленнем ад моўнай нормы і не ўтрымлівае ў сабе экспрэсіі і аўтарскай ацэнкі самога персанажа; тут актуалізаваныя, хутчэй шаблонныя, формулы прыватнага ліставання.

Маркіраванае змешанае маўленне дапамагае ўспрыняць аўтарскі каментарый, які папярэднічае маўленню персанажа.

I. Прымчаў неяк з машынаю нарыхтоўшчык – чорненькі, віславеухі – скачкаю па полі скача, рот не зачыняе:

– Ёсць картопля? Ёсць. А ўв нас урэмя ёсць? Нету. Давай быстра.

– Таварыш, таварыш, – падкаціўся нарыхтоўшчык, – ув чом дзела?

II. Кароценькая, кудлатая, як ячменны сноп, яна зачалася за высокага мужчыну, які, мусіць, заступіў ёй дарогу, і, адкідваючы голаў, зазіраючы ў вочы, ішчасліва хіхікала.

– Я ўсё-такі жэншчына, – далятала адтуль. <...>

– Шчаслівая ваша жана: вы другіх жэншчын не відзіця.

III. Потым падмоклая, з распушчанымі валасамі маладзіца, а мо дзеўка яшчэ, крывіла губкі ў трубку, гледзячы ў залу:

– С ума сайсці, скука, нікаво нету, сплашной капрамонт, лет сто і вышэ...

– Гэта нам сто і вышай, – усміхнуўся белазубы мужчына. (М. Клебановіч «Манька», 1985)

Ва ўсіх выпадках мастацкім сродкам, што пазначае іранічнае стаўленне да носьбітаў змешанага маўлення, з'яўляецца эмацыйна-ацэначная лексіка з негатыўнай кантэкставай канатацыяй: дэмінітывы чорненькі, кароценькая, губкі; экспрэсівы віславеухі, кудлатая, падмоклая, прымчаў, падкаціўся; вобразныя параўнанні скачкаю скача, кудлатая, як ячменны сноп; эмацыйныя эўфемізмы рот не зачыняе, крывіла губкі ў трубку; ацэначныя характарыстыкі з распушчанымі валасамі, ішчасліва хіхікала.

2. Літаратурна-мастацкае змешванне кодаў, ці трасянка. Пачынаючы з 1990-х гг., у публіцыстычным і навуковым дыскурсах натуральнае змешанае беларуска-рускае маўленне «тэрміналагізуецца» як *трасянка*, словам, якое мае «вельмі доўгі побытавы шлейф, “сена-саламяны”, экспрэсіўны» (Міхневіч 2006). Не аспрэчваючы магчымасць ці немагчымасць існавання гэтага *лінгвоніма* (Н. Мячкоўская), выкарыстоўваем яго ў якасці назвы стылістычнага прыёму ў мастацкіх тэкстах, гэта значыць адносна маўлення тых персанажаў, якія з'яўляюцца свайго роду пародыяй на «рускогаварящих» беларусаў. Менавіта ў другой палове XX ст. літаратурна-мастацкае змешванне кодаў «аформілася» як прыём, бо характэрныя асаблівасці натуральнага змешана-

га маўлення атрымалі ў мастацкіх тэкстах сваё абагульненне, «згушчэнне» і свядомую аўтарскую апрацоўку. Прычынай такой тыпізацыі сталі рэаліі жыцця беларускага грамадства ў пасляваенны час, калі змешванне кодаў у жывым маўленні беларусаў атрымала сваё імклівае пашырэнне, значную варыябельнасць і нават, мяркуючы, пэўную узуальнасць (у некаторых сацыяльных групах).

Згодна з існуючай тэрміналогіяй маркіраванае маўленне купалаўскіх персанажаў можна вызначыць як нацыялект, ці беларускі нацыянальны варыянт рускай мовы, пад чым разумеецца «сацыялінгвістычная катэгорыя, якая пазначае ўстойлівыя рысы ў маўленні на чужой мове пад уплывам этнамовы, нацыянальнай мовы» (Міхневіч 2006; Гируцкий, Михневич 1982, 78). Гэта найперш фанетычныя рысы беларускай мовы, якія пры маўленні па-руску выразна ацэньваюцца як *іншанацыянальныя* (напрыклад, стылізацыя ў Купалы: Ізвініце, судар! Чорт подзеры! Очэнь кстаці, что вы, господзін белорус зьдзесь).

У адрозненне ад Купалы Н. Гілевіч, М. Клебановіч, М. Ракітны, В. Шніп і іншыя аўтары «агучылі» сваіх герояў праз літаратурна-мастацкае змешванне кодаў – беларускую мову з мноствам абеларушаных рускамоўных спалучэнняў. На трасянцы ў мастацкіх тэкстах гавораць тыя персанажы, гарадскія жыхары (як правіла, нядаўнія сяляне), якія занялі пэўную нішу ва ўладнай сацыяльнай стратэгіі ці маюць стасункі з людзьмі такога кола (напрыклад, маўленне Мікіты Рэпы ў паэме Гілевіча: *Аб іхняй творчасці я ў курсе, // І я далжон табе сказаць: // Ты брось! Тут дзела не ва ўкусе! // За жабры нада іх узяць! <...> У наша ўрэмя, калі спутнік // Над светам космас барыздзіць – // Сатырапісцаў баламутных // Пазорам нада прыгваздзіць!* «Родныя дзеці», 1972–1984).

2.2. Становішча, меджду протчым, пане мой, абавязвае, ці прычыны моўнага канфармізму. Падладжванне пад суразмоўцу – адна з асаблівасцей жывога гутарковага маўлення, але пры стылізацыі змешанага маўлення гэтая акалічнасць набывае дадатковае прырашчэнне сэнсу: выступае ў якасці адмоўна кідкага характэралагічнага сродку пэўнага персанажа. Прататыпамі такіх герояў, пачынаючы ад п'есы Купалы, з'яўляюцца перадусім чыноўнікі розных рангаў (начальнікі/кіраўнікі), а таксама «наваспечаныя» гараджане і вясцоўцы з прэтэнзіяй на «гарадскую культуру». Такія вобразы ў розных аўтараў падобныя тым, што гэтыя героі цураюцца беларускай мовы, а тым самым і сваіх вясковых каранёў. (Дарэчы ўзгадаць рэакцыю П. Панчанкі на паэму Н. Гілевіча «Родныя дзеці» ў асабістым лісце да яе аўтара ад 22.03.1990: «Вельмі ўдалая Ваша пародыя на “мову” і “прамову” гэтай Рэпы – Мінскай Камароўкі, трасянку, якую прыжывілі бюракраты, ненавіснікі беларускай мовы, кар'ерысты».)

Аўтары літаратурных твораў свядома, прыхавана ці яўна, скіроўваюць чытацкую ўвагу на прычыны моўных паводзінаў сваіх герояў. Адна з іх – боязь здацца гарадскому жыхару «недаадукаваным», гэта значыць, які можа весці гутарку толькі «папросту», напрыклад, у Гілевіча: *Як чалавек не без амбіцый // Дырэктар школы Крутарог // Хацеў павесці асабісты // «На ўзроўні гасця» дыялог. // – Сцяпан Якубавіч, ну як вам // На ўлонні роднага кутка – // Тут, дзе ў прысутнасці наяўнай // І лес, і поле, і рака?* Пры сустрэчы са сваім былым вучнем, а зараз гараджанінам і вядомым кампазітарам, дырэктар загаварыў на «канцылярызаванай» мове, якая, на яго думку, найбольш адпавядала сітуацыі і не прыніжала яго аўтарытэту.

Не менш важкім з'яўляецца імкненне стаць сваім у коле чужых, і першая прыступка да гэтага – мова: каб адчуваць сябе нароўні з іншымі, трэба адпаведна гаварыць (гэты факт акцэнтаваў яшчэ Купала вуснамі Мікіты Зносака: *Становішча, меджду протчим, пане мой, абавязвае*). З другога боку, ёсць супрацьлеглае імкненне – прадэманстраваць свае кар'ерныя «дасягненні», свой вышэйшы сацыяльны статус, сваю ўжо невясковасць перад ужо «былымі» сваімі (у Гілевіча: *Каб не ўніжаць аўтарытэту // Ён Рэпу справіў на Рэппо <...>*).

3. Драматызм «трасянкамоўных», ці «а ўсё роўна хочацца быць красівай». Разам з тым за відавочным канфармізмам сваіх персанажаў некаторыя аўтары «убачылі» і «агучылі» невідавочнае, але рэальнае: балючасць і траўматычнасць моўнай адаптацыі вясковага жыхара ў непрыхільным да яго гарадскім рускамоўным асяродку. Насамрэч праблема моўнай адаптацыі засталася, як падаецца, амаль нерушам у мастацкім дыскурсе, хаця ў рэальным жыцці вяскоўцы, трапляючы ў горад, сутыкаюцца з гэтым найпрост. Для ілюстрацыі ўрывак з дыялогу вясковай і гарадской (з інтэлігенцыі) жыхарак, якія воляй лёсу трапілі ў адзін пакой санаторыя:

– Цярпець не магу буфетчыц, – сказала Ларыса, і Манька здагадалася пра каго – пра Адэліну.

(1) – *Хіба яна буфетчыца? Гаварыла, на фабрыцы робіць.*

– Няхай на фабрыцы, няхай у акадэміі, няхай хоць народная артыстка, буфетчыца ёсць буфетчыца. У мяне такая класіфікацыя, я ўсіх дзялю на буфетчыц і не буфетчыц. А ты, Маша, свой стыль трымай, твой стыль – святая прастата, «дунька з працаднямі»... Наіў – сёння рэдкасць.

(2) – *Ну, дзе уж нам уж выйці замуж...*

– Ты не крыўдуй, я па-харошаму.

(3) – *Я панімаю... церацічаскі... З мужыкоў у панства адразу не скочыш. Мы адмыемся мо ў трэцім пакаленні. А ўсё роўна хочацца быць красівай.* (М. Клебановіч «Манька», 1985)

У гэтым выпадку мае месца стылізаванае аўтарам «матываванае (гэта значыць арыентаванае на канкрэтную сітуацыю) пераклучэнне кодаў» (Головко 2001, 311) адной з гераінь. Манька, якая гаворыць на гутарковай беларускай мове (дыялекце) (1), рэагуе на рэпліку суразмоўцы *твой стыль – святая прастата*, «дунька з працаднямі» зменай коду – пераходзіць на чыстую рускую мову (2), прычым рэагуе іранічна (часціца *ну ў пачатку рэплікі і двойчы, для ўзмацнення, выкарыстаная эмацыйна-ацэначная часціца уж: дзе уж нам уж*), падкрэсліваючы разуменне свайго «другаснага» (вясковага) статуса. Рэпліка (3) – гэта ўжо моўная гульня ў трасянку, своеасаблівае абарона і іранічнае апраўданне. Праз ланцужок моўных пераклучэнняў: гутарковая беларуская (дыялект) → руская літаратурная → трасянка → беларуская літаратурная → дыялект – абыгрываецца не столькі статус моў, колькі пазамоўная апазіцыя «гарадское» – «вясковае», «высокае» – «нізкае».

4. Стылізацыя трасянки. Літаратурна-мастацкая трасянка канца ХХ ст. адрозніваецца ад змешанага маўлення персанажаў пачатку і сярэдзіны стагоддзя перадусім тым, што мастацкія творы цалкам стылізаваныя, яны створаныя ў «трасянкавай» манеры – наўмысна перабольшаная імітацыя асаблівасцей змешанага маўлення (гл. Ramza 2008). Такое змешанае маўленне прадстаўлена ў песенных тэкстах сучасных маладых аўтараў, гуртоў NRM, «Крамбамбуля» кшталту: *Дваццаць трэцце феўраля, паздраўленія прынімаю я, паздраўленія прынімаю я з дваццаць трэцім феўраля*, а таксама ў прозе М. Захаранкі. Гэта свайго роду блазнаванне, дзе прысутнічае калажнасць і прэцэдэнтнасць (гл. Мечковская 2008, 28–29), што дазваляе разглядаць самі тэксты не толькі як адмоўную рэакцыю на натуральнае змешанае маўленне беларусаў, але і як свайго роду гульню, балаканне (балагурство), а значыць, у пэўнай ступені станоўча.

5. Высновы. Літаратурна-мастацкае, аўтарскае, змешванне кодаў – стылістычны прыём, які па-рознаму тыпізуе і па-мастацку ўзнаўляе характэрныя асаблівасці жывога маўлення беларусаў на фоне нейтральнага змешанага гутарковага маўлення. Прыём змешанага беларуска-рускага маўлення, заснаваны на макаранічным эфекце, выкрышталізоўваўся на працягу ХХ ст. і зазнаў своеасаблівае развіццё: ад мастацкага выяўлення сродку да стылістычнага прыёму і, урэшце, поўнай стылізацыі; ад іранізавання да сацыяльнай і сацыяльна-палітычнай сатыры, ад негатыву да пазітыву (гульня і блазнаванне).

ЛІТАРАТУРА

Вешторт Г. Ф. Смешанные формы речи // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Мн., 1999. С. 93–101.

Гируцкий А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Мн., 1990.

Гируцкий А.А., Михневич А.Я. О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта» // Вариативность как свойство языковой системы. М., 1982. Ч. 1. С. 77–79.

Головко Е.В. Переключение кодов или новый код? // Тр. фак. этнологии Европейского ун-та. СПб., 2001. Вып. 1. С. 298–317.

Дунін-Марцінкевіч В. Творы. Мн., 1984.

Запрудскі С. Маўленчая акамадацыя і пераклучэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі // Studia Slavica Oldenburgensia. 2008. Вып. 17. С. 57–97.

Кароткі У. Білінгвальнасць і макаранічнасць у палемічнай публіцыстыцы Беларусі XVI–XVII стагоддзяў // Мова – Літаратура – Культура: Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. (да 80-годдзя праф. Л.М. Шакуна) (Мінск, 16–17 ліст. 2006 г.). Мн., 2007. С. 107–109.

Лукашанец А.А. Беларуская нацыянальная мова на сучасным этапе: сістэма, статус, функцыянаванне // Весті НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2009. № 1. С. 107–117.

Мечковская Н.Б. Белорусская трасянка и украинский суржик: сурrogаты этнического субстандарта в их отношении к литературным языкам // Мячкоўская Н.Б. Мовы і культура Беларусі: Нарысы. Мн., 2008. С. 168–177.

Мечковская Н.Б. Трасянка в континууме белорусско-русских идиомов: кто и когда говорит на трасянке // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej. Warszawa, 2007. С. 27–57.

Міхневіч А. Навукі без эўрыстыкі, без нейкіх, хоць маленькіх, але адкрыццяў, проста не існуе. <http://mab.org.by>. 12.01.2009.

Рамза Т. Маўленне тутэйшых (на матэрыяле п'есы Янкі Купалы) // Acta Albaruthenica. Literatura. Język. Kultura. Warszawa, 2007. № 7. С. 238–245.

Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). СПб., 2004.

Цыхун Г. Крэалізаваны прадукт. Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Arche. 2000. № 6. С. 51–58.

Ramza T. Die Evolution der Trasyanka in literarischen Texten // Zeitschrift fuer Slawistik 53. 2008. № 3. S. 305–325.

Паступіў у рэдакцыю 25.03.09.

Таццяна Расціславаўна Рамза – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры сучаснай беларускай мовы.

Е.В. КОРШУК

СОЦИУМ В ЗЕРКАЛЕ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Демонстрируется эффективность использования психолингвистических методик в кросс-культурных исследованиях. По данным свободного ассоциативного эксперимента сопоставляются различия в восприятии человеком иных людей в американской и белорусской культурах. Полученные результаты подтверждают выводы других отраслей знания, занимающихся анализом культур.

The article shows the opportunities the free word association experiment provides in cultural and cross-cultural analyses. To investigate how languages reflect differences in the cultural values of the Americans and of the Belarusians the author compares the free word association experiment data collected in Minnesota (USA) and in Minsk (Belarus) in 1999–2000. The concept of «Man» is taken as material for analysis.

Анализ ассоциаций может использоваться для изучения отражения в языке ценности культуры, а также для выделения основных ее характеристик. Свободный ассоциативный эксперимент дает дополнительную информацию, доказательство или опровержение результатов, полученных с помощью других методов исследования вербальных кодов общения.

В эпоху широкого применения свободного ассоциативного эксперимента в 1950–1970-х гг. внимание уделялось в основном лингвистическим характеристикам получаемых данных. Лишь один ученый предпринял ряд попыток провести кросс-культурные исследования, используя ассоциативный эксперимент. В своей первой работе Лоранд Салаи поставил цель «экспериментально развить метод сбора и анализа данных культурно-специфических моделей мышления и вербального поведения для достижения более эффективной и успешной межкультурной коммуникации» (здесь и далее перевод автора. – Е. К.) (Szalay Lorand 1965, 3–4). С 1990-х гг. этот метод исследования культур получает широкое распространение в российской психолингвистике (см. Привалова 2005). Параллельно и независимо от этого он стал применяться и в Беларуси.

В настоящее время при анализе ассоциаций внимание исследователей привлекают скорее ответы средней и низкой частоты, чем пятёрка

самых частотных, как было в 1950–1970-х гг. Они дают возможность выявить трудноуловимые различия культур, в которых социализируются испытуемые. Сравнительный анализ результатов экспериментов, проведенных автором в 1999–2000 гг., отражает разницу в моделях американской и белорусской культур.

В статье представлены данные восприятия американскими и белорусскими испытуемыми значимых для них характеристик человека. В соответствии с существующими классификациями культур (см. Hall 1977; Hofstede 1980) американская культура является низкоконтекстной, ориентированной на будущее, нацеленной на активное преобразование внешнего мира, индивидуалистической, средненизкой по иерархичности, избегающей неопределенности и маскулинной. Общепризнанными культурными ценностями считаются достижения, нуклеарная семья, религия («In God We Trust» даже на купюрах), демократия.

Лонгитюдное социологическое исследование, проводившееся в 1990–2000-х гг. В.В. Кириенко (см. Кириенко 2003), дает достаточно информации для того, чтобы приблизительно оценить белорусскую культуру как более иерархичную, нежели американская, избегающую неопределенности и коллективистскую, ориентированную на прошлое и настоящее, воспринимающую деятельность как саморазвитие, феминную. Белорус-

ская концепция семьи – это расширенная семья, включающая по меньшей мере три поколения – бабушки и дедушки, родители и дети. Ввиду довольно сложных отношений религии и государства на протяжении 75 лет советской власти в Беларуси кажется маловероятной принадлежность религии к ключевым ценностям культуры белорусских респондентов.

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) американцы должны показать более функциональный подход к межличностным отношениям; 2) для белорусов более важны характеристики людей, их описание (например, больше ассоциаций должно быть с цветами); 3) белорусы покажут большую зависимость от внутренних групп с более сложными структурами (ср. расширенная семья и нуклеарная семья в США); 4) у испытуемых из США будет больше реакций, связанных с религией; 5) как представители более коллективистской культуры белорусы должны употреблять больше существительных во множественном числе и называть скорее группы, чем отдельных индивидов.

Для верификации гипотез автором проведено два эксперимента: сначала в Минске (Беларусь), затем в Миннеаполисе (штат Миннесота, США). В обоих случаях опрашивались по 60 студентов университета (30 мужчин и 30 женщин). Список стимулов включал 100 слов классического варианта списка Кента – Розанова (см. Kent & Rosanoff 1910). Испытуемым предлагалась классическая инструкция: «Вы принимаете участие в эксперименте с использованием свободных словесных ассоциаций. Перед Вами список слов. Ваша задача – прочитать каждое слово и рядом с ним написать первое слово, которое придет Вам на ум. Все ответы – правильные. Пожалуйста, не пропускайте слова. Спасибо».

Для сравнительного изучения отношения *человек – человек* в белорусской и американской культурах были отобраны реакции на стимулы, **не** обозначающие людей. Стимулы типа *мужчина, женщина* (*man, woman*) не использовались для анализа как с большей вероятностью вызывающие реакцию «человек», особенно у американских испытуемых, которые предпочитают парадигматические реакции, как показали предыдущие исследования (см. Postman & Keppel 1970).

Для дальнейшего анализа отбирались все реакции, включающие названия человеческих существ (ребенок, жена и т. п.).

В результате исследования в белорусской выборке выявлено 126 различных реакций, связанных с понятием *человек*. Они получены в ответ на 62 стимула из 100. В американской выборке – 92 реакции на 40 стимулов из 100. Таким образом, даже на этом уровне можно увидеть, что для белорусов межличностные отношения более значимы.

Из 62 стимулов, в ответах на которые белорусы использовали единицы семантического поля

«человек», 40 были существительными. В американской выборке – максимум 27 (из-за особенностей английского языка не всегда возможно различить глаголы и существительные в стимулах и реакциях); в американской выборке 10 прилагательных (и 2 причастия – *afraid* (испуганный), *working* (работающий)); в белорусской – 18. В белорусских результатах 7 прилагательных описывают цвет, 2 – качества, 3 – вкус, 2 – звук, 2 – скорость и 2 – размер, в то время как в сходных реакциях испытуемых из США было только 3 цвета (*зеленый, синий, черный*), 2 – описания скорости, 1 – размера, 1 – звука, 2 – качества (*грубый, красивый*). Оставшиеся 3 прилагательные описывают состояние человека (*голодный, испытывающий жажду, испуганный*).

Некоторые результаты объясняются языковыми различиями. Так, английские прилагательные-стимулы (например, *hungry* – голодный) могут быть переведены на русский существительными, а другие – глаголами (*afraid* – бояться). Тем не менее эти результаты вписываются в общую картину (табл. 1).

Таблица 1

Прилагательные-стимулы, вызвавшие реакции, связанные с семантическим полем *человек*

Белорусы	Американцы
Темный	–
Красный	–
Белый	–
Желтый	–
Синий	Синий
Черный	Черный
Зеленый	Зеленый
Сладкий	–
Горький	–
Медленный	Медленный
Быстрый	Быстрый
Длинный	–
Высокий	–
Кислый	–
Мягкий	–
Красивый	Красивый
Холодный	–
Тихий	–
Громкий	Громкий
–	Голодный
–	Грубый
–	Работающий
–	Короткий
–	Испуганный (Afraid)

Более описательные стимулы в белорусской колонке показывают, что испытуемые в значительной степени заинтересованы в описании людей (см., например, цвета). Для американцев же важнее характеристики с точки зрения действия, деятельности и ее результатов (*испуганный*). Свидетельством тому являются и реакции, называющие профессии: *правосудие* – судья, *здоровье* – врач, *руководитель* (*head*) – президент, шеф, *неприятности* (*trouble*) – полиция, адвокат, *болезнь* – врач, *команда* – генерал, *chair* – Head of Department, *свист* – полицейский, тренер. Белорусы дали такие же реакции на слова *команда*,

свист, руководитель. Белорусские испытуемые назвали 8 профессий, американские – 13 (табл. 2).

Реакции на слова *болезнь* и *здоровье* показывали тех, кто переживает эти состояния – *старуха, старик* (*old woman, man*).

В соответствии с изложенными выше предположениями о культурных различиях в случае со стимулами *trouble* (*тревога, беспокойство*) белорусские испытуемые продемонстрировали типичную для белорусской культуры реакцию *друг*, т. е. человек, к которому идешь, чтобы поделиться (Sic! скорее, чем решить проблему) чем-то.

Таблица 2

Профессии, названные испытуемыми	
Белорусы	Американцы
Спортсмен (баскетболист)	Спортсмен (бегун)
Врач	Врач
Милиционер	Полицейский (коп)
Студент	Студент
Моряк	Горничная
Портной	Парикмахер
Солдат	Тренер
Фермер	Ковбой
–	Плотник
–	Юрист
–	Судья
–	Священник
–	Автодилер

Ожидалось, что испытуемые из США продемонстрируют больше ассоциаций с отдельными индивидами. Но они назвали только 9 имен, более чем в 2 раза меньше, чем белорусские испытуемые (22) (табл. 3).

Таблица 3

Личности, названные испытуемыми	
Белорусы	Американцы
Марина	Тед
Люда	Эми
Иисус Христос	Джина
Магомет	Келли
Соломон	Иисус
Иван Тишайший	Абрахам
Капитан Врунгель	Аладдин
Свифт	Гудикунст
Максим (Горький)	Тиффани
Моцарт	–
Бах	–
Григ	–
Петр Великий	–
Коперник	–
Ленин	–
Армстронг	–
Маршалл	–
Кусто	–
Лукашенко	–
Виктор Цой	–
Курт Кобейн	–
Моисеев	–

Анализ показывает, что белорусы более заинтересованы в индивидах, которые имеют какой-то авторитет для их культуры, чем американцы, назвавшие имена близких людей (Тед, Эми, Джина, Келли).

Косвенно большее количество исторических персонажей (Петр Великий, Соломон, Иисус Христос, Маршалл, Иван Тишайший и т. д.) в белорусских данных может служить индикатором более высокой иерархичности белорусской культуры и общей образованности белорусов. В обеих группах статусные реакции вызвали три стимула: *head* (*глава*) – *chief* (*председатель*), *President* (*президент*). Значительное количество исторических персоналий может также свидетельствовать о том, что белорусская культура больше ориентирована на прошлое, чем американская.

Особый интерес представляют реакции, данные белорусскими испытуемыми на слово *справедливость*. Они называли две личности, которые для них символизируют справедливость, – *Соломон* и *Лукашенко* (Президент Республики Беларусь).

В 14 случаях белорусы и в 13 – американцы дали «женские» реакции: *девочка, женщина, мама, жена*. В белорусской группе было получено 19 «мужских» реакций, т. е. мужские имена, *мальчик* и т. д., в американской – 9. Это могло бы свидетельствовать о маскулинном характере белорусской культуры, если бы не тот факт, что известные исторические фигуры во всем мире чаще мужчины.

Мать одинаково важна для обеих групп – 7 реакций на 4 стимула в США и 7 реакций на 5 стимулов в Беларуси. Сходство семейных реакций на этом заканчивается. Неожиданно, что белорусы не упомянули в своих реакциях отца, который сравнительно часто встречается в ответах американцев (4 стимула). Американцы с концептом «семья» связали несколько больше стимулов (табл. 4). Обратим внимание, что и здесь американцы показали более деятельный подход, нежели белорусы: *работающий, беспокойство, желание*.

Таблица 4

Стимулы, вызвавшие реакции, связанные с семантическим полем «семья»	
Белорусы	Американцы
Дом	Дом
Память	Память
Радость	Радость
Рука	Комфорт
Фрукт	Короткий
Земля	Команда
Изба	Медленный
Плита	Желание
Кровать	Красивый
Тихий	Работающий
–	Беспокойство
–	Улица

В полном соответствии с гипотезой белорусы упомянули больше членов семьи, чем американцы (табл. 5). Концепт «ребенок» отражен в словах *ребенок, малыш, маленький* в белорусской выборке и в словах *child, daughter, baby, kid* (*ребенок, дочь, малыш, дитя*) – в американской.

Таблица 5

Члены семьи, названные испытуемыми	
Белорусы	Американцы
Предки	—
Бабушка	—
Дедушка	—
Мать	Мать (мама)
—	Отец (папа)
Муж	—
Жена	Жена
Я	Я
—	Брат
Ребенок (baby)	Ребенок (дочь, baby)
Семья	Семья
Родственники	—

Еще одно различие состоит в том, что белорусы, в отличие от американцев, упомянули *друзей* и *врагов*, создав таким образом другие внутренние и внешние группы: *я + друг*, *я + враг*. Американские же испытуемые упомянули только *mate* (*товарищ*), т. е. *я + группа друзей* (дальнейшее обсуждение см. к табл. 6).

Помимо членов семьи и профессий, белорусы назвали народы (*русские, американцы, китайцы*), религиозные группы (*католики*), сексуальные меньшинства (*гей*), скопления людей (*толпа*), нации (*народ и народы*), расы (*негры*). Были также упомянуты *милиция* и *армия*. Американцев не интересуют религии, сексуальные меньшинства, и они говорят только об одной нации (*people – народ*).

Таблица 6

Группы людей, названные испытуемыми	
Белорусы	Американцы
Предки	—
Семья	Семья
Родственники	—
Друзья	Друзья
Враги	Скопления людей
Скопления людей	—
Сексуальные меньшинства	—
Профессии	Профессии
Нации	Нации
Религиозные группы	—
Расы	Расы
Человечество	Человечество

Как видно из табл. 6, американцы идентифицируют себя с вдвое меньшим количеством групп, чем белорусы. Это означает, что группы для них не очень важны, и подтверждается гипотеза о том, что белорусская культура более коллективистская и иерархичная.

Таким образом, гипотеза, оценивающая белорусскую культуру как более коллективистскую, иерархичную, более ориентированную на прошлое и саморазвитие как основной вид деятельности, чем американская, была верифицирована с помощью ответов белорусских и американских испытуемых на 100 стимулов списка Кента – Розанова. Анализ данных, собранных с помощью свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в Беларуси и США, показал результаты, сходные с данными, полученными другими методами изучения культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Кириенко В. В. Between Polska and Россия // Основы межкультурного общения: Учеб.-метод. комплекс / Авт.-сост. Е. В. Коршук. Мн., 2003. С. 39–46.
- Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М., 2005.
- Hall E. T. Beyond Culture. New York, 1977.
- Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, 1980.
- Kent G. H. & Rosanoff A. J. A study of association in insanity // American Journal of Insanity. 1910. Vol. 67. P. 317–390.
- Postman L. & Keppel G. Norms of word association. New York, 1970.
- Szalay Lorand B. et al. Cultural Meanings and Values—a Method of Empirical Assessment // Distributed by CLEARINGHOUSE for Federal and Technical Information. US Department of Commerce/National Bureau of Standards March. 1965. P. 3–4.

Поступила в редакцию 21.05.09.

Елена Владимировна Коршук – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и речевой коммуникации.

В. К. ЦЕРЛЮКЕВИЧ

О ЯЗЫКЕ, РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируется дихотомия язык – речь как противопоставление двух самостоятельных сущностей в рамках единого целого. Утверждается, что такой дихотомии не существует. Есть один и тот же язык (речь), который может быть рассмотрен или как продукт, или как инструмент речевой деятельности. С точки зрения системного отношения к понятию деятельности вообще речь и речевая деятельность по сути одно и то же.

Language – speech dichotomy as the binominal opposition of two independent notions taken as a whole is analyzed. It is claimed that such dichotomy does not exist. There is only one and the same language (speech) that can be examined either as a product or as an instrument of speech activity. On the other hand, from the systematic attitude to the activity in general, speech and speech activity is one and the same thing.

На наш взгляд, Ф. де Соссюр не ошибался в своем стремлении разграничить явления языка и речи. Другое дело, что принципы разграничения, предложенные им, были не столь очевидны и не

так детально разработаны, как хотелось бы. Его постоянно упрекали и упрекают в том, что он считал *язык* и *речь* некими автономными понятиями (см. Чикобава 1959, 118; Ломтев 1979, 37;

Васильев 2007, 15–16). Показательно в этом плане высказывание М.И. Стеблина-Каменского: «К сожалению, у нас до сих пор интересовались не столько ролью Соссюра в развитии методов лингвистического исследования, сколько тем, что он “оторвал что-то от чего-то (например, язык от речи...)”» (Стеблин-Каменский 1957, 36). Однако вопрос о том, что считать языком, а что речью, до сих пор остается открытым. Так, в частности, В.А. Звегинцев обнаружил 14 различных толкований дихотомии язык – речь (см. Звегинцев 1976, 10).

У Ф. де Соссюра изучение речевой деятельности распадается на две неравнозначные части. «Язык» для него – основная часть, а «речь» – второстепенная (Соссюр 1977, 57). Ф. де Соссюр не включает *речь* в лингвистику как науку, описывающую *язык* (Там же, 58). Поэтому язык и речь в его понимании не являются частями одного целого, т. е. он совершенно сознательно «отрывает язык от речи».

Сопоставляя язык и речь как оппозицию абстрактного и конкретного (см. Мухин 1964, 254), парадигматических и синтагматических свойств лингвистических объектов (см. Адмони 1964, 34; Павлов 1970, 91), мы рассматриваем эти сущности в рамках единой языковой системы, но это уже другая точка зрения.

На наш взгляд, возможная разгадка смысла соссюрсовской дихотомии язык – речь кроется в постижении сущности «речевой деятельности». У Ф. де Соссюра «изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык... другая, второстепенная... речь» (Соссюр 1977, 57). Однако «речевая деятельность» и «изучение речевой деятельности» – не одно и то же. В первом случае это схема деления целого на части, во втором – мы имеем дело не с самим объектом, а с принципами его изучения. Если *язык* и *речь* в речевой деятельности есть лишь «первая дихотомия, с которой сталкиваешься, как только приступаешь к построению теории речевой деятельности» (Там же, 58), то, вероятно, «речевая деятельность» есть нечто большее, чем совокупность этих явлений. Отсюда легко прийти к выводу, что изучение речевой деятельности не является проблемой языкознания. Именно об этом говорит Ф. де Соссюр, считая, что «деятельность говорящего должна изучаться целой совокупностью дисциплин, имеющих право на место в лингвистике лишь постольку, поскольку они связаны с языком» (Там же, 57).

Речевую деятельность, исходя уже из опорного слова *деятельность*, можно понимать как характеристику определенной деятельности человека, связанную с использованием языка. Для Ф. де Соссюра же язык есть «определенная часть... речевой деятельности» (Там же, 47). При этом изучение речевой деятельности распадается на основную часть, предмет которой язык, и

второстепенную, предмет которой речь (Там же, 57). Таким образом, понятия «речевая деятельность» и «изучение речевой деятельности» фактически отождествляются.

Однако характеристика языка как «части речевой деятельности» не кажется нам удачной. Можем ли мы сказать, например, что «пила» есть составная часть деятельности лесоруба? Нет, конечно. Это скорее орудие или инструмент его деятельности. Понятие «деятельности» как объект классификации не может делиться на инструменты деятельности и что-либо еще, оно может только предполагать их использование. Аналогичным образом, на наш взгляд, и язык не является внутренней составляющей речевой деятельности.

Ф. де Соссюр во многих местах противопоставляет язык то речи, то речевой деятельности. Так, декларируя основные его свойства в рамках четырех пунктов, он дважды противопоставляет язык речевой деятельности и дважды – речи (см. Соссюр 1977, 52–53). Лингвистика для него есть только одна из некоторого количества дисциплин, изучающих речевую деятельность человека. При этом наукам, не связанным непосредственно с языком, нет места в лингвистике. Правда, Ф. де Соссюр «в крайнем случае» допускает возможность сохранить название лингвистики за тем, что он называет речью. *Речь* у Ф. де Соссюра это не конкретный объект и не какая-то конкретная наука, противопоставленная языку и составляющая с ним нечто целое. Речь – это некая совокупность всего, что «имеет своим предметом индивидуальную сторону речевой деятельности» (Соссюр 1977, 57), в отличие от другой совокупности наук, предмет изучения которых сам язык. С другой стороны, «деятельность говорящего» или «речевая деятельность» иногда представляют собой в теории Соссюра нечто принципиально отличное от языка: «Язык не деятельность (*fonction*) говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим» (Соссюр 1977, 52).

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» речевая деятельность есть, во-первых, «один из трех аспектов языка наряду с психологической “речевой организацией” и “языковой системой”»; во-вторых – это «вид деятельности (наряду с трудовой, познавательной, игровой и др.)» (Леонтьев 1990, 412). Определение *речевой деятельности* как одного из трех аспектов *языка* есть характеристика, прямо противоположная соссюрсовской, ибо в этом случае речевая деятельность становится частью языка. Однако две противоположные мысли об одном и том же явлении, рассмотренные в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными. Значит, надо выбирать что-то одно: или язык входит в речевую деятельность, или речевая деятельность входит в язык.

Впрочем, суть данной проблемы не только в том, что нужно следовать законам диалектики. На наш взгляд, представление о речевой деятельности как об одном из аспектов языка вольно или невольно связано с «антисоссюровским» представлением о самом языке. Оно основано на неразличении свойств языка как продукта и инструмента речевой деятельности, что в итоге и вылилось в отрицание необходимости изучать язык «в самом себе и для себя». Более того, уже «делаются попытки понять и объяснить, почему язык как объект научных изысканий долгие годы оставался оторванным от его носителей» (Залевская 2004, 381); другими словами, отрицается сама объективная необходимость изучения языка «в самом себе и для себя».

Уже в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой речевая деятельность есть «1) Речь как процесс... 2) Язык как социальный продукт речевой способности... 3) Речь индивида, индивидуальная речь» (Ахманова 1966, 385). Такой подход не дает четкого разграничения всех этих трех понятий, ибо речевая деятельность определяется здесь то через речь, то через язык, то равна речи.

Встречается и такая трактовка речевой деятельности: «Как правило, лингвистика интересуется двумя этапами речевой деятельности – данными языка и реализацией их в речи» (Костюшкина 2005, 69). Из самого определения неясно, ограничивается речевая деятельность этими двумя этапами или нет. И можно ли считать «данные языка» этапом речевой деятельности, если язык выступает в ней как инструмент деятельности? Любой **готовый** инструмент, используемый человеком в ходе той или иной его деятельности, нет необходимости рассматривать как этап деятельности. То же самое и с языком: люди в ходе речевой деятельности не создают его, а берут готовым и используют в своих целях.

Пытаясь определить сущность речевой деятельности, можем ли мы утверждать, что она как раз в том, чтобы реализовать в речи данные языка? Нет, конечно. Можно даже утверждать, что для речевой деятельности внутренние свойства самого языка принципиального значения не имеют. Сущность ее в реализации человеком его когнитивных намерений. Именно поэтому в речи возможны и даже естественны всякие вольности, отклонения от нормы или ошибки.

Если нас интересует собственно речевая деятельность, т. е. цели, задачи и смысл речи, то язык «в себе и для себя» объективно отходит на второй план. Если же мы изучаем внутреннее устройство языка как инструмента речевой деятельности, то мы естественным образом должны остаться в нем самом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что не следует считать термин *речевая деятельность* неким системообразующим в якобы существую-

щем триединстве язык – речь – речевая деятельность. Речевая деятельность и есть речь как вид деятельности. Язык и речь не образуют, не составляют, не складываются в речевую деятельность. Просто язык является инструментом человека в его речевой деятельности. Сама «речевая деятельность» есть характеристика конкретного вида деятельности человека и не более. И если есть какие-либо объективные составляющие деятельности вообще, то они будут распространяться и на речевую деятельность в частности.

Язык есть одно из многочисленных изобретений человека. Этим инструментом человек умело пользуется, находя ему (языку) самое различное применение. Относясь к языку как к инструменту речевой деятельности, вполне корректно в самых общих чертах соотносить его с любым другим инструментом в руках человека. По этой логике в общей системе сущего и происходящего речевая деятельность аналогична любому другому виду человеческой деятельности. Человек может сеять хлеб, строить дом или говорить.

Подобное отношение к языку мы находим, в частности, у К. Бюлера: «Язык сродни орудиям труда; он тоже принадлежит к жизненно необходимым инструментам» (Бюлер 2000, 1). Однако К. Бюлера интересуют прежде всего именно посреднические свойства языка, и именно в этом направлении, по его мнению, должна строиться теория языка (Там же, 4).

Для того чтобы разобраться в реальных взаимоотношениях языка и речи, на наш взгляд, следует как раз не усложнять, а упрощать ситуацию. Необходимо искать в этой дихотомии самый простой и естественный смысл, аналогичный другим отношениям вещей в окружающем нас мире. «Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка», – писал Ф. де Соссюр (Соссюр 1977, 55). Ведя речь о создании «общей теории систем, которая должна олицетворять идею единства научного знания, а вместе с ним и познания» (Карпов 1991, 26), позволительно сравнивать язык с любым объектом-системой.

Речевая деятельность – это прежде всего деятельность, аналогичная другим видам человеческой деятельности. В ходе ее человек использует некий инструмент (язык) и получает некий продукт (речь). Да, под речью традиционно «понимают как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» (Арутюнова 1990, 414). Но сама деятельность и ее продукт суть разные вещи.

Здесь еще раз следует вернуться к Ф. де Соссюру. Мы уже обращали внимание на то, что у него во многих местах термины «речевая деятельность» и «речь» воспринимаются как синонимы. Но есть ли у него характеристика речи как продукта деятельности? К сожалению, нет. Однако у Ф. де Соссюра есть фраза о том, что

«язык одновременно и орудие и продукт речи» (Соссюр 1977, 57). Это действительно так. Но сами эти вещи (орудие деятельности и продукт деятельности) как научные понятия вовсе не одно и то же. И если «анатомизировать» эту фразу и посчитать, что здесь «продукт речи» то же самое, что продукт «речевой деятельности», то последовательно можно прийти к следующему выводу: язык как продукт деятельности есть речь. Очевидно, именно так рассуждают те лингвисты, которые выступают против резкого разграничения языка и речи, ссылаясь на то, что это на самом деле один и тот же объект. Да, один и тот же. Однако разграничение языка и речи как речевой деятельности очень важно и принципиально необходимо для действительно научных методов анализа всех этих составляющих. Для этого в системе теоретических построений относительно языка, речевой деятельности и речи следует принять утверждение, что язык нельзя одновременно рассматривать (анализировать, описывать) и как инструмент, и как продукт речевой деятельности.

Системно определившись с параметрами любой деятельности, включающей в себя ее инструмент, саму деятельность и продукт деятельности, и соотнеся это с лингвистическими понятиями «язык», «речевая деятельность», «речь», мы делаем очевидный для нас вывод о том, что суть речевой деятельности вовсе не заключается в том, чтобы произвести или воспроизвести язык. Язык, по словам того же Ф. де Соссюра, – «это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу» (Соссюр 1977, 52). Его не нужно производить как продукт или воспроизводить, им нужно пользоваться.

Многие языковеды, вероятно, именно потому так настойчиво выступают против соссюровского положения об изучении языка «в самом себе и для себя», что язык для них есть прежде всего инструмент деятельности. И в этом они правы. Не правы только те, кто думает, что это положение не нужно лингвистике вообще. Замечания по поводу того, что «современная лингвистика стала рассматривать языки не как объект (предмет, вещь), а как деятельность человека» (Нарумов 1999, 216), ничего в сущности не меняют, ибо **объект и деятельность** по сути разные явления и разные научные понятия.

Таким образом, мы приходим к мысли, что дихотомии язык – речь как бинарного противопоставления двух самостоятельных сущностных явлений в рамках единого целого не существует. Есть один и тот же язык (или речь), который может быть рассмотрен или как продукт, или как инструмент речевой деятельности. С точки зрения системного отношения к деятельности вообще речь и речевая деятельность по сути одно и то же. Но внутренняя сущность, строение, структура языка как продукта речевой деятельности и использование языка как инструмента в речевой деятельности – разные вещи и разные предметы исследования. Язык как инструмент речевой дея-

тельности естественным образом рассматривается с точки зрения его функций, а не его внутреннего строения.

Лингвистика как наука о языке и речевой деятельности может брать на себя ответственность исследовать оба этих феномена. Но это не пересекающиеся и не взаимозаменяемые исследования, ибо это исследования разных сущностей. Первая сущность – это «язык в самом себе и для себя», вторая – это речевая деятельность (речь), где язык представлен как некий готовый инструмент для этого вида деятельности. Первой сущностью занимается традиционная или классическая лингвистика, точнее, языкознание, второй – социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика и т. д. В том, что эти науки (как, например, и психология) рассматривают в качестве своего объекта исследования речевую деятельность, с нашей точки зрения, методологической ошибки нет (см. Соссюр 1977, 47). Методологической ошибкой является представление о том, что «новые» лингвистики, изучающие собственно речевую деятельность, являются преемниками лингвистики «старой», изучающей язык «в самом себе и для себя». Конечно, эти два направления естественным образом обогащают друг друга, но заменить друг друга они объективно не в состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
 Арутюнова Н. Д. Речь // Лингв. энцикл. словарь. М., 1990. С. 414–416.
 Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
 Бюлер К. Теория языка. 2-е изд. М., 2000.
 Васильев Л. М. О научных основаниях лингвистических исследований // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгр. исследователей русского языка. М., 2007. С. 15–16.
 Залевская А. А. Актуальные проблемы лексической семантики. Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филол. фак. Санкт-Петербург. гос. ун-та. СПб., 2004. С. 381–394.
 Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
 Карпов В. А. Язык как система. Мн., 1991.
 Костюшкина Г. М. Высказывание и категоризация // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. Тольятти, 2005. С. 69–73.
 Леонтьев А. А. Речевая деятельность // Лингв. энцикл. словарь. М., 1990. С. 412.
 Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
 Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов: На материале древнеанглийского языка. М.; Л., 1964.
 Нарумов Б. «Язык» лингвистики и «язык» философии. Contra Библихин // Логос. 1999. № 1. С. 214–221.
 Павлов В. М. О противоречиях в языке // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 88–109.
 Соссюр Ф. Труды по языкознанию: Пер. с фр. / Под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.
 Стеблин-Каменский М. И. Несколько замечаний о структурализме // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 35–40.
 Чикобава А. С. Проблемы языка как предмета языкознания: На материале зарубежного языкознания. М., 1959.

Поступила в редакцию 04.03.09.

Виталий Казимирович Церлюкевич – кандидат филологических наук, докторант кафедры теоретического и славянского языкознания.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Исследуются механизмы появления новых художественных смыслов слова в поэтическом тексте с позиции синергетического подхода. Доказывается, что такой подход к исследованию языка поэзии возможен в первую очередь потому, что поэтический язык представляет собой нелинейную открытую динамическую систему и, как таковой, подчиняется общим универсальным синергетическим законам. Объясняются основные термины синергетики в их приложении к поэтическому языку: диссипативный процесс, аттрактор, бифуркация, фрактал; дается синергетический анализ некоторых поэтических текстов А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, И. Кабыш.

The author of the article examines the mechanisms of new word meanings appearance in a poetic text from the synergetic point of view. The article explains general terms of synergy theory in its application to poetic language, and gives the synergetic analysis of some poetic texts.

В рамках традиционной лингвистики сформирована серьезная теоретическая база, ставшая предпосылкой к появлению целого ряда оригинальных концепций, в которых были предложены новые решения основных проблем лексической семантики.

Мы хотим посмотреть на поэтическое слово с позиций синергетики. Традиционная наука в изучении мира делала акцент на замкнутых системах, обращая особое внимание на устойчивость, порядок, однородность. В классике пространство и время абсолютны, парадоксы и случайности отторгались как нечто мешающее познанию, как препятствие на его пути. Физики первыми отделили классические системы (линейные) от динамических (нелинейных). Синергетический подход акцентирует внимание именно на нелинейных открытых системах.

Основатели синергетического взгляда на мир (И. Пригожин, Г. Хакен, С. Курдюмов, Р. Том, Ю. Климонтович, Л. Мандельштам, Б. Мандельброт, Д. Чернавский, Ю.А. Данилов, В.И. Аршинов и др.) утверждали, что основные закономерности самоорганизации, выявляемые при изучении природных процессов, распространяются и на социокультурную сферу деятельности человека. В частности, в отношении языка Г. Хакен писал: «При надлежащей интерпретации результатов синергетики мы можем рассматривать возникновение смысла как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как *самопорождение смысла*» (Хакен 1991, 35).

В последние годы синергетический подход в исследованиях начинает проявляться не только в физике, математике, философии. На международной конференции «Лингвистика на исходе XX в.: Итоги и перспективы» (М., 1995) заявила о себе идея о синергетическом характере языка, выразившаяся в постановке ряда новых и нетривиальных проблем: язык как адаптивная, самоорганизующаяся система, язык как динамическая нелинейная система, языковая суггестия, синергетика речи и ситуации и др. Р.Г. Пиотровский (см. Пиотровский 1995, 418) охарактеризовал лингвосинергетику как одно из магистральных направлений лингвистики будущего. Вопросы языка художественной литературы затрагивает И.А. Евин в книге «Искусство и синергетика» (см. Евин 2004), в 2004 г. в Украине защищена О.О. Семе-

нец докторская диссертация «Синергетика поэтического слова» на материале поэзии Евгения Маланюка. В Беларуси к вопросам синергетики одним из первых обратился А.Е. Михневич (см. Михневич 2004), который выразил убеждение в том, что лингвистика принадлежит к числу наук синергетической ориентации. В его статье отражен подход к проблеме соотношения значения и смысла в языке и речи как диссипативному процессу. Эта тема получила развитие в статье В.А. Масловой «Синергетика и лингвистика» (см. Маслова 2007). Но надо признать, что научных лингвистических работ, выполненных в русле синергетического подхода, еще очень мало.

Синергетический подход к исследованию языка поэзии возможен в первую очередь потому, что поэтический язык является нелинейной открытой динамической системой и, как таковой, подчиняется общим универсальным синергетическим законам. Потенциальные и асистемные элементы языка, широко представленные именно в поэзии, выступают носителями нелинейности, инициируют в нем процессы синтеза и самоорганизации новых, глубинных смыслов слова. Они есть поле порождения переносной, возвратной по существу, семантики, потому что обращены к внутренним ресурсам языка. Эти элементы в первую очередь и должны стать объектом синергетического анализа.

Важным достоинством синергетического подхода является то, что он позволяет определенным образом унифицировать научный язык в области поэтики. Как известно, одной из серьезных проблем современной науки становятся терминологическое многообразие и многоплановость; научный язык превращается в некий «метаязык», известный узкому кругу посвященных в определенной (и тоже достаточно узкой) области научных исследований. Например, при описании фонетического уровня поэтического текста применяется бесчисленное множество терминов: *анафора, аллитерация, эпанастрофа, зевгма, епифора, паронимическая аттракция* и т. д. При синергетическом подходе используется несколько основных терминов, при помощи которых можно описать как любую нелинейную открытую систему вообще, так и любой языковой уровень поэтического текста и сам текст в целом.

К числу основных понятий синергетики относятся следующие: диссипативная структура (диссипативный процесс), аттрактор, бифуркация, фракталь.

Диссипативная структура. Свое понимание феномена самоорганизации И. Пригожин связывает с понятием диссипативной структуры – структуры, спонтанно возникающей в открытых неравновесных системах. В книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» (см. Пригожин, Стенгерс 1986) процесс возникновения диссипативных структур объясняется следующим образом. Пока система находится в состоянии равновесия, ее элементы ведут себя независимо друг от друга, как бы в состоянии гипнотического сна. Но если эта система под воздействием окружающей среды переходит в неравновесное «возбужденное» состояние, ситуация меняется. Элементы такой системы «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно. Между ними возникают корреляции, когерентное взаимодействие, результатом которого и является диссипативная структура. Именно «совместное действие» или когерентное поведение элементов диссипативных структур и являются тем феноменом, который характеризует процессы самоорганизации.

В поэтическом языке возникновение диссипативных структур, т. е. *когерентное взаимодействие языковых единиц, в результате которого рождается новый смысл*, наблюдается регулярно. В первую очередь это проявляется на уровне синтагматических связей лексем. Например, смыслы сочетания *кровотечение звука* (см. Ахмадулина 1999) – «тоска, печаль, прерывание звука» – не возникают из словарных значений лексем *кровотечение* и *звук*. Пока система находится в состоянии равновесия, пока лексем «ведут себя независимо» друг от друга, никакие новые смыслы не возникают. Когда же лексем «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно, тогда в их сочетании появляется смысл *печали и тоски*: если звук кровоточит, то однозначно предполагается не-радость такого звучания. Течение реки радует, любое кровотечение – нет. Нормальный человек на сознательном либо подсознательном уровне хочет кровотечение остановить, следовательно, возникает еще один смысл: желание *звук прервать*. В данном случае сочетание *кровотечение звука* представляет собой диссипативную структуру, поскольку в результате когерентного взаимодействия составляющих его лексем (т. е. в результате диссипативного процесса) рождается, «самоорганизуется» новый смысл. «Толчком» возникновения диссипации, «внешним воздействием на систему» стало языковое творчество автора, базирующееся на его собственном бессознательном и на индивидуальной языковой картине мира, в связи с чем он именно так, а не иначе

«строит» свое поэтическое произведение или его отдельные элементы.

Аттрактор – направление поиска смысла и приписывание выражению определенного смыслового содержания. Аттрактор выявляется в «переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания» (Арутюнова, Падучева 1985, 8).

Бифуркация – «ветвление путей эволюции системы» (Михневич 2004, 40), т. е. возможности системы реализовывать разные смыслы у одной и той же совокупности языковых единиц, т. е. линейно упорядоченной цепочке слов могут быть приписаны разные смыслы. Проиллюстрируем это следующей строкой из Е. Евтушенко: *Не разлюбил я ни одной любимой...* (Евтушенко 1997–1998). Смысл этого предложения складывается из словарных значений основных лексем *не разлюбить, любимые*. На основе словарно-лексической структуры этого предложения могут возникнуть следующие смыслы: 1) было много любимых, искренне и по-своему любил каждую; 2) до сих пор люблю всех, кого любил когда-то; 3) в сегодняшней возлюбленной воплотилась вся любовь к предыдущим женщинам; 4) любил всегда одну женщину, она была для него всеми возможными возлюбленными, поэтому некого было «разлюбливать». Возможен еще один, достаточный противоречивый смысл; 5) не разлюбил никого, потому что никого не любил. Противоречивость возникает из-за словарного значения слова *любимая* – *та, которую любят*, но гипотетически возможна «любимая-мечта», воображаемая любимая, поэтому и смысл «никого не любил» также возможен. В данном случае бифуркация представляет собой «смысловое ветвление» анализируемой фразы, набор возможных смыслов. В этом проявляется глубинный характер трансцендентных содержаний, которые не могут быть представлены в языке явно, а скрыты за его непосредственной данностью. В этом случае на подсознательном уровне работает принцип холистичности – восприятие возникающего образа или мысли как целого, вбирающего в себя все логические противопоставления. В этом проявляется и логика человеческого мышления – стремление к осмыслению содержательных инвариантов по отношению к непосредственно данным содержаниям. В таком разбросе возможных смыслов проявляется хаос системы, но он детерминирован значением лексем, составляющих фразу, контекстом речи, коммуникативной ситуацией, культурой коммуникантов и др.

Фракталь. Основой детерминации беспорядочности и разброса смыслов в языке являются фракталы, базирующиеся на более или менее общей смысловой однозначности восприятия людьми окружающего мира. Фракталы – границы объектов, имеющих свойства масштабной инвариантности: наблюдается постоянное изменение

объектов, но обязательно в рамках определенной целостности данного феномена (в природе это, например, облака). В языке выявляются семантические фракталы – группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта. Основная функция фракталей в языке – удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности. Например, в строках А. Вознесенского *Нам, как аппендицит, поудалили стыд* (Вознесенский 2007) словарные значения лексем *аппендицит*, *удалить*, *стыд* не создают фракталь «медицина, больница»; инвариантом здесь являются *стыд*, *совесть*, *нравственность*, которым детерминируется смысл высказывания.

«Некоторая мыслимая целостность» – понятие для языка относительное. Как правило, люди мыслят стандартными целостностями, и именно искусство, в частности поэзия, расширяет стандартные фракталы, меняет их конфигурацию, создает возможность перехода мыслительных образований человека из одной фракталы в другую. Так, в выражении *Очередь – это в цепь вытянутое стадо* (Кабыш 1994) бытовая фракталь «очередь – дефицит, нищета, раздражение, крики и под.» в этих стихотворных строках расширяется до нравственной отрицательной оценки общества, порождающего очереди; каждый член очереди – член данного общества, если же его члены живут и ощущают себя только как жертвы и как члены очереди за жизнью, то они – часть бессловесного стада. Фракталь расширилась и видоизменилась: «очередь – нравственность, общество, жизнь».

Рассмотрим механизм появления новых слов на следующем примере из лирики Е. Евтушенко: *Танки идут по Праге // в закатной крови рассвета. // Танки идут по правде, // которая не газета. // Танки идут по соблазнам // жить не во власти штампов. // Танки идут по солдатам, // сидящим внутри этих танков... Чем же мне жить, как прежде, // если, как будто рубанки, // танки идут по надежде, // что это – родные танки? // Прежде, чем я подохну, // как – мне не важно – прозван, // я обращаюсь к потомку // только с единственной просьбой. // Пусть надо мной – без рыданий – // просто напишут, по правде: // «Русский писатель. Раздавлен // русскими танками в Праге».*

Данный текст несет в себе информацию о реальных событиях: подавление советскими войсками восстания в Праге в августе 1968 г. Зоны бифуркации возникают при взаимоналожении двух основных фракталей, которые обобщенно и достаточно условно можно определить так: 1) «жизненная реальность, отраженная в тексте»; 2) «позиция автора по отношению к описываемой реальности». Аттрактор в данном случае направлен от первой фракталы ко второй за счет появления разнообразных смыслов у лексемы *идти*. Ста-

бильное содержание высказывания, своеобразная «точка отсчета» представлены первой строкой: *Танки идут по Праге*, в которой глагол *идти* употреблен в своем основном словарном значении. Но уже вторая часть предложения в *закатной крови рассвета* плавно разворачивает аттрактор во вторую фракталь. Далее наблюдается когерентное взаимодействие сочетания *танки идут* с иными лексемами текста: *танки идут по правде, по соблазнам, по надежде*. В результате такой диссипативной связи глагола физического действия и абстрактных существительных происходит дематериализация глагола *идти*, у которого проявляются совершенно новые смыслы, не связанные с физическим действием. Важным смыслообразующим сегментом в контексте является причастный оборот: *танки идут по солдатам* – возможная реальность действительности, но выражение *...по солдатам, сидящим внутри этих танков* рождает иной, бытийный смысл в ином, трансмерном пространстве мышления. Сочетание *родные танки* также представляет собой диссипативную структуру и «высвечивает» смысл стыда за свою Родину. Последняя строка стихотворения полностью разворачивается во второй фракталь. Здесь весьма значим повтор прилагательного *русский*, который актуализирует дополнительный смысл трагизма ситуации: сам русский и раздавлен русскими танками. Но главной точкой бифуркации является лексема *раздавить*. Если «вырвать» последние строки *Русский писатель. Раздавлен русскими танками в Праге* из контекста всего стихотворения, то убеждаемся, что глагол *раздавлен* функционирует в своем прямом словарном значении (человек может погибнуть, раздавленный танком). Но основное трансцендентное содержание эксплицируется его переносным значением и, главное, новыми смыслами, появившимися в результате диссипативного процесса. Аттрактор разворачивался от словарного значения глагола *идти* к трансцендентным смыслам глагола *раздавить*.

Таким образом, семантическая многомерность поэтических произведений требует особого подхода к воссозданию содержательных характеристик смысла слова в поэтическом языке. Таким нам видится синергетический подход к проблемам языка, поскольку он позволяет в какой-то мере эксплицировать и вербализовать глубинные особенности человеческого сознания, а также объяснить законы гармонии на языке более универсальном, чем язык субъективно-эмоциональных переживаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
Ахмадулина Б.А. Друзей моих прекрасные черты: Стихотворения. М., 1999.
Вознесенский А. Лирика. М., 2007.
Евин И.А. Искусство и синергетика. М., 2004.

Евтушенко Е. Первое собрание сочинений: В 8 т. М., 1997–1998.

Кабыш И. Личные трудности. М., 1994.

Лингвистика на исходе XX в.: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф.: В 2 т. М., 1995.

Маслова В. А. Синергетика и лингвистика // Учен. зап. Таврического ун-та им. В. В. Вернадского. 2007. Т. 20 (59). № 1. С. 85–91.

Михневич А. Е. Значение – смысл: диссипативный процесс // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 18–19 мая 2004 г.). Мн., 2004.

Пиотровский Р. Г. Теоретические и прикладные проблемы языкознания на рубеже XX в. // Лингвистика на исходе XX в.: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. 2. С. 417–419.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.

Поступила в редакцию 12.02.09.

Елена Юрьевна Муратова – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка.

А. А. БИЮМЕНА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются особенности функционирования глагольной лексики, выражающей ментальную область знания, в англоязычном политическом дискурсе. Анализируются семантические и сочетаемостные свойства, а также прагматические функции данных глаголов. Выявляется потенциал глаголов знания как средства воздействия на аудиторию.

The article deals with functioning of verbs denoting mental sphere of knowledge in political discourse. Semantic features, collocation characteristics and pragmatic functions of these verbs in English political speeches are outlined and their potential as a means of persuasion is revealed.

Глагольная лексика, существующая в языке для описания событий, происходящих в физическом пространстве и времени, противопоставляется многими авторами глаголам внутреннего состояния, которые представляют собой проекцию во внутреннюю сферу человека и содержат интерпретацию, оценку ситуаций, явлений и событий. В качестве основных групп, конституирующих класс глаголов внутреннего состояния, представляющих собой проекцию во внутреннюю сферу человека и содержащих интерпретацию, оценку ситуаций, явлений и событий, обычно выделяют перцептивные/сенсорные, ментальные/эпистемические, эмоциональные, волитивные глаголы (см. Дмитриевская 1988; Зализняк 2006; Кустова 2004).

Для выявления особенностей использования глаголов внутреннего состояния в политическом дискурсе мы проанализировали 120 текстов публичных выступлений англоязычных политических лидеров. Проведенное исследование показывает, что глаголы внутреннего состояния занимают в политическом дискурсе важное место – они составляют 18,78 % всей глагольной лексики, представленной в корпусе проанализированных текстов. Внутри класса глагольных слов внутреннего состояния ведущее место принадлежит ментальным (эпистемическим) глаголам (49,1 % всех глагольных лексем данного класса в материале исследования).

В философских, логических и лингвистических исследованиях ментальное пространство обычно структурируется бинарно. В качестве двух основных когнитивных категорий, достаточных для описания всей концептуальной сферы, выделяют знание и мнение. Глаголы, эксплицирующие модус знания, относятся к фактивным предикатам и предполагают истинность вводимой ими пропозиции.

В отличие от них глаголы мнения не имеют презумпции истинности подчиненной пропозиции, а лишь указывают на наличие у субъекта некоторого мнения и описывают содержание этого мнения (см. Апресян 2003; Булыгина, Шмелев 1988; Зализняк 2006).

Эпистемические глаголы призваны квалифицировать вводимую пропозицию, фиксируя ее на определенном участке шкалы истинности. В то же время данные глаголы характеризуют субъекта дискурса, «который может быть склонен к той или иной степени рефлексии над своими ментальными состояниями, к эпистемическому авторитаризму или эпистемической ответственности» (Тарасевич 1998, 100).

Проведенный анализ показывает, что область знания эксплицируется в речи англоязычных политиков значительно чаще, чем область мнения. В целом глаголы знания составляют 72,4 %, а глаголы мнения – 27,6 % всех употреблений глаголов, обладающих в проанализированных текстах когнитивной семантикой.

Ментальный модус знания выражается в политических выступлениях при помощи таких глагольных лексем, как *know* 'знать', *realize* 'осознавать', *recognize* 'признавать', *understand* 'понимать', *acknowledge* 'сознавать, признавать'; глаголов, в семантике которых присутствуют компоненты, связанные с областью памяти (*forget* 'забывать', *remind* 'напоминать', *remember* 'помнить'). Данные слова выполняют в политическом дискурсе ряд прагматических функций.

Наиболее частотным глаголом знания (и всей эпистемической сферы) в исследуемом материале является глагол *know*. В модусной части высказывания данный глагол встречается в составе автореферентных конструкций *I know...* 'я знаю', *we (all) know...* '(все) мы знаем': *I know we*

can overcome evil with greater good 'Я знаю, что мы можем справиться со злом, делая больше добра' (Дж. Буш); *We all know that the answer begins with education* 'Все мы знаем, что ответ начинается с образования' (Л. Буш); *...though we know Saddam had WMD, we haven't found the physical evidence of them* 'Хотя мы знаем, что у Саддама было оружие массового поражения, мы не нашли доказательства его физического присутствия' (Т. Блэр).

В таких конструкциях используются и другие лексемы с семантикой «знания» (*acknowledge, understand, recognize, forget, remember*): *I recognize that no one can know what history will write when we look back 10, 20, or 30 years from any period, including this period* 'Я признаю, что никто не может знать того, что будет написано в истории, если в любой момент, включая настоящий, оглянуться на 10, 20 или 30 лет назад' (Д. Рамсфелд); *...we remember above all that the holocaust did not start with a concentration camp* 'Прежде всего, мы помним, что Холокост начался не с концентрационного лагеря' (Т. Блэр).

Одной из прагматических функций автореферентных конструкций с глаголом *know* нам представляется создание позитивного автоимиджа политического лидера. Например, произнося фразу *I know what it's like to operate in a highly charged political environment* 'Я знаю, что значит работать в очень сложной политической обстановке' (Д. Чейни), говорящий позиционирует себя как опытного и компетентного политика.

Глаголы знания, а также глаголы понимания *understand, realize, recognize* в составе автореферентных конструкций участвуют и в экспликации семантического компонента имиджа, который О.С. Иссерс называет 'простой человек' (Иссерс 2006, 199). Высказывания, содержащие *I (we) know / I understand / I realize / I recognize* 'я (мы) знаю (знаем) / понимаю (понимаем) / осознаю (осознаем) / признаю (признаем)', часто используются ораторами для выражения сочувствия, эмпатии по отношению к адресату. Убеждая слушателей в том, что ему известны их заботы и проблемы, адресант стремится завоевать доверие аудитории: *And I know that generally frightens people* 'И я знаю, это обычно пугает людей' (Т. Блэр); *I know a little bit about having your life turned upside down because the person you love wants to serve the country he loves* 'Я немного знаю о том, как переворачивается жизнь, когда человек, которого ты любишь, хочет служить стране, которую он любит' (Л. Буш); *I think I understand some of the emotions that you who are parents are experiencing this morning* 'Думаю, я понимаю некоторые эмоции, которые вы, родители, испытываете сегодня утром' (Л. Чейни).

Распространенными являются также конструкции *you (all) know* 'все Вы знаете', *as you know* 'как Вы знаете', *most of you know* 'большин-

ство из Вас знает', *you understand* 'Вы понимаете', в которых в роли субъекта пропозициональной установки выступает не отправитель, а реципиент сообщения. Иногда сложно определить, употребляется ли конструкция *you know* политиком в значении собственно знания или как вводная фраза, как в следующих примерах: *As you know, this time I have come to your country with the North Atlantic Council* 'Как Вы знаете, в этот раз я приехал в Вашу страну от Североатлантического Совета' (представитель НАТО); *...you know one of the reforms that we've put in place, it's called 'Welcome to Medicare'* '...Вы знаете, одна из реформ, которые мы внедрили, – это «Основы медицинского страхования»' (Т. Блэр). Такие фразы служат для установления контакта с адресатом, внедрения в его личную сферу, привлечения внимания слушателей к последующему высказыванию. Таким образом, использование подобных разговорных элементов является одним из средств интимизации дискурса.

С помощью конструкций *you know* и *you understand* субъект политического дискурса может реализовывать и иные прагматические интенции. В следующем примере лидер использует одну из фраз для апелляции к аудитории как к «экспертам» в определенной области: *And as small business people, you understand what happens when demand is larger than supply* 'Как частные предприниматели Вы понимаете, что происходит, когда спрос больше предложения' (Дж. Буш); *We like to say in our household, teaching is more than a job; it is a calling. You know what I'm talking about. You wouldn't be sitting here if you had not heard the calling* 'У нас в доме любят говорить, что преподавание – это больше, чем профессия; это призвание. Вы знаете, о чем я говорю. Вы бы не сидели здесь, если бы не слышали его' (Дж. Буш). Подобные комплиментарные высказывания выполняют солидаризирующую и фатическую функции, сигнализируют о наличии сочувствующего собеседника. Такие фразы заставляют слушателей согласиться со словами оратора и в конечном счете направлены на то, чтобы вызвать доверие аудитории к говорящему. Семантика глагола обогащается позитивными оценочными компонентами, что, в свою очередь, влечет за собой усиление эпистемической составляющей.

В роли субъекта пропозиционального отношения с глаголами *know, understand, realize* часто употребляются существительные и субстантивные сочетания, обозначающие все население страны (*Americans* 'американцы', *American people* 'жители Америки', *your fellow citizens* 'ваши сограждане', *every family* 'каждая семья') или отдельные его группы (*folks in Mississippi* 'ребята в Миссисипи', *parents* 'родители', *small business owners* 'частные предприниматели', *senior citizens* 'пожилые граждане'), которые говорящие используют в референции к субъектам, входящим в

группу «своих». Объем категории «свои» в таких употреблениях часто произвольно расширяется: при генерализации субъектом сознания становятся *international community* 'международное сообщество', *business and global economy* 'бизнес и мировая экономика', *millions of us* 'миллионы нас', *all States* 'все государства (члены ООН / НАТО)' и т. д.: *The American people need to know we're acting, we're moving, and we're moving fast* 'Жителям Америки необходимо знать, что мы действуем, что мы движемся, и мы движемся быстро' (Дж. Буш); *But business and the global economy need to know this isn't an issue that is going away* 'Но бизнес и мировая экономика должны знать, что это не такой вопрос, который теряет актуальность' (Т. Блэр); *We're laying out the facts as clearly as we can, so that all Americans understand that Social Security is on an unsustainable course, and therefore we have a responsibility to fix it* 'Мы представляем факты настолько открыто, насколько возможно, чтобы все американцы поняли, что программа социального страхования не развивается сама по себе, поэтому на нас лежит ответственность это исправить' (Д. Чейни).

Глагол *know* может сочетаться с субъектом установки – «чужим» (*they* 'они', *terrorists* 'террористы'): *They know fully well, a stable democratic Iraq, under the sovereign rule of the Iraqi people, is a mortal blow to their fanaticism* 'Они прекрасно знают, что стабильный демократический Ирак, в котором государственное управление осуществляется иракским народом, – это смертельный удар по их фанатизму' (Т. Блэр). Однако случаи употребления глаголов знания по отношению к субъекту, входящему в «чужой круг», чрезвычайно редки. Концептуальная область знания в публичных выступлениях политических деятелей тяготеет к полю положительной и нейтральной оценочности.

К средствам выражения эпистемической сферы знания, как говорилось выше, мы отнесли глагольную лексику «понимания» и «памяти». Глаголы «понимания» выдвигают в фокус внимания некоторые усилия, которые необходимо приложить для того, чтобы стать обладателем знания, ведь «знание, "добытое собственными интеллектуальными усилиями", осознается как свое, личное» (Иссерс 2006, 47). Дополнительные семантические компоненты, усиливающие эпистемические аспекты глаголов «памяти», связаны с ее обозначением как «хранилища» информации, поступающей из внешнего источника и принятой субъектом как объективное знание (см. Апресян 2003, 132). Информация считается усвоенной, если она сохранена в памяти (см. Рудэнка 2000, 116).

В материале исследования наблюдается частое директивное употребление глаголов отмеченных семантических классов: в форме повелительного наклонения, в сочетании с модальным

глаголом, обозначающим наивысшую степень долженствования *must*, наречием *always* 'всегда' (*never* 'никогда' в случаях с глаголом *forget*). Особенно типичны такие употребления для глаголов когнитивной области памяти: *Remember – there were fewer than 800 deaths from SARS throughout the whole outbreak* 'Помните – в течение всей вспышки атипичной пневмонии от нее погибло менее 800 человек' (представитель ВОЗ); *We must never forget... the cruel and inhumane treatment of women by the Taliban* 'Мы никогда не должны забывать... как жестоко и бесчеловечно Талибан обращается с женщинами' (Л. Буш); *Today, as we celebrate 60 years of our United Nations, we must recognize that the world today is very different from that of our founders* 'Сегодня, во время празднования 60-летия ООН, мы должны осознать, что современный мир очень отличается от того, что было во времена ее основания' (представитель ООН).

Глаголы знания, объект которых выражен не суждением, а именем существительным, чаще всего в качестве такого дополнения обнаруживают оценочные существительные: *We'll never forget your commitment or the dedication you have to your loved ones* 'Мы никогда не забудем Вашу самоотверженность и преданность тем, кого Вы любите' (Л. Буш); *You all know the terrible humanitarian disaster that continues to take place there* (представитель НАТО) 'Все Вы знаете, какая ужасная гуманитарная катастрофа продолжает там иметь место'; *...they recognize the advantages of cooperation, as do each of us* '...как любой из нас, они осознают преимущества сотрудничества' (Д. Рамсфелд). Как правило, такие сочетания используются ораторами в высказываниях оценочного характера с целью повышения их истинностных характеристик.

В осуществлении воздействия на слушателя в политической речи участвуют и коммуникативные (темо-рематические) особенности ментальных глаголов: тяготение глаголов знания к положению в реме высказывания, а мнения – к положению в его теме (см. Апресян 2003, 134). Рематическую роль традиционно связывают с новизной информации, а тематическую – с известностью. Для предложения с фактивным глаголом естественно такое понимание, при котором придаточному соответствует предположение говорящего о том, что данный факт известен слушающему, т. е. придаточное предложение при фактивном глаголе обычно не несет новой информации (см. Зализняк 2006, 474).

Некоторые из вводимых фактивными глаголами пропозиций действительно соответствуют указанному требованию. В основном эти пропозиции представляют собой так называемые общие места – общепризнанные постулаты, которые кажутся естественными и поэтому истинными.

ми (см. Рождественский 2004, 382). На основе общепризнанных суждений, которые аудитория принимает по определению, говорящий строит дальнейшую аргументацию, вводя под видом достоверного знания потенциально сомнительные утверждения, которые и являются целью его сообщения. Использование общих мест способствует преодолению естественного скептицизма реципиентов: *They remind us that you don't have to throw a touchdown to win with someone* 'Они **напоминают** нам о том, что необязательно забить гол, чтобы выиграть' (Л. Буш); *We should never forget the purpose of economic policy is to make people better off* 'Нам никогда не следует **забывать**, что целью экономической политики является улучшение материального положения людей' (Т. Блэр); *Listen, we need to remember that the market for energy is a global one, and we're not the only large consumer* (Дж. Буш) 'Послушайте, нам необходимо **помнить**, что энергетический рынок – это рынок глобальный, и мы не единственные крупные потребители'; *I know we can overcome evil with greater good* 'Я **знаю**, что мы можем справиться со злом, делая больше добра' (Дж. Буш).

Несмотря на фактивность своей семантики, подавляющее большинство глаголов знания, представленных в материале исследования, употребляются не в прототипических для них контекстах, а вводят неverified пропозиции, выражающие мнения, прогнозы, оценки и т. д.: *Many of you who are managing your own money know that over time you get a lot better than that* 'Многие из Вас, те, кто сами распоряжаются своими деньгами, **знают**, что через некоторое время Ваше положение становится намного лучше' (Дж. Буш). Субъективное мнение «маски-

руется» таким образом под истину, объективное знание, достоверные факты.

В результате исследования обнаружено, что глаголы знания используются в публичных выступлениях политических лидеров для создания позитивного имиджа оратора, интимизации дискурса, установления контакта с адресатом и выражения эмпатии по отношению к нему, т. е. выполняют солидаризирующую и фатическую функции. Кроме того, употребление глаголов понимания и памяти в эпистемических значениях довольно часто служит целям воздействия на аудиторию, позволяя адресанту представить интерпретативные суждения как общеизвестные факты.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. [Знание], [мнение] // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Вып. 3. С. 129–136.
- Булдыгина Т. В., Шмелев А. Д. Чем обусловлена транзитивность знания? // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988. С. 75–82.
- Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988. С. 6–18.
- Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Рождественский Ю. В. Теория риторики: Учеб. пособие. М., 2004.
- Руданка А. М. Дзясловы з семантыкай разумовых працаў у беларускай мове. Мн., 2000.
- Тарасевич Е. Г. Знание и мнение // Методология исследования политического дискурса. Вып. 1. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Мн., 1998. С. 100–111.

Поступила в редакцию 30.05.09.

Анна Александровна Биюмена – старший преподаватель кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ.

Е. Л. КУЗНЕЦОВА

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕЧЕБНЫХ СВОЙСТВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ НОМИНАЦИЙ

Проанализирован ряд русских диалектных и литературных фитонимов, отражающих лечебные свойства растений. Определена этимология и структура данных названий, произведена их классификация. Рассмотрены способы номинации растений.

Series of Russian dialectal and Russian literary names of plants reflecting healing characteristics have been analyzed. The etymology and the structure of these names have been defined. These names have been classified, the methods of nomination of plants have been considered.

Целью данной работы является анализ русских диалектных и литературных названий травянистых лекарственных растений с точки зрения отображения в них лечебных свойств. Задачи работы: определить этимологию данных фитонимов, а также словообразовательную мотивацию производных однословных названий (и компонентов многословных наименований); проанализировать структуру названий и выявить способы номинации. При рассмотрении способов словообразования в качестве теоретического ис-

точника была использована «Русская грамматика» (см. Русская грамматика 1982 I).

1. Фитонимы, отражающие лечебные свойства посредством указания на названия органов, участков тела или физиологических жидкостей живых существ, в отношении которых употребляются растения.

1.1. В подгруппу вошли фитонимы, мотивированные лексемой *пуп* или диал. *пуповник* 'место на животе около пупка' (Словарь русских народных говоров (далее – СРНГ) 1999 XXXIII, 130).

Данные наименования указывают на применение растений при различных заболеваниях желудочно-кишечного тракта и женских половых органов, как правило сопровождающихся болью в животе: *дівичьи пупки*, *пупавник*, *пупная трава*, *пупник*, *пуповая трава*, *пуповник*, *пуповное коренье* (СРНГ 1972 VII, 316; 1999 XXXIII, 127–130).

Данные СРНГ показывают, что в народном сознании имелось четкое представление о том, от чего помогают эти растения. Например, в словарной статье к названию *пуповая трава* (для *Achillea*, *тысячелистник*) находим: *Пуповая трава походит на белоголовник, от живота пили* (СРНГ 1999 XXXIII, 130).

1.2. В подгруппу включены наименования, для которых характерна мотивация лексемами *горло*, *грудь* и *легкие*. Соответственно эти названия свидетельствуют о применении растений при заболеваниях дыхательных органов: *горлец*, *горловая*, *горловая трава*, *горловинка*, *горловка*, *горляшная трава*, *грудная кашка*, *грудная трава*, *грудница*, *лёгочница* (СРНГ 1972 VII, 40–42, 45, 162, 163; 1980 XVI, 316).

1.3. Наименования, имеющиеся в составе подгруппы, происходят от лексемы *кровь*. Все они свидетельствуют о кровоостанавливающих свойствах растений: *горна крововичка*, *кровоавик*, *кровоавленник*, *кровоавник*, *кровоавница*, *кровик*, *крововик*, *крововишна трава*, *крососка лечебная*, *кровь*, *кровяник*, *кровяница*, *кровянка* (СРНГ 1979 XV, 264, 265, 267, 268, 270, 271); *кровохлёбка* (Словарь современного русского литературного языка (далее – ССРЛЯ) 1956 V, 1686). Фитоним *крововишна трава* (для *Potentilla argentea*, *лапчатка серебристая*) в СРНГ (1979 XV, 268) объясняется так: *Крововишна трава кровь останавливат*.

1.4. В подгруппу мы включили остальные названия (они связаны с лексемами *зуб* и *сердце*). Такие наименования указывают на использование растений в народной медицине при зубной боли, при боли в сердце (либо в желудке): *зубная трава*, *зубные коренья*, *сердечная*, *сердцевая трава* (СРНГ 1976 XI, 361; 1978 XIV, 322; 2003 XXXVII, 185, 195). В фитониме *сердцевая трава* (для *Polemonium coeruleum*, *синюха голубая*) прилагательное происходит от существительного *сердце*, которое в диалектах может иметь значение ‘желудок’ (СРНГ 2003 XXXVII, 190). В СРНГ (2003 XXXVII, 195) в словарной статье к данному названию поясняется: *Она не от сердца, а под вид от желудка, на ссорах растёт, листик так изрезанный*.

2. Фитонимы, отражающие лечебные свойства посредством указания на названия заболеваний, болезненных состояний, повреждений, для лечения которых употребляются растения.

2.1. Наименования, входящие в состав подгруппы, происходят от лексем *порез*, *порезка*, *резаница* и *рана*. Отметим, что лексемой *порезка* в народе называют порез, небольшую резаную

рану, а словом *резаница* – рану (см. СРНГ 2003 XXX, 55; 2001 XXXV, 31). Таким образом, появление этих фитонимов обусловлено использованием растений для лечения порезов и ран: *порез*, *порезная (порезная) трава*, *порезка*, *порезник*, *ранник*, *резаница*, *резеница*, *резка*, *резун* (СРНГ 2003 XXX, 55–56; 2000 XXXIV, 103; 2001 XXXV, 31, 34, 38).

2.2. В подгруппе представлены названия, для образования которых были использованы лексемы *грыжа* и *грыза*. Следует отметить, что согласно СРНГ (1972 VII, 173–174, 178) лексема *грыза* имеет значение ‘грыжа’, а лексема *грыжа* может обозначать разные болезненные состояния: ‘заболевание различных внутренних органов, а также кровеносных сосудов и костей у человека’, ‘ревматизм’, ‘рана, нарыв’. Таким образом, фитонимы из данной подгруппы могут свидетельствовать об употреблении растений не только при наличии грыжи, но и при других патологических состояниях: *грыжевая трава*, *грыжная трава*, *грыжник*, *грыжница*, *грыжной цветок*, *грыжовая трава*, *грыжовник*, *грыжучка*, *грызник*, *девятигрыжная трава*, *корень от девяти грыж*, *полевой грыжник* (СРНГ 1972 VII, 175–178, 323, 327; 1995 XXIX, 50).

2.3. В составе подгруппы – фитонимы, образованные от лексем *камчуг* (*камчуг*) и *нечисть*. Слово *камчуг* (*камчуг*) обозначает в диалектах различные заболевания, в том числе: ‘гнойный нарыв, чирей’ // ‘карбункул’ // ‘кожная болезнь с красной сыпью’; данное существительное используется и в качестве названия растений, применяемых для лечения таких болезней (см. СРНГ 1977 XIII, 31–32). У лексемы же *нечисть* в диалектах имеются значения ‘кожное заболевание’, ‘венерическая болезнь’ (СРНГ 1986 XXI, 208). Таким образом, фитонимы из этой подгруппы указывают на применение растений при перечисленных выше заболеваниях: *камчуг* (*камчуг*), *камчужная трава*, *камчужник*, *камчужница* (*камчужница*), *нечестивая трава* (СРНГ 1977 XIII, 31–32; 1986 XXI, 207).

2.4. В подгруппу включены наименования, происхождение которых можно объяснить при помощи лексем *пострёл*, *прострёл* и *расстрёл*, обозначающих следующие заболевания: диал. *пострёл* ‘кровоизлияние в мозг, удар, паралич’; диал. *прострёл* ‘паралич, падучая болезнь’; *прострёл ветряный* в суеверных представлениях – ‘болезнь колики, напускаемая путем порчи’; лит. *прострёл* ‘болезнь, сопровождающаяся ломотой и колотьем в разных частях тела, преимущественно в пояснице’; диал. *расстрёл* ‘острая боль, ломота’ // ‘хроническая невралгия, проявляющаяся в различных частях тела’ (СРНГ 2003 XXX, 237; 1998 XXXII, 252–253; 2000 XXXIV, 231; ССРЛЯ 1961 XI, 1408). Приведем названия, появившиеся в результате использования растений для лечения таких заболеваний: *белый пострел*,

боровой прострел, водяной прострел, прострел, прострелка, прострел-трава, расстрел (СРНГ 1966 II, 231; 1998 XXXII, 252–253; 2000 XXXIV, 231).

2.5. В подгруппе представлены наименования, которые происходят от словосочетания *куриная слепота*: *белый курослёп*, *куриная слепота*, *куричья слепота*, *курячая (курячья) слепота* (СРНГ 1966 II, 230; 1980 XVI, 127, 141, 154; 2004 XXXVIII, 268); *куриная слепота*, *курослёп*, *курослёпник* (ССРЛЯ 1956 V, 1864, 1873). Причем название может свидетельствовать о применении растений в народной медицине не только при заболевании *куриная слепота*, но и вообще при лечении глазных болезней.

2.6. Подгруппа представлена названиями, связанными с лексемой *перелой*. Лексема *перелой* в качестве названия заболеваний имеет значения: диал. *перелой* 'воспаление мочевого пузыря', 'понос у детей'; лит. *перелой* 'то же, что гонорея, триппер'; существительное *перелой* употребляется и как название некоторых растений, которыми лечат подобные заболевания (см. СРНГ 1991 XXVI, 147; ССРЛЯ 1959 IX, 725). Перечислим наименования из данной подгруппы: *перелой*, *перелойка*, *перелойница*, *перелойная трава* (СРНГ 1991 XXVI, 147–148); *перелой*, *перелойная трава* (ССРЛЯ 1959 IX, 725).

2.7. В подгруппе – названия, в которых прослеживается мотивация лексемами *опух*, *опухель*, *опухоль*. Существительные *опух* и *опухель* в диалектах имеют значение 'опухоль' (СРНГ 1987 XXIII, 316, 317). Итак, данные наименования свидетельствуют о применении растений в народной медицине для лечения опухолей: *опухельная трава*, *опуховая трава*, *опухольная трава* (СРНГ 1987 XXIII, 317).

2.8. В составе подгруппы – названия, происходящие от лексемы *переполох*, в диалектах имеющей значения 'испуг', 'детская болезнь, когда по ночам ребенок часто просыпается и кричит (как будто сильно испуганный чем-либо)' (СРНГ 1991 XXVI, 193). Следовательно, данные фитонимы появились по причине использования растений при таких состояниях, в том числе у детей: *переполох*, *ребячья переполошка* (СРНГ 1991 XXVI, 193, 194; 2000 XXXIV, 366).

2.9. В подгруппу вошли наименования, в которых прослеживается связь с лексемами *горланка*, *горлянка*, *кашель* и *простуда*. Необходимо отметить, что у лексем *горланка* и *горлянка* в диалектах одно из значений – 'болезнь горла' (СРНГ 1972 VII, 38, 43). Итак, перечислим названия, появившиеся по причине применения растений при воспалениях слизистой оболочки горла и других заболеваниях дыхательных органов: *белая горлянка*, *горланка*, *горлянка*, *откашник*, *откашник*, *простудная трава* (СРНГ 1966 II, 229; 1972 VII, 38, 43–44; 1989 XXIV 196, 198; 1998 XXXII, 254–255). Название *откашник* (вариант

откашник) (для *Primula veris*, первоцвет весенний), как можно предположить, возникло из сочетания *от кашля*. В СРНГ (см. 1989 XXIV, 198) в словарной статье к данному названию приводится такой пример: «*Отвар ее [травы] в молоке употребляют при легочных страданиях, кашле, грудной боли и пр.*».

2.10. В составе подгруппы – фитонимы, происходящие от лексем *костолом*, *ломовая*, *лихорадка* и *ломота*. Существительные *костолом*, *ломовая*, *ломота* имеют следующие значения: диал. *костолом* 'ревматизм', 'боль в теле от усталости'; лит. *костолом* 'ломота во всем теле при некоторых болезнях'; диал. *ломовая* 'лихорадка'; лит. *ломота* 'тупая длительная боль в костях, суставах, мышцах' (СРНГ 1979 XV, 77; 1981 XVII, 122; ССРЛЯ 1956 V, 1519; 1957 VI, 350). Итак, причиной возникновения приведенных ниже фитонимов послужило употребление растений в народной медицине при лечении подобных состояний: *костолом*, *лихорадочная*, *лихорадочная трава*, *лихорадочный корень*, *ломовая*, *ломотная трава* (СРНГ 1979 XV, 77; 1981 XVII, 82, 122, 124).

2.11. В подгруппу вошли названия, объясняемые посредством лексем *змеёвец* (варианты *змеевик*, *змеевица*, *змеевник*) и *ногтоед* (*ногтоёда*), которые обозначают: диал. *змеёвец* 'болезнь Paronitium, заболевание ногтей и конечных суставов ног и рук'; диал. *ногтоед*, лит. *ногтоёда* 'воспаление, нарыв на пальце под ногтем' (СРНГ 1976 XI, 297, 298; 1986 XXI, 267; ССРЛЯ 1958 VII, 1378). Таким образом, наименования из данной подгруппы получены растениями в связи с их использованием при подобных заболеваниях: *змеевик*, *змеёвец*, *змеевица*, *змеевник*, *ногтоёдная трава* (СРНГ 1976 XI, 297, 298; 1986 XXI, 267).

2.12. Фитонимы, входящие в подгруппу, мотивированы диалектной лексемой *норица*, обозначающей некоторые заболевания домашних животных, например: 'болезнь вымени у коровы', 'язва на груди у лошади' (СРНГ 1986 XXI, 280). Эти наименования возникли по причине употребления растений в качестве зелья от подобных болезней: *норицкая*, *норицкая трава*, *норичник* (СРНГ 1986 XXI, 280).

2.13. В подгруппу объединены названия, связанные с лексемами *мыт* и *понос*. Существительное *мыт* в диалектах имеет значения 'понос', 'болезнь молодых домашних животных в переходном возрасте' (СРНГ 1983 XIX, 63). Данные фитонимы говорят о применении растений при названных заболеваниях: *мытная*, *поносная*, *поносная трава* (СРНГ 1983 XIX, 65; 1995 XXIX, 272–273).

2.14. В подгруппу вошли все остальные наименования: *грудница*, *икотная трава*, *испечная трава*, *колуточная трава*, *носовая* (СРНГ 1972 VII, 162; 1977 XII, 182, 228; 1978 XIV, 201; 1986 XXI, 290). Название *грудница* (для *Stellaria*

media, звездчатка средняя) объясняется при помощи диалектной лексемы *грудница* 'болезнь вымени у коров после отела (затверждение)'; прилагательные в фитонимах *икотная трава* (для *Geranium sylvaticum*, герань лесная) и *исплевная трава* (для *Geranium pratense*, герань луговая) мотивированы лексемами *икота* и диал. *исплёк* (варианты *искрёк*, *исплёт*, *исплёчка*) 'повреждение верхней части передней ноги у лошади' (СРНГ 1972 VII, 162; 1977 XII, 222, 228). Сведения о соответствующем применении данных растений находим в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова: по употреблению от грудницы у коров, от икоты, от болезней скота (см. Анненков 1878, 156, 157, 343). В наименовании *колоточная трава* (для *Geranium sylvaticum*, герань лесная) прилагательное является дериватом лексемы *колотье* 'колющая боль' (ССРЛЯ 1956 V, 1196): растение употребляется от колотья (СРНГ 1978 XIV, 201). Фитоним *носовая* (для *Antennaria dioica*, кошачьи лапки двудомные) происходит от народного названия *носовая* 'кровотечение из носа' (СРНГ 1986 XXI, 290): растение используется при носовых кровотечениях (см. Лекарственные растения 2004, 380).

3. Фитонимы, отражающие лечебные свойства посредством указания на результаты применения растений.

В данную группу вошли следующие названия: *гладушник*, *кровоавная чистота*, *молодильник*, *свётлая*, *слабительный плувань*, *сон*, *сон Богородицы*, *чистотел*, *чистуха*, *чистяк* (СРНГ 1970 VI, 181; 1979 XV, 265; 1982 XVIII, 221; 1992 XXVII, 163; 2002 XXXVI, 266; 2004 XXXVIII, 207; 2005, XXXIX, 321; Даль 2003 I, 878); *чистотёл* (ССРЛЯ 1965 XVII, 1068). Названия *гладушник*, *кровоавная чистота*, *чистотел*, *чистуха* и *чистяк* (для *Chelidonium majus*, *чистотел большой*) указывают на результаты применения растения при лечении кожных заболеваний (см. Лекарственные растения 2004, 808). Наименование *гладушник*, предположительно, связано с глаголом *гладить*; в названии *кровоавная чистота* существительное мотивировано прилагательным *чистый*, а названия *чистуха* и *чистяк* – глаголом *чистить*; объяснение фитонима *чистотел* выводится из словосочетания *чистое тело*. Наименование *молодильник* (для *Convallaria majalis*, *ландыш майский*) можно произвести от глагола *молодить*. Согласно «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» (см. Черных 2002 I, 465) такое наименование (в словаре представлен вариант *молодильник*) дано растению по его лечебным свойствам. Название *свётлая* (для *Chelidonium majus*, *чистотел большой*), вероятно, происходит от прилагательного *светлый*, у которого в диалектах имеется значение 'обладающий острым зрением, зоркий' (СРНГ 2002 XXXVI, 265–266). Фитонимы *свётлая* и *слабительный плувань* (для *Lycopodium*

clavatum, *плаун булавовидный*) можно объяснить, опираясь на «Ботанический словарь» Н. Анненкова: по действию на глаза (надо полагать, название обусловлено применением растения при лечении глазных болезней) и из-за слабительного действия (см. Анненков 1878, 94, 203). Наименования *сон* (для *Atrōpa bella-donna*, *красавка обыкновенная*) и *сон Богородицы* (для *Orchis, ятрышник*) появились по причине применения растений для урегулирования сна: *сон Богородицы пьют от бессонницы, в отваре по полчашики перед сном* (Лекарственные растения 2004, 385; СРНГ 2005 XXXIX, 321).

4. Фитонимы, отражающие лечебные свойства посредством указания на способы применения растений.

В данную группу вошли названия, мотивированные лексемами *вино*, *настой*, *припарка*: *виновник*, *настоёчная*, *припарная трава* (СРНГ 1969 IV, 287; 1985 XX, 193; 1997 XXXI, 334). По поводу происхождения необычного названия *виновник* (для *Convallaria majalis*, *ландыш майский*) имеется предположение, что оно связано с существительным *вино* (см. Черных 2002 I, 465; Даль 2003 II, 384); известно, что в лечебных целях от лихорадки использовали настойку растения на вине (см. Анненков 1878, 106). Объяснение наименования *настоёчная* (для *Gentiana pneumonanthe*, *горечавка легочная*) имеется в СРНГ (1985 XX, 193): настой или отвар растения употребляют в народной медицине.

5. Фитонимы, отражающие лечебные свойства посредством указания на цели и причины употребления растений.

В данной группе представлены следующие наименования: *девичник*, *змеевук*, *змеиная трава*, *кровопуск*, *рудомётка*, *пожилыная трава* (СРНГ 1972 VII, 317; 1976 XI, 298, 300; 1979 XV, 267; 2003 XXVIII, 295; 2001 XXXV, 235). Наименование *девичник* (для *Geranium pratense*, *герань луговая*), на наш взгляд, является производным от существительного *девица* и указывает на употребление растения в народной медицине при лечении гинекологических заболеваний (см. Лекарственные растения 2004, 181). Название *змеевук* (для *Orchis maculata*, *ятрышник пятнистый*) и эпитет в наименовании *змеиная трава* (для *Orchis, ятрышник*) являются дериватами существительного *змея*: листья растений прикладывают к змеиным укусам (см. СРНГ 1976 XI, 300). Фитонимы *кровопуск* и *рудомётка* (для *Achillea millefolium*, *тысячелистник обыкновенный*) появились в результате переосмысления лексем, обозначающих соответственно лечебную операцию (*кровопуск*) и лицо, производящее подобную операцию (*рудомётка*). В словаре В.И. Даля (см. Даль 2003 II, 322) представлена лексема *кровопускание* (*кровопуск*, *кровометание*) со значением 'бросание или выпуск крови из тела, в виде врачебной помощи'. В говорах

имеются лексемы *руда́* 'кровь', *рудомёт* 'тот, кто делает кровопускание' и *рудомётка* 'женск. к *рудомёт*' (СРНГ 2001 XXXV, 232, 235). Итак, фитонимы *кровепу́ск* и *рудомётка* отражают использование растения для кровопускания через нос (СРНГ 2001 XXXV, 235). И наконец, в необычном названии *пожилы́ная тра́ва* (для растений из семейства хвощовых) прилагательное возникло из словосочетания *по жилам: Молоко у коровы по жилам уходит, попоишь пожилую травой, да и опять доить станет* (СРНГ 2003 XXVIII, 295).

Таким образом, проанализировав данные наименования (всего 131), можно сделать вывод, что наибольшее количество фитонимов (77) происходит от лексем, обозначающих какие-либо заболевания, причем не только человека, но и животных. С точки зрения структуры самыми многочисленными являются однословные названия (77), меньшим количеством представлены многословные наименования (54). Большинство однословных названий (40) имеют одну мотивирующую основу, как правило существительного, и образованы при помощи аффиксального способа словообразования, в основном суффиксации; некоторые наименования представляют собой сложения (суффиксально-сложные существительные *курослёп*, *курослёпник*, *чистотёл*, *кровохлёбка*; сложение с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, – *прострёл-трава*). Многие однословные наименования (24) появились в результате переноса значения: их можно рассматривать как номинативную метонимию (в основном название болезни становится названием растения). Остальные однословные фитонимы возникли в результате субстантивации прилагательных (например, *норичная*, *по-*

но́сная, *све́тлая*). Большая часть многословных наименований (52) представлена сочетаниями существительного с прилагательным (эпитеты в большинстве случаев образованы от существительных суффиксальным способом; имеется также пример суффиксально-сложного способа – *девятигры́жная*). При этом обычно лечебные свойства отражены именно в прилагательных (37), иногда – в существительных (последние – результаты суффиксации, суффиксально-сложного способа словообразования или метонимии). В некоторых случаях целебные свойства растений прослеживаются одновременно в двух компонентах составных наименований (*де́вичьи пупки*, *крово́ска лечебная*; *кури́ная слепота́* и т. п., представляя собой своего рода неразрывное словосочетание). В числе многословных названий имеется словосочетание, состоящее из двух существительных (*сон Богороди́цы*), а также конструкция, состоящая из предлога, двух существительных и числительного (*корень от де́вяти гры́ж*).

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1878.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: В 4 т. М., 2003. Т. 1, 2.
 Лекарственные растения: самая полная энциклопедия / А. Ф. Лебеда и др. М., 2004.
 Русская грамматика: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
 Словарь русских народных говоров. М.; Л.: СПб., 1965–2007. Вып. 1–41.
 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. 5, 6, 7, 9, 11, 17.
 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 5-е изд., стер. М., 2002. Т. 1.
 Поступила в редакцию 10.05.09.

Елена Леонидовна Кузнецова – преподаватель кафедры латинского языка БГМУ.

И. М. ПЕТРАЧКОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В ДРАМАТУРГИИ А. В. ВАМПИЛОВА

Исследуются антропонимы литературных героев, используемые А. В. Вампиловым как средство создания художественного образа и воплощения авторского замысла.

This article is about proper names of characters considered as reflection of poetic views of a playwright A. V. Vampilov. The aim of the research is the function of proper names in his plays.

Имена собственные (далее – ИС) в произведении писателя являются важными опорными точками любого художественного текста (далее – ХТ). Издавна в литературе сложился специальный прием использования антропонимов для характеристики персонажей. В этом отношении ИС являются ценнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности. Изучение номинаций в ХТ представляется значимым и актуальным в современной науке, о чем свидетельствуют многочисленные работы таких белорусских исследователей, которые занимались и занимаются проблемами онимов, как П. В. Стецко,

В. А. Ивашко, П. П. Шуба, Н. В. Бирило, В. П. Лемтюгова, А. Ф. Рогалев, И. Э. Ратникова, Р. М. Козлова, А. М. Мезенко, В. В. Шур, О. А. Лещинская и др.

В настоящее время ономастическое своеобразие большинства современных писателей до сих пор остается неисследованным, хотя решение основных проблем литературной ономастики непосредственно зависит от степени изученности фактического материала. Ономастическое пространство драматургии А. В. Вампилова, которая занимает особое место в современной русской литературе второй половины XX в., также остается неизученным. Объектом нашего исследова-

ния стали антропонимы многоактных пьес драматурга «Прощание в июне», «Прошлым летом в Чулимске», «Старший сын». А.В. Вампилов в современной литературе является представителем русской классики. В его пьесах соблюден закон поэтики классицизма о трех единствах в драме – места, времени, действия. Но, в отличие от классицистов, он вывел на сцену героев не однозначных, с раз и навсегда прикрепленными ярлыками, а живых людей с разными, иногда противоречивыми проявлениями натуры. Литературные антропонимы в драматургии А.В. Вампилова служат своеобразным «ключом» к раскрытию художественного замысла писателя. В отличие от прозаика у драматурга нет возможности дать в пьесе исчерпывающую характеристику своему персонажу, художественно описать образ. Автор может позволить себе лишь в небольших, зачастую весьма кратких ремарках представить ту или иную информацию, связанную с характеристикой героя. В связи с этим особенно возрастает роль избранного драматургом личного имени, фамилии, а порой и прозвища для каждого созданного героя пьесы. Самые яркие имена драматург присваивает эпизодическим персонажам, например: *Серьезный*, *Строгая*, *Веселый*, *Красавица*, *Комсорг* («Прощание в июне») и др.

Принадлежность таких названий к ономастической лексике определяется контекстуально. Граница между онимами и апеллятивами в данных случаях практически отсутствует. Имя, получая дополнительные коннотации, воспринимается в одном случае как собственное, в другом – как нарицательное. Поэтому вначале может показаться, что вампиловские персонажи – это безымянные герои. Но, осмыслив ХТ, становится очевидным, что такие названия и есть их исчерпывающе-характеризующие номинации. В данном случае литературные имена-вывески, присущие классицистическому методу, выполняют информационно-стилистическую функцию. ИС в ХТ оказываются близкими к нарицательным словам и условно подразделяются на две группы: номинации, указывающие на особенности характера героя, внешние данные, отражение его внутреннего мира, а также названия, определяющие характер занятий героя, профессию. Так, «правильная» во всех отношениях *Строгая* не понимает «безответственно» полюбившую непутевого Букина Машу, в то время как за ней пять лет ухаживает такой положительный Фролов. Красноречива и речевая характеристика этой эпизодической героини. В ее лексиконе много штампов и фактически в каждой реплике повторяется фраза: «...как член студсовета, я должна вас предупредить...» (Вампилов 1999, 31, 32). Чрезмерно ответственный, выполняющий роль лидера, вожака, *Комсорг* даже на свадьбе постоянно пытается все упорядочить, ввести в рамки, чтобы каждый за что-то «отвечал». Уве-

ренная в собственной неотразимости и превосходстве *Красавица*, делающий замечания окружающим *Серьезный*, произносящий тосты и все время призывающий спеть «такое, что-нибудь оригинальное» (Вампилов 1999, 28) *Веселый* также ведут себя сообразно заявленной в номинации роли.

Антропонимическое пространство (совокупность всех антропонимов – имен, фамилий, прозвищ, функционирующих в том или ином произведении, а также связанных с ХТ, авторским замыслом, темой и идеей пьесы) драматургии А.В. Вампилова многомерно. Основу его составляет реальный антропонимикон (совокупность всех антропонимов, которые используются в языке определенного народа для называния реальных людей), построенный по моделям, известным в языке (например, календарные личные имена, восходящие к антропонимиконам других языков (греческому, латинскому, древнееврейскому); исконно русские фамилии на -ов, -ев; -ин, -ын отантропонимического или отапеллятивного происхождения и др. подробнее см.: Унбеггаун 1989). Однако за этой реальностью стоит и другой антропонимический мир, открывающийся внимательному читателю. Отличие антропонимикона пьес от реальных названий состоит в том, что большинство избранных автором онимов отапеллятивного происхождения в ХТ имеют двойственную мотивацию. С одной стороны, мотивационные связи соответствуют реальному именику и выполняют чисто идентификационно-номинативную функцию, но с другой – антропонимическая система осознается как искусственная система, мотивированная ассоциативными связями в контексте содержания самого произведения. Весь реальный антропонимикон пьес А.В. Вампилова условно можно разделить на две группы. Во-первых, это ИС, которые вызывают в читательском сознании ассоциативную связь со словами или словосочетаниями, существующими в современном русском языке, а также возможными мифопоэтическими представлениями, имеющимися у носителей языка относительно того или иного апеллятива, они косвенно, опосредованно характеризуют созданный писателем художественный образ. Во-вторых, это онимы, имеющие скрытую, «затемненную» основу (иноязычную, но, возможно, устаревшую или диалектную).

Так, к первой группе относится вполне реальная фамилия героя написанной в «оттепельные» годы пьесы «Прощание в июне» студента-биолога Николая Колесова, который оканчивает университет и хочет заниматься наукой. Все у него сложилось бы благополучно, если бы не множество случайных сцеплений, из которых и складывается судьба. Если бы Колесов не пообещал привести на свадьбу приятеля самую красивую девушку, он не познакомился бы с Та-

ней, дочерью ректора. Если бы не остановился у афиши, которую читала Таня, не стал бы приглашать на свадьбу артистку, не подрался бы с ее поклонником. Если бы не пришлось убежать от милиции, не натолкнулся бы в общежитии на ректора, возмущенного хулиганским поведением студента, который к тому же, как оказалось, знаком с его дочерью и даже нравится ей. Если бы не последнее обстоятельство, вряд ли за столь незначительный проступок одного из лучших студентов исключили бы из института и т. д. Созданный драматургом образ находится в жизненном круговороте, постоянном движении, он словно противопоставлен другим «разумным», предсказуемым, порой статичным, персонажам. В этой связи в читательском сознании фамилия героя пьесы Колесов может быть соотнесена с денотатом *колесо* – ‘в различных механизмах: диск или обод, вращающийся на оси или укрепленный на валу и служащий для приведения механизма в движение’ (Ожегов, Шведова 1998, 282) в его метафорическом понимании, символизирующим динамику, развитие и под. (ср., например, выражения *колесо жизни* в значении круговорот жизни; *жизнь на колесах*, т. е. в постоянных разъездах, и прочие устойчивые словосочетания с данным апеллятивом). Слово *колесо* у наших предков ассоциировалось с солнцем. Мифопоэтическое воззрение древних людей отождествляло солнце с живым существом, которое ведет постоянную борьбу с холодом и тьмой, т. е. со злом. В пьесе Николай Колесов как раз и является тем источником, в котором сконцентрированы такие «светлые» качества, как честность, смелость, свободолюбие, сохранение чувства собственного достоинства, отказ от конформизма. Ректор университета Владимир Алексеевич Репников на протяжении всей пьесы просто преследует Колесова, этот молодой человек раздражает его. Ректор пытается исключить Николая из университета, лишить его возможности продолжить учебу в аспирантуре, несмотря на бытующее мнение о Колесове как способном, талантливом молодом человеке. Даже жена Репникова удивлена таким предвзятым отношением своего мужа к студенту. В пьесе она спрашивает Владимира Алексеевича: «За что все-таки ты его так не любишь?» (Вампилов 1999, 54); «Что тебе надо от этого парня? Что ты в него так вцепился? Неужели нельзя отнестись к нему помягче?» (Там же, 56). В таком контексте фамилия героя Репников у читателя вызывает звуковую ассоциацию с апеллятивом *репей*, *репейник* – ‘сорное растение с цепкими, колючими соцветиями или плодами, а также такое соцветие или плод, лопух’ (ср. разг. выражение *пристал как репей* – о том, кто ведет себя навязчиво, надоедливо) (см. Ожегов, Шведова 1998, 676). Продавец Золотуев («Прощание в июне») «сам жил и других

не обижал» (Вампилов 1999, 45), т. е. сам брал и другим давал взятки. Но вот однажды пришел к нему честный ревизор, который отказался принять взятку. Золотуев тогда посадили в тюрьму на десять лет. Однако, выйдя на свободу, продавец остался убежден в том, что «честный человек – это тот, кому мало дают. Дать надо столько, чтобы человек не мог отказаться, и тогда он обязательно возьмет!» (Вампилов 1999, 47). Золотуев полжизни потратил на то, чтобы собрать огромную сумму, от которой уж точно ни один человек не откажется, и приготовился отдать ее ревизору. Но ревизор отказался и на этот раз. Фамилия героя комедии Золотуев, как нам представляется, может соотноситься с сочетанием слов «*совать золото* (т. е. деньги)» (от *золото* – ‘драгоценный металл желтого цвета, употр. как мерило ценностей и в драгоценных изделиях’ (Ожегов, Шведова 1998, 232), т. е. эквивалент денег, и *совать, сую, суешь, суй* – ‘вкладывать, помещать куда-нибудь с трудом, а также небрежно или незаметно’, например, ‘совать что-нибудь кому-нибудь в руки’, или же перен. прост. ‘давать взятку’ (Там же, 740)) и отражать мировоззрение, а также жизненные принципы героя пьесы. Антропоним Шаманов (ср. *шаман* – ‘у некоторых народов, сохраняющий веру в духов и в возможность ритуального общения с ними: служитель культа; колдун-знахарь, способный приводить себя в состояние экстаза’ (Ожегов, Шведова 1998, 294)), присвоенный следователю из пьесы «Прошлым летом в Чулимске», косвенно символизирует метаморфозу, духовное перерождение героя пьесы, превращение Владимира Михайловича из одного человека в совершенно иного. Это происходит благодаря вновь рожденной любви в душе этого человека к юной девушке Валентине, которая уже в течение долгого времени тайно и безответно любит приехавшего из города следователя. Раньше Шаманов был честным, инициативным человеком. Все у него складывалось благополучно: «...жена, говорят, была чья-то там дочь и очень красивая» (Вампилов 1999, 271), материальная устроенность, любимая работа. Он «далеко бы пошел, если бы не сваял дурака» (Вампилов 1999, 271). Однажды Шаманов стал добиваться справедливости в одном деле: пытался посадить за решетку сына довольно влиятельной в городе персоны. Попытка борьбы окончилась поражением. Осознав свое бессилие, Шаманов все бросил и бежал в Чулимск. С ним происходит страшная метаморфоза: все становится безразличным, чужим, теряется интерес к жизни. Следователь только об одном думает с удовольствием – о пенсии. Лишь признание Валентины всколыхнуло его. Шаманов понял, что дальше так жить нельзя. Так в Чулимске происходит возрождение любовью. «Как я жил, дальше жить было нельзя. И вот сегодня <...>

мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово, этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя» (Вампилов 1999, 311). Объяснение фамилии персонажа из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» Афанасия *Дергачева* можно отыскать в авторских ремарках при описании внешних физических данных этого героя пьесы. А.В. Вампилов отмечает: «Ему (Дергачеву. – И. П.) около пятидесяти. Он высок ростом, широкоплеч, кудряв – словом, мужик еще видный. Одно нехорошо: левая нога в колене у него не сгибается – протез. При ходьбе он заметно припадает и резко взмахивает правой рукой» (Там же, 255) (ср. *дергать* – ‘резко двигать какой-нибудь частью тела’ (Ожегов, Шведова 1998, 164)). Кроме того, Афанасий на протяжении всего действия пьесы постоянно придирается к своей жене Анне Васильевне Хороших за то, что та сразу же после войны, утратив надежду на возвращение *Дергачева* с фронта, изменила ему и родила себе сына Пашку. Именно этой измены всю жизнь и не может простить Хороших Афанасий. Он постоянно ссорится с женой, ругается с ней, дергает и пытается ущемить ее самолюбие мелкими придирами. В такой интерпретации фамилия персонажа может ассоциироваться с глаголом *дергать* в его переносном значении ‘беспокоить, мешать кому-нибудь мелкими требованиями, придирами’ (Ожегов, Шведова 1998, 255).

Фамилия персонажа из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» Иннокентия Степановича *Мечеткина*, мужчины лет сорока, находящегося в поиске невесты, в рассматриваемом контексте вполне созвучна с глаголом *мечется* (*метаться*), что значит ‘суетливо, в волнении ходить, двигаться в разных направлениях’ (Там же, 352). Персонаж мечется между действующими в пьесе незамужними героинями. Сначала *Мечеткин* делает предложение аптекарше Зинаиде Кашкиной, но затем, получив отказ, по совету той же Зинаиды Павловны, прекрасно понимая всю нелепость своего сватовства к восемнадцатилетней девушке, начинает ухаживать за Валентиной, которая влюблена в другого.

Личное же имя героя *Иннокентий*, на наш взгляд, следует отнести ко второй группе реальных названий, имеющих скрытую, «затемненную» основу (в данном случае – иноязычную, но, возможно, устаревшую или диалектную). Календарный антропоним *Иннокентий* этимологизируется как ‘невинный’ (см. Петровский 2000, 149), т. е. правильный, чистый, непорочный. Такая мотивировка значима для данного контекста. Ведь *Иннокентий* Степанович, несмотря на свой возраст, ни разу не был женат. Он, по мнению окружающих, «дурак дураком», но «парень авторитетный, вес имеет, законы знает» (Вампилов 1999, 294), «такой принципиальный, такой поло-

жительный» (Вампилов 1999, 298). Вероятно, данный антропоним А.В. Вампилов употребляет с целью передачи иронического отношения к герою пьесы.

Однокурсника и друга Букина («Прощание в июне»), который, по замечанию автора, «из всех гостей выделяется неумеренной непосредственностью» (Там же, 27), прозвали *Гомырой*. Этот пошляк и пьяница оскорбляет невесту и расстраивает свадьбу Букина с Машей. Весь контекст комедии способствует возникновению в читательском сознании ассоциативной связи прозвища *Гомыра* с устаревшей диалектной лексемой *гамить* – «моск. костр. гамить вологодск. гаметь новг. перм. гаманить калужск. гаманеть кур. вор. гомонить, говорить громко, шумно, кричать. Не гами тут, разгамишь всех, уснуть не дашь. Гам м. шум» (Даль 1955 I, 343). А.В. Вампилов в ремарках и речевой характеристике персонажа отмечает фамильярность, развязность, неумеренность, бестактность, скандальность натуры героя пьесы. Для его речи характерно употребление разговорной и просторечной лексики (например, «козья морда» (Вампилов 1999, 28), «пожрать» (Там же, 29), «ерунда» (Там же, 34), «дайте мне по морде» (Там же, 36) и под.). За свадебным столом Борис ведет себя беспокойно, шумно, что и подтверждается звуковой ассоциацией скрытоговорящего прозвища.

Фамилия героя комедии «Старший сын» Владимира Петровича *Бусыгина* этимологизируется как ‘хвастун’ (см. Унбэнгаун 1989, 123), т. е. человек, который хвастается, а в просторечии просто лжет. Студент мединститута *Бусыгин* точно знает, что родство его с Сарафановым вымышленное, однако ведет себя сообразно заявленной роли, становится «сыном», принимает правила игры, им же самим навязанной окружающим (см. Петрачкова 2001, 165–166).

А.В. Вампилов прибегает и к так называемым онимам-аллюзиям (именам-перекличкам). В случае успешной реализации аллюзии резко усиливают эстетическое воздействие ХТ на читателя. Оно основано на интенсивных ассоциативных связях, соединяющих данный текст с внеязыковой реальностью. Так, друга Бусыгина зовут *Сильвой*. Прозвище *Сильва*, которое герой получил «за пристрастие к музыке», представляет собой женское имя героини в одноименной оперетте Кальмана. Драматург присваивает женское имя *Сильва* мужскому персонажу. Данное явление, называемое ономастическим травестированием, зачастую используется драматургами с целью создания комического эффекта. *Сильва* и напоминает какой-то опереточный персонаж, выпрыгнувший с легкостью в жизнь. Его чувства поверхностные, непостоянные, часто показные (см. Петрачкова 2001, 165–166).

Таким образом, система антропонимов в пьесах А.В. Вампилова многогранна и является важным компонентом художественной выразительности. Драматург использует классицистические имена-вывески, обладающие высокой степенью семантической активности, реальные антропонимы, построенные по моделям, известным в языке, с двойственной мотивацией (косвенно характеризующие и скрытоговорящие ИС), а также онимы-аллюзии. В ХТ автор, так или иначе, обращает внимание читателя (зрителя) на антропоним созданного им образа (через авторские ремарки, действия и поступки героя, художественный контекст, когда сам персонаж уточняет мотивацию имени, и, наконец, драматург прибегает к стилистическому приему ономастического травестирования).

ЛИТЕРАТУРА

- Вампилов А.В. Пьесы: Для старшего шк. возраста. Мн., 1999.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1998.
- Петрачкова И.М. Роль ономастических средств в комедийном жанре (на материале пьесы «Старший сын» А.В. Вампилова) // Актуальные проблемы исследования языка и речи: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых (Минск, 30–31 окт. 2001 г.): В 2 ч. Мн., 2001. Ч. 1. С. 164–166.
- Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. 6-е изд., стер. М., 2000.
- Унбеггаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. М., 1989.
- Поступила в редакцию 01.01.09.

Инна Михайловна Петрачкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Гомельского государственного медицинского университета.

О.В. ЯНКОВСКАЯ

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ХРОНОТОПА (на материале рассказов Т. Толстой)

Раскрывается проблема функционирования вставных конструкций как важного элемента реализации текстовой категории хронотопа в художественном тексте. Установлено, что все элементы структуры текста находятся в строгих логических отношениях между собой.

The problem of the functioning of the inserted structures as the chronotop's realization in the literary text is revealed. The article deals with T. Tolstaya short stories. All elements of space forming structure of text are proved in strict logic relations.

Проблема изучения времени и пространства остается актуальной не только в литературоведении, но и в лингвистике. В литературе определение времени и пространства как формально содержательной категории связано с утверждением М.М. Бахтина о хронотопе как «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (Бахтин 1979, 45). Исследователь, утверждая, что «вступление в сферу смыслов совершается через ворота хронотопов», указывал на сюжетообразующую роль хронотопа, признавал ее сущность в выражении неразрывности времени и пространства.

К определению хронотопа как языковой исторической реальности, воплощенной в термине «пространство-время», подходит в своей работе В.А. Маслова: «Всякий художественный текст обладает своим особым хронотопом, т. е. имеет свои временные и локальные параметры, представляет собой упорядоченный мир, в котором живут персонажи текста» (Маслова 2005, 90).

В лингвистике в основе изучения пространственно-временных характеристик находятся проблемы смысловой структуры текста и единиц (О.И. Москальская (см. Москальская 1981), Н.Д. Зарубина, А.В. Бондарко, Н.А. Слюсарева, С.Г. Ильенко (см. Ильенко 1985)). К решению этой проблемы с позиций текстолингвистики подходит в сво-

ей работе М.Я. Дымарский (см. Дымарский 2006, 243). Исследователь вводит понятие дейктического модуса как «функционально-семантической категории текста, базирующейся на значениях референциальной определенности/неопределенности всех содержащихся в нем элементов субъектной (имеется в виду субъект речи) и хронотопической семантики» (Там же).

Распределение элементов хронотопической и субъектной семантики определяется «целым рядом глубоких структурных сдвигов, свойства и совокупность которых в каждом творчестве индивидуальны» (Дымарский 2006, 228). По ряду признаков характера повествования рассказы Т. Толстой в сборнике «Двое» мы относим к произведениям с классической моделью нарратива. Указания на два типа повествования можно встретить уже в работах Ю.М. Лотмана. В зависимости от характера «отношения произведения (действительного кода) к структуре, ожидаемой слушателем» он разделил все виды художественных произведений на два класса: «Первый класс составляют художественные явления, структуры которых наперед заданы, и ожидание слушателя оправдывается всем построением произведения» («в основе художественных систем этого типа лежит сумма принципов, которую можно определить как эстетику тождества»); второй класс образуют «системы, кодовая при-

рода которых не известна аудитории до начала художественного восприятия. Это – эстетика не отождествления, а противопоставления» (Там же, 238). Фактически согласен с М.М. Бахтиным и М.Я. Дымарский, понимая под классическим нарративом «более или менее устоявшуюся в литературе XIX в. систему презумпций, нормирующих организацию повествования» (Там же).

В своем исследовании за точку отсчета при изучении художественного времени и пространства в тексте мы принимаем модель текста как последовательную реализацию значений категории хронотопа: времени, пространства, субъекта – в классической модели нарратива.

Цель данной статьи – рассмотреть вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа. На примере рассматриваемых вставных конструкций (далее – ВК) в рассказах Т. Толстой мы утверждаем, что вставки являются важным текстовым элементом, связывающим различные временные и пространственные характеристики предметов, опосредованно соотносят события с разными объектами, реализуя пространственно-временную перспективу высказываний, определяют роль субъекта в повествовании. Наша задача – выявить реализацию значений данных категорий через анализ структурных и семантических отношений ВК с включающим предложением и окружающим контекстом в рассказах Т. Толстой. Для анализа было отобрано 200 вставных конструкций из рассказов Т. Толстой, опубликованных в сборнике «Двое».

Под вставными конструкциями, или вставками, в данном исследовании подразумеваются как вставные слова, вставные сочетания слов, отдельные вставные высказывания, так и группы словосочетаний и вставных высказываний (см. Шаймиев 1981, 87).

Анализ ВК с позиции содержательной грамматической категории хронотопа осуществляется методом изучения и исследования темпоральных и локальных структур: лексических единиц с семантикой времени и пространства, семантики и видо-временных значений глаголов, сложных предложений со значением времени и пространства.

1. Оценка пространственно-временных характеристик текста определяется в первую очередь значением *субъекта*. Художественный текст как средство отражения определенной модели действительности предполагает наличие творца, автора, который включен в систему пространственно-временных отношений, поскольку существует во времени и пространстве. По мнению Н.А. Кожевниковой, «связи и отношения между разными типами повествования внутри произведения относительно закреплены, поскольку они заданы повествователем и представляют собой некую норму организации текста. Та или иная позиция повествователя предполагает (или допускает) использование одних типов повествования и ис-

ключает (или ограничивает) возможности использования других. Чем более конкретно “я”, будь то “я” автора-наблюдателя или “я” рассказчика, тем больше ограничений с ним связано» (Кожевникова 1994, 124). Включение ВК в текст обеспечивает автору стабильную локализацию в тексте: Т. Толстая обозначает свое место в сюжете и свое отношение к изображаемому. Под стабильностью локализации автора в тексте М.Я. Дымарский понимает конкретность, определенность «Я» повествователя.

Стабильная локализация автора в тексте предполагает две формы повествования: с диегетическим повествователем (Я-герой) и экзегетическим (Он-герой) (в терминах Е.В. Падучевой) (см. Падучева 1996, 345). Включенность автора в мир текста обеспечивает ему диегетическую модель повествования (перволичную). *При этом таможенники отказываются вносить мелочь в декларацию (я пробовала), машут рукой: «это не деньги!» (276); Какого Бострома? – недоумевает читатель. (Поясню: Алексей Аполлонович Востром – отчим Толстого. Кто догадался?) (467); В Америке проживает ненормально большое число людей, чья телесная пропорция выглядит как 130–200–180. (В моем детстве таких называли «промсосисками», но, может быть, это чисто питерское) (341); А он нам много раз подряд (я лично читала в печати три раза, на трех языках, – значит, повторяет...) расскажет трогательную историю про своего сынулю (288).* В изложенных текстах есть место суждениям автора, поступкам, мы идем за автором по страницам его жизни.

Различные формы воплощения экзегетического повествователя как условного субъекта коммуникации, повествующего сюжет, организуют непротиворечивую модель действительности. *Да ведь и само слово wotap – производное от слова tap, и с этим можно и нужно бороться. Например, принять написание wotup (во множественном числе wimup), чтобы хотя бы на письме сбросить с себя унизительные путы родовой зависимости (299); Из пассажиров первого класса погибло 6 процентов женщин и детей (в основном те, кто отказались сесть в лодки), из третьего – всего 58 (405); Все кухонное оборудование – миксеры, разрезалки, машинки для очистки картошки (ее взяли 40 тонн), мясорубки и прочее – было электрическое (392).*

Как видно, дейктический модус в рассматриваемых текстах имеет значение определенности. Все эгоцентрические текстовые элементы получают непротиворечивую интерпретацию через

* Здесь и далее примеры цитируются по изданию: Толстая Н., Толстая Т. Двое: Разное. М., 2001. Страницы указываются в тексте в скобках.

соотношение с фигурой автора. Соблюдение всех классических приемов традиционного построения сюжета и текста позволяет Т. Толстой находиться в отношениях дейктического паритета с читателем: читатель вместе с автором может проникать в любую точку художественного пространства-времени (см. Дымарский 2006, 243).

2. Значение *времени* реализуется в тексте в исследуемых вставных единицах в следующих формах и значениях:

а) точные указания на время совершения события через лексемы. В классической художественной прозе языковые конструкторы со значением времени организуют событийный ход повествования, выстраивают стройную линию развития сюжета, формируют хронологический субстрат (см. Бондарко 1996, 23). В силу своих функциональных качеств – развивать вторую смысловую линию сюжета – ВК должны способствовать движению событий в тексте. Иное наблюдаем мы в исследуемых рассказах, которые трудно квалифицировать как образец художественной прозы. В рассказах «Небо в алмазах», «Анастасия, или Жизнь после смерти», «Клеем и ножницами» тип прозы тяготеет к публицистическому, позиция автора в ВК сводится к комментированию-пояснению предыдущих текстовых фрагментов. Ссылки на точное время в публицистических рассказах с ослабленной сюжетной линией используются скорее для восстановления психологического фона развития событий и раскрытия мотивировки действия. ...*Марьяна, дочь Толстого, научилась ходить только в двухлетнем возрасте (она родилась в августе 1911 года, и В. Петелин это знает, только забыл произвести несложное арифметическое действие)* (459); *Неясно, как человек с такой убогой фантазией мог написать «Хождение по мукам» (очевидцы и участники гражданской войны поражаются точности описания событий, в которых Толстой даже отдаленно не участвовал)* (458); *«Этот корабль утонет, не достигнув Америки», – сказала она, и когда ей напомнили, что он ведь непотопляемый, воскликнула...* (*Через три года г-жа Маршалл таким же необъяснимым образом точно предсказала гибель «Лузитании», пропоротой немецкой торпедой*) (397); *Надо было иметь достаточно шлюпок. (Еще в 1909 году, когда корабль был только задуман, на обсуждение декора, по показаниям очевидца, было потрачено четыре часа, на обсуждение мест в шлюпках – 5–10 минут)* (407). В ВК в текстах имеются указания на временное совершение событий, значение которых раскрывается посредством когезии. *Встречая на пути айсберг, капитан судна посылал радиogramму (маркониgramму, как тогда говорили) капитанам других судов* (388). Указательное местоимение *тогда*, указывая на временную характе-

ристику совершения действия, становится лексическим средством реализации когезии;

б) выражение значения времени через семантику глаголов. Вопрос о значении глагольных форм в определении семантики времени тесно связан с определением типа речи (см. Солганик 1973). В большинстве рассказов мы имеем дело с ситуативно актуализированным типом речи. Автор занимает активную позицию в объяснении и ведет беседу с читателем на одном с ним уровне. ВК содержат указания на осуществление событий в будущем (7 вставных единиц), на факт совершения события в прошлом (33 вставные единицы), относят действия к настоящему моменту речи (27 вставных единиц).

Активное употребление форм прошедшего времени имеет целью вовлечь читателя в сложный диалог, снять читательскую напряженность, вызвать яркие положительные эмоции соучастия в процессе создания текста. Формы прошедшего времени в представленных контекстах с ВК актуализируют значение настоящего, которое является фоном. *Только они так чудовищно искажены и взяты из стольких произведений (я насчитала минимум три), что я не решусь настаивать на авторстве Алексея Николаевича...* (453); *Сигареты – по паспорту. (Эх, Минздрав, Минздрав! Что ж ты не предупредил?)* (282); *Какого Бострома? – недоумевает читатель. (Поясню: Алексей Аполлонович Востром – отчим Толстого. Кто догадался?)* (467).

Формы настоящего времени имеют значение настоящего актуального, которое соотносится с моментом речи говорящего. Центром временного дейксиса становится реальное время (с учетом классической модели нарратива), ситуативно актуализированное настоящее. *Убраны все авторские ремарки, рисующие мемуариста застенчивым, благодарным, даже благоговейным перед писателем (таким изображает себя Жаров, это его право)...* (441); *Зря старался: его воспоминание («наиболее дорогое для меня воспоминание о нем», – говорит Олеша) В. Петелин у него отнял и подарил Николаю Никитину* (172); *Разве, – мерещится нам, – ноги не главное оружие женщины?* (350); *Ему сказала я: «Всего хорошего» (а вот это зря: сейчас нас учат не сдерживаться, а прямо лепить, что думаешь, то есть выявить в себе внутреннюю стерву, to discover your inner bitch)* (308); *Скажем, одна дама – назову ее Светланой – пришла в гастроном, на вечернюю тягу, и, зная повадки продуктов – появляются они всегда неожиданно и очень пугливы, – затаилась и ждет* (281).

Анализ содержания ВК показывает, что время в рассказах изображается в его развитии и движении с точки зрения результативности совершаемого действия. Большинство употребляемых

в ВК глаголов относится к глаголам совершенно-го вида, глаголам разового действия с предельным значением основ. Необходимость в тексте таких глаголов неизбежна: они способствуют ускорению развития сюжета, задают динамику событийной линии (см. Гальперин 1981). *Столь же оскорбительно считается подать женщине пальто (что она, инвалид, что ли? Сама не управится? Чай, не безрукая), открыть перед ней дверь, уступить место в транспорте, поднести тяжелую вещь (308); Ее будто бы спас солдат, по имени – странно сказать – Александр Чайковский (что за фамилия? из польских ссыльных? или он наврал ей?). Он посчитал грехом хоронить живого человека (358); Продавали бриллианты, выбранные из ее корсета (те, что зашила императрица), и на эти деньги жили (358).*

3. В классическом нарративе, к которому можно отнести рассказы Т. Толстой в данном сборнике, пространственные координаты легко реконструируются. Пространственные отношения реализуются в семантической структуре текста, когда:

а) пространство понимается как материальная форма. Смыслообразующую функцию в обозначении пространства несут эксплицитно выраженные формы локативов: *Пассажиры подбирают другое судно, капитана которого зовут Э.Дж. Смит, – точно так, как будут звать капитана «Титаника» через 20 лет. (Стэд до Америки не доедет) (308); Другой человек добился долгожданной работы на «Титанике» и уже выехал в Саутхемптон (порт отправки) (396); Эти-то крики – в российских и эмигрантских газетах – меня и насмешили и удивили (263); Большинство ее противников никогда с ней не встречались, отменяя ее с порога. (По миру бродило одновременно не менее четырнадцати «Анастасий», и поэтому удобно было отмахнуться от всех сразу) (376); Здание ветхое, спору нет, и требует реконструкции, но, закрывшись, магазин либо никогда не откроется (он, очевидно, государственный, дешевый, и оплачивать аренду двorca ему не по силам), либо его переведут на окраину, где он затеряется и захиреет (414);*

б) во вставных конструкциях содержатся указания на пространственные характеристики, значения которых раскрываются опосредованно, через соотнесение с понятийными категориями (нематериальные формы пространства). Повествователь силой своей фантазии вводит нас в свой придуманный мир, который накладывается на реально отображаемый и по отношению к нему выступает как вторичный. Вслед за автором мы проникаем в его мир искусства, поэзии, кино. *И правильно не верится, ибо это – очередная «беллетризация» воспоминаний Михаила Жарова (игравшего Меншикова в фильме «Петр Первый») (166); Засилье политически коррект-*

ного языка и соответственно выражаемых этим языком политически корректных мыслей и понятий захлестнуло современную американскую культуру. (Вышеприведенные примеры – вотуп, ovarium – не продукт моего натужного остроумия, как может подумать не знакомый с американскими реалиями читатель, а взятые из существующих текстов: ими предложено пользоваться, и некоторые уже пользуются) (299).

В рассказах Т. Толстой временной и пространственный континуум представлены в их реальном течении. Эпическое время характеризуется последовательностью, дискретностью. Прерывность временных планов, взаимопроникновение элементов прошлого, настоящего и предполагаемого будущего относятся к основным принципам временной композиции произведений.

Пространство представлено в произведении узким: изображаются строго обозначенные реалии. Хронотоп не имеет закрытых зон для читателя. Читатель может проникать в любую точку художественного пространства.

На основании проведенного исследования отметим, что вставные конструкции как текстовые элементы участвуют в пространственно-временной организации текста. Все элементы пространстообразующей структуры текста находятся в строгих логических отношениях между собой. Между вставками в пределах одного рассказа образуется неграмматическая диктантная смысловая (ассоциативная) связь.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв. М., 2006.
- Ильенко С.Г. Предложение в текстовом аспекте // Предложение в текстовом аспекте: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1985. С. 3–15.
- Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994.
- Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // М.Ю. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн., 2005.
- Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.
- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973.
- Шаймиев В.А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий текста: Сб. науч. тр. Л., 1981. С. 81–88.

Поступила в редакцию 27.01.09.

Оксана Викторовна Янковская – аспирантка кафедры прикладной лингвистики. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.Н. Чумак.

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ (на материале английского и белорусского языков)

Рассматривается специфика функционирования модальных предикатов со значением необходимости в текстах научного, публицистического и художественного стилей, которая проявляется как в реализации предикатами частных значений необходимости, так и в особенностях их связей с другими компонентами высказывания.

The article focuses on the specific functioning of the modal predicates of necessity in scientific, journalistic and belles-lettres texts, which is revealed both in realization of particular meanings of necessity in texts of different styles and in peculiar combinations of the predicates with other components of an utterance.

Модальный план текста традиционно включает два основных типа значений, условно называемых объективно- и субъективно-модальными (см. Гальперин 1981). Первый тип отражает выраженные в тексте связи и отношения объективного мира, являющиеся с точки зрения субъекта речи действительными, возможными или необходимыми; второй – отношение субъекта речи к самому содержанию с точки зрения степени достоверности информации.

В настоящей статье внимание будет сосредоточено на выявлении специфического характера значения объективной необходимости в текстах научного, публицистического и художественного стилей, который формируется под воздействием экстралингвистических факторов, обуславливающих стилистическое своеобразие текста в целом. Среди внеязыковых факторов основными являются: сфера общения (наука, область общественных отношений, искусство), характерная для каждой из них форма мышления (логико-понятийное, ценностно-ориентированное, эмоционально-образное), тип содержания (отражающий связи объективного мира, социальной действительности или вымысел автора), а также целевая направленность текста (информирующая, воздействующая, эстетическая) (см. Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003) (далее – СЭСРЯ).

Материалом для проведения исследования послужили 2400 контекстов с ядерными предикатами необходимости (по 1200 контекстов из англоязычных и белорусскоязычных текстов) (см. Беляева 1985; Паўлоўская 2001), характери-

зующимися наибольшей частотностью употребления в текстах всех трех стилей (англ.: *must, have to, need, should/ought to*; бел.: *павінен, неабходна, трэба, патрэбна, нельга*). Поскольку указанные предикаты выражают необходимость совершения **действий** со стороны какого-то **субъекта**, важно также учесть специфику представления таких компонентов высказывания, как субъект действия (определенный, обобщенный, неопределенный) и само действие (актуальное или узуальное), выраженное подчиненным модальному предикату инфинитивом.

Данные предикаты могут выражать необходимость либо как вневременную, т. е. генерализованную, либо как возникающую в конкретной ситуации – проективную (см. Корди 2004). Кроме того, в зависимости от типа детерминирующего фактора, который может быть собственно объективным (существующим в окружающей действительности) или социальным (возникающим в сфере общественной деятельности людей), в лингвистической литературе выделяют ряд частных значений объективной необходимости: внутреннюю, каузируемую, целесообразную, закономерную, деонтическую (см. Шатуновский 1996). Представляется целесообразным рассмотреть, какие из этих значений доминируют в текстах разных стилей.

Результаты анализа отобранных контекстов с модальными предикатами с позиции выражаемых ими частных значений необходимости в текстах трех стилей, а также с учетом референциальной отнесенности субъекта необходимости и временной характеристики предиката представлены в таблице.

Употребительность предикатов со значением необходимости и их сочетаемостные свойства, %

Параметры анализа		Научный текст		Публицистический текст		Художественный текст	
		бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.
Значение необходимости	Закономерная	5	25	3	3	6	3
	Каузируемая	38	32	32	55	36	53
	Целесообразная	36	32	50	27	24	14
	Внутренняя	20	10	8	4	14	14
	Деонтическая	1	1	7	11	20	16
Тип субъекта	Определенный	4	6	17	46	36	85
	Обобщенный	40	52	26	43	13	9
	Неопределенный	56	42	57	11	51	6
Тип инфинитива	Актуальный	27	6	15	53	65	64
	Узуальный	73	94	85	47	35	36

Как известно, содержанием **научного текста** является полученное автором в процессе научной деятельности новое знание о действительности, а именно о фактах, явлениях, связях, отношениях, законах и закономерностях окружающего мира (см. СЭСРЯ 2003). В связи с этим указанные предикаты в данной разновидности текста выражают, как правило, объективно существующую необходимость, среди частных значений которой в обоих языках доминирует каузируемая необходимость: *У першую чаргу, нам патрэбна вылучыць уласна сацыялагічны сэнс паняцця «контркультура»...* (ВНАНБ(ГН), 2006, № 4); *Cultural circumstances and social institutions vary from society to society, but members have to adapt to them* 'Культурная ситуация и общественные институты различаются от общества к обществу, но людям приходится к ним адаптироваться' (Biology and Philosophy, 2008, № 23/1). Высокой частотностью отмечается также значение целесообразной необходимости: *Для таго, каб контркультура ў сацыялагічных даследаваннях здабывала пэўныя характарыстыкі, трэба больш выразна фіксаваць прадмет даследавання...* (ВНАНБ(ГН), 2006, № 4); *But that Reality is not what we now experience, nor should we be too quick to insist that we have even a notional grasp of it* 'Но это не та Реальность, которую мы сейчас переживаем, также нам не следует торопиться утверждать, что мы даже смысл этого понятия понимаем' (Philosophy, 2008, № 83). Следует отметить, что значение закономерной необходимости в белорусских и английских научных текстах реализуется по-разному. Поскольку в научном тексте сообщается не о единичных, конкретных событиях, фактах, а о законах и закономерностях объективной действительности, вполне логичной представляется частая реализация значения закономерной необходимости: *...since it cannot be that (b) is true, (a) must be true* 'поскольку не может быть так, что если (б) верно, то и (а) должно быть верно' (Philosophy, 2008, № 83). Однако в белорусском научном тексте данное значение встречается в пять раз реже и выражается только предикатом **павінен**: *Замест слаба выражанага паскарэння фізічнага развіцця жывёлаў павінна наступіць яго затрымка* (ВАН(БН), 1994, № 2), что связано, по-видимому, с особенностями функционирования предикативных наречий **неабходна**, **трэба**, **патрэбна**, **нельга**, употребляющихся в большинстве случаев в безличных конструкциях и выражающих, как правило, либо каузируемую, либо целесообразную необходимость. В англоязычном же научном тексте значение закономерности может быть выражено при помощи модальных глаголов *must*, *should*, *ought to*.

Научная деятельность базируется на логикопонятийном типе мышления, который отличается объективностью и отвлеченностью от всего кон-

кретного и случайного, что и обуславливает отвлеченно-обобщенный характер научного текста, создаваемый за счет широкого использования языковых единиц абстрактного значения (см. Кожина 1972). В этом случае не являются исключением и предикаты необходимости, выражающие в основном генерализованную необходимость и употребляющиеся в конструкциях с обобщенным или неопределенным субъектом и узуальным подчиненным инфинитивом: *...камунікатар павінен правільна і найбольш дэталёва прааналізаваць тую ці іншую сітуацыю...* (Весн. БДУ. Сер. 4, 2006, № 1); *For successful delivery, the nonvirale vector must be able to overcome many barriers to protect DNA* 'Для осуществления успешной передачи невирусный переносчик инфекции должен быть способен преодолеть много барьеров, чтобы защитить ДНК' (The AAPS Journal, 2007, № 9/1). Случаи проективной необходимости в научном тексте малочисленны и относятся к описанию самого процесса получения знания; при этом субъект является одушевленным и носит обобщенный или неопределенный характер, а зависимый инфинитив является актуальным: *Рэзюмуючы атрыманыя факты, неабходна адзначыць, што індамэтацын садзейнічаў верагоднаму памяншэнню колькасці норадрэналіну...* (ВАН(БН), 1993, № 4); *Finally, we must find the function C[m]...* 'Наконец, мы должны найти функцию C(m)...' (Genetic Research, 2008, № 90).

Определенное воздействие на характер реализации значений объективной необходимости оказывает также функциональная принадлежность научного текста, заключающаяся в необходимости передать новое знание об объективной действительности. Выполнению данной функции способствует преимущественное использование такого типа речи, как описание, «представляющее собой разностороннюю и систематическую характеристику объекта речи (предметы, особенности, состав и т. д.)» (Кожина 1972, 94). Реализуясь в данном типе речи, значение необходимости носит констатирующий характер: *Пры гэтым паняцце павінна вылучаць крытэрыі, якія дазваляюць ідэнтыфікаваць нейкую з'яву як патрэбны нам сацыяльны факт* (ВНАНБ(ГН), 2006, № 4); *Any meaningful statement must surely exclude something* 'Любое значимое утверждение должно исключать что-нибудь' (Philosophy, 2008, № 83).

В итоге для научного текста наиболее типично значение объективной необходимости генерализующего, констатирующего характера, которое реализуется в основном в высказываниях с обобщенным или неопределенным субъектом и приписываемым ему узуальным признаком. При этом в английском языке доминирует закономерная, каузируемая и целесообразная необходимость, в белорусском – каузируемая, целесообразная и внутренняя необходимость.

Публицистический текст сообщает о событиях и фактах общественной жизни (см. Солганик 2008). В связи с этим модальные предикаты, функционируя в данном типе текста, выражают, как правило, социально обусловленную необходимость. Среди частных значений в белорусском языке доминирует целесообразная необходимость: *На мой погляд, трэба паўсядзённа ўзмацняць значэнне той часткі культуры, якая нясе ў сябе фундаментальныя агульначалавечыя каштоўнасці* (ЛіМ, 2008, № 4), в английском – каузируемая: *We all will have to start living within our means – or preferably below them* ‘Нам всем придется начать жить по средствам – или, что предпочтительно, более экономно’ (Time, 2008, Sept. 22). На наш взгляд, данное различие в преобладании частных значений может быть обусловлено тем, что в белорусском публицистическом тексте необходимость чаще носит некатегоричный, рекомендательный характер, в то время как в английском публицистическом тексте данное значение отличается оттенком вынужденности и обязательности.

Для публицистики характерно ценностно-ориентированное осмысление действительности, т. е. соотнесение происходящих в общественной жизни событий с принятыми в социуме ценностными параметрами (правовыми, моральными, политическими, эстетическими и др.) (см. Сметанина 2002). События, о которых сообщается в тексте, могут быть как единичными, так и представлять собой обобщенную ситуацию, что обуславливает возможность реализации как проективной, так и генерализованной необходимости. Проективную необходимость модальные предикаты выражают при любом типе субъекта и актуальном предикативном признаке: *А значыць, неабходна было знайсці новыя падыходы да рэгулявання гэтай дзейнасці ў сучасны перыяд...* (ЛіМ, 2008, № 6); *...we will try to persuade our friends that we are right. But we in return must be willing to be persuaded by them* ‘...мы попытаемся убедить наших друзей в том, что мы правы. Но взамен мы должны быть готовы принять их убеждения’ (Time, 2008, Oct. 26). Генерализованная необходимость проявляется при любом типе субъекта и узуальном предикативном признаке: *Калі беларуская літаратура не павінна быць абавязкова і выключна беларускамоўнай, бо такой яна ніколі і не была, то беларускае тэлебачанне якраз павінна гучаць па-беларуску...* (ЛіМ, 2008, № 3); *We all need to get out sometimes – escaping not only our familiar setting but ourselves...* ‘Нам всем иногда исчезнуть, освободившись не только от привычной обстановки, но и от себя самих...’ (The Times, 2008, July 28). Следует отметить некоторые различия, наблюдаемые в белорусских и английских публицистических текстах относительно выражения проективной или генерализованной необходимости. Как видно из таб-

лицы, по показателю частотности употребления актуального или узуального инфинитива в белорусском тексте доминирует генерализованная необходимость, тогда как в английском – проективная. Кроме того, модальные предикаты в белорусском публицистическом тексте функционируют чаще в высказываниях с неопределенным типом субъекта (57 % случаев), в то время как в английском – с определенным или обобщенным субъектом. Данную тенденцию можно объяснить тем, что модальные глаголы в английском языке характеризуются обязательной валентностью на субъект и предикативный признак и чаще всего, как показал анализ, употребляются в синтаксических конструкциях с активным залогом. В белорусском языке рассматриваемые предикаты преимущественно используются в безличных конструкциях.

Из двух основных функций публицистического текста – воздействующей и информирующей – ведущей признается именно первая, призванная формировать отношение человека к миру, т. е. воздействовать на его восприятие происходящих в обществе событий и влиять на его поступки (см. Шмелев 1977). Выполнению данных задач способствует использование в публицистическом тексте такого типа речи, как рассуждение, представляющее собой изложение фактуальной информации с подведением читателя к определенному выводу (см. СЭСРЯ 2003). Сам вывод часто эксплицируется в высказываниях с предикатами необходимости, которые выражают значение преобразующей (предписывающей) необходимости: *А крытыка – гэта таксама мастацтва. І ёю, як і літаратурай, павінны займацца творчыя людзі...* (ЛіМ, 2008, № 5); *We must guard against the risk of any part of our border security becoming a ‘weaker link’* ‘Мы должны защищаться от того, чтобы какая-либо часть безопасности нашей границы стала «слабым звеном»’ (The Times, 2008, July 25).

Таким образом, типичное значение объективной необходимости, реализующееся в публицистическом тексте, отличается социально обусловленным характером преобразующей направленности и проявляется преимущественно в частных значениях целесообразной (в белорусском языке) и каузируемой (в английском языке) необходимости генерализирующей (в белорусском языке) или проективной (в английском языке) разновидности.

Художественный текст реализуется в сфере искусства, что накладывает особый отпечаток на его содержание, представляющее собой вымысел автора (см. Солганик 1997). В художественном тексте создается «условный, но правдоподобный мир, через который и выражаются не прямые и многозначные суждения о действительности» (Солганик 2007, 20), т. е. «возможный мир», порожденный художественным текстом

(см. Шмелев 2003). Поэтому значение необходимости, выраженное в данном типе текста, обусловливается не факторами объективного мира и не социальными потребностями общества, а теми факторами, которые существуют в мире художественного произведения, который может быть устроен по аналогии с действительным миром, т. е. быть наиболее к нему приближенным или кардинально от него отличаться. Автор сам решает, что в этом мире «объективно» необходимо, а что социально обусловлено. Таким образом, значение необходимости в художественном произведении может носить как объективный, так и социально обусловленный характер в «возможном мире» текста.

Среди частных значений необходимости в художественном тексте доминирует казулируемая необходимость: *Цікаўнасць мая дайшла да мяжы немагчымага. Не, я не паеду адсюль заўтра, як думаў, я павінен разгадаць усё гэта* (У. Караткевіч); *All he had to do was to transfer to paper the interminable restless monologue that had been running inside his head, literally for years* 'Все, что он должен был сделать, это перенести на бумагу бесконечный, непрекращающийся монолог, который длился в его голове буквально годами' (G. Orwell).

Художественная литература соотносится с образно-эмоциональной формой мышления (см. Кожина 1972). «Ученый мыслит понятиями, художник – образами» (Солганик 1997, 196). Образ выступает «обобщенным отражением действительности в конкретном, индивидуальном явлении... Изображая общее в частном, единичном, художественный образ в то же время показывает в этом единичном типичное, присущее не одному, но многим явлениям этого ряда» (Горшков 2000, 241). Демонстрируя свое видение мира через конкретных персонажей и повествуя об определенных событиях, происходящих с ними, автор текста использует рассматриваемые модальные предикаты в значении проективной необходимости: *Гэта насцярожыла і заклапаціла; падумалася, што трэба хутчэй вылазіць, бо рота, мусіць, ужо адышлася далека* (В. Быкаў); *I needed to withdraw in order to dress myself again in some shreds of dignity and reason* 'Мне нужно было удалиться, чтобы вновь собрать по крупицам остатки собственного достоинства и здравого смысла' (I. Murdoch). Следует отметить, что в английском языке в высказываниях с предикатами необходимости лидирующее положение занимает определенный субъект, в белорусском – неопределенный. Данные различия можно объяснить синтаксическими особенностями английских и белорусских предикатов. Для английских модальных глаголов наиболее типично употребление в личных конструкциях в художественном тексте, в то время как белорусские предикативные наречия *неабходна, трэба, патрэбна, нель-*

га используются в основном в безличных конструкциях.

Назначение художественного текста – передать читателю авторское понимание действительности, воздействовать на его мысли и чувства (см. СЭСРЯ 2003). Для достижения данной цели автор стремится наглядно представить описываемые события, происходящие с героями произведения. Наиболее распространенными типами речи здесь являются описание и повествование, для авторских отступлений характерно также рассуждение. Значение необходимости, реализуемое в указанных типах речи, носит либо констатирующий: *Відаць, для творчага надхнення яму неабходны быў выплеск адмоўных эмоцый* (Л. Рублеўская); *These remarks had had no sequel, but they remained between us as a text which must some day be revised, ratified, or at least explained* 'Эти замечания не имели последствий, но они остались между нами как текст, который необходимо будет когда-нибудь пересмотреть, одобрить или по крайней мере объяснить' (I. Murdoch), либо преобразующий характер: *У гэтай дуброве не павінна стукаць сякера. Уся з шасцісот-сямісотгадовых дубоў, яна павінна зрабіцца запаведнікам велічы, сведчаннем таго, што можа даць наша зямля* (У. Караткевіч); *Deliberating all these things, Lucy had decided that Vivian must be told the situation now* 'Размышляя над этими вещами, Люси решила, что необходимо рассказать Вивьен об этой ситуации сейчас' (A. Hailey).

Обобщая, можно сказать, что в художественном тексте необходимость обусловлена объективными или социально-объективными факторами «возможного мира», имеет проективный характер констатирующего или преобразующего типа и реализуется в основном как казуированная необходимость.

Таким образом, стилистические особенности текста под влиянием экстралингвистических факторов обуславливают специфику реализации как общего значения необходимости, так и его частных разновидностей. В тексте научной сферы доминирует максимально объективированный, генерализирующий, констатирующий тип объективной необходимости. Для публицистического текста типичной является социально обусловленная необходимость преобразующего типа, характеризующаяся оттенком категоричности, рекомендательности в белорусском публицистическом тексте и вынужденности, обязательности – в английском. В художественном тексте значение необходимости в рамках «возможного мира» произведения может принимать характер как максимально объективированной, так и социально обусловленной проективной необходимости констатирующего или преобразующего типа.

Несмотря на общий характер необходимости, типичный для текста того или иного стиля, на-

блюдаются также некоторые различия в реализации данного значения в белорусскоязычных и англоязычных текстах, связанные с синтаксическими особенностями функционирования белорусских и английских ядерных предикатов необходимости.

Сокращения

ВНАНБ(ГН) – Вестні НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук (2006 г.); **ВАН(БН)** – Вестні АН. Сер. біял. навук (1993–1994 гг.); **ЛІМ** – Літаратура і мастацтва (2008 г.).

ЛИТЕРАТУРА

Беляева Е.И. Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. М., 2000.
Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. М., 2004.
Паўлоўская Н.Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове. Мн., 2001.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. СПб., 2002.

Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: Сб. ст. М., 2007. С.13–30.

Солганик Г.Я. Стилистика публицистической речи // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие для вузов. М., 2008. С. 456–468.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М., 1996.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., 1977.

Шмелев А.Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность, прагматика // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003. С. 655–663.

Поступила в редакцию 16.07.09.

Наталья Анатольевна Куркович – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ Е.Г. Задворная.

А.А. МАТЮНОВА

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ МОТИВАЦИИ ПРИ ИМЕНОВАНИИ (на примере языка Интернета и русскоязычных СМИ)

Изучены проблемы соотношения языка, мышления и культуры в современной интернет-коммуникации и СМИ. Выявлены актуальные процессы, происходящие в лексике и словообразовании русского языка XXI в. Рассмотрены важные для настоящей лингвистической научной парадигмы аспекты мотивации и ее связи с внутренней формой слова и процессом именования, проанализирована взаимосвязь внутренней формы слова, лексического, ономазиологического, словообразовательного, грамматического его значений.

This article deals with the problems of the correlation of the language, mind and culture in the modern internet communication and mass media. It contains information about the actual processes occurring in lexicon and word-formation in the Russian language of the XXI century. Aspects of motivation, which are so relevant to the modern linguistics scientific paradigm, are considered in connection with the inner form of the word and nomination processes. The author analyses intercommunication of inner form of the word as well as lexical, grammatical, word-formative, onomasiological meanings.

В рамках современной антропоцентрической научной парадигмы изучение проблем мотивации и внутренней формы слова позволяет выявить механизмы появления новой лексики, определить лингвокультурные аспекты именования. В данной статье рассматриваются проблемы мотивации на примере неологизмов современного языка Интернета и русскоязычных СМИ. Фактический материал извлечен из газетных и интернет-публикаций за 2008–2009 гг. На сегодняшний день Всемирная паутина – это место, где можно найти любую информацию, а также высказаться самому (см. Иванов 2001). Интернет-общение имеет свою специфику: говорящий при желании всегда может остаться анонимом. Это дает людям определенную свободу, что отражается на языке общения. Сегодня говорят об особом языке Интернета, зачастую непонятном непросвещенному пользователю, что и вызвало необходимость создания особых интернет-энциклопедий. Примером такой энциклопедии может служить Луркоморье, материалы которой мы использовали в данной статье.

Слово – двусторонняя единица, имеющая внутреннюю и внешнюю форму и обладающая, кроме лексического значения, богатым коннотативным потенциалом, функциональными возможностями. Все эти факторы (семантика, коннотация, функционирование) учитываются автором слова при выборе мотивационного признака. На этот выбор непосредственным образом влияют экстралингвистические обстоятельства: сфера дальнейшего употребления слова, его происхождение, личностные качества, уровень образования автора слова и т. д. В данном случае термины *экстралингвистический* и *лингвокультурный* понимаются как синонимичные.

Соотношение внутренней формы слова, номинации и мотивации. По определению Лингвистического энциклопедического словаря *внутренняя форма слова* – это «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова.

Внутренняя форма мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» (далее – ЛЭС 1990, 85). Внутренняя форма слова, таким образом, связана с мышлением, поскольку именно своей когнитивной деятельностью носитель языка выбирает признаки, в соответствии с которыми впоследствии появится в языке новое слово. Далее мыслительный процесс связывается с уже языковым процессом, носящим внешний характер, – процессом закрепления звуковой оболочки за некоторым смысловым содержанием, т. е. с номинацией. Процесс именования, таким образом, с одной стороны, связан с мышлением, поскольку репрезентирует мыслительные структуры, а с другой – непосредственно с языком и внешней, звуковой, морфемной, грамматической оболочкой слова. Связь внутренней формы слова с конечной номинацией осуществляется посредством мотивации, а точнее – посредством мотивационного признака, положенного в основу процесса именования. Мотивационный признак, таким образом, выступает своеобразным лингвокультурным и когнитивным кодом, обеспечивающим переход от мышления, от внутренней формы к внешней оболочке слова. На выбор мотивационного признака влияют экстралингвистические факторы. Объективируется мотивационный признак посредством номинативного суждения (см. Трофимович 2003).

Рассмотрим некоторые примеры. Различные графические обозначения эмоций при электронной или смс-переписке называются *эмотонами* (значки типа ☺, (: и др.). Данная номинация образовалась в результате слияния компонентов двух заимствованных из английского языка слов: *эмоция* и *тон*. Слово *тон* реализуется в данной номинации в значении 'оттенок речи, оттенок ее звучания' (здесь и далее значения слов приводятся по «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). Лексема *эмоция* реализована в данном слове в значении 'душевное переживание, чувство'. Перед нами, таким образом, сложное слово, формально образованное путем сложения усеченной основы слова *эмоция* и слова *тон*. Интересно, что в английском языке эквивалентного слова нет. Лексема *эмотон* является собственно русской, несмотря на то, что в ее образовании принимали участие заимствованные слова. Внутреннюю форму данной номинации можно репрезентировать фразой «потенциально звучащий эмоциональный оттенок письменной речи». Выявленная внутренняя форма объективирована лексемой *эмотон*, а ее мотивационный признак передается лексемами *эмоция* и *тон* (номинативное суждение – «тон эмоции»).

У пользователей Интернета очень популярно слово *быдло*. Интернет-энциклопедия Луркоморье так определяет значение этого слова: «*Быдло* – наименее разумная и наименее прогрессивная

форма жизни в Интернете... которая характеризуется низким интеллектом и отсутствием собственной точки зрения». Внутренняя форма «недалекий, малообразованный человек, не имеющий собственной точки зрения» передается лексемой *быдло*. Мотивационным признаком в данном случае выступает польское слово *bydło* со значением 'скот'. Выявление означенного мотивационного признака указывает на присутствие метафорического переноса при заимствовании данного слова из польского языка в язык современного Интернета. Дальнейшее осмысление приведенной номинации приводит к появлению наречия *быдло* в языке Интернета:

– Как-то сегодня тут очень *быдло*.

– Так день ВДВ!.. (Луркоморье).

Мотивационным признаком для наречия *быдло* выступает существительное *быдло* со значением, указанным в Луркоморье. Данная лексема настолько освоена интернет-сферой, что уже появились сложные слова с компонентом *быдло*: *...является большим ценителем сортирного юмора, Камеди-клуб и других быдло-КВН-ов; ...наша Быдларусь...* В последнем примере мы наблюдаем языковую игру, основанную на фонетической близости компонентов *быдл-* и *бел-*. Автор этой номинации, видимо, хотел указать на качество жизни и, если можно так выразиться, качество живущих в *Быдларуси*. Все приведенные слова новые для носителей языка, но они не нуждаются в дополнительном толковании. Постоянные пользователи Сети знают или быстро и безошибочно угадывают смысл, заложенный автором в ту или иную номинацию, поскольку они владеют необходимым лингвокультурным кодом. Этот код зашифрован в мотивационном признаке номинации и реконструировать его можно только через призму фоновых знаний. Так, рассмотрим составные номинации *светская львица* и *светская птица*: *Светская львица Ксения Собчак вцепилась и сильно потрепала светскую птицу... Анастасию Волочкову*. Создание составных номинаций, по сути перифраз *светская львица* и *светская птица*, обусловлено желанием краткого и меткого определения поведения и самой сущности героинь повествования. В данном случае при именованиях присутствуют метафора, основанная на сходстве поведения в свете одной героини повествования, и намек на стиль танца балерины А. Волочковой. Само высказывание строится по принципу антитезы. К подобным номинациям относятся также *поющий целлюлит*, *поющие трусы* (составные номинации современных эстрадных певиц), *гигант гламура* (речь о Сергее Звереве) и др.

Соотношение внутренней формы слова, лексического, ономазиологического, словообразовательного, грамматического значений слова. Внутренняя форма слова посредством мотивационного признака, избранного в процессе мотивации основополагающим для дальнейшего именования, участвует в формировании лекси-

ческого значения слова. Это нетрудно доказать методом от обратного: объясняя семантику лексической единицы, мы в первую очередь прибегаем к способу реконструкции внутренней формы слова. В случаях, когда внутренняя форма слова затемнена, т. е. слово подверглось действию процессов лексикализации, фразеологизации, при объяснении лексического значения мы используем этимологический анализ (см. Сидорова 2007).

Момент выбора мотивационного признака, который будет положен в основу именованного, очень ответствен. От него зависит дальнейшая судьба слова, сфера его употребления, эмоциональная окраска и т. д. На данном этапе реализуется *ономазиологическое значение* (см. Кожевникова 2007, 40), поскольку оно есть значение, выраженное посредством отношений, положенных в основу именованного, отношений, являющихся мотивационным признаком конкретной номинации.

На этапе оформления мысли в языковую, звуковую оболочку подключается словообразовательное значение, которое призвано избрать оптимальный словообразовательный способ выражения необходимой внутренней формы слова с учетом избранного мотивационного признака.

Слово с определенными лексическим, ономазиологическим и словообразовательным значениями попадает в сферу функционирования, где приобретает грамматические признаки и формирует свое грамматическое значение.

Например, в Интернете появился рекламный слоган «Закусай *«Кусалово»*», предлагающий покупателям новый продукт. Грамматическое значение лексемы *закусай* – повелительное наклонение глагола *закусать* (разг.) со значением ‘искусать, измучить укусами’. Видимо, продавцы все-таки хотели предложить *закусить* продуктом под именем «Кусалово», а в рекламе обыграть звуковое сходство. Однако в данном случае это оказалось не совсем удачно, поскольку глаголы *закусить* и *закусать* имеют разные значения. В данном случае уместнее было бы употребить глагол *закусить* со значениями ‘поесть немного’, ‘заесть выпитое’. Интересно проследить внутреннюю форму названия самого продукта – «Кусалово». Мотивационный признак данного слова может быть объективирован как «то, что кусают». Перед нами предметная номинация с объектным ономазиологическим значением.

В последнее время появляется много сложных слов с интересной внутренней формой. Например, *Маскабад* мало кому нужен без огромных денег в нем вращающихся... Речь идет о Москве. Номинация *Маскабад* получена в результате слияния слов *Москва* и *Исламабад*, которые и презентуют мотивационный признак номинации – «Москва как Исламабад». Перед нами предметная номинация с компаративным ономазиологическим значением (см. Кожевникова 2007, 40). Правильно объективировать мотивационный признак позволяют фоновые знания: наличие

большого количества жителей Востока в российской столице, по мнению автора, превращает Москву в восточный город. Еще подобный пример: *Как только у всеми любимой Люси Лущик жизнь наладилась, наша гламур-мурзилка мгновенно исчезла... со своими текстами*. Чтобы понять, о чем идет речь, следует вспомнить, что некоторое время телеведущая Л. Лущик вела страничку на одном сайте. Номинация *гламур-мурзилка* полностью отражает отношение автора к самой ведущей и к ее записям. Вспоминается детский журнал советского времени «Мурзилка» с веселыми детскими заметками и картинками. Первый компонент сложения отражает сущность самой Люси: гламур как образ жизни, который она декларирует. При образовании данной номинации использованы два слова: заимствованное – *гламур* и собственно русское слово со стилистически сниженной семантикой *мурзилка*. В результате получилась очень яркая эмоционально-сатирическая характеристика. Но в полной мере оценить ее можно, только владея лингвокультурным кодом. Не менее интересно слово *копираст* со значением ‘организации либо частные лица, пропагандирующие копирайт’. Речь идет о том, кто ворует интеллектуальную собственность. Это собственно русская предметно-личная номинация, поскольку может именоваться как лицо, так и организацию. Слово образовано при помощи слияния частей двух заимствованных слов *копирайт* и *педераст*, объективирующих его мотивационный признак. Лексемой реализуется соединительное ономазиологическое значение. Тождественное ономазиологическое значение имеет предметная номинация *флеш-моб* – слово-калька английского *flash mob* (‘толпа-вспышка’). В языке Интернета употребляется в том же значении, что и в языке-источнике: ‘заранее спланированная массовая акция, организованная средствами массовой коммуникации’. В результате сложения двух слов иностранного происхождения образовано слово *нефтедоллар*. Имеются в виде деньги, заработанные Россией на продаже нефти за доллары. Мотивационный признак данной предметной номинации может быть объективирован как «доллар, заработанный на нефти, т. е. нефтяной доллар». Ономазиологическое значение – определительное. Примеры номинаций с тождественным ономазиологическим значением и образованных при помощи слов иностранного происхождения: *блогосфера*, *шизокоммунист*, *интернет-персонаж* и др. Кроме того, в современном языке интернет-общения есть композиты с определительным ономазиологическим значением, образованные в результате сложения русских по происхождению слов, но, к примеру, разных по стилистической окраске: *хохло-рюсич*, *девьяностолохматый (год)*, *кремлядь*, *укрохомячки* и др. Современные интернет-журналисты (и не только) активно используют в своей речи медицинскую терминологию, правда обыгрывая зна-

чение привычных и хорошо известных терминов в интересах своей публикации. Например, слова *калосборник* и *калоприемник* у современных блоггеров обозначают отнюдь не санитарные емкости, а телевизор. В результате получилась яркая, сатирическая характеристика того, что зачастую показывают, по мнению автора, на голубом экране.

Например, в кунсткамере *КАЛумнистов сайта... очередное пополнение*. Нас интересует номинация *КАЛумнист*. В привычном написании *колумнист* – это человек, который ведет свою колонку, например, на сайте. Используя фонетическую и графическую игру, автор превращает это слово в характеристику того, как и что, по его мнению, пишет этот человек. Таким графическим оформлением он предлагает свое толкование происхождения данного слова: не от лексемы *колонка*, а от лексемы *кал*. Мотивационный признак данного слова может быть объективирован как «тот, который пишет кал (ерунду)». Идентичный пример: название рубрики в «Экспресс газете» *АНАЛИЗ вокала*. Предлагая такое написание слова, автор, по сути, создает новую номинацию-омофон известного анализа. Правда, читателю понятно, что этот *АНАЛИЗ* имеет свои методы. Номинации той же группы: *ОНОтолий* – обыгрывание имени Анатолия Вассермана. Как известно, этот интеллектual позиционирует себя как девственника. За это в Интернете его отнесли к среднему роду, что и отразилось в написании имени. Подобное обыгрывание применяется и в следующей заметке в одном живом журнале: «22 *КАНАЛа* (телевизионных. – А. М.) – это немало, но, безусловно, новости из Хрустального Сосуда радуют не всегда».

Таким образом, номинация – это процесс именования, а его результаты – номинативная единица, функционирующая в речи. Словообразование обеспечивает процесс именования, выступает его инструментарием. Мотивация – это ментальное обоснование связи внутренней формы слова и внешней его оболочки. Другими словами, внутренняя форма слова, существующая в сознании человека, объективируется в звуковой оболочке, а связующим звеном этой объективации выступает процесс мотивации и мотивационный признак. Последний объединяет в себе язык, мышление и культуру, являясь, таким образом, лингвокультурным и когнитивным кодом номинации.

Свобода общения в Интернете отразилась на полной свободе словотворчества тех, кто общается в сети. В результате можно наблюдать заимствования из других языков, свободное сочетание элементов разного происхождения в составе сложного слова, свободное сочетание элементов разной стилистической окраски в составе сложного слова, варьирование написанием слова с целью обыграть его значение. В условиях современного общества, когда роль СМИ и Интернета только возрастает, журналисты, блоггеры формируют так называемый «вкус эпохи» (см. Костомаров 1999), который не просто влияет на языковую норму, он формирует новую языковую норму (см. Кронгауз 2009). Игра становится образом мышления носителей сетевого языка иногда в ущерб правилам русского языка (*Закусай «Кусалово» и др.*). Однако здесь действует другое правило: максимально наполнить слово смыслом (лексическим значением, коннотацией, эмоциональной окраской и т. д.). Соблюдать его можно, используя адекватный лингвокультурный код – мотивационный признак. Специфика мотивационного признака (лингвокультурного кода) интернет-номинаций – НИЧЕМ НЕ ограниченная свобода в его выборе.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Л. Ю. Воздействие новых информационных технологий на русский язык: системно-языковая и культурно-речевая проблематика // *Словарь и культура русской речи*. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова (1900–1964). М., 2001. С. 131–148.
- Кожевникова А. А. Типология сложных слов в языке русской неделовой письменности XI–XVII веков (ономасиологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Мн., 2007.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр., доп. СПб., 1999.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Луркоморье: Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lurkmore.ru>. Дата доступа: 20.12.2007.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Н. Новгород, 2007.
- Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Мн., 2003.

Поступила в редакцию 20.03.09.

Антонина Александровна Матюнова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики.

О. Г. ЛАППО

ВЛИЯНИЕ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНОЙ СТАТЬИ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРЕДИКАТОВ (на материале белорусскоязычных лингвистических статей)

Посвящена изучению характера корреляций между композицией научного текста и спецификой функционирования в нем эпистемических предикатов. В центре внимания – композиционные сегменты «постановка проблемы» и «интерпретация полученных результатов», для которых характерна не только высокая частотность употребления предикатов исследуемой группы, но и богатый спектр эпистемических значений.

The article presents the results of studying correlations between scientific text composition and the character of epistemic predicates functioning. The attention is focused on two composition segments – «problem setting» and «interpretation of the results obtained», which excel not only in terms of frequency of the predicates studied, but also demonstrate the richest spectrum of epistemic meanings.

Как известно, эпистемические предикаты являются одними из ядерных средств обозначения ментальных состояний субъекта – знания, мнения, уверенности, предположения и т. д. (см. Беляева 1985; Паўлоўская 2001). Интерес к исследованиям специфики их функционирования в научном тексте обусловлен возрастающим вниманием к коммуникативным параметрам научной дискурсивной сферы: роли категории субъекта, механизмам адресации и авторефлексии, особенностям прагматики научного изложения и т. д. (см. Лапп 1990; Михайлюк 1996; Баженова 2002; Варгина 2003).

Анализ научных работ по данной тематике показывает, что на сегодняшний день предикаты ментальных состояний в контексте научного изложения рассматриваются в нескольких аспектах. В формально-структурном отношении синтаксических особенностей отмечается, что предикативные конструкции со значением знания и мнения являются по преимуществу безличными (см. Котюрова 1988, 171–173) и при этом характеризуются высокой степенью стереотипности (см. Кожина 2002, 23). На функциональном уровне эпистемические предикаты соотносятся с аксиологическим полем научного текста и изучаются как одно из средств выражения рациональной оценки (см. Котюрова 1988; Баженова 2002). Наконец, результаты исследований, проведенных в коммуникативно-прагматическом аспекте, позволяют заключить, что высказывания с предикатами мнения способствуют снижению безапелляционности научного изложения, предполагая альтернативность восприятия научной информации (см. Максимова 1993), и в то же время служат одним из средств убеждения адресата научного текста в достоверности последнего (см. Варгина 2003).

В то же время ряд особенностей употребления эпистемических предикатов в научном тексте изучен недостаточно. Например, открытым остается вопрос об особенностях распределения предикатов данной группы в композиционных частях текстов научного стиля.

В нашем исследовании под композицией понимается построение содержания научного текста по определенной схеме, обусловленной речемыслительными законами научной деятельности и коммуникативной установкой автора (см. Чернявская 2005, 69). Экстралингвистическим основанием, определяющим особенности композиционного строения, мы вслед за В.Е. Чернявской считаем фактор формирования знания, который детерминирует последовательную смену композиционных единиц, отражая в композиции текста основные этапы познавательной деятельности ученого. В качестве единицы композиции принимается композиционно-прагматический сегмент (КПС) как «выраженный на поверхностном уровне частный компонент глубинного смыслового

уровня текста» (Там же). Типовая модель композиции научно-исследовательской статьи представлена такими основными КПС, как «введение темы», «история вопроса», «постановка проблемы», «выдвижение гипотезы», «интерпретация результатов исследования», «выводы» и «научный прогноз».

Принимая во внимание тот факт, что композиционная структура определенным образом может влиять на внутритекстовое распределение различного рода единиц (см. Очерки 1994, 53), можно предположить наличие корреляций между композицией научного текста и спецификой отбора и распределения в нем предикатов знания и мнения. Для подтверждения данной гипотезы было проанализировано более 240 контекстов из белорусскоязычных статей лингвистической тематики, отобранных методом сплошной выборки из журнала «Беларуская лінгвістыка» за 2005–2008 гг.

Анализ контекстов показал, что эпистемические предикаты распределены по тексту статьи неравномерно. По количеству представленных в сегменте предикатов все КПС можно условно разделить на три группы:

а) КПС с низкой частотностью употребления эпистемических предикатов: их в таких сегментах не более 3 % от общего числа – к данной группе относятся КПС «введение темы», «история вопроса», «прогнозирование» (в данном случае приведены только те КПС, в которых мы зафиксировали употребление эпистемических предикатов; в связи с этим за рамками нашего исследования остались такие композиционные фрагменты, как «формулировка целей и задач» и «описание процедуры исследования»);

б) КПС со средней частотностью употребления исследуемых предикатов – от 3 до 10 % (КПС «выдвижение гипотезы» (3,7 %) и «выводы» (5,1 %));

в) КПС с высокой частотностью употребления предикатов ментальных состояний (больше 10 %); в наибольшей степени они представлены в сегментах «постановка проблемы» (43,6 %) и «интерпретация результатов исследования» (42 %).

Полученные данные позволяют констатировать, что эпистемические значения, выражаемые предикатами, чаще всего встречаются в текстах статей на этапе постановки проблемы, а также в ходе интерпретации результатов исследования. Более детальное исследование КПС «постановка проблемы» и «интерпретация результатов ис-

* Стараясь следовать терминологии, предложенной В.Е. Чернявской, мы тем не менее внесли некоторые изменения в названия ряда сегментов для более корректного отражения характера обозначаемых этапов. Так, например, сегмент, в рамках которого изучаемая проблема подвергается всестороннему рассмотрению, нам представляется более логичным обозначить как этап «постановки проблемы», в то время как авторское название «формулировка проблемы», на наш взгляд, не вполне отражает суть описываемого этапа.

следования» показало, что, хотя высокая частотность употребления эпистемических предикатов характеризует оба сегмента, вызвана она различными причинами.

В КПС «постановка проблемы» столь значимый количественный показатель (43,6 %) объясняется объективной необходимостью в привлечении различных исследовательских позиций для всестороннего представления проблемной ситуации. При таком интертекстуальном «уплотнении» научное изложение принимает «форму полилога и сложного соотношения точек зрения» (Кожина 1986, 71). Экспликация авторской позиции в таком полилоге предшествует, как правило, представлению точек зрения других исследователей, а также изложение общенаучного взгляда на проблему (ср. понятия основного, частного и коллективного субъекта в концепции М.В. Максимовой (см. Максимова 1993, 9)). Как показал анализ фактического материала, все три субъектные позиции на этапе постановки проблемы могут вводиться при помощи эпистемических предикатов, при этом для каждой из них характерен свой способ эпистемического выражения.

Для представления общенаучного взгляда на проблему исследования в данном КПС могут использоваться предикаты знания: *Вядома, што функцыянаванне марфалагічных катэгорый лексічна абмежаванае* (БелЛ, 2008, № 61, с. 9). Свойство фактивности предикатов знания, подразумевающее истинность подчиненной пропозиции (см. Арутюнова 2002), объясняет высокую востребованность этих предикатов в контексте изложения информации, истинность которой не вызывает сомнения у специалистов данной исследовательской области. В то же время положения, имеющие статус общепринятых, могут также предваряться предикатами мнения: *Лічыцца, што граматычныя адрозненні абумоўлены адрозненнямі ў канцэптуалізацыі* (БелЛ, 2005, № 56, с. 76).

Другая субъектная позиция (позиция частного исследователя), представляющая альтернативное мнение, вводится исключительно путативными эпистемическими предикатами, и прежде всего предикатом *лічыць*: *І.Р. Міласлаўскі лічыць, што лік назоўніка выдзяляецца як марфалагічная катэгорыя на аснове сінтаксічнага элемента значэння* (БелЛ, 2005, № 56, с. 79). Если частная позиция отражает взгляды целой исследовательской группы, мнение приобретает обобщенный характер: *У гэтым сэнсе можна пагадзіцца з даследчыкамі, якія лічаць, што ўстойлівыя адзінкі мовы спрыяюць захаванню моўнага багацця ў нязменным стане* (БелЛ, 2008, № 61, с. 12).

Кульминационной точкой этапа постановки проблемы служит экспликация собственно авторской позиции, для выражения которой так же, как и в случае с частной точкой зрения, исполь-

зуются предикаты мнения: *Значным дасягненнем сучаснай тэорыі намінацыі мы лічым, насуперак, яе накіраванасць на пошукі ўсіх сродкаў намінацыі* (БелЛ, 2006, № 57, с. 4).

Особенностью предикативного ряда, используемого для выражения авторской позиции, является богатство эпистемических значений, которое «позволяет выразить оценку достоверности содержания мысли с учетом тончайших нюансов» (Котурова 1988, 64). Среди таких значений – различные оттенки категоричной уверенности: *Так ці іначай відавочна адно: матывацыйныя адносіны паміж часцінай мовы, якая выражае працэсуальнасць, і лексіка-граматычным разрадам слоў са значэннем прадметнасці становяцца больш цеснымі і багатымі* (БелЛ, 2006, № 57, с. 72); *Бясспрэчна, што асноўнай прыметай вызначэння міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці неабходна лічыць супадзенне змястоўнага боку суадносных ФА* (БелЛ, 2007, № 60, с. 120), а также значения мнения-оценки (см. Дмитриевская 2003; Зализняк 2006) различной степени субъективности и категоричности: *Таму адным з асноўных словаўтваральных спосабаў тэрміналагічных найменняў можна лічыць семантычны* (БелЛ, 2007, № 59, с. 73); *Нам падаецца вельмі лагічным сістэматызаваць феномены аднаго моўнага ўзроўню на аснове катэгорый другога, больш агульнага* (БелЛ, 2007, № 59, с. 18).

Для КПС «интерпретация результатов исследования» совокупность факторов, обуславливающих функционирование эпистемических предикатов, несколько иная. Здесь, как и в КПС «постановка проблемы», наблюдается усложнение субъектной схемы, однако количество словоупотреблений предикатов, маркирующих интертекстуальные отсылки к другим исследовательским позициям, незначительно (около 15 %). Кроме того, меняются условия включения другой субъектной позиции в текст, будь то положение частной концепции или общепринятая точка зрения. Если на этапе постановки проблемы все слагаемые субъектной схемы относительно равноправны, то в исследовательской части статьи мнение других исследователей, как правило, имеет характер дополнительного комментария, например: *Акрамя таго, традыцыйна прынята лічыць, што менавіта людзі сталага ўзросту з'яўляюцца захавальнікамі нацыянальна-моўных традыцый* (БелЛ, 2005, № 56, с. 52).

Увеличение количества эпистемических предикатов на этапе интерпретации результатов исследования связано главным образом с акцентированием авторской позиции. Сложно переоценить роль авторского начала в ходе представления результатов исследования: тщательный анализ материала автором и последовательная интерпретация полученных данных являются обязательным условием успешного научного ис-

следования. На уровне текста подчеркнуть авторство точки зрения на тот или иной аспект проблемы, не акцентируя при этом авторское «я», помогают эпистемические предикаты. При этом авторская позиция так же, как и на этапе постановки проблемы, характеризуется широким спектром эпистемических смыслов, таких, например, как констатация высшей степени уверенности: *Пры тэксталагічным даследаванні становіцца відавочным, што ўсе тры тэксты ўзыходзяць да аднаго арыгінала* (БелЛ, 2006, № 57, с. 42); мнение-предположение с различной степенью уверенности: *Як нам здаецца, маркіраванымі таксама патрэбна лічыць тоны, колькасныя параметры якіх дасягаюць верхняй гранічнай пазіцыі на шкале градацый* (БелЛ, 2008, № 61, с. 114); *У прыватнасці, падобна, што асобныя адзінкі, як даўнія запазычання, паступова звужалі свае семантычныя магчымасці, саступаючы на адраджэнскай хвалі пазіцыі на карысць беларускай мовы* (БелЛ, 2006, № 58, с. 83); вероятность: *Аднак больш верагодна звязваць яе па базавай аб'ектывацыі з азначэннем паводле «кожа», інакш кажучы, з прыметнікам «кожаны»* (БелЛ, 2006, № 57, с. 26).

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет заключить, что экспликация различных субъектных позиций в ходе научного изложения обуславливает высокую частотность употребления эпистемических предикатов. В то же время привлечения одного фактора субъекта недостаточно, чтобы объяснить некоторые качественные изменения в функционировании эпистемических предикатов на протяжении развертывания текста статьи. Остается неясным, например, почему набор и особенности предикатов, используемых для экспликации одной и той же субъектной позиции, являются разными для различных КПС. Для того чтобы установить причину изменений такого рода, проследим, как на протяжении текста меняется спектр эпистемических значений, характеризующих позицию автора научного текста – наиболее показательную в отношении богатства семантики эпистемических предикатов.

На этапе постановки проблемы автору необходимо соотнести имеющиеся в проблемной области знания, оценить их и сформулировать свою исследовательскую позицию. Оценка становится ключевым моментом, определяющим общую эпистемическую тональность данного сегмента, которая выражается в ряде особенностей употребления эпистемических предикатов.

1. Прежде всего это частое использование предиката *лічыць* (65 % от числа предикатов в данном КПС); такой выбор значим, поскольку разновидность мнения, которую реализует данный предикат, – это мнение-оценка (по аналогии с русскоязычным предикатом *считать*, оценочный характер которого подробно описан в работах М.А. Дмитриховской (см. Дмитриховская 2003) и

А.А. Зализняк (см. Зализняк 2006)): *Мы лічым, што нельга разглядаць інтэрфіксы як самастойныя адзінкі, таму што інтэрфіксацыя, па-першае, не рэгулярная з'ява* (БелЛ, 2006, № 58, с. 118); *Калі разглядаць адыменныя дзеясловы з гэтага пункту погляду, то іх можна лічыць менавіта праяўленнем працэсу дзеяслоўнай экспансіі* (БелЛ, 2006, № 57, с. 73).

2. Для КПС «постановка проблемы» характерно наличие контекстов, в которых эпистемическое значение тесно связано с аксиологическим, что выражается в сочетаниях 'предикат мнения + оценочное слово', например: *Аптымальным здаецца такі падыход, які будзе ўлічваць як фармальныя, так і функцыянальныя характарыстыкі* (БелЛ, 2005, № 56, с. 80); *Нам падаецца вельмі лагічным сістэматызаваць феномены аднаго мойнага ўзроўню на аснове катэгорый другога, больш агульнага* (БелЛ, 2007, № 59, с. 18). Интересно отметить, что роль предиката в подобных случаях сводится не к выражению невысокой степени уверенности (что предполагает семантика подобных предикатов, ср. значение предиката «падавацца» в функции пропозициональной установки: *У некаторых выпадках падаецца, што канструкцыі з рознымі дзеясловамі карэлююць з рознымі аналітычнымі і сінтэтычнымі канструкцыямі* (БелЛ, 2006, № 58, с. 43)), а скорее к смягчению категоричности оценки.

3. К числу особенностей мы также относим высокую частотность предиката «відавочна» (30 %), в значении которого эпистемический смысл является полуфактивным и, таким образом, предполагает наивысшую степень уверенности автора в оценке представляемых положений: *Відавочна, што матэрыял перакладаў у найбольшай ступені падыходзіць для супастаўляльнага вывучэння* (БелЛ, 2008, № 62, с. 54).

По мере развертывания текста коммуникативная задача, решаемая автором в ходе представления материала, меняется: на этапе интерпретации полученных результатов основной целью становится толкование полученных в ходе исследования фактов. Оценка при этом по-прежнему играет важную роль, однако ее характеризуют другие эпистемические параметры. Объектом авторской оценки в исследовательской части становятся не концепции, а факты, которые обнаружены в результате исследования; как следствие, эпистемическая установка автора характеризуется большей степенью обоснованности. Такая коммуникативно-содержательная специфика данного текстового этапа обнаруживает себя в ряде особенностей употребления эпистемических предикатов:

а) предикаты-мнения могут сопровождаться модальными маркерами объективной необходимости *нельга/трэба* и др.: *Безумоўна, словы такога тыпу нельга лічыць запазычаннямі, а*

можна кваліфікаваць як лексічныя сродкі, ужытыя пад уплывам літоўскай мовы (БелЛ, 2007, № 60, с. 19); *Прыказкі другой групы таксама трэба лічыць вобразнымі, ці, лепей сказаць, часткова вобразнымі, бо ў іх няма скразнога пераасэнсавання* (БелЛ, 2007, № 59, с. 9);

б) по-прежнему характерным является употребление предиката «*відавочна*» (33 % от количества предикатов в КПС «интерпретация результатов исследования»), однако в сегменте, основное содержание которого – интерпретация результатов исследования, этот предикат служит для констатации очевидности того или иного положения: *Відавочна, што ў дадзеных выпадках ужо арыгінал значна больш экспрэсіўны, чым пераклад* (БелЛ, 2007, № 60, с. 94);

в) главной отличительной особенностью данного КПС является то, что эпистемическая оценка материала на данном этапе представляет собой базу для заключений более общего характера. Позиция автора в подобных заключениях представлена преимущественно контекстами с предикатом *меркаваць*, который реализует значение мнения-предположения (см. Паўлоўская 2001; Чернявская 2005) и, таким образом, маркирует итоговые авторские обобщения: *На падставе гэтага можна меркаваць, што ў тагачасным беларускім маўленні шырокаўжывальнымі з'яўляліся абедзве формы, аднак іх пашырэнне было рэзглянальным* (БелЛ, 2008, № 62, с. 142).

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что влияние композиции текста статьи на функционирование эпистемических предикатов проявляется прежде всего в их количественном преобладании в двух композиционных сегментах: «постановка проблемы» и «интерпретация полученных результатов». Высокая частотность предикатов ментальных состояний в КПС «постановка проблемы» обусловлена использованием сложной субъектной схемы, включающей три субъектные позиции – общенаучную, частную и авторскую. Экпликация авторской позиции, которую в отношении исследуемых предикатов отличает самый богатый спектр оттенков эпистемических значений, на этапе изложения проблемной ситуации имеет подчеркнуто оценочный характер.

Причиной частого употребления эпистемических предикатов в КПС «интерпретация полученных результатов» является потребность в авторском комментировании результатов исследования и их логическом обобщении. Особен-

ностью выражения позиции автора на данном этапе научного изложения является то, что наряду со значением мнения-оценки широко используются предикаты, выражающие мнение-предположение; при этом обе разновидности авторского мнения в рамках данного КПС отличает высокая степень обоснованности.

Сокращения

БелЛ – Беларуская лінгвістыка. 2005. № 56; 2006. № 57, 58; 2007. № 59, 60; 2008. № 61, 62.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). 2-е изд., стер. М., 2002.

Баженова Е.А. Рефлексивные структуры в научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 164–185.

Беляева Е.И. Эпистемическая модальность // Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985. Гл. 3. С. 126–167.

Варгина Е.И. Убеждение адресата в достоверности сообщения в научном тексте // Диалектика текста: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. Гл. 4. С. 95–123.

Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003. С. 47–55.

Зализняк А.А. Семантика предикатов внутреннего состояния // Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. Ч. 2. С. 421–672.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи: Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1986.

Кожина М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 22–39.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988.

Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1990.

Максимова М.В. Стилистические параметры текстовой модальности (на материале английских научно-лингвистических теоретических монографий): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Михайлюк Т.М. Специфика научного текста в аспекте категории адресованности (сопоставительный анализ французских и русских научных медицинских текстов). Барнаул, 1996.

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М.Н. Кожинной: В 3 т. Пермь, 1994. Т. 1.

Паўлоўская Н.Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове. Мн., 2001.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2005.

Поступила в редакцию 23.04.09.

Оксана Геннадьевна Лаппо – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ Е.Г. Задворная.

Дискусии

О книге академика РАН Ю.С. Степанова «Концепты: Тонкая пленка цивилизации» (М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.)

С.М. ПРОХОРОВА

КОНЦЕПТ – ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ?

Автор статьи разделяет мнение, изложенное в книге Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», о том, что ядром гуманитарной науки является концептология, а концепт – главный объект этой науки.

The author of the article shares the opinion, stated in the book «Concepts. A Thin Film of the Civilization» by Uri Stepanov, consisting in that the core of the humanities is the conceptology, as a concept is the main object of these sciences.

В своей книге «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» Ю.С. Степанов утверждает, что концепт является главным объектом гуманитарной науки, которую он также относит к своеобразным концептам (см. Степанов 2007, 12).

Книга Юрия Сергеевича, по сути, посвящена становлению гуманитарной науки, о чем свидетельствует и сам автор. Он замечает, что ее можно было бы назвать «Гуманитарная наука сегодня», если учесть, что «на наших глазах создается всеобщая гуманитарная наука» (Степанов 2007, 12–13). Ядром этой науки и одним из важнейших ее составляющих, как считает Юрий Сергеевич, является *концептология*, основным объектом изучения которой, в свою очередь, является *концепт*, да и сама наука, по мнению Ю.С. Степанова, – своеобразный концепт. В силу этого автор предпочел название «Концепты. Тонкая пленка цивилизации». Название книги – тонкая концептуальная метафора, что по заслугам оценивается читателем книги. Анализируемая книга, в свою очередь, – раскрытие заглавия – концептуальной метафоры.

Называя концепт главным объектом гуманитарной науки (см. Степанов 2007, 15), автор посвящает часть монографии описанию истории становления гуманитарной науки, подчеркивая, что «понятие гуманитарной науки – само своеобразный концепт» (Там же, 12).

Гуманитарная наука, считает автор вслед за Б. Расселом, «пронизана связями и ментальными ассоциациями» (Там же), это наука о человеке, а язык и языковая картина мира коррелируют с картиной мира, в связи с чем автор в сильной позиции – начале текста – обращает читателя к метафоре Паскаля, которая гласит: *граница мира – нигде, а его центр – везде*. По Ю.С. Степанову, «представить себе это лучше всего в виде именно шара, сферы. Она не ограничена в пространстве нигде, но центр этой сферы – внутренний мир человека, там, где он, то есть везде» (Степанов 2007, 11).

В Институте языкознания РАН (Москва) в 2006 г. была проведена конференция «Гуманитарная наука сегодня», на которой подробно освещался этот, по Степанову, своеобразный концепт (см. Степанов 2006).

Так как концепт является основным объектом изучения концептологии и входящей в ее состав концептуальной лингвистики, остановимся на этом вопросе.

Как известно, концепт выявляется не только на вербальном уровне, в связи с чем книга Юрия Сергеевича снабжена иллюстрациями картин, нотами и другим материалом. Монографию можно отнести к современным типам междисциплинарного научного текста, это не «чисто лингвистический» текст, он относится к научной парадигме XXI в.: автор цитирует представителей разных наук, стирает грань между наукой и искусством. К примеру: «Александр Скрябин в начале XX века начал создавать “цветомузыку”, Стефан Малларме – “словомузыку”... Его ученик Поль Верлен развил эти идеи в разных отношениях» (Степанов 2007, 13). И сам Ю.С. Степанов еще в 1975 г. напечатал статью «Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики» (см. Степанов 1975).

Концепт, по Ю.С. Степанову, – это не только имя, но «часто просто фраза, целое высказывание, даже, может быть, музыкальное или живописное произведение, картина» (Степанов 2007, 200). По мнению автора, концепты несут в себе нечто глубинное (см. Степанов 2002). Говоря о *прозрачности знака*, Юрий Сергеевич считает, что человек последовательно снимает его слои до последней точки, что аналогично сдиранию кожи. Концепт, подчеркивает Ю.С. Степанов, – тонкая пленка движения людей, исторических движений (см. Степанов 2007, 208). Кстати, в книге подробно рассматривается концепт *история*.

Конечно же, Ю.С. Степанов не приводит в одном месте исчерпывающего определения концепта, а характеризует его на протяжении всей книги, что отвечает современной научной парадигме. В разд. II «Концепт» находим четыре подрубрики: Концепт. Предварительное определение; Концепт в «научном» и «ненаучном», в гуманитарной науке вообще. Трудность проблемной ситуации; Шокирующие термины «так называемое научное», «так называемое художественное». Кавычки как «вакцинация» при употреблении термина; Одна базовая синонимия концеп-

тов: концепт как «общечеловеческое, вненациональное» естественно тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному».

Проблема национального концепта представлена в разд. IV. Отметив, что «у концептов нет национальности в обобщенном смысле, “национальности по паспорту”», Ю.С. Степанов замечает: «...но у концепта есть “родной дух”, запечатленный привычным и любимым образом мысли и часто каким-нибудь одним человеком в одном каком-нибудь месте, где так говорят, так слушают, так смотрят...» (Степанов 2007, 63). Приводя примеры, автор называет Беларусь, Испанию, Францию. «Национальный дух», по мнению Юрия Сергеевича, «в белорусском Полесье, серых белорусских глазах, опечаленных Чернобыльской отравой» (Степанов 2007, 63).

Автор фиксирует еще одно национальное отличие концептов, их тип краткости: «Концепт всегда, по сравнению с развернутым текстом, есть нечто краткое, есть минимализация. Но у нее разные национальные типы» (Степанов 2007, 63).

Далее Ю.С. Степанов вслед за Ю.И. Айхенвальдом указывает, что концепт можно рассматривать как жанр словесности типа эссе (см. Степанов 2007, 64). Смысл минимализации, по Ю.С. Степанову, в том, что она заменяет обширные авторские тексты их сжатым изложением, компрессией текста, тем, что по-английски принято называть «digest» (см. Степанов 2007, 64). При этом Юрий Сергеевич подчеркивает, что «минимализация – неизменный культурно-исторический процесс» (Там же). Объем статьи не позволяет отметить все выделенные Юрием Сергеевичем особенности национальных концептов, но невозможно не обратить внимание на то, что, по Степанову, «все концепты, приписываемые как общепринятое какой-либо культуре, неоспорны, они идут в ранге пословиц и поговорок» (Степанов 2007, 66).

Говоря о концептуализации личного имени, Ю.С. Степанов считает, что здесь необходима опора на треугольник Фреге – Черча, приращении которого концепт занимает место денотата (Там же).

В настоящее время исследователи знают, что концепт так же трудно определяется, как слово и предложение, но вместе с тем можно описать типы и виды концептов, даже если их трудно определить.

Ю.С. Степанов разрабатывает проблему *большого концепта*. Он считает, что большие концепты имени не имеют, они вне времени (см. Степанов 2007, 193). В больших концептах происходит наложение одного концепта на другой, они частично перекрывают друг друга. «Концы – начала – характерная черта больших концептов» (Там же). В книге проанализировано несколько больших концептов, в том числе *любовь*

и голод движут миром, в котором автор анализирует две доминанты – *любовь* и *голод*.

Авторы, занимающиеся описанием концептов, ищут адекватные способы представления их разновидностей, предлагают разные модели интерпретации концептов (см. Яковлева 1994) или способы их профилирования (см. Бартминьский 2005). Истоки описания концепта некоторые авторы относят к средневековью и, в частности, связывают с именем схоласта Пьера Абеляра, ссылаются также на других авторов. Исследователи могут возводить концепт к *conceptum* или *conceptus*, последний считают соответствующим «зачатый» или «зернышко». Примеры можно множить. Разные подходы способствуют трудному приближению к такому сложному явлению, каким является концепт.

Опираясь на популярное среди концептологов представление о *conceptus* «зернышко», белорусский исследователь Н.А. Погребная выделила особый тип концепта, который назвала антонимическим. Под антонимическим концептом исследователь понимает такой концепт, колебание смысла архисемы которого происходит между компонентами ядра, состоящего из антонимической пары. В лингвистической литературе его можно обозначить через тире и считать одной концептуальной единицей. На поверхности языка концепт представлен антонимической парой, но в языковой картине мира он не сводится только к ней, а разворачивается на уровне *conceptum* как объемная единица. Продолжение концепт находит в наивной картине мира, в авторских, индивидуальных и других картинах мира. Антонимическая пара в качестве ядра (основы антонимического концепта в целом) организует содержание антонимического концепта в кодифицированном языке, наивной и других картинах мира.

Концепт, колебание смысла архисемы которого происходит внутри языковой единицы, служащей для его вербализации, рассматривается Н.А. Погребной как подтип антонимического – энантиосемический (см. Погребная 2006, 10).

Базовые компоненты концептов в кодифицированном литературном языке являются антонимами на основе общей архисемы. В наивной картине мира эта архисема расширяет свое значение настолько, что подчиняет себе все понятия, попадающие в семантические поля концептов. Элементы ядра могут быть осмыслены, по мнению носителей наивной картины мира, только при сопоставлении друг с другом, а содержание одного из элементов противоположно всему содержанию второго. Явление не мыслится без своей противоположности. За счет такого слияния достигается объемность мыслимого концепта, ведущая к целостности общей картины мира. Таким образом, реализуется основная цель наивной картины мира: количество ответов и количество вопросов совпадает. При этом в части па-

ремию могут выступать национально-культурные компоненты антонимической пары (см. Погребная 2006).

Опора на *conceptus* «зернышко» помогла Погребной рассматривать этот концепт как одну из основ формирования языковой картины мира в целом. При этом Погребная рассматривает и функционирование такого типа концепта в наивной картине мира двух языков – русского и английского. В силу большого объема наивной картины мира исследователь останавливается только на пословичной картине мира (термин см. Иванова 2003). Выделение такого типа концепта открывает читателю новый принцип рассмотрения языковой картины мира. В доказательство приведем интересные примеры из работы Погребной.

Доминантное для русской языковой картины мира понятие *дело* выступает как качественная характеристика жизни человека. Языковая единица *business*, соответствующая русскому слову *дело*, имеет концептуальное отличие, она включает в себя только юридическую сферу и деловые предприятия. А вот сема «дело жизни» входит в состав лексемы *calling*, соответствующей русскому значению «призвание» (Погребная 2006, 57–58).

Общей чертой концептуализации является то, что в содержание исследованных концептов втягиваются такие концепты, как *мастерство – ученичество*, *хитрость*, и их английские соответствия, которые становятся точкой пересечения антонимических концептов *труд – безделье / work – idleness*, *труд – досуг / work – leisure*, *праздники – будни / holiday – weekday* и концептов *ум – глупость / wit – foolishness* (Погребная 2006).

Интересно, к примеру, обращение Погребной к антонимическим концептам с компонентом *труд*, который образует две концептуальные противоположности и, следовательно, входит в состав двух антонимических концептов: *труд – безделье / work – idleness*, *труд – досуг / work – leisure*. Исходя из функционирования в русской и английской пословичной картине мира, автор сделала выводы о различии архисем, лежащих в основе данных концептов: в основу первого легла архисема наличия или отсутствия деятельности, а в основу второго – архисема наличия двух альтернативных видов деятельности (см. Погребная 2006).

Обращает на себя внимание и то, что Погребная в состав антонимического концепта включает и синонимы, что в какой-то степени коррелирует с представлениями Ю.С. Степанова об учете базовой синонимии концептов (см. Степанов 2007, 23). В связи с этим интересны наблюдения Погребной о синонимии и антонимии таких понятий, как *дело*, *халтура*, *шабаш*, *хитрость*, *мастерство*, *работник*. Например, существительные со значением лица в русском кодифицированном языке можно разделить на два синонимичных ряда.

Общим значением синонимичных слов *трудолюб*, *трудолюб*, *труженик* и *трудоголик* является «трудолюбивый человек», но различны степень проявления основного общего признака и его восприятие носителями языка. Существительные *работник (работница)* и *работяга* также обозначают человека, однако разница заключается в том, что первое по значению соотносится с видом деятельности, а второе – с отношением к труду (см. Погребная 2006, 47).

Н.А. Погребная обращает внимание на то, что энантиосемический концепт *хитрость* находит соответствие в английском языке, а энантиосемический концепт *халтура*, входящий в состав антонимического концепта *труд – безделье*, *труд – досуг*, *праздники – будни*, соответствия в английском языке не находит, употребляются описательные конструкции. Исследователь отмечает, что для обозначения, например, халтуры в литературе и искусстве используется словарная единица *potboiler* (буквально «кипяильник») (см. Погребная 2006, 58).

Исследования, аналогичные проведенному, открывают перспективу как для дальнейшего рассмотрения базовой синонимии концептов, так и соотношения синонимии и антонимии в языковой картине мира.

Возвращаясь к анализу книги Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», следует еще раз напомнить, что анализируемая книга помогает читателю приблизиться к этой трудной теме. Как всегда, новая работа Ю.С. Степанова оказывает большое влияние не только на развитие науки, но и на выработку новых научных типов текстов, под влиянием которых появились лингвистические работы с эпиграфами, тексты-диалоги и т. п.

Если говорить о соотношении диктума и модуса в рассматриваемой книге (см. Балли 1955, 3–14), нам исключительно симпатична позиция автора книги в отношении оценочного модуса. Если для части пишущих обычным делом является критика непрецедентных авторов, то Юрий Сергеевич этого не делает практически никогда. Как в любом научном тексте, в книгах Ю.С. Степанова оценка коррелирует с прецедентностью. Анализируемую книгу пронизывает положительная оценка; непрецедентных авторов Юрий Сергеевич просто не упоминает. Отрицательная оценка присутствует в примере: «Л. Витгенштейн применил “теорию волн” 1872 г. (не упоминая ни концепции, ни ее автора) к своей концепции “семейных свойств”» (Степанов 2007, 30).

Книга Юрия Сергеевича «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» может быть образцом для молодых ученых и в плане соотношения положительной и отрицательной оценки, и в отношении исследовательской работы в русле гуманитарной науки, в центре которой, по мнению Ю.С. Степанова, находится концептология. Нельзя не согла-

ситься с автором книги в том, что концепт является главным объектом гуманитарной науки. Дальнейший анализ концептов – одна из насущнейших задач XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
 Бартминьский Е. Языковой образ мира. Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
 Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.
 Погребная Н. А. Антонимический концепт в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2006.

Степанов Ю. С. Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 3. № 1.

Степанов Ю. С. Функции и глубинное // Вопросы языкознания. 2002. № 5.

Степанов Ю. С. Вступительное слово к Конференции // Гуманитарная наука сегодня: Материалы конф. (Москва, 30–31 окт. 2006 г.). М., 2006.

Степанов Ю. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.

Поступила в редакцию 14.11.08.

Светлана Михайловна Прохорова – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики.

От редколлегии. Из статьи С.Н. Зенкина «Россия, Франция, семиотика»

Публикуя отклик профессора С.М. Прохоровой на книгу академика Ю.С. Степанова и надеясь на продолжение дискуссии «о концептах», предлагаем читателям несколько суждений об этой книге, высказанных доцентом Российского государственного гуманитарного университета С.Н. Зенкиным в статье «Россия, Франция, семиотика» (журнал «Новое литературное обозрение», 2008, № 92 (4), с. 290–299). В книге Ю.С. Степанова автор видит эссеистический «русский дискурс», созвучный идеям знаменитых французских семиотиков.

[1] Если монография Греймаса и Фонтаня с ее тяжеловесно-методическим развитием мысли и эзотеричной терминологией способна привести в отчаяние ученого-чужака, выходца из другой дисциплины, именно своим избытком дисциплинарной строгости, то новая книга Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», наоборот, совсем не стремится к методической точности, к последовательным и проверяемым утверждениям. Она представляет собой скорее «русский дискурс» – таким анаграмматическим термином называют неоднородную эссеистическую продукцию, которая толкует обо всем сразу и которую в свое время хорошо охарактеризовал русский классик: «Широк человек – я бы сузил» (с. 293).

[2] Постулируя в начале своей книги «всеобщую гуманитарную науку, или новую всеобщую антропологию, объединяющую разные виды искусств и разделы наук о них» <...> Степанов не пытается построить для нее систематический метаязык; наоборот, он прямо признает, что «наша книга вся состоит из свидетельств-текстов», то есть из фрагментов языка-объекта, которые лишь иллюстрируют остающиеся неопределенными понятия. Центральное из этих понятий – «концепт» – задается не столько дефиницией, сколько дейксисом: приведя очередную цитату (часто очень длинную, на несколько стра-

ниц – целую поэму Тимура Кибирова, почти целиком рассказ Юрия Казакова; но также и математические выкладки, и статистические таблицы, и нотную запись пьесы Баха, и репродукции картин), автор часто никак ее не комментирует, словно ограничиваясь указательным жестом: «вот это концепт», вместо того чтобы утверждать: «Здесь есть концепт» – и объяснять, в чем именно он заключается (с. 293).

Впрочем, сказав, что концепт совсем не определяется в книге, я погрешил бы против истины; на самом деле ему дается целый ряд определений, просто все они частичные, метафорические. Концепт определяется – то есть скорее описывается – как «тонкая пленка»; как «понятие, расширенное в результате всей современной научной ситуации» и подлежащее не определению, а переживанию (оно «включает в себя не только логические понятия, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных явлений и ситуаций») (с. 293–294).

[3] Концепт обладает интерсубъективной природой, в частности «концепты можно *посвящать*». В концептах «нет «знания» без «эмоций»», и для них характерна «трудность именования»; самые большие (самые общие?) концепты вообще обходятся «без имени», но тут же сочувственно цитируются слова С. Булгакова об именах как «словесных образах бытия» и «их осуществлении». <...> Еще сообщается, что художественный концепт «стремится окружить себя какими-то концептами других авторов, быть рядом с ними, в контактах с ними, – одним словом, он *создает себе контекст*», – то есть концепты включены в некий процесс взаимопритяжения и даже взаимопорождения («тонкая пленка» лечит, затягивает сама себя») (с. 294).

[4] Не правда ли, любопытный объект складывается из всех этих частичных дескрипций? Атомарный – но «создающий себе контекст», не совсем образ – но больше, чем понятие, межличностный – но часто и общенациональный (как

ряд разбираемых в книге концептов разных национальных культур), чисто формальный по природе – но и эмоционально насыщенный. <...> Перед нами действительно некая существенная интуиция, которой ученый настойчиво и как-то безнадёжно ищет внятное понятийное имя (с. 294).

Обсуждение книги Ю.С. Степанова автор заканчивает следующим примечанием (из которого мы процитируем начало):

«Другим недостатком книги – тоже, впрочем, имеющим отношение к истории, к исторической точности, – является дурная вычитка. Непонятно, кого в ней больше винить, автора или редактора, но из-за нее в книге часто встречаются неувязки

и ляпсусы. То говорится, что сборник Чехова “Сумерки” был переиздан “в последние годы <...> в издании “Литературные памятники”, 1986 г.”; возможно, автор использовал какой-то свой старый текст, когда 1986 год действительно был еще недавним... То баллада Жуковского “Кубок” названа “Поликратов перстень”, или же говорится о короле “английском Эдуарде VI, убийце нескольких своих жен” (вероятно, путаница с Генрихом VIII, тогда как Эдуард VI вообще прожил всего 16 лет). То дается ложная ссылка – “см. о Р. Барте, гл. V, 3” (в указанной главе речь только о Е. Трубецком). Не всегда точны переводы иностранных слов и выражений <...>» (с. 295).

Л.И. МЕЛЬНИКОВА

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ОБРАЗ ТВОРЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТВ

Рассматриваются закономерности, некоторые принципы формотворчества и типология творческого субъекта в документальном ТВ. Введены понятия «отрицание стереотипа», «принцип лоскута».

The regularities and the some principles of the form creation and the typology of the creative subject in documentary TV are described. The concepts of the «denial of stereotype» and «principle of the scrap» are introduced.

В соответствии с философско-эстетической традицией форму произведения принято рассматривать как «выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (сотворяющего форму) к содержанию» (Бахтин 1975, 59). В этой связи «умножение форм» в аудиовизуальной коммуникации предстает не только как прием воспроизведения творческим субъектом многообразия содержания, но и как результат перманентного поиска коммуникатором способов, направленных на активизацию внимания человека, находящегося «на том конце» коммуникативной цепи (см. Копылова 1984, 67).

Несмотря на относительную самостоятельность формы, рождающейся из содержания, многообразие ее интерпретации свидетельствует о преодолении заложенного в природе человека противоречия между потребностью в привычном и жадой новизны в пользу последнего. Констатируя факт существенного влияния данного противоречия на эстетику ТВ, следует обратить внимание не только на особую роль «зрительской привычки» (см. Сокольская 1985, 44). По нашему мнению, наряду со «зрительской привычкой» необходимо выделить принцип «отрицание стереотипа», под которым подразумевается потребность творческого субъекта в оригинальных, нестандартных решениях. Особое значение данный принцип приобретает в документальном ТВ, объектом которого являются периодически повторяющиеся факты и события реальной жизни. «Отрицание стереотипа», стимулируя поиск новых приемов и форм конструирования на экране повторяющихся содержательных элементов, позволяет рассматривать формализацию содержания экранного произведения как один из способов индивидуализации творческой деятельности, профессиональной самореализации личности.

Очевидно, что выдвижение в эфирном контенте тех или иных формализованных решений свидетельствует об изменчивости, подвижности границ «стиля» коммуникатора, неизбежно вбирающего в себя и отображающего наиболее характерные приметы текущего момента, дух самого времени (см. Копылова 1982, 33).

Так, анализ эмпирического материала Белорусского телевидения свидетельствует, что в 1956–1960-х гг. в формотворчестве превалировал принцип монологичности: продуцируя преимущественно комментарии, выступления, лектории, коммуникатор утверждал экранный образ творческого субъекта-рассказчика, резонера, ментора.

В 1970-х гг. наряду с монологичными формализованными решениями и имитацией непосредственности процесса общения в формах «круглых столов» и бесед на актуальные темы выдвигаются прямые репортажи и тележурналы, сюжетное построение которых объединялось фигурой ведущего, тематическим единством. Репортажность становится одним из ведущих формообразующих принципов коммуникатора, представлявшего творческий субъект в качестве участника, наблюдателя, очевидца.

1980–1990-е гг. предстают как период «взрыва» формотворчества, результатом которого стало появление в документальном сегменте белорусского телевидения целого ряда оригинальных программ: «Телеконтакт», «Молодежный телевизионный центр», «Алло! Есть вопрос», «Свободный микрофон», «Золотая десятка», «Общественное мнение», «Разговор по существу», «Авторитет закона», «Семейная энциклопедия», «Крок», «Воспитание демократией», «Я и мы», «Пульс», «Телеаукцион», «Темная комната», видеоканала «Телевизионный детский день» и др. Следует отметить, что исследователи считали данные инновации результатом влияния на ТВ

предельно активизировавшегося общества, отмечая неспособность самого коммуникатора «излучать на аудиторию новые идеи» (Фрольцова 2003, 119). По нашему мнению, инновационный характер функционирования БТ в этот период предстает не только как результат новых, значительно возросших запросов социума, но и как свидетельство профессиональной зрелости коллектива телекомпании, накопившей к 1980-м гг. необходимый творческий и производственно-технический потенциал, который обеспечивал возможность эффективного освоения изобразительно-выразительного ресурса аудиовизуальной коммуникации.

Формализованные решения в 1980–1990-х гг. характеризуются появлением в качестве одного из ведущих принципа диалогичности, а также широким сочетанием диалогичности и репортажности.

Действительно, в эфирном контенте БТ одним из наиболее распространенных становится формат телевизионного клуба «по интересам», а наиболее востребованным типом творческого субъекта – экранный образ собеседника. Так, в 1980 г. коммуникатор продуцирует клуб интернациональной дружбы молодежи «Ракурс», телеклуб красных следопытов «Поиск», клуб путешественников «Ветер странствий», телеслайд-клуб «Спектр», «Телевизионный клуб художественного творчества». В 1981 г. начали свою работу «Телерадиоклуб», объединявший самодеятельных теле- и радиолюбителей, шахматный клуб «Гамбит», с 1983 г. – клуб творческой молодежи «Автограф», телевизионный шашечный клуб «Белые и черные». В 1988 г. открывается телеклуб «Силач», в начале 1990-х гг. – телевизионный клуб актеров «Тайное намерение», трансформировавшийся впоследствии в «Артклуб», телеклубы любителей собак «Гав-гав», охотников и рыболовов «Удача».

В телеклубе «Колос» чествовали передовиков сельскохозяйственного производства, в телевизионном клубе «Человек и экономика» обсуждали наиболее острые проблемы народного хозяйства. В телевизионном «Артклубе» собиралась творческая интеллигенция, в дискуссионно-политическом телеклубе «Пульс» – представители политической и управленческой элиты страны. Телебизнесклуб «Партнер», выходящий в эфире БТ в начале 1990-х гг., был рассчитан на представителей деловых кругов.

Следует отметить, что сочетание в эфире идеи свободных диалогических отношений, открытых обсуждений с использованием богатых коммуникативных возможностей экрана достигалось не всегда: коммуникатор явно недооценивал поистине огромный эстетический потенциал данного формата или не был готов к использованию возможностей его образной структуры. По нашему мнению, в наибольшей степени это удалось создателям телеклубов «Ветер странст-

вий», «Силач» и «Артклубу» благодаря сформированной и искусно поддерживаемой собственной коммуникативной среде, а также эффекту «завершенной персонификации» – полного, абсолютного слияния телепередачи и ее ведущего, подсознательного ощущения их абсолютной нерасторжимости (см. Гуревич 1991, 201). Следует также отметить несомненный успех в дальнейшей разработке образной структуры данного формата создателей бизнесклуба «Партнер», которые стремились воссоздать телевизионную модель «английского клуба», используя огромные коммуникативные возможности прямого эфира и непосредственной телефонной связи со зрителем (см. Добриневская 1992, 13).

О признании диалогичности как одного из ведущих принципов формализации свидетельствовало также появление на БТ телемостов. Широкому распространению данного формата в начале 1980-х гг. способствовало активное освоение коммуникатором передвижных телевизионных средств – ПТС и ПТВС. Эмпирический материал свидетельствует, что художественно-эстетический эффект телемостов широко использовался не только как самостоятельная жанровая форма, но и в качестве приема драматизации действия. «Контакт на расстоянии» как элемент драматургического решения применялся в таких сложнocomпонентных телевизионных передачах, как «Служба вашего настроения», «Телеконтакт», «Общественное мнение», «Пульс» и др.

Так, в одном из выпусков «Общественного мнения», посвященном проблемам легкой промышленности (эфир 29.09.1987 г.), телемост связал учебную аудиторию профессионально-технического училища и студию ТВ, в которой собрались руководители отрасли и работники одного из столичных предприятий. Учащиеся ПТУ, находясь в привычной обстановке учебного класса, высказали в адрес руководителей предприятия и отрасли немало острых замечаний и пожеланий. В выпусках цикловой передачи «Служба вашего настроения» телемосты связывали телестудию с торговыми залами универмагов, цехами промышленных предприятий, салонами бытового обслуживания, станциями по ремонту автомобилей и т. д.

Функционирование телемостов как самостоятельной жанровой формы цикловой передачи БТ «Откровенный разговор» (05.06.1987 г. – телемост «Минск – Рига»: встреча коллективов производственного объединения «Горизонт» и завода «Радиотехника», 14.09.1989 г. – «Минск – Детройт, США – Виндзор, Канада»), а также телемоста «Минск – Киев» (эфир 25.04.1991 г.), приуроченного к очередной годовщине катастрофы на Чернобыльской АЭС, показало, что, несмотря на внешнюю привлекательность, телемосты представляют собой не самую эффективную форму личностного общения, как правило не располагая его участников к разговору «по душам». Приме-

нение данного приема не всегда адекватно творческим задачам коммуникатора, ибо общение «напрямую», в непосредственной близости с аудиторией, человечнее, так как позволяет уловить и прочувствовать тончайшие эмоциональные проявления личности.

Следует отметить, что в дальнейшем телемосты в документальном сегменте БТ использовались лишь как чисто технический прием для создания эффекта сиюминутности происходящего на экране («Под знаком "Ч"», «Трибуна Президента», «Открытый эфир», прямые включения корреспондентов АТН в информационной программе «Панорама» и т. д.).

Стремясь к всестороннему охвату процессов обновления общественной жизни, начатых в годы перестройки и активизировавшихся в 1990-х гг., коммуникатор продуцирует сюжетно-программные конструкции, в которых диалог со зрителем, активная гражданская позиция творческого субъекта сочетаются с «мозаичностью» взгляда на повседневную действительность, выдвигает в роли лидера экранный образ творческого субъекта-соучастника бурных процессов демократизации. В качестве одного из ведущих формообразующих принципов в этот период наряду с репортажностью и диалогичностью предстает принцип «лоскута», под которым мы понимаем соединение в контексте экранного произведения целого ряда фрагментов, обладающих самостоятельным жанрово-тематическим и стилистическим бытованием.

Так, в передаче из цикла «Обратная связь» от 31.08.1989 г. были представлены: рубрика «Резонанс» – официальные ответы на письма телезрителей, сюжеты «Точку не ставим» – о жизни и отдыхе детей-сирот, «Уроки на будущее» – о проблемах работы хлебоприемных пунктов республики, «Вприкуску с натюрмортом» – зарисовка о руководителе торгового объединения. По принципу «лоскута» строились многостраничные выпуски цикловых передач «Я и мы», «Свободный микрофон», «С понедельника», «ШАНС» и др.

Исследователи указывали на неизбежность «внутреннего драматизма», возникающего при «столкновении» равноправных начал – «живых самодостаточных сюжетов и живой творческой воли» и позволяющего использовать экранную форму «коллажа» как «новый способ художественного творчества»: отвечая «вкусам и особенностям восприятия» зрителя с характерными для него «мозаичностью сознания и панорамностью зрения», «коллаж» одновременно открывал «новое пространство для творчества, позволяя художнику манипулировать готовыми блоками, которые он свободно располагает на невидимой оси замысла» (Бушуева 1992, 81).

Характерно, что создатели публицистических «коллажей» 1980–1990-х гг., в отличие от авторов тележурналов 1970-х гг., нередко отказыва-

лись от фигуры ведущего, представляя в контексте сюжетно-программной конструкции перманентно обновляющуюся галерею тележурналистов: естественность, непосредственность интонации автора-очевидца, наблюдателя, соучастника событий становилась более востребованной в телевизионном эфире, чем профессиональная «поставленность» голоса и выражения лица.

Следует отметить, что телевизионная практика 1980–1990-х гг. выдвинула особый тип «коллажа», генетически восходящий к тележурналу-хронике, но отличающийся от данной экранной формы ярко выраженным авторским отношением к факту, личностным взаимодействием с жизненным материалом, что позволяло «сообщить документальной “картинке” объем художественного образа» реальности (Бушуева 1992, 84). На БТ в 1980–1990-х гг. данный тип экранной формы наиболее эффективно реализовался в проектах молодежного телевидения «МТЦ», «Крок», «Парламент-2», свидетельствовавших о возникновении в документальном сегменте вещания феномена «телевизионной полифонии», живущего по собственным законам и почти не подвластного воле творческого субъекта, – явления «стихий общения», «стихий гласности» (см. Сагаляев 1988, 160).

Заметим, что именно в рамках дискуссионного клуба «МТЦ» родилась новая, наиболее драматизированная форма телевизионного общения, которая ранее на БТ не реализовывалась, – это теледебаты, выдвигавшие в качестве основного приема драматизации действия столкновение на телеэкране различных, нередко противоположных взглядов на одно и то же явление повседневной жизни и функционировавшие как «публичные оперативные дискуссионные контактные передачи» (Осинский 1992, 33).

Такие телепередачи, как «Крок», «Золотая десятка», «Парламент-2», «Крок-2», «Теледуэль», «Пульс», «Это – XXI» и др., свидетельствовали о дальнейших попытках коммуникатора представить дискуссионность в качестве формообразующего принципа, практиковать широкое сочетание ее и репортажности. Так, несмотря на то, что конкурс молодых политиков «Золотая десятка» реализовывался в студийном павильоне, а «Парламент-2» – средствами передвижной телевизионной техники, в контексте данных передач сталкивались не только позиции и убеждения их участников, но и эмоции, рождавшиеся «здесь и сейчас». Эта особенность образной структуры детерминировала абсолютную достоверность, «репортажную» зрелищность акта коммуникации.

Осознание коммуникатором того, что репортаж заведомо обеспечен зрительским доверием, способствовало появлению в эфирном контенте таких форматов, программная конструкция которых базировалась на документальной стилистике репортажа. Нередко коммуникатор продуцировал

формализованные решения, синтезировавшие в своем контексте репортажные и имитированные «под репортаж» элементы, организуя «искусственные» события. Примером такого рода конструкции может служить цикловая телепередача «Земляки», функционировавшая в эфире БТ в 1998–1999 гг.

Создатели данной передачи стремились расширить принцип прямой трансляции на такие области жизни, которые не могли быть объектом репортажа, демонстративно сочетая документальность его стиля с откровенной театрализацией. Однако «чистота» репортажного стиля, использованного в качестве творческого приема, метода сюжетной организации, позволяет позиционировать данный формат как продукт документального сегмента ТВ.

Выпуски «Земляков» готовились в разных регионах республики. Герои передачи приглашались в районный Дом культуры на музыкальный вечер-встречу. Интервью с этими людьми, их публичные рассказы о себе сочетались с видеоматериалами, в которых они представляли на своих рабочих местах, в кругу семьи, на отдыхе и т. д. Документальность данных сюжетных построений не вызывала сомнений, как и достоверность репортажных вставок из зала ДК, в которых герои отвечали на вопросы ведущих и с благодарностью принимали музыкальные «подарки» от «звезд» эстрады. Соединение тщательной подготовки и репортажной импровизационности при проведении передачи создавало эффект присутствия, иллюзию сиюминутности происходящего. В результате телезрители становились свидетелями достаточно зрелищного «репортажа из глубинки» с участием многочисленных персонажей: местных жителей, ведущих ТВ, «звезд» эстрады.

Функционирование таких передач, как «Земляки», «Теледуэль», «Кулуары», «Пасьянс», «Ситуация», «И звезда со звездой говорит» и др., свидетельствовало, что коммуникатор выдвигал в документальном сегменте такие формализованные решения, в которых репортажное – дословное, натурное – воспроизведение действительности все активнее сочеталось с «накоплением аттракционности» (см. Новикова 2008). Эту тенденцию иллюстрировали также передачи в форме ток-шоу, утвердившиеся в эфире БТ со второй половины 1990-х гг.: «Авторитет закона», «Это моя работа», «Сегодня с вами...», «Будни», «Форум», «Главный вопрос».

Следует отметить, что формотворчество 1980–1990-х гг. характеризуется также появлением в эфире БТ передач, синтезировавших «рационально-понятийный и эмоционально-образный способы освоения действительности», объединявших особенности «внехудожественной и художественной зон телевидения», – иными словами, передач как «вида телевизионного искусства»

(Нечай 1981, 106). «Память», «Прометей», «Путь без следов», «Вертикаль», «Как этот день потопки назовут», «Древо жизни», «Были криницы синие», «Край» и др., продуцировавшие «остранение» документально-хроникального материала, «накопление» образности, возрастание роли метафоры, утверждали экранный образ творческого субъекта как художника-исследователя.

В историко-публицистическом цикле передач «Край» (1992–1994 гг.) предельная документальность сочеталась с активным использованием приемов художественной постановки-реконструкции конкретных исторических событий. Художественное исследование времени осуществляли и создатели передач, построенных на современном документальном материале.

Так, формообразующей основой цикла «Вертикаль» (1994–1997 гг.) являлось повседневное течение реальности. Однако за репортажной фиксацией реальных фактов угадывалось авторское стремление не просто следовать за действительностью – исследовать глубину процессов обновления, происходящих в стране, оперировать не столько конкретными фактами, сколько философскими категориями Времени, Мечты, Веры, Надежды, Сомнения, которые как бы самопроизвольно вырастали из повседневного бытия, актуализировались переменами в общественно-политической жизни, требовали переосмысления. В результате добытые автором факты преподносились в форме своеобразной «притчи» – «иносказания», своего рода морального поучения, адресованного как властным структурам, так и обществу в целом.

В одном из выпусков «Вертикали» журналист ехал в троллейбусе и выяснял, знают ли пассажиры, куда «путь держат». Сиюминутное недоумение на лицах «случайных попутчиков» уступало место любопытству и нарастающему желанию выговориться: люди вспоминали своих предков, так и не осуществивших своей мечты о лучшей доле, рассуждали о причинах общих бед и разочарований, пытались заглянуть в будущее своих детей. Городской троллейбус представлял как символ «машины времени»: экранный образ «путешествия во времени» создавался визуальным напоминанием содержания «надвременного» маршрута: за окном менялись названия улиц: «Октябрьская», «Народная», «Социалистическая», «Интернациональная», «Коммунистическая». Философско-нравственному осмыслению происходящего – не в конкретном городском троллейбусе, а с Человеком, Страной, Народом – способствовало использование в контексте передачи сквозной музыкальной темы – песни Б. Окуджавы «Последний троллейбус», которое обостряло метафоричность авторской мысли, побуждало телезрителя к эмоционально напряженному восприятию творческой идеи.

Принципы формотворчества ТВ 2000-х гг., хотя еще и до конца не созданные, свидетельству-

ют об отказе коммуникатора от традиций художественно-публицистического творчества, что неизбежно обедняет не только эфирный контент, но и образ творческого субъекта.

Очевидно, что предложенные нами подходы к формотворчеству в документальном ТВ не исчерпывают всей полноты проблемы. Вместе с тем понятно, что формализация содержания экранного произведения предстает в качестве своеобразного конструктивного принципа, помогающего творческому субъекту не только передать на экране глубину и многозначность объекта, но и выразить свое мироощущение.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6–71.

Бушueva С. Образ реальности: телевидение перестройки // Современный экран. Теория. Методология. Процесс. СПб., 1992. С. 74–92.

Гуревич П.С. Приключения телевизионного имиджа: типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия. М., 1991.

Добриневская Т.Г. Особенности деятельности телевизионного журналиста в различных типах коммуникационных процессов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1992.

Копылова Р. Параллели // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М., 1982. Вып. 2. С. 28–45.

Копылова Р. Что такое «телевизионный диалог»? // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М., 1984. Вып. 4. С. 62–85.

Нечай О.Ф. Телевидение как художественная система. Мн., 1981.

Новикова А.А. Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия. СПб., 2008.

Осинский В.Г. Телевизионная публицистика. Опыт жанровых характеристик. СПб., 1992.

Сагалаев Э. Этажи взросления // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М., 1988. Вып. 8. С. 150–174.

Сокольская А. Эстетическая роль зрительской привычки // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М., 1985. Вып. 5. С. 39–54.

Фрольцова Н.Т. Типология творческой деятельности в аудиовизуальной коммуникации. Мн., 2003.

Поступила в редакцию 14.09.09.

Людмила Ивановна Мельникова – доцент, соискатель кафедры телевидения и радиовещания Института журналистики БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Т. Фрольцова.

А.И. БАСОВА, Л.Д. СИНЬКОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖАНРА В ЖУРНАЛИСТИКЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Проанализированы тексты, созданные на основе различных эстетических стратегий – на пограничье журналистики и художественной прозы; на пересечении интервью, записанных на магнитную ленту, и собственно рассказов-новелл. Подобные тексты, где факт функционирует как художественный образ (С. Алексиевич, а также М. Горький, А. Адамович), занимают особую и перспективную нишу среди современных документально-художественных жанров.

The texts created on the basis of various aesthetic strategies – on a border zone of journalism and art prose are analysed; on crossing of the interviews which have been written down on a magnetic tape, and actually short stories. It is proved, similar texts where the fact functions as an artistic image (S. Aleksievich, and also M. Goretzky, A. Adamovich), occupy a special and perspective niche among modern documentary-art genres.

Со второй половины XX в. происходит особенно активное взаимодействие документа и различных литературных жанров, причем наиболее чувствительны к нему эпические жанры. Документ очень органично входит в структуру рассказа, повести или романа. Если рассматривать прозу, созданную на основе журналистской практики, где основой текста становится очень бережно снятая с магнитной ленты запись, то ее жанровую природу как особенную и перспективную впервые начал осмысливать Алесь (Александр Михайлович) Адамович. Широкую известность ему принесла знаменитая книга «Я из огненной деревни...» («Я з вогненнай вёскі...»), написанная в соавторстве с Янкой Брылем и Владимиром Колесником, первое издание которой вышло в 1974 г. Следом появилась «Блокадная книга» («Блакадная кніга») (1977, 1981) Алеся Адамовича и Даниила Гранина, а затем произведения Светланы Алексиевич: это книги и сценарии по ним для театральных и кинопостановок; самая известная книга, несомненно, «Чернобыльская молитва» («Чарнобыльская малітва») (1997). К

слову, С. Алексиевич – автор сценариев двадцати одного фильма и трех пьес; спектакли по ее книгам ставились во Франции, Германии, Болгарии и других странах.

Повесть «Из огня воскресли» («З вогню воскресли») (1976), записанную на основе людских свидетельств, издал украинский писатель Е. Гуцало, подобную книгу-документ «Вечные Кортелы» («Вічні Кортеліси») (1980) о гибели украинского села написал В. Яворивский. В 1990-е гг. появились такие произведения, как «Чернобыль» («Чорнобиль») Ю. Щербака и народная книга-мемориал «33-й: голод», авторами-составителями которой являются Л. Коваленко и В. Маняк. В эти же годы известный белорусский драматург А. Петрашкевич издал два тома собранных им материалов о белорусах, погибших на войне в Афганистане. В этих книгах он объединил архивные и документальные сведения о своих персонажах с их перепиской, фрагментами из частных воспоминаний, т. е. обозначил свое, авторское вмешательство в сухой стиль официальных рапортов.

Достаточно широко известны книги подобного плана, посвященные военным событиям в Чечне. Б. Карповым – полковником внутренних войск, журналистом – создана дилогия под названием «ВВ: Кавказский крест». Книгу «Чеченский узел» с красноречивым подзаголовком «Хроника вооруженного конфликта 1994–1996 годов» издал командующий объединенной группировкой федеральных войск в Чечне в 1995 г. генерал А. Куликов в соавторстве с полковником Генштаба Российской армии С. Лембиком. Авторитетное свидетельство Л. Аннинского об этих «чеченских» (по теме) произведениях таково: «Все вместе эти книги представляют собой, наверное, самое полное собрание сведений о Кавказской войне XX века. “Снизу” – журналистские очерки, интервью, зарисовки, записные книжки, дневники, песни и стихи солдат, “сверху” – оперативные сводки, дислокации, приказы, донесения, телефонограммы... Клад для будущего историка» (Аннинский 2002, 51–52).

Отметим, однако, что в жанровом отношении именно синкретизма, своеобразного, естественного соединения журналистских и художественных стратегий достигла прежде всего С. Алексиевич, которая всегда с пиететом говорила о роли А. Адамовича в своей писательской судьбе.

В белорусской литературе самодостаточные факты в роли художественных образов появились уже в первой трети XX в.: ведь, наверное, ни одна беда эпохи не обошла Беларусь стороной. Примером может служить творчество Максима Горьцкого, репрессированного и расстрелянного в 1938 г., вынужденного создавать в условиях ссылки свою «Комаровскую хронику» (историю родной деревни Малой Богатковки, всей Беларуси) не как традиционно художественный, специфически целостный текст, а как вполне «черновое» перечисление фактов, связанных прежде всего концептуально, а не стилистически.

А. Адамович, изучая творчество М. Горьцкого, совершенно справедливо подчеркнул классический статус «Комаровской хроники» в белорусской литературе как произведения новой, документально-художественной, структуры, назвав, правда, его документализм «невольным» и «трагичным»: ведь М. Горьцкий был прежде всего творцом, мечтавшим о художественном эпическом полотне, но лишенным возможности создать его таким, каким хотел (см. Адамович 1986, 310–331). Зачастую он действовал лишь как репортер, как свидетель-рассказчик с места и определенного времени совершения событий, фиксировал их для будущего читателя.

Более широко и активно документ с функцией художественного образа вошел в белорусскую прозу уже после войны с гитлеровским фашизмом. И создал самые известные образцы нового документально-художественного жанра А. Ада-

мович, классик нашей литературы, литературоведения, публицистики и журналистики.

Как и другие советские писатели, повествовавшие о войне, А. Адамович сначала попробовал просто сочетать в одном произведении документы, своеобразный журналистский репортаж с фрагментами художественного текста. В 1970 г. он написал свою знаменитую «Хатынскую повесть», которая в 1976 г. получила Государственную премию БССР им. Я. Коласа и ряд других наград. Но писатель остался недоволен собой. Он считал, что «выявил, поднял, показал одну только крупинку правды, каплю того, что увидел, испытал, а бездонный океан народной, огненной, хатынской памяти остался там же, неслышимый, невидимый миру» (Тычина 2001, 332).

И вот А. Адамович делает новый шаг – организует работу по созданию принципиально новых книг на документальной основе. Он решает по-журналистски собрать воспоминания людей о пережитых ужасах, записав их исповеди на магнитофонную ленту как документ, как человеческую правду. Потом самое красноречивое, впечатляющее из записанного и будет объединено в книгу, которая получит название «Я из огненной деревни...». Как неотъемлемая часть печатного текста к ней прилагались и пластинки со звучащими голосами наиболее ярких рассказчиков, это было эмоциональное подтверждение записанному.

Этапным культурным событием сначала в СССР, а потом и за рубежом стал 1985 г., когда на экраны вышел фильм режиссера Э. Климова «Иди и смотри», сценарий к которому написал А. Адамович на основе произведений «Хатынская повесть», «Я из огненной деревни...», а также своего романа «Каратели» (1980 г.). Этот фильм демонстрировался во многих странах мира.

Таким образом, можно сказать, что А. Адамович подал идею и разработал (в соавторстве) новый жанр на пограничье журналистики и литературы.

Эту эстафету подхватила и самый известный продолжатель его дела белорусская писательница Светлана Алексиевич. Она признавалась: «Я долго искала себя, хотела найти нечто такое, что приблизило бы к реальности [...]. Схватить реальность – вот чего хотелось [...]. И этот жанр – жанр человеческих голосов, исповедей, свидетельств и документов человеческой памяти мгновенно был мною присвоен. Да, я сейчас так вижу и слышу мир: через голоса, через детали быта и бытия. Так устроены мои зрение и слух. И все, что во мне было, тут же оказалось необходимым, потому что требовалось одновременно быть и писателем, и журналистом, и социологом, и психоаналитиком, и проповедником...» (Алексиевич 1999, 217).

В те уже далекие восьмидесятые А. Адамович дал С. Алексиевич, как она вспоминала, первые

адреса женщин-фронтовичек и даже небольшие деньги на поездку к ним и началась работа писательницы над ее книгой «У войны не женское лицо», которая была закончена в 1983 г. В книге рассказывали о себе женщины, прошедшие войну. На ее основе были созданы спектакли, которые с большим успехом шли в Московском театре на Таганке (режиссер А. Эфрос), в других театрах Советского Союза. Знаменитый белорусский кинорежиссер В. Дашук создал 7 документальных фильмов под общим названием «У войны не женское лицо». Киноцикл был отмечен Государственной премией СССР и призом «Серебряный голубь» в Лейпциге, другими наградами. Не сразу, но пришла к читателю (в том же 1985 г.) и еще одна работа С. Алексиевич – книга «детских голосов» из времен войны «Последние свидетели».

Однако С. Алексиевич не собиралась «почивать на лаврах». В 1989 г. вышла ее новая книга – «Цинковые мальчики»: документальная работа о войне в Афганистане. С. Алексиевич сама побывала в этой стране, встречалась с бывшими воинами-афганцами, с матерями тех, кто погиб. Книга вызвала в советском обществе неоднозначную реакцию: в 1992 г. в Минске даже был организован политический суд над этим произведением и ее автором. В защиту писательницы и ее правды выступила демократическая общественность не только Беларуси, но и России, многих стран ближнего и дальнего зарубежья, что привело к прекращению процесса. По этой книге также снимались документальные фильмы (режиссер С. Лукьянчик), ставились спектакли... В 1993 г. С. Алексиевич издала новое произведение – «Зачарованная смерть» («Завороженные смертью»). Это были рассказы о людях, которые не могли найти себя в послесоветской действительности и предпринимали попытки самоубийства. Кто-то покончил с собой, кого-то спасли. Это книга об отчаянии, о потере человеком идеалов и смысла жизни. События, отраженные в ней, были положены в основу сценария фильма «Крест» (режиссер Г. Городний).

После того как в 1986 г. случилась авария на Чернобыльской АЭС, писательница начала собирать документальные свидетельства и работать над книгой об этой вселенской катастрофе. Оказалось, что разнообразие ипостасей человеческой беды поистине неисчерпаемо. С. Алексиевич стремится не обойти вниманием ни одной большой темы, связанной с аварией на ЧАЭС, которая, как известно, сделалась символом не только ядерной, но и социальной, и духовно-моральной катастрофы. Весьма красноречиво об этом свидетельствует раздел «Вместо эпилога» в ее книге: «...Киевское бюро путешествий предлагает поездки в город Чернобыль и мертвые деревни... Естественно, за деньги. Навестите ядерную Мекку...» (Алексієвіч 1999, 215). «Иногда

говорят, что Чернобыль – это не тема. Чернобыль – мироощущение. Сфинкс нашей судьбы» (Афанасьєв 2001, 43). И разгадать его загадку взялась мужественная журналистка и писательница со всей самоотверженностью настоящего мастера и знатока художественного слова.

Ведь речь идет о текстах, где точно зафиксированный реальный факт начинает проявлять себя как художественный образ, и, таким образом, жанрообразующим фактором следует считать именно эту смену функциональной роли документа в художественном целом. Книги, о которых говорилось выше, в большей или меньшей степени созданы на пограничье журналистики и художественной прозы, интервью, записанного на специальный носитель информации, и рассказа-исповеди, психологизированного, с явными чертами сказовой поэтики, с выделяющимися знаковыми, символическими деталями, собственно художественными акцентами, которые обозначились сами собою, а в ряде случаев, может быть, и специально выделены рукою того, кто записывал текст-интервью, отбирал, компоновал, сопоставлял фрагменты, добивался их целостного и укрупненно-концептуального звучания.

Подобное жанровое взаимодействие не осталось незамеченным критикой и литературоведением: в обиход уже вошли такие жанровые маркировки подобных текстов, как «магнитофонная литература», «художественный документ», «сконструированная документальная проза», «художественно-документальная стенография», «репортаж с места исторического события», «роман-свидетельство», «книга-оратория», «роман-оратория», «народ, который рассказывает сам о себе», «симфония», «хор», «соборный роман», «эпически-хоровая проза», «устные истории», наконец, «жанр голосов» – конвенционный термин, которым чаще всего пользуются украинские авторы и критики, а также С. Алексиевич. Историю поисков названия для нового жанрового феномена можно проследить, например (и прежде всего), по известнейшим работам А. Адамовича (Адамовіч 1986, 311, 312), а также по диссертационной работе Н. Игнатив (Ігнатів 1998, 1–3). В ней автор кратко характеризует исследования по указанной тематике В. Агеевой, Л. Гаранина, В. Дончика, Л. Оляндера, Р. Филиппиковой (имея в виду 1980-е гг.), а также упоминает классические высказывания о роли документа в художественном тексте Л. Гинзбург и П. Палиевского. Украинская исследовательница считает, что новый способ художественной организации документальных свидетельств можно найти, атрибутировать и в произведениях польских, чешских, словацких, французских, немецких авторов, с чем можно согласиться.

И все же, как мы уже отметили, пример одной из самых успешных «пограничных» журналист-

ских стратегий мы находим в творчестве С. Алексиевич. Ее произведения в 2000-е годы активно переиздаются в Москве такими издательствами, как «Пальмира», «Время», в качестве бестселлеров в серии «Голоса Утопии» (Гарноўская 2008, 20), причем писательница вносит определенные коррективы в первоначальные текстовые варианты. Она активно работает в этом особом жанре – «на территории» документально-художественной прозы, на пограничье журналистской фактографии и художественной образности. В книгах С. Алексиевич звучат неподдельные голоса людей в первую очередь советской эпохи, которые стали и жертвами, и героями своего времени.

За границами Беларуси многие связывают творчество С. Алексиевич прежде всего с советской литературой и причисляют ее скорее к российским, нежели белорусским писателям. Родилась С. Алексиевич, как известно, в Ивано-Франковске (Украина) в семье военного. Ее отец – белорус, а мать – украинка. Позже семья переехала в Беларусь, на родину отца, где родители работали сельскими учителями. Журналистская страсть С. Алексиевич, ее стремление к правде как большой истории, так и отдельной человеческой судьбы принесли ей успех у читателей, у очень многих думающих и творческих людей. Однако в советское время белорусские чиновники враждебно относились к талантливой соотечественнице, которая так много горькой правды сказала именно о Беларуси, о ее народе, поэтому она часто покидала страну. В России же ее больше понимали, поддерживали, помогали. Люди, которые стали героями книг С. Алексиевич, говорили на разных языках и диалектах: крестьяне – на языке своей местности, горожане – и по-белорусски, и по-русски. Все эти «народные голоса» публикуются на белорусском литературном языке в переводе М. Гиля. Русский текст, с которого книги С. Алексиевич переводятся на другие языки мира,

создает она сама, поэтому по традиции ее называют русскоязычной писательницей Беларуси.

В послесловии к «Чернобыльской молитве» сказано, что произведения С. Алексиевич издавались в США, Германии, Англии, Японии, Швеции, Франции, Китае, Вьетнаме, Болгарии, Индии – всего в девятнадцати странах мира...

Очевидно, что новая жанровая стратегия определилась, остается открытой лишь проблема строгой жанровой дефиниции; обнадеживает также перспектива развития этой стратегии, этого повествовательного дискурса, созданного журналистом-художником в своеобразном соавторстве с рассказчиком-очевидцем каких-либо экстраординарных событий.

ЛИТЕРАТУРА

Адамовіч А. Камароўская хроніка – творчая гісторыя, жанр // Гарэцкі М. Збор твораў: У 4 т. Мн., 1986. Т. 4. С. 310–331.

Алексіевіч С.А. Чарнобыльская малітва. Хроніка прышласці: Дак. аповесць. Мн., 1999.

Аннинский Л. Мир, война, человек в русской прозе 90-х годов // Польско-российский литературный семинар (Варшава – Хлевиска, 13–16 марта 2002 г.). Варшава, 2002. С. 51–70.

Афанасьёў І.М. Чарнобыльскае светаадчуванне ў сучаснай беларускай літаратуры. Вып. 1. Бягучы літаратурны працэс у крытычным аглядзе. Мн., 2001.

Гарноўская В.Ю. Гуманістычная ідэя і яе рэалізацыя ў кнізе С. Алексіевіч «У вайны не жаночае аблічча» (выданні 1983 і 2004 гг.) // Беларускае літаратуразнаўства: навукова-метадычны зборнік / Гал. рэд. Л.Д. Сінькова. Мн., 2008. Вып. 6. С. 16–20.

Ігнатів Н.Е. Жанрові пошуки художняй дакументацыі 1970–1990-х рр. // Автореф. дис. ... канд. філос. наук. Дніпропетровськ, 1998.

Тычына М.А. Аляксандр Адамовіч // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. Мн., 2001. Т. 4. Кн. 1. С. 319–343.

Поступила в редакцию 17.02.09.

Анна Ивановна Басова – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета повышения квалификации журналистских кадров Института журналистики БГУ.

Людмила Дмитриевна Сенькова – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской литературы и культуры.

Н.Н. ЛЕВЧУК

ПРИНЦИП МЕДИАВИРУСА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На основе системного подхода раскрыта концепция медиавируса, являющегося феноменом манипуляции массовым сознанием в информационном пространстве.

The concept of media virus was revealed on the basis of system approach. It is a phenomenon to manipulate mass consciousness in information space.

Современные технологии распространения информации и «производства новостей» позволяют сообщениям СМИ достигать цели с молниеносной быстротой, о которой в прошлом люди даже не мечтали. Многомиллионная аудитория, воспринимая одни и те же новостные блоки с предопределенной интерпретацией событий, благодаря СМИ превращается в «толпу», готовую к движению в указанном ей направлении.

Постоянно растущая скорость распространения информации, глобальное регулирование информационных потоков с подачи ведущих мировых агентств новостей и широчайший охват аудитории, давно перешагнувший границы стран и континентов, являются качественными составляющими современного медиапространства.

Войдя в информационную цивилизацию, когда информация стала производительной силой, че-

ловечество оказалось перед комплексом еще не до конца осознаваемых парадоксов. Один из них состоит в том, что сегодня всего лишь «телекартинка» события, переданная мировыми агентствами, может выступить в качестве аргумента для начала военных действий. При этом забывается, что тот или иной телесюжет, являясь по сути своей достоверным, может быть случайным и нехарактерным. Происходит перенос случайного факта в систему за счет его показа телевидением (см. Почепцов 2002, 43).

В то же время одних лишь технических средств передачи информации бывает недостаточно, чтобы новость, идея, концепция, идеология стали фактом массового сознания. Немаловажную роль здесь играет та эмоционально-психологическая среда, в которой распространяется информационное сообщение, ведь часто бывает, что новость или слух стремительно, хотя и в локальном масштабе, распространяются вообще без помощи СМИ. Ясно, что для этого они (новость, слух) должны соответствовать определенным критериям, быть когерентными информационно-психологической среде, в которой распространяются. То же самое можно сказать и об идеях, которые, прежде чем овладеть массами, по определению Густава Лебона, должны пройти три основных стадии: утверждение, повторение, заражение. Причем после того, как какое-нибудь утверждение повторялось уже достаточное число раз и повторение было единогласным, образуется то, что называется течением, и на сцену выступает могущественный фактор – заражение. В толпе идеи, чувства, эмоции, верования – все получает такую же могущественную силу заражения, какой обладают некоторые микробы (см. Лебон 2004, 15). Выдающийся исследователь психологии масс подводит нас к мысли о том, что мы имеем дело с принципом вируса в информационном пространстве.

Рассмотрим путь, который проходят в СМИ новость или слух, прежде чем стать фактом массового сознания. В качестве примера сошлемся на историю, рассказанную великим русским певцом Ф.И. Шаляпиным, которая была опубликована на страницах «Синего журнала» в 1912 г. В статье «Пресса и я» знаменитого вокального исполнителя повествуется, как во время его зарубежных гастролей одна провинциальная газета вдруг сообщила, что Шаляпин надумал сесть за мемуары. Редактор другой газеты, делая обзор прессы, натолкнулся на это сообщение и, поскольку гастроль оперного театра проходили в Италии, добавил от себя: «Мемуары Шаляпина пишутся на итальянском языке». Третья газета дополнила эту музыкальную сенсацию: «Мемуары издаются известной итальянской фирмой “Рикорди”». Закончилась эта история тем, что Шаляпина обвинили в создании вымышленной истории о краже своих мемуаров: он якобы намерен-

но раздувает шумиху вокруг своей персоны, хотя ни о каких мемуарах певец тогда не помышлял (см. Щербатых 2006, 580).

Этот случай невольно предвосхитил один из главных методов любой современной пиар-кампании: конструирование информационного повода, которое включает в себя «создание событий», «псевдособытия», «создание новостей» и другие приемы. В случае с Шаляпиным распространение информации о псевдособытии было произвольным, но оно как раз носило характер «заражения», обусловленный интересом к личности великого вокалиста и падкостью прессы к сенсациям. В современной пиар-кампании далеко не всегда есть достойный информационный повод, способный служить «аппетитной» приманкой для общественного сознания. Этим объясняется появление и широкое распространение псевдособытий, «изготовленных» пиарщиками для немедленного репортажа о них. Мастерство специалиста PR состоит и в конструировании события или преподнесении его так, чтобы «заразить» целевую аудиторию. В течение XX в. оно было систематизировано и приобрело научно-коммерческую основу.

Согласно проведенным исследованиям в 1979 г. почти 70 % американских телевизионных новостей составляли подобные псевдособытия, «сконструированные» в недрах СМИ и коммуникационных агентств. Сам термин «псевдособытие» был тогда же введен историком и социологом Даниэлем Бурстином в статье «От собирания событий к их изготовлению: поток псевдособытий». Смысл псевдособытия, как его объясняет Д. Бурстин, – представить простые факты более значительными и глубокими, чем они являются в действительности (см. Шейнов 2007, 122). Из таких псевдособытий как из ячеек в большей степени сплетается контекст информационно-психологической среды, в которую помещен современный человек.

Следует подчеркнуть, что именно принцип вируса лежит в основе теории и практики PR. Почему же нелепые сообщения зачастую всерьез воспринимаются массовым сознанием, а явная серость под видом культуры влияет на вкусы миллионов людей? Дело в том, что «послания» наших медиа преподносятся нам в упаковке, подобной троянскому коню. Они проникают в наш дом под некой личиной, но, оказавшись внутри, начинают вести себя совершенно не так, как мы ожидали. Внутри каждой медиасенсации заключены идеи, вопросы и концепции, зачастую намеренно туда помещенные, которые воздействуют на нас не так прямо. Хрестоматийный пример – это сообщения о различных террористических актах, создающих соответствующую телевизионную картинку и заставляющих думать о слабости местной власти, а шокирующие картины крови, показанные массовой аудитории, де-

лают ее более восприимчивой к манипуляции. Другой род примеров – домашнее видео звезд эстрады, «случайно» попавшее в Интернет, где они предстают в пикантном виде. По замыслу это должно подогревать интерес к их творчеству.

Как отмечает американский исследователь Дуглас Рашкофф, если мы хотим понять инфосферу как расширение планетарной экосистемы или хотя бы как питательную среду, где развиваются новые идеи нашей культуры, тогда мы должны признать тот факт, что медиасобытия, вызывающие подлинные социальные перемены, – это не просто троянские кони. Это – медиавирусы.

По его мнению, данный термин не является метафорой: нельзя сказать, что соответствующие медиасобытия просто похожи на вирусы, они и есть вирусы. Большинство из нас знает о биологических вирусах, например, тех, что вызывают грипп, обычную простуду и даже СПИД. В понимании медиков вирусы в корне отличаются от бактерий и микробов, потому что они – не живые существа, а представляют собой протеиновые капсулы, содержащие генетический материал. Атакующий вирус использует свою защитную липкую протеиновую оболочку, чтобы прилипнуть к здоровой клетке, после чего вводит ей внутрь свой собственный генетический код (в сущности, свои гены). Генетический код вируса сражается за контроль с генами самой клетки и в случае победы навсегда меняет способ ее функционирования и воспроизводства. Особо вирулентные разновидности превращают клетку-хозяина в фабрику, которая штампует копии вируса. Данная схема очень емко и точно описывает механизм национально-культурного порабощения отдельно взятого народа, т. е. медиавирус может иметь и глобальный характер. Такой способ существования известный вирусолог Брайан Махи назвал «жизнью взаймы», что отображает и принцип действия медиавируса.

Медиавирусы распространяются в инфосфере точно так же, как биологические в организмах-хозяевах или в целом сообществе организмов. Но вместо того, чтобы путешествовать по органической кровеносной системе, медиавирусы циркулируют в сетях медиапространства. «Протеиновой оболочкой» медиавируса могут быть событие, изобретение, технология, система идей, музыкальная фраза, визуальный образ, научная теория, сексуальный скандал, стиль одежды или даже поп-знаменитость – главное, чтобы оболочка привлекала наше внимание и не вызвала отторжение. Это – на первом этапе. Позже, прикрепившись, медиавирус вводит в инфосферу (которая представляет собой сознание отдельно взятого человека или целевой группы) скрытые в нем концепции в форме идеологического кода. Это – не гены, а их концептуальный эквивалент, который на медицинском языке называется ме-

мами. Подобно настоящему генетическому материалу, эти мемы воздействуют на то, как мы строим бизнес, обучаемся, взаимодействуем друг с другом – даже на то, как мы воспринимаем реальность.

Среда распространения медиавируса всегда когерентна той «протеиновой оболочке» – информационному «скафандру», – в которую упаковано сообщение. А вот как медиавирус цепляется к «клетке»-жертве, подстраиваясь под нее, еще предстоит выяснить. Дуглас Рашкофф подразделяет медиавирусы на три основных типа.

К первому относятся рекламные трюки и PR-акции, т. е. инспирированные вирусы, цель которых – распространение какого-нибудь товара или идеологии. Если мы имеем дело с длительным информационно-психологическим воздействием, то речь в данном случае может идти об изменении культурно-генетических кодов целых народов и даже утрате ими национальной идентичности.

Ко второму относятся вирусы, называемые кооптированными, или вирусами-тягачами, которые необязательно кем-то запускаются намеренно. Однако к ним вполне можно «прицепить» различные манипулятивные концепции. В качестве таких вирусов используются, например, исторические события. Репрессии в СССР 1930-х гг. и сегодня помогают решать проблемы саморекламы целому ряду политических группировок. При чем порой даже не принято вдаваться в исторические детали об истинных жертвах и их палачах. Кто первый в свое время «коседлал» эту тему, тот до сих пор получает с нее политические дивиденды. Получается, что громче всех «Держи вора!» кричит сам вор. Еще один пример этого рода – куриный грипп, «пугало» которого при помощи СМИ нанесло сокрушительные удары по рынкам мяса птицы целого ряда стран.

Наконец, к третьему типу относятся полностью самозарождающиеся медиавирусы. Ими, как правило, становятся спонтанно возникшие скандалы, которые являются достоянием СМИ: например, выстраивание «живых щитов» на дороге сотрудниками белорусской ГАИ, в результате чего страдают случайные автолюбители и их близкие.

В более широком смысле самозарождающиеся медиавирусы – это концепции и события, всплывающие в медиа совершенно спонтанно, но получающие широкое распространение благодаря тому, что они порождают сильный резонанс или вызывают сильный отклик у тех, кто сталкивается с ними (см. Рашкофф 2003, 14).

Зачастую бывает весьма трудно определить границу между «спонтанным» и «инспирированным» медиавирусом. На первый взгляд сообщение о возможности заражения американских граждан сибирской язвой кажется внезапно возникшим медиаскандалом. Однако его политические последствия заставили говорить о том, что он был инициирован спецслужбами. Цель устраше-

ния была достигнута, породив цепную реакцию комментариев – лавинообразно размножающихся медиавирусов. Высказано мнение о том, что данное медиасообщение было необходимо для того, чтобы сделать американское общественное мнение более податливым к «закручиванию гаек» в США после событий 11 сентября 2001 г.

Для исследования наиболее интересны именно «преднамеренные вирусы», раскрывающие характер действия медиавирусов во всей полноте. Подобные манипуляции сознанием поставлены на методологическую основу не только в политических, но и в маркетинговых технологиях. Принцип преднамеренных вирусов лежит в основе создания так называемых «коротких» брэндов. Рассмотрим подробнее, как они конструируются.

Автор технологии краткосрочных брэндов генеральный директор компании Herman-Strategic Consultants Дан Герман впервые обобщил опыт мировых компаний и создал собственную практическую методику. Когда на рынке правят брэнды-долгожители, существующие 25–50 лет, потеснить их дорого и сложно, поэтому Герман предложил всем желающим не ввязываться в борьбу с «монстрами», а создавать брэнды-хиты. Срок их жизни недолог – от нескольких месяцев до нескольких лет. Но зато с помощью модных новинок можно быстро завоевать расположение потребителей. И пока товар находится на пике популярности, компания может хорошо заработать.

Если товар супермодный, то ажиотажный спрос на него покрывает все расходы за очень короткое время. Но чтобы товар стал «хитом», надо найти какую-то модную тенденцию и сделать ее идейной основой брэнда. Модную «волну» можно найти в любой области жизни, например, раньше наши женщины увлекались латиноамериканскими сериалами, сегодня – российскими. Задача разработчиков брэнда – нащупать такую «волну». Технология «коротких» брэндов становится все более актуальной и потому, что в последнее время стала падать лояльность потребителей к торговым маркам.

«Короткие» марки часто строятся на базе сильного «материнского» брэнда. Например, когда мир моды помешался на розовом цвете, в магазинах появилась бутылка «Пепси» с ярко-розовой этикеткой. Акция «Култ розового с Pepsi Light» длилась до тех пор, пока модницы не одели темные пальто. Подобным брэндам-«деткам» легче пробиться на рынок. «Мамино» имя в ярко-розовых тонах служит «протеиновой оболочкой», оно, прикрепившись к сознанию целевой группы, вводит в нее «детку» – «короткий» брэнд, мотивационную площадку для которого уже подготовила «мама». Зачастую покупатель осознает, что стал потребителем совершенно нового продукта уже на стадии «активности», что и было запрограммировано творцами «короткого» брэнда (см. Современный офис 2007, 6).

Здесь стоит более подробно остановиться на понятии «медиавирус». По определению Дугласа Рашкофф, под ним подразумевается медиасобытие, ведущее к социальным переменам, что не включает целый ряд феноменов, который присущ не только социально-политической, но и рекламно-маркетинговой сфере. Более того, в основе любой манипуляции массовым сознанием в той или иной степени лежит принцип вируса. Поэтому определение необходимо дополнить более расширенным толкованием: любое медиасообщение, в подтексте которого запрограммировано манипулятивное влияние на целевую аудиторию. К медиавирусу можно отнести не только событие, сообщение, «короткий» брэнд или идею, но и заголовок в газете, и рекламный слоган, а также целый ряд явлений в информационном пространстве, уже перечисленных выше.

Искусство рекламы и PR во многом представляет собой систематизированные наставления по созданию медиавирусов. Одно из направлений так и называется – вирусный маркетинг, ставший специализацией отдельных рекламных агентств. Скандал с размещенной в московском ЦУМе рекламой от компании Prada с набором вызывающих слоганов в этом смысле является классическим примером. Один из слоганов гласил: «Кто не в Prada, тот лох!» Данной рекламой заинтересовалась Федеральная антимонопольная служба, и началась раскрутка скандала в СМИ, что и требовалось организаторам компании, они достигли запрограммированного воздействия на целевую аудиторию (см. Медведева, Шишова 2006, 247). В сфере политической рекламы роль вирусного маркетинга играет черный PR.

Разрушительное действие в глобальных масштабах производят медиавирусы в идейной сфере, зачастую это предполагает попытку изменения культурно-генетического кода у целых народов. Говоря языком маркетинга, отдельно взятый народ выступает в роли целевой группы, у которой необходимо изменить национально-государственную мотивацию. Чаще всего эксплуатируется природное стремление человека к правде и справедливости и на него накладывается та или иная идеологическая калька. Как замечает российский политолог С. Кара-Мурза, глубокая деформация сознания произошла в связи с интенсивным использованием идеологами понятий свободы и демократии в перестроечный период. Этим абстрактным и многозначным терминам придавали значение каких-то реальных сущностей и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения.

Образ демократии с размытыми очертаниями, в нашем случае классический медиавирус, стал такой всемогущей сущностью, что нельзя было не только сказать что-то против него, но даже усомниться и задать вопрос. Политики использовали его как дубинку, а само понятие стало на-

полняться не только разнородными, но и прямо взаимоисключающими элементами. Данные элементы и сыграли роль идеологического кода, внедренного в массовое сознание. Этот код нес в себе тоталитарные структуры «нового мышления», способствовавшие разрушению единой державы, утверждению геополитического превосходства над бывшим СССР и взятию под контроль его ресурсов (см. Кара-Мурза 2007, 45).

Таким образом, умение распознавать медиавирусы, предвосхищать последствия их внедрения и расщеплять в массовом сознании – одна из главных составляющих информационной безопасности любого государства. Сам принцип медиавируса в процессе коммуникативного взаимодействия уникален тем, что в той или иной степени отображает весь спектр феноменов, присутствующих манипуляции общественным сознанием.

ЛИТЕРАТУРА

- Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М., 2007.
 Лебон Г. Вожаки толпы и их способы убеждения. Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия. Мн., 2004.
 Медведева И.Я., Шишова Т.Л. «Кто соблазнит малых сих...». Клин, 2006.
 Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.; Киев, 2002.
 Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.
 Современный офис // Строительная газета. 2007. № 13 (228). 24–31 мая.
 Шейнов В.П. Пиар «белый» и «черный»: технология скрытого управления людьми. М.; Мн., 2007.
 Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М., 2006.

Поступила в редакцию 15.01.09.

Николай Николаевич Левчук – начальник отдела зарубежной военной информации военного информационного агентства Вооруженных Сил Республики Беларусь «Ваяр».

ТЯНЬ ЮЕХУН

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ КНР

Рассмотрены некоторые наиболее характерные типологические особенности радио Китая. Предложена классификация региональных радиопрограмм по тематической направленности, степени охвата аудитории, целевому назначению, периодичности, времени выхода в эфир и иным особенностям, связанным с характером предоставляемой информации. Особое внимание обращается на факторы, оказавшие влияние на структуру радиопередач провинциального радио КНР. Делается вывод о том, что ориентация на определенную слушательскую аудиторию способствует наличию разнообразных типов передач на региональных радиостанциях.

The article is devoted to the analysis of typological diversity of the programs of regional broadcasting of China. The author suggests typological structure of radio programs on subject orientation, a degree of scope of an audience, aims, periodicity, time of an output in a radio ether and other peculiarities connected with the character of given information. Special attention is paid to the factors that have influenced typological structure of broadcasts of province radio of China. The author comes to the conclusion that the orientation to the certain audience is the main factor of the presence of various types of broadcasts on regional radio stations.

В процессе взаимодействия журналистики с социальной практикой создается определенная структура средств информации. Она, в свою очередь, должна быть точно отражена в типологических характеристиках как отдельных передач, так и всей системы СМИ. Типология, или «классификация предметов или явлений по общности каких-либо признаков» (Современная журналистика 2008, 177), – это особое методологическое средство, при помощи которого строится теоретическое объяснение самых различных проблем профессиональной практической деятельности.

Типологические особенности программ современного регионального радиовещания КНР формировались на протяжении последних 10 лет. На смену «универсальному», «массовому» вещанию в 1990-е гг. пришла специализация на определенном сегменте аудитории, которая, в свою очередь, стала фактором, способствующим в целом формированию новых типов радиопередач. В это же время укрепилось значение регионального радиовещания, ориентированного на потребности жителей провинции, города, уезда. Близость региональных радиостанций к проблемам своего слушателя, способность оперативно информировать о событиях, наиболее важных

для аудитории, делают дистанцию между радиожурналистами и слушателями минимальной. Отсюда высокий уровень доверия и интереса аудитории к региональному вещанию, и, как следствие этого, – рост количества региональных радиопередач с разным обликом (см. Газета+радио... 2004, 84).

Другой важной и характерной особенностью становления и развития современных радиопередач китайских провинций является то, что их динамика происходит в условиях высокого уровня грамотности населения, достаточного количества квалифицированных журналистов, соответствующей технической оснащенности их труда и стремительного развития сети аудиовизуальных СМИ в стране, где охват радиовещанием активной части населения КНР составляет более 90 % (см. Шеин, Тянь Юехун 2009, 439).

Тематическую структуру радиопередач провинциального радио КНР определяют политические, экономические и технические факторы. В настоящее время сохраняется важная роль государства в формировании информационной политики по отношению к значимым во всекитайском масштабе СМИ. Особенно это важно для политики в области регионального радиовещания, так

как именно в провинциях, городах и уездах сосредоточена основная слушательская аудитория. При этом рыночная экономика в сфере СМИ развита недостаточно мощно. Большинство региональных радиопередач испытывают дефицит в финансировании. Техническое обеспечение редакций региональных радиостанций постоянно совершенствуется, но еще недостаточно – это снижает эффективность и интенсивность их работы. Утверждение новой китайской журналистики привело к росту профессионального уровня радиожурналистов. В КНР значительно увеличилось количество информации, и она стала более оперативной, но ее обработка и подача потребителям еще требует совершенствования. Приоритетными типифицирующими факторами в системе региональных радиопередач КНР являются события в мире, стране, провинции, городе, уезде, возможность доступа к новым музыкальным произведениям, конкуренция с другими радиостанциями. Внутренние факторы, такие как эфирная сетка, наличие высокопрофессиональных журналистских кадров, самореклама в эфире, подача и продолжительность новостей, соотношение записанных программ и программ прямого эфира, также определяют типологические особенности регионального радио КНР.

Все это формирует новую систему радиовещания, в основе которой лежит тематическое разнообразие радиопередач региональных радиостанций.

Региональные радиостанции КНР осуществляют свое собственное вещание на территории провинций. Специфика многих региональных радиостанций состоит в том, что продукт, ими производимый, начиная от рекламных роликов и заканчивая программами по заявкам, ориентированный преимущественно на слушательскую аудиторию того региона, в котором оно вещает, имеет успех у слушателей других провинций. Причины подобной популярности заключаются в совершенствовании форм и методов подачи материала в радиоэфир, а также в тематическом разнообразии радиопередач, ориентированных на свою слушательскую аудиторию.

Большинство региональных радиостанций функционируют по принципу многочастотного вещания. С середины 1990-х гг. радиовещание КНР отказалось от смешения разнотиповых программ в эфире. Теперь «программная чересполосица» не характерна для большей части региональных радиостанций КНР. Таким образом, в эфире региональных радиостанций определен тип программ представлен на отдельной частоте. Например, в г. Чжэнчжоу (главном городе провинции Хэнань) музыкальное вещание ведется только на частоте FM 94.4, радиовещание на экономическую тематику – на AM 7111, FM 91.2, новостные радиопередачи выходят в эфир на частоте AM 549, культурно-развлекательная

тематика представлена на FM 91.8 (см. Радио Чжэнчжоу в Интернете 2009).

Значимость такого подхода заключается в возможности выбора слушателем «своей» передачи – когда и в какое бы время слушатель не включил радио, он получает именно то, что и ожидал. Данный подход обеспечивает самый удобный подбор программ для аудитории. А это значит, что на немногочисленных «смешанных» частотах регионального радио КНР присутствует элемент предсказуемости, так, например, утреннее шоу выходит в одно и то же время по рабочим дням, новостные блоки также фиксированы во времени. Если время выхода программы в эфир в выходные и рабочие дни меняется, то эти изменения носят долговременный характер и слушатель к ним привыкает.

Для каждой частоты характерна своя структура радиопрограмм: по тематической направленности, степени охвата аудитории, целевому назначению, периодичности, даже времени выхода в эфир и иным особенностям, связанным с характером предоставляемой информации.

По географии охвата аудитории можно определить следующие основные типы радиопрограмм радио КНР: международные («Новости мира», «Наша планета»); общекайтайские («Здоровье»); межрегиональные; территориальные (провинциальные); по характеристике аудитории: возрастных групп; этнических общностей; профессиональных групп; в зависимости от тематической направленности выделяются универсальные и специализированные типы радиопрограмм.

По целевому назначению радиопрограмм предлагаем следующую типологию: художественные программы, публицистические («Земельная собственность»); развлекательные («Кинособытия»); научные; рекламные; информационные («Завтрак – кола»).

По времени выхода в эфир разделяют утренние, дневные, вечерние и ночные радиопрограммы, а по периодичности выхода в эфир – ежедневные, еженедельные, ежемесячные программы.

Тематическое разнообразие программ региональных радиостанций КНР наполняется жанровым. При этом следует отметить, что важным основанием для формирования различных тематических групп радиопрограмм является характер транслируемой в эфир информации. Радиопередачи, адресуемые определенной аудитории (общекитайские, региональные, женские и др.), могут быть универсальными по тематике, т. е. отражать темы, интересующие данную группу слушателей. Однако они бывают и монотематическими или же могут отражать несколько важных для данной аудитории тем. Например, передача «Для женщин» часто универсальна по тематике: может быть посвящена и модным тенденциям, и медицинской тематике («Здоровье женщины»).

Наибольшей популярностью у слушателей провинций пользуются музыкальные программы, такие как «Современная музыка» и «Музыкальный штурвал». Данный тип программ ориентирован на разнообразную слушательскую аудиторию, что привлекает рекламодателей. В рамках радиозфира допускается обращение к новостям, обзорам прессы, кратким тематическим зарисовкам.

Особое место в эфире занимает программа радио Чжэнчжоу «Секретная речь». Эта программа была создана в 1993 г. и стала единственной радиопередачей в провинции Хэнань, посредством которой в эфире обсуждаются интимные вопросы.

В последние годы одной из самых популярных радиопередач на радио Чжэнчжоу стала передача «Завтрак – кола». Она выходит ежедневно на частоте FM 91.2 в прямом эфире уже 16 лет. Программа предоставляет разнообразную практическую информацию о ситуации на дорогах города, погоде, об экономическом положении и рассчитана на деловых людей (см. Радио Чжэнчжоу в Интернете 2009).

Характерной особенностью региональных радиопрограмм является их внутренняя динамика. Смена жанров, текста ведущего или ведущих, чередование речевых фрагментов, музыкальных отрывков, песен вносит разнообразие в ритм всей передачи и всей радиопрограммы дня. И каждый тип программ, обладая своими ресурсами, являясь составной частью этого единства, тем самым раскрывает и проявляет все многообразие публицистического воздействия на аудиторию. Каждая сложившаяся программа имеет свои традиции, стиль, тональность, в которых учитываются особенности той аудитории, к которой она обращена. История вещания знает программы, звучавшие в эфире десятки лет. При этом процесс создания радиопрограмм усложняется, расширяется частотный диапазон. В радиозфире появляются новые темы, открытые дискуссии на актуальные вопросы, вырабатываются подходы к освещению острых проблем и событий.

Развлекательный тип радиопрограмм представляет одна из самых популярных передач регионального радио «Веселая хлопушка с двумя зарядами». Программа выходит на развлекательной частоте региональной радиостанции провинции Ляонин (FM 99.8) с 22 августа 2001 г. с 21.00 до 22.00. Сегодня популярность данной программы уже за пределами провинции Ляонин – она известна в 76 городах различных провинций КНР. Права на указанную радиопередачу приобрела австралийская радиостанция SBS. Благодаря яркой и профессиональной работе радиоведущих программы Гуо Гуо и Цзян Нан, интерактивности, новым идеям, юмору программа «Веселая хлопушка с двумя зарядами» является одной из самых успешных программ регио-

нальных радиостанций КНР (см. Сайт народной радиостанции «Ляонин» 2009).

Особым типом программ регионального радио стали рекламные радиоролики и радиопередачи. Охват определенных сегментов аудитории при помощи хорошо известных частот дает возможность обращаться к ней в любое время суток и является идеальным средством охвата людей в автомобиле, имеет самый короткий период подготовки по сравнению с другими СМИ. Эта гибкость, невысокие затраты позволяют радио максимально приспособливаться к особенностям местного рынка, новостям, даже прогнозам погоды.

Для регионального радиовещания очень важна социальная реклама, которая в большей степени выполняет функции публицистических журналистских выступлений. Как в других странах, так и в Китае существуют экологическая, криминальная, транспортная и воспитательная проблемы. Кроме того, существует проблема планирования семьи в связи с высокой деторождаемостью. Такие темы, как социальная защита, профессиональная, семейная этика, общественная безопасность, предупреждение правонарушений, отрицание расовой дискриминации, которые напрямую связаны с отношением людей друг к другу, человека с обществом, человека с природой, – главные направления социальной рекламы.

Примером подобной социальной и «публицистической» рекламы является программа «Нравы китайской нации» (см. Михайлов, Ли Динсинь, Чжан Хэфэн и др. 2006, 409). Основная идея этой программы – поощрение традиционной культуры, национальных традиций и обычаев, например, забота о пожилых людях, детях и женщинах, уважение к учителям, оценка общественной, профессиональной, семейной этики и морали. Главными идеями подобных выпусков являются подъем национального самосознания, самоуважения, защита национальной культуры, обслуживание социальных потребностей. В период подготовки к проведению летней Олимпиады 2008 г. в эфире многих региональных радиостанций выходили радиоролики «Волонтеры – Олимпиаде».

Важное место в рекламе занимает медицинская тематика. Каждая региональная радиостанция КНР выпускает в эфир радиоролики и программы на данную тематику. В радиозфире появляются программы, рекламирующие лекарственные продукты: в студию приглашаются представители медицинских фирм-изготовителей, и в эфире идет обсуждение лекарственного препарата с квалифицированными врачами. Таким образом, в радиозфире совмещаются реклама и пропаганда здорового образа жизни.

На 72-м Всекитайском собрании представителей радиостанций КНР по обмену опытом была озвучена информация о том, что расход на медицинскую рекламу составляет 50–70 % (на не-

которых радиостанциях до 90 %) всех рекламных расходов провинциальных радиостанций (см. Реклама в медицине 2009).

Большой популярностью пользуются радиопередачи, в которых принимают участие известные в провинции врачи. Они рассказывают о наиболее актуальных и значимых событиях в сфере медицины, а слушатели могут позвонить в студию и задать свои вопросы.

Программы провинциального радио находятся в постоянной динамике. Потребности аудитории быстро меняются, а с ними меняются типы радиопередач, появляются новые. Например, изменяются типы передач, которые выходят в новом жанре: осуществлен переход от простой трансляции новостей к более широкой наполненности эфира вставками «горячей линии». Кроме того, с каждым годом обостряется конкуренция между отдельными радиостанциями: если программа какой-то определенной радиостанции имеет высокие рейтинги, то схожие по типу программы появляются в эфире и других радиостанций, поэтому постоянно требуется обновление и расширение типологического разнообразия программ регионального радио.

Современные информационные технологии значительно изменили региональное радиовещание КНР. Освоение цифровой записи и компьютерного монтажа, возможностей Интернета и сотовой связи, новых способов передачи и получения радиосигнала через спутники позволило региональному радио, с одной стороны, сохранить первенство в массовости и оперативности сообщения информации, с другой – существенно расширить творческий диапазон радиожурнали-

стики, так как существенно выросло качество передачи звука, вещания. Возникли сетевые радиостанции, а значит, существенно изменились такие показатели, как объем аудитории и территория вещания.

Таким образом, формирование рыночных отношений в системе радиовещания КНР определяет новый вид взаимодействия производителя радиопродукции и аудитории. «Радио для всех» превращается в «радио для каждого». Ориентированность на определенную аудиторию становится существенным фактором наличия разнообразных типов передач на региональных радиостанциях.

ЛИТЕРАТУРА

- Газета + радио в помощь редакторам региональных СМИ / В.В. Русакевич и др. Мн., 2004.
- Михайлов С.А., Ли Динсинь, Чжан Хэфэн и др. Журналистика Китая. СПб., 2006.
- Радио Чжэнчжоу в Интернете [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: <http://www.zzradio.cn/>; Дата доступа: 12.01.2009.
- Реклама в медицине [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: <http://www.byzc.com/Info.aspx?ModelId=4&Id=1795>. Дата доступа: 02.04.2009.
- Сайт народной радиостанции «Ляонин» [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/458830.htm>. Дата доступа: 02.04.2009.
- Современная журналистика: методология, творчество, перспективы: Сб. науч. ст. Мн., 2008.
- Шейн В., Тянь Юехун. Трансформация инфраструктуры китайского радио в период модернизации СМИ КНР (1978–2005 гг.) // Слова ў кантэксце часу: да 80-годдзя доктара філалагічных навук, прафесара Аркадзя Іосіфавіча Наркевіча: Зб. навук. прац. Мн., 2009. С. 432–440.

Поступила в редакцию 15.04.09.

Тянь Юехун – аспирантка кафедры телевидения и радиовещания Института журналистики БГУ. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания В.Н. Шейн.

А.В. ОТЛИВАНЧИК

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» (период редакторства Г.К. Градовского и Ф.М. Достоевского)

Выработка идейной платформы еженедельника «Гражданин» рассматривается в контексте истории русской общественной мысли и журналистики эпохи реформ Александра II. Анализируются причины «консервативного поворота» в русском общественном сознании на рубеже 1860–1870-х гг.; исследуется взаимоотношение консервативной и славянофильской тенденций в идейной направленности журнала.

The forming of the idea platform of «The Grazhdanin» weekly is under analysis within the historical context of Russian public idea and journalism of the times of reforms conducted by Alexander II. The article analyses the reasons of the «conservative turn» in Russian public conscience during the period of 1860s–1870s and studies interrelations of conservative and Slavophil tendencies in the idea platform of «The Grazhdanin».

Идейные позиции основанного в 1872 г. В.П. Мещерским политического и литературного еженедельника «Гражданин» формировались в процессе сближения славянофильско-почвеннического и консервативного направлений общественной мысли. Журнал, редакторами которого были Г.К. Градовский (1872 г.), затем Ф.М. Достоевский (1873–1874 гг.) и др., возник в условиях политического поправления значительной части русской интеллигенции на рубеже 1860–1870-х гг.

Основными причинами этого явления были: во-первых, проведенные правительством Александра II ряд реформ (крестьянская 1861 г., земская 1864 г., судебная 1864 г. и др.), а также планируемые преобразования в военной сфере, которые несколько изменили приоритеты общественного сознания: вопросы либерализации, модернизации русского общества, оставаясь на повестке дня, стали утрачивать прежнюю остроту; во-вторых, события в Европе (Испанская революция

1868–1874 гг., Парижская коммуна 1871 г.) и отчасти в России, грозившие сделать опасными и даже гибельными последствия непродуманной радикальной ломки общественных устоев. Например, упразднение традиционной монархии в Испании (1868 г.) спровоцировало гражданскую войну и длительный политический хаос, угрожавший распадом государства. Многолетнее «безначальное состояние», «нормально укоренившееся беззаконие» (Достоевский 1980 XXI, 240), постепенная варваризация общества обусловили беспрецедентную жестокость испанских революционеров. Не требуют комментариев приводимые европейской прессой в 1873 г. подробности кровавой бойни в Алькое (Валенсия), устроенной участниками I Интернационала: «<...> несчастных (представителей имущих классов. – А. О.) обливали нефтью и сжигали <...> другие были сброшены, мертвыми или живыми, с балкона городской ратуши к разъяренной толпе, которая волокла их по улицам и расчленила на куски» (Mazade 1873, 731). Члены Парижской коммуны в дни «кровавой недели» (21–28 мая 1871 г.) расстреляли более 60 заложников и превратили в руины несколько парижских улиц. Тревожные отклики на эти события находим у Достоевского и других сотрудников журнала «Гражданин»: «Пожар Парижа есть чудовищность <...> Но ведь им (коммунарам. – А. О.) <...> не кажется чудовищностью это бешенство»; «Они рубят головы – почему? Единственно потому, что это всего легче» (Достоевский 1986 XXIX, 214). Как писал С. Николаевский, в Испании «образовался склад тех горючих материалов, которые давно уже угрожают подорвать общественное здание во Франции и противу которых цивилизация должна вооружиться, для спасения своего, всеми зависящими от нее средствами» (Гражданин, 1873, № 7, 190*). Непрочность «нового мирового устройства» чутко уловил К.П. Победоносцев, лидер русского консерватизма, неоднократно упрекавший радикальных мыслителей в «детском обращении со взрывчатыми веществами реальности». «Цивилизация наша сделала громадные успехи, которые, по-видимому, кружат нам голову. <...> Но за всем тем природа человеческая не изменилась <...>. Одна черта, одно мгновение – и может открыться перед нами и около нас тот хаос, от которого отделяет нас тонкая, щегольская и обольстительная перегородка цивилизации» (1874, № 5, 150). Дегуманизирующее воздействие атеистического мировоззрения и основанных на нем общественных доктрин, по мнению К.П. Победоносцева, подрывало основы стабильности европейской цивилизации и влекло за собой катастрофически тяжелые последствия

для общества, государства и личности. Еще в 1870-е гг. он провидчески указал на будущее торжество «воинствующего безбожия» (1873, № 31, 849) и возможность реализации социал-дарвинистской теории (1873, № 39, 1049). Победоносцев-публицист требовал остановить начавшееся разрушение христианских основ русской и европейской культур, призывал современников уйти от соблазна замены их безжизненными «кабинетными» теориями.

Отрезвляющие уроки Испании и Франции побуждали русскую общественность более вдумчиво осмыслить факты собственного недавнего прошлого: поджог Петербурга 16 мая 1862 г., польское восстание 1863–1864 гг., покушения Д.В. Каракова (4 апреля 1866 г.) и А. Березовского (25 мая 1867 г.) на Александра II, первые публичные призывы к массовым погромам в революционных прокламациях начала 1860-х гг. Предлагавшиеся социалистами-шестидесятниками радикальные новации во многих сферах общественной жизни: запрет частной собственности, отмена семьи и брака, роспуск монастырей, признание «безусловной невменяемости преступлений» и др. – несли деструктивный потенциал и поэтому отвергались политически зрелой частью русской интеллигенции. Стремясь к стабильности, желая спокойного продолжения начатых реформ, либеральная общественность постепенно становилась на сторону правительства, по крайней мере, в его борьбе с экстремизмом революционеров.

В 1870-е гг. излишняя мягкость правления Александра II, неспособность власти дать стране прочный порядок стали очевидны не только консерваторам, но и части прогрессивно настроенной интеллигенции. Беспокойством за судьбу родины проникнуты нелестные для царя-освободителя размышления историка С.М. Соловьева о двух типах реформаторов: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е... Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке – и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель» (Соловьев Б. г., 168). Вспоминая о возникновении журнала «Гражданин», один из современников Достоевского подчеркнет востребованность в русской прессе 1870-х гг. умеренно-консервативного издания для противодействия «нелепостям и крайностям, в какие ударилось движение 60-х годов»: «Нужда в таком органе несомненно существовала. <...> Хотелось <...> разобраться серьезно и беспристрастно в беспорядочном нагромождении новых идей, вкусов и стремлений. В этом нагромождении преобладал всякий наносный сор, который желательно было удалить, чтобы освободить из-под него живое дело просвещенных и плодотворных преобразований» (А. О. 1900, 3).

* Ссылки на журнал «Гражданин» даются в скобках с указанием года издания, номера и страницы. Название журнала в последующих ссылках опускается.

Кроме отмеченных факторов, «консервативному повороту» 1870-х гг. в общественном сознании способствовала и новая внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Россия после объединения Германии в 1866–1871 гг. Германская империя, созданная в успешных войнах с Австрией и Францией, провозгласила себя новым «жандармом Европы» и устами своих полководцев, в частности Х. Мольтке, заявила о намерении «сохранять мир <...> и принуждать к тому других»* (1874, № 7, 193). Идеология пангерманизма, мечты немцев о естественном праве на «владычество и господство над истощенным и бессильным Латинским западом и грубым, некультурным Славянским востоком» получали широкое распространение и обосновывались официальной наукой (работы Г. фон Лео, М.-В. Гефтера, В. Менцеля, Г. фон Трейчке и др.) (см. Ламанский 1870, 78). Яркий пример «профанации науки» шовинистической пропагандой указал в корреспонденции в журнал «Гражданин» слушатель Гейдельбергского университета И.М. Болдаков, который выписал некоторые «поразительные» фрагменты лекций профессора истории Г. фон Трейчке: «мы ненавидим французов <...> как наших заклятых врагов», «ненависть же к нашим восточным соседям, этим *sarmatischen Dickhäutern* <...> не умеряется никаким чувством симпатии или уважения», «*sarmatisches Tier*», «*slawischer Kot*», «*sarmatischer Schmutz*»**... На волне эйфории от побед немецкого оружия ученый-шовинист имел значительный успех у молодых слушателей. «И пример Трейчке не единичный»*** (1873, № 37, 1004). «Страшный сосед живет с нами бок о бок», – размышлял Ф.М. Достоевский в черновике статьи для своего журнала, оценивая «новый огромный исторический факт» немецкого единства. Писатель ссылаясь на «исторический закон», по которому «жизнь бок о бок» двух могучих народов не может обходиться без войн (см. Достоевский 1980 XXI, 313). Осознание потенциальной угрозы со стороны сильной Германии консолидировало русскую общественность, содействовало усилению «охранительной», проправительственной тенденции.

Консервативное направление в русской публицистике 1860–1870-х гг. представляли М.Н. Катков, Н.А. Любимов, К.П. Победоносцев, Н.А. Безобразов, В.Д. Скарятин, Г.Б. Бланк, Р.А. Фадеев,

В.И. Аскоченский и др. Пореформенный русский консерватизм был внутренне неоднороден, более или менее явно распадаясь на два крупных течения: сословно-дворянское (основной печатный орган – «Весть» В.Д. Скарятин) и национально-патриотическое, идеи которого отражались в изданиях М.Н. Каткова «Московские ведомости», «Русский вестник», «Современная летопись». Отличительной чертой идеологии издания В.Д. Скарятин, которое поддерживали противники преобразования 1860-х гг., являлся дворянский космополитизм, выражавшийся, в частности, в сочувствии нерусской аристократии окраинных регионов. «Весть» последовательно защищала интересы немецких крупных землевладельцев в Остзейском крае, польских – в западных губерниях страны. Среди единомышленников и союзников М.Н. Каткова, выступавших под флагом политического и духовного единства России, преобладали бывшие либералы, одобрявшие первые реформы Александра II. Основная критика изданий «Русский вестник» и «Московские ведомости» была направлена против революционного подполья, «радикальной партии», польских и немецких автономистов. В полемике между газетами «Весть» и «Московские ведомости», не прекращавшейся все 1860-е гг., наглядно выявилось сочувствие большинства консервативной интеллигенции «направлению Каткова»: постепенно терявшая подписчиков «Весть» (тираж в 1868 г. – 3701 экз., в 1869 г. – 2770 экз.) разорилась и закрылась в 1870 г.

Можно говорить о предрасположенности «национального» консерватизма М.Н. Каткова, В.П. Мещерского, К.П. Победоносцева, Р.А. Фадеева, В.Г. Авсеенко к сближению со славянофильством и почвенничеством. В отзыве на сборник статей генерала Р.А. Фадеева «Наш военный вопрос» ведущий критик «Гражданина» Н.Н. Страхов отмечал тесную связь панславистской доктрины Р.А. Фадеева с историософской концепцией Н.Я. Данилевского, изложенной в знаменитом труде «Россия и Европа» (1873, № 44, 1180). В аналитических и полемических работах К.П. Победоносцева предпринята попытка сочетать идеи европейских «правых» – политический абсолютизм Ж. де Местра, английский торизм Дж.-Ф. Стифена – со славянофильской критикой важнейших духовных начал католической и протестантской Европы и учением о «политико-культурных типах», подчеркивающим «различие между общественным духом и складом англо-саксонского и, например, русского племени» (1873, № 32, 871). Самобытный характер своей культуры, своих политических учреждений – «вот что следует охранять дороже всего от кривизны и смешения» (Там же, 873); «отличительные **племенные** черты каждого вероисповедания» непреодолимо препятствуют «объединению вероисповеданий в одном искусственном, надуманном соглашении о догмате» (1873, № 33,

* Курсив в цитатах везде авторский, жирный шрифт – наш. – А. О.

** «Сарматская скотина (животное)», «славянское г <...>», «сарматская грязь» (нем.).

*** О подобных фактах писал и Достоевский, проживавший в период франко-прусской войны в Дрездене: «Всего больше горячатся и *гордятся* профессора, доктора, студенты <...> Один седой как лунь и влиятельный ученый громко кричал третьего дня: «Paris muss bombardiert sein!» («Париж должен быть бомбардирован!») (нем.) – А. О.» – письмо А.Н. Майкову от 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.) (Достоевский 1986 XXIX, 162).

893) – эти и другие мысли К.П. Победоносцева идентичны положениям политической и религиозной философии Ф.М. Достоевского, Н.Н. Стрехова, Н.Я. Данилевского.

На более поверхностном уровне славянофильское влияние усваивается В.П. Мещерским. В многочисленных статьях, фельетонах, памфлетах издаваемый собственником журнала «Гражданин» обыгрывал ставшее «общим местом» публицистов «славянской партии» противопоставление порочного европеизированного Петербурга духовно здоровой провинциальной России: «Если Россия сделается Петербургом – она погибла. Если Петербург сделается Россией – она спасена» (1872, № 34, 559); «в России (а не в Петербурге)» (1873, № 43, 1146); «видно, не настал последний час Содомы, то есть, виноват, ошибся – Петербурга» (1873, № 41, 1094). Налицо и принципиальное отрицание Мещерским западнического евроцентризма. При этом, однако, славянофильские идеальные установки в его ранних работах неустойчивы, иногда проводятся автором непоследовательно в пределах одной и той же статьи (1874, № 13/14, 409–410) и легко дезавуируются («Я каюсь в своем заблуждении: еще недавно я почти верил в девственность провинции относительно петербургского <...> сумбура; теперь не верю» (1873, № 30, 824). Впоследствии (в 1880–1890-е гг.) В.П. Мещерский преодолевает славянофильские увлечения молодости и однозначно позиционирует себя как дворянский идеолог – сторонник контрреформ.

После закрытия в середине 1860-х гг. журналов почвенников «Время» и «Эпоха», славянофильской газеты «День» часть сотрудников этих изданий публиковалась – постоянно или эпизодически – в журнале В.В. Кашпирева «Заря» (1869–1872 гг.). Неофициальным соредктором этого издания стал Н.Н. Стрехов, одновременно возглавивший отдел критики, ведущими авторами были А.Н. Майков, Я.П. Полонский, Вс.В. Крестовский, Ф.М. Достоевский («Время», «Эпоха»), Ф.И. Тютчев, Н.С. Соханская (псевд. Кохановская), М.П. Погодин, В.И. Ламанский («День») и др. Достоевский, поместивший в «Заре» повесть «Вечный муж», в письме Н.Н. Стрехову от 2 (14) декабря 1870 г. дал восторженную оценку идейной платформе издания: «Для меня “Заря” – вещь родная. Она, почти одна из журналов, стоит за те мнения, которые я ценю теперь выше моей жизни и которым, по убеждению моему, принадлежит будущность» (Достоевский 1986 XXIX, 152). Идеология «Зари» отличалась от славянофильства и почвенничества 1860-х гг., означала сдвиг «вправо», в сторону союза с прежними оппонентами журнала «Время» братьев М.М. и Ф.М. Достоевских – изданиями «Русский вестник» и «Московские ведомости». Журнал солидаризировался с «ультра-русским патриотизмом» и государственнымничеством бывшего англомана М.Н. Каткова, постоянно поддерживал его в газетно-журнальной полемике. Идеиную близость журналов «Заря» и «Русский вестник» подчеркивает наличие у них общего авторского актива. М.П. Погодин, К.Н. Леонтьев, В.П. Бурнашев, Д.И. Иловайский,

А.Ф. Писемский, Ф.М. Достоевский, В.Г. Авсеенко, Вс.В. Крестовский, Б.Н. Алмазов, другие публицисты и писатели на рубеже 1860–1870-х гг. сотрудничали одновременно в обоих изданиях.

С 1872 г., когда журнал «Заря» прекратил свое существование, его православнофильская тенденция продолжилась в публицистике издания «Гражданин», куда перешли видные сотрудники Н.Н. Стрехов, А.П. Шипов, М.П. Погодин, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, М.В. Прахов, Вс.С. Соловьев, Н.С. Соханская... Как и «Заря», «Гражданин» Г.К. Градовского и Ф.М. Достоевского тщательно избегал полемики с катковской прессой, несмотря на критичное отношение к ней некоторых своих работников. Проникновение охранительных начал в позднее славянофильство и почвенничество хорошо заметно в философской публицистике Н.Н. Стрехова. Так, в статье «Нечто о характере нашего времени», посвященной духовно-нравственному состоянию безрелигиозного общества середины XIX в., Стрехов-моралист последовательно исходит из консервативного принципа неизменности идеалов. По его мнению, при попытке трансформации или коррекции традиционных идеалов они «утрачивают свое содержание и исчезают». «Новые идеалы» Европы – «возможно большая свобода», «разрушение предрассудков», «распространение <...> просвещения», «устранение <...> физических бедствий», «наращение материального благосостояния» и др. – признаются неистинными, поскольку в них «цель, действительное благо, смешивается со средствами, и люди, не видя цели, к которой могли бы стремиться с религиозным энтузиазмом, переносят этот энтузиазм на средства <...> преимущественно на средства отрицательные, на устранение помех к неизвестному и все больше исчезающему в тумане благу» (1873, № 36, 980–981). Вслед за Стреховым подобный вывод делает и В.П. Мещерский: «Они <...> потеряны, эти старые идеалы (религиозные. – А. О.), и заменить их новыми <...> нельзя, ибо их нет <...> ибо потерянные идеалы были единственными идеалами» (1874, № 10, 300).

Таким образом, мировоззренческая система славянофильства-почвенничества взаимодействует и частично срастается в журнале с охранительной идеологией. Но «симбиоз» двух изначально различных направлений не приводит к выработке единого, внутренне непротиворечивого мировоззрения. Принципиальные расхождения между славянофилами-почвенниками и консерваторами издания особенно четко выявляются в блоке внешнеполитических публикаций (рубрики С. Николаевского «Политическое обозрение», К.П. Победоносцева «Русские листки из-за границы», Ф.М. Достоевского и В.Ф. Пуцковича «Иностранные события» и др.). Никто из почвенников – международных обозревателей журнала – не сочувствует западноевропейским «правым». Славянофильское неприятие традиционных форм политического устройства, традиционной религиозности старой Европы обуславливает симпатии Ф.М. Достоевского, С. Николаевского, К. Заруцкого, молодого В.Ф. Пуцковича к

умеренно-прогрессивным деятелям и партиям – английским вигам, французским правым республиканцам, швейцарским либералам, противникам папства в Италии и т. д. В то же время охранители К.П. Победоносцев солидаризируются с западными консерваторами, в том числе со сторонниками абсолютной монархии, сочувствует борьбе католических клерикалов со светской властью. Отсутствие единомыслия в первоначальной редакции журнала «Гражданин» замечает анонимный мемуарист «Нового времени», подчеркивавший «видную роль» в журнале славянофила Т.И. Филиппова и в известной мере противопоставлявший его В.П. Мещерскому. «Он <Т.И. Филиппов> не был, например, сторонником дворянских мнений кн. Мещерского, и вообще дворянские интересы занимали его слабо. Не был он и обскурантом в настоящем смысле, так как ничего не имел против науки, пока она держалась в стороне от церковных вопросов» (А. О. 1900, 3). Из других источников мы знаем о разногласиях Т.И. Филиппова, Ф.М. Достоевского и А.Н. Майкова с В.П. Мещерским по вопросу эмансипации женщин (см. Достоевский в неизданной переписке 1973, 420; Викторovich 1988, 209). Отрицательные оценки Т.И. Филиппова вызывала «ретроградная» публицистика М.П. Погодина. Сохранившееся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) письмо Т.И. Филиппова М.П. Погодину от 20 октября 1873 г. содержит нелицеприятный отзыв о новой книге М.П. Погодина «Простая речь о мудреных вещах» – неумело исполненном антиинигилистическом памфлете. «Впечатление,

произведенное «Речью» <...> таково, что лучше было бы ей не появляться в свете», – сообщал Т.И. Филиппов, советуя коллеге: «От второго издания лучше было бы воздержаться: овладейте собой и победите искушение» (РГАЛИ. Ф. 373. 1. 351. Л. 56 об.). Вышеизложенное дает основание не отождествлять позднее славянофильство-почвенничество Ф.М. Достоевского, Т.И. Филиппова, А.Н. Майкова и др. с консерватизмом собственника «Гражданина» и близких ему публицистов.

Работа выполнена в рамках договора с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, грант Г09Р-007 от 15 апреля 2009 г.

ЛИТЕРАТУРА

- А. О. Маленький фельетон (Из литературных воспоминаний) // Новое время. 1900. 31 окт. С. 3–4.
 Викторovich В. А. Достоевский и В.П. Мещерский (К вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) // Русская литература. 1988. № 1. С. 205–216.
 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21; 1986. Т. 29. Кн. 1.
 Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 349–564.
 Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. Гл. III // Заря. 1870. № 12. Отд. II. С. 44–161.
 Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. М., Б. г.
 Mazade Ch. de. Chronique de la quinzaine // Revue des Deux Mondes. 1873. 1er août. P. 722–734.
 Поступила в редакцию 25.05.09.

Александр Владимирович Отливанчик – преподаватель кафедры истории журналистики Института журналистики БГУ.

П.П. ПОВАРИЧ

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛОВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Наряду с общими типологическими характеристиками анализируются особенности журналов современной культуры: тематический диапазон, визуальный образ, система контрибьютеров, авторский стиль. Предлагается система их классификации в соответствии с характерными признаками: географическими, тематическими, эстетическими и журналистскими.

Contemporary culture magazines are a type of media, spread worldwide, with a broad thematic specter and a number of individual characteristics. The article suggests a possibility of classifying these magazines according to their geographical, topical, aesthetical and journalistic features. It also views how these specificities of each contemporary culture magazine define its place as a unique journalistic product in the system of the global contemporary culture, while sharing common conceptual basis with the other editions of this type.

Журналы современной культуры, которые появились в Великобритании в 1980-х гг., окончательно оформились как тип издания к началу XXI в. К этому времени они уже издавались в различных странах: кроме английских «i-D», «Dazed & Confused», «POP», «Tank Magazine», стали известны американский «The Black Book», шведские «People» и «Bitch», а на постсоветском пространстве – украинский «Наш» и российские «Fakel» и «Птюч». Существуют и международные издания: «Vice», «Amelia's Magazine», «WAD», которые выходят одновременно в нескольких странах и охватывают определенный географический регион. Сегодня, в эпоху глобализационных процессов, этот тип изданий является весьма распространенным и значимым явлением в современной медиакulturе.

Журналы современной культуры, существуя на определенной территории и, несомненно, обладая чертами журналистики конкретного региона, имеют общие особенности, которые позволяют классифицировать их как издания одного

типа. Среди этих особенностей следует отметить, во-первых, их соответствие той части читательской аудитории, культурная сущность которой определяется понятием «молодежная субкультура» и которая характеризуется предрасположенностью к процессам глобализации, фрагментарностью и многослойностью. Во-вторых, это тематика публикаций, отражающая многообразные аспекты функционирования молодежной субкультуры в различных странах (от моды и образцов поведения до философии и социальных проблем). Третьей объединяющей чертой является ставка на многонациональный авторский состав и систему контрибьютеров, которые передают информацию из различных точек земного шара, вследствие чего публикации отличаются особым качеством поликультурности. Еще одна важная характеристика таких изданий – это общность редакционных принципов в стилистическом и визуальном оформлении журнальных текстов. Авторские материалы отличаются высокой степенью индивиду-

лизации, подчеркнутого внимания к героям публикаций, допускающих и различный уровень «резкости». Схожим способом подачи информации соответствует и их оригинальная жанровая специфика. В изданиях такого типа чаще всего появляются литературно-критические обзоры, культурологические статьи, историко-культурные описания, интервью-«светская беседа» и интервью-чат.

Однако, помимо общих черт, эти журналы имеют свои отличительные особенности, обусловленные социально-культурной спецификой той или иной страны, языком, тематическим направлением, что позволяет уточнить их место современной журналистике. Журналы современной культуры с учетом общих и индивидуальных характеристик можно определенным образом классифицировать.

Одним из важных классификационных признаков является **географическо-территориальный**. С этой точки зрения издания можно подразделить на: *локальные* или *национальные*, которые выходят в одной стране на государственном языке, например: «i-D», «Dazed & Confused» (Великобритания, английский), «The Black Book» (США, американизированный английский), «People» (Швеция, шведский), «Cutie» (Япония, японский), «Catalog» (Сингапур, английский) и т. п.; *региональные*, издающиеся в нескольких недалеко расположенных друг от друга странах («WAD», Франция – Великобритания), «Juice» (Сингапур – Малайзия – Индонезия); *международные*, которые выходят в разных странах по всему миру, например «Vice» (головной офис в Нью-Йорке, сам журнал издается в 15 странах).

В силу финансовых возможностей только авторитетные издания, такие как «Vice», «i-D» или «POP», могут позволить себе уникальные интервью с известными представителями современной культуры, многие из которых являются звездами первой величины в том или ином виде искусства, а также большое количество дорогостоящих фотосессий, в которых задействованы фотографы, модели и дизайнеры мирового масштаба. Иногда такие проекты обладают определенной долей иронии и абсурдности, что не только не отталкивает, а еще более привлекает читательскую аудиторию. Так, журнал «POP» (см. POP 2007, февраль) привлёк дизайнеров из домов Луис Вуйттон (Louis Vuitton), Стелла МакКартни (Stella McCartney), Миу Миу (MIU MIU) и др. к созданию модных образов для собак (фотосессия «RUFF!» – «ГАВ!») и кукол-перчаток (фотосессия «Don't be a puppet, get a fashion hand-puppet» – «Не будь кляшкой, заведи модную ручную игрушку»). Заголовок основан на игре английских слов «puppet» и «puppet»). Разветвленная сеть контрибьютеров также способствует наполнению журналов материалами из различных точек земного шара. Например, straight-up – фотосессия журнала «Vice» (см. Vice 2008, апрель), тематическое направление которого было обозначено как The Fashion Issue (исследование в области моды), была скомпилирована из фотографий, сделанных в Японии, Швеции, Дании, Великобритании, как визуализированная сравнительная характеристика современных тенденций повседневной уличной моды в мировом масштабе.

В большинстве случаев тематическая направленность журналов в известной степени обусловлена их географической принадлежностью. Особенно это касается уличной моды, статьи о стиле жизни, а также выбор героев для материалов соответствуют тенденциям развития молодежной культуры в странах, где они издаются. Например, журнал «Juice» помещает на обложку издания портреты тех людей, профессия, хобби или увлечение которых связаны с тематикой номера. В частности, в выпуске, посвященном электронной танцевальной музыке (см. Juice 2008, сентябрь), его cover-звездой стал начинающий, но уже весьма известный в местных кругах ди-джей Inquisitive, который был представлен как лицо новой, альтернативной сингапурской клубной культуры.

Так как журналы современной культуры имеют определенную тематическую направленность, которая отражает особенности жизни молодежной субкультуры в эпоху глобализации, то следующим не менее важным классификационным признаком является тематический. По **тематической направленности** эти журналы можно подразделить на: *моноиздания*, в которых представлены одно или два явления молодежной субкультуры, например: музыка («Juice», «Nylon»); мода («Cutie», «Tank», «POP»); современное искусство («Nude», «Amelia's Magazine»); литература («The Black Book»); спорт в сочетании с музыкой или модой («Huck»); издания *общекультурной направленности*, освещающие самые разные аспекты развития современной культуры («Vice», «i-D», «Dazed & Confused»).

По **целевой аудитории** журналы подразделяются на: *общей* ориентации, которые апеллируют ко всем слоям населения, заинтересованным в современной культуре; *профессиональные*, ориентированные в большей степени на ту или иную подготовленную аудиторию. Так, журналы «Tank» и «POP» определяют себя как издания, предназначенные для студентов дизайнера и моды (правда, с приходом Д. Жуковой на пост главного редактора в «POP» журнал планирует несколько изменить формат и расширить читательскую аудиторию). В процессе развития целевая аудитория изданий может изменяться, расширяться или сужаться. К примеру, на начальном этапе существования «i-D» являлся изданием субкультуры панк-групп. Его отличала бескомпромиссность и резкость как содержания, так и внешнего вида (верстки, фотографий и пр.). «С наибольшей полнотой стиль выражен в журнале “i-D” (снова идентичность!), хотя последний уже представляет интеллектуально изоцированную сторону стиля панк» (Хиллер 2004, 195). С течением времени журналу стали присущи большая широта и открытость. «Журнал “i-D” 1980-х представлял собой приручение стиля панк миром дизайнеров» (Там же, 197). В начале 1990-х гг. издание стало явно ориентированным на стиль жизни современной британской молодежи и студенчества. В это время на его страницах появлялись статьи, дающие советы о том, как «влиться» в любимую профессию, или материалы, затрагивающие положение студентов во время экономического кризиса (i-D 1993, февраль). Позже журнал стал представлять более широкие слои населения и делать упор на моду и современное искусство, а его це-

левая аудитория сместилась от молодежи к профессиональным представителям моды, искусства, дизайна и пр., а также к тем, кто интересуется различными аспектами современной культуры.

В отдельную группу можно выделить журналы, ориентированные на определенный вид молодежной субкультуры, – *сегментные*. Например, издания, посвященные субкультуре эмо, в частности «Darkfaery magazine» («Темная фея»), или панк-року, который за годы существования «обзавелся» большим количеством журналов, в том числе таких влиятельных, как, например, «Punk Magazine», «Punk Planet» и «Creem». Такие издания ориентированы на отражение стиля жизни и мировоззрения определенной категории молодежной субкультуры и характеризуются весьма узкой направленностью. Так, японский журнал «Gothic & Lolita Bible» («Готика и библия Лолиты») был создан для фанатов уличной культуры легендарного района Токио Харадзюку (Harajuku). Он специализируется на популярном стиле японской уличной моды gothic Lolita (готическая Лолита) для девушек и молодых женщин и предполагает создание образов милых и несколько мрачных персонажей, населяющих токийские кварталы. Тематика стостраничного издания, у которого нет четкой периодичности, включает советы по созданию яркого образа, модные тенденции в этой узкой сфере субкультуры, а также фотографии, выкройки, декораторские идеи и даже рецепты, которые соответствуют общей концепции субкультуры. Журнал ориентирован не только на фанатов субкультуры gothic Lolita, но и на тех, кого эта тенденция уличной моды интересует в профессиональном плане, например стилистов, художников-визажистов и т. д.

Для различных изданий рассматриваемого типа характерны варианты формы индивидуализированной, подчеркнуто авторской журналистики. При написании текстов наиболее распространенным является прием под названием «перевернутая пирамида», где сначала следует информативный лид-резюме, знакомящий с проблемой, а потом дается более детальное ее описание. Например, статья «Brazil's ABC Trust Paints a Brighter Future for the Youth of São Paulo» («Бразильский трест ABC рисует яркое будущее для молодежи Сан-Паулу») в «Dazed & Confused» (см. Dazed & Confused 2009, май) начинается с краткого описания экологической и экономической ситуации в городе, проблемы изменения которой в последующем тексте даются более подробно. Поэтому читателю с первых строк понятно, интересна ли ему тема материала, а автор получает возможность сразу высказать свою позицию, с которой можно соглашаться или нет. Такого рода материалы характерны для тех журналов современной культуры, у которых уже сложились свои традиции и есть значительная читательская аудитория («i-D», «Dazed & Confused», «The Black Book»). Самым «резким» вариантом авторской журналистики является гонзо-журналистика. На этот особый, совершенно ее новый тип впервые обратили внимание в 1960-е гг. в

связи с выходом книги Х. Томпсона «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» (Hunter S. Thompson «Fear and Loathing in Las Vegas»), по которой был снят одноименный фильм с Д. Деппом в главной роли. По мнению американского исследователя В. МакКина, гонзо-журналистика отличается тем, что в поле зрения корреспондента попадает вся исследуемая информация – «записки, обрывки других статей, снятые интервью, дословные телефонные разговоры, телеграммы» (McKeen 1991, 36). Признанным адептом гонзо-журналистики является «Vice Magazine», который использует подход гонзо не просто в качестве средства провокации, но и как способ выражения определенной позиции и автора, и издания. Это наиболее характерно для рубрики «DOs and DON'T's», в которой журналисты оценивают поведение, речь, стиль одежды и привычки людей, которых они встречают на концертах, перформансах, клубных мероприятиях.

Между публикациями, подготовленными по образцу «перевернутой пирамиды», и гонзо-журналистикой находятся материалы, которые отличаются ярким авторским подходом, лишенным какой бы то ни было провокационности. Подобный прием характерен для менее крупных изданий, как «POP» или «Juice», и проявляется прежде всего в стиле публикаций. Так, в статье о лондонском дизайнере К. Плайя, создающем одежду для модной субкультуры нью-рейва, опубликованной в журнале «POP», заявляется с известной долей самоиронии: «...да-да, "i-D" написал о ней раньше, но мы пишем лучше» (POP 2007, февраль). Различные вариации авторской журналистики в рассматриваемых изданиях позволяют определить их место и позицию по отношению к общей массовой и поп-культуре в рамках конкретного общества, страны, в которой они издаются, – от органичного включения в массовую культуру («POP») до альтернативной, андеграундной позиции («Juice»).

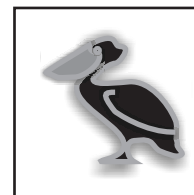
На нынешнем этапе развития медиакультуры число изданий современной культуры значительно увеличивается. Обладая общими типологическими чертами, такими как концептуальный подход, поликультурный контекст, авторская подача материалов, журналы все же имеют свои особенности, которые позволяют классифицировать их по географическим и тематическим признакам, а также по ориентации на определенные читательские группы и степени индивидуализированности журналистских текстов. В своем географическом, тематическом, эстетическом многообразии подобные издания наиболее полно отражают состояние современного поликультурного контекста эпохи глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Gendron B. Between Montmartre and the Mudd Club: Popular Music and The Avant-Garde. Chicago, 2002.
 Godoy T., Vartanian I. Style deficit disorder: Harajuku street fashion. Tokyo, 2007.
 McKeen W. Hunter S. Thompson. Boston, 1991.
 Хиллер Б. Стиль XX века. М., 2004.

Поступила в редакцию 26.06.09.

Полина Петровна Поварич – аспирантка кафедры литературно-художественной критики Института журналистики БГУ. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л.П. Саенкова.

Н.Б. РАШЭТНІКАВА

МЕТАДАЛОГІЯ ЛІТАРАТУРАЗНАЎЧАГА АНАЛІЗУ НА ЎРОКАХ БЕЛАРУСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў СТАРШЫХ КЛАСАХ

Раскрываются возможности инновационных методов литературоведческого анализа художественного текста применительно к школьной практике преподавания белорусской литературы в старших классах.

The article deals with the innovative methods of literary text analysis while teaching Belarusian literature in senior forms of a secondary school.

Заклучны этап школьнай літаратурнай адукацыі – якасна новы перыяд у развіцці асобы вучня. Згодна з даследаваннямі дыдактаў і псіхалагаў успрымання школьнікамі старшых класаў мастацкіх твораў характарызуецца канцэптуальнасцю і ўвагай да формы. Гэтая акалічнасць спрыяе засваенню на ўроках беларускай літаратуры сусветнага і айчыннага літаратурнага працэсу ў гістарычным руху, са зменамі літаратурных напрамкаў, эвалюцыяй мастацкіх метадаў і стыляў.

Структура курса беларускай літаратуры ў старшых класах складаецца з аглядавых і магнаграфічных тэм, што, з аднаго боку, дае магчымасць школьніку на розных узроўнях засвоіць асноўныя звесткі па гісторыі і тэорыі літаратуры, а з другога – глыбока і асэнсавана прааналізаваць вяршычныя дасягненні прыгожага пісьменства.

Вывучэнне мастацкіх твораў на ўроках беларускай літаратуры аглядава і тэкстава з выкарыстаннем шырокавядомай метадалогіі літаратуразнаўчага і школьнага аналізу сёння патрабуе новых падыходаў, бо значна зменшылася колькасць вучэбных гадзін на вывучэнне твораў, але патрабаванні да засваення школьнікамі ведаў і ўменняў засталіся ранейшымі. Неабходна, каб вучні звярнулі ўвагу на тэкст мастацкага твора. Вось чаму даўно наспела патрэба пашырыць школьную метадалагічную і метадычную палітру за кошт літаратуразнаўчых метадаў, скіраваных на аналіз формы мастацкага твора.

Гутарка ідзе пра інтэртэкставы, дыскурсны і наратыўны аналізы. У 60-я гг. XX ст. французскі даследчык балгарскага паходжання Ю. Крысцева выкарыстала ў сваіх даследаваннях паняцце інтэртэкстуальнасці, сутнасць якога заключаецца ў тым, што мастацкі тэкст разглядаецца як адзінства разнастайных міжтэкставых сувязей, а

значыць, з'яўляецца інтэртэкставым. У далейшым інтэртэкставым аналізам літаратуразнаўцы сталі называць выяўленне ў тэксце запазычанняў, цытат, рэмінісцэнцый, алюзій, а таксама вывучэнне літаратурнага інтэртэксту ў якасці надтэкставага ўтварэння, як, напрыклад, палітэкставыя адзінствы, што ўтвараюцца вакол тапонімаў высокай культурнай значнасці (гл. Тюпа 2008, 252).

У школьным курсе беларускай літаратуры можна сустрэць такія культурныя топасы, як Полацк, Вільня, Палессе і інш. Віленскі інтэртэкст беларускай літаратуры мае непасрэдныя адносіны да Беларускага Адраджэння XIX і пачатку XX ст. Вільня ў культурнай свядомасці беларусаў набыла характарыстыку падмурка, на якім нашы продкі будавалі гмах айчынай мастацкай культуры і адукацыі, бо з гэтым горадам звязана надзвычай важная падзея ў жыцці народа – заснаванне ў 1520 г. першай друкарні. «Недзе каля 1520 г. асветнік вярнуўся на Радзіму, абсталяваў у Вільні друкарню і апублікаваў “Малую падарожную кніжку” (каля 1522), дзе аб'яднаны Псалтыр, Часасловец (тэксты малітваў, дзённай і вячэрняй царкоўных службаў), каляндар пад назваю “Пасхалія”, урачыстыя класічныя гімны (каноны і акафісты, з іх два – бяспрэчныя паэтычныя творы Ф. Скарыны). У сакавіку 1525 года ў віленскай друкарні ён выдаў апошняю сваю вядомую кніжку – “Апостал” (“Дзеі і пасланні апостальскія”))» (Конан 2006, 284–285).

Паступова канцэпт *Вільня* міфалагізаваўся ў нацыянальнай свядомасці беларусаў, стаў пэўным хранатопам. Асабліва гэта заўважана ў XIX ст., бо развіццё культуры і нацыянальна-вызваленчы рух былі непасрэдна звязаны з Віленскім універсітэтам, дзейнасцю разнастайных таварыстваў, творчасцю А. Міцкевіча, Т. Зана, Я. Чачота і інш.

Выкладчыкі і студэнты Віленскага ўніверсітэта вывучалі і папулярызавалі народную культуру беларусаў, у прыватнасці, збіралі фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы, вывучалі гісторыю краю. «Кіруючыся грамадскімі патрэбамі, многія філаматы (Ф. Малеўскі, Я. Чачот, А. Ходзька і інш.) пачалі настойліва даследаваць асобныя перыяды гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і ўвогуле зацікавіліся мінулым роднага краю» (Мархель 2007, 77).

Наступны значны этап у міфалагізацыі Вільні як культурнага цэнтра беларусаў – пачатак ХХ ст., дзейнасць майстроў пяра, аб'яднаных вакол газеты «Наша ніва». Гэта такія таленты, як Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч, Максім Гарэцкі і інш. «Рэвалюцыйныя падзеі 1905 года знялі шэраг абмежаванняў для друку на беларускай мове, і з гэтага моманту на паўтара дзесятка гадоў найважнейшым асяродкам беларускага друку і беларускага літаратурна-грамадскага руху зноў, як некалькі стагоддзяў перад тым, становіцца Вільня. Тут 1 верасня 1906 года выходзіць надрукаваны лацінкай і кірыліцай дэбютны нумар «Нашай доли» – першай у гісторыі легальнай газеты на беларускай мове... Яшчэ перад тым, як яна перастала выходзіць, частка сяброў яе рэдкалегіі заснавала новую газету – «Наша ніва», ролю якой у фармаванні сучаснай беларускай нацыі немагчыма пераацаніць» (Беларуская літаратура 2006, 163–164).

Месіянізм віленскай тэмы ў беларускай літаратуры дастаткова пашыраны. Ствараецца міфапаэтычная мадэль горада, у якім з'ядналіся мінулае і сучаснасць: *Вулкі Вільні зіяюць і гулка грымяць! // Вір людскі скрозь заліў паясы тратуараў, // Блішчаць вокны, ліхтарні ўгары зіхцяць, // Коні мчацца, трамваі трывожна звіняць... // І гараць аганьком вочы змучаных твараў! (Багдановіч 1992, 96); Толькі ў сэрцы трывожным пачую // За краіну радзімую жаж, – // Успомню Вострую Брану святую // І ваякаў на грозных канях (Там жа, 314); – Ото, брат, горад! от дамішчы, // Ото дзе сыпалі грашышчы! // Якія вежы і касцёлы! // Як толькі іх трымаюць доли! (Колас 1974, 258); Агромны горад, цесна збіты, // Ўвесь блескам сонейка заліты, // Займаў узгоркі і нізіны... (Там жа, 262).*

Па-іншаму апісаны горад у трылогіі «На ростанях»: «Нарэшце Лабановіч выйшаў у горад, перасёк даволі прасторную плошчу і зараз жа трапіў да Вострай Браны, дзе была святыня каталіцкага насельніцтва, абраз вострабрамскай божай маці» (Колас 1975, 632).

Як бачым, у кожным творы інтэртэкстуальныя адзінствы дыяхранічныя, асінтагаматычныя, што азначае адсутнасць правіл, па якіх субтэкст ідзе адзін за адным. Іншымі словамі, топас «Вільня» падобны да міфа, бо ніхто з названых аўтараў не можа быць прызнаны аўтарам інтэртэксту. Адзіным выключэннем з'яўляецца творы Якуба Кола-

са, дзе даецца тлумачэнне міфалагемы «Вільня»: Вільня – гэта горад, а значыць, «цэнтр», адсюль і топас Вільні, месца, дзе быў асяродак культуры беларускага народа.

У навуковай літаратуры апошніх дзесяцігоддзяў часта можна сустрэць тэрмін «дыскурсны аналіз», які ўяўляе сабой разгляд тэкстаў з пазіцыі рыторыкі, або, дакладней, неарыторыкі, вучэння пра камунікатыўныя падзеі і працэсы (гл. Тюпа 2008, 273). Дыскурсны аналіз быў адроджаны на падмурку класічнай рыторыкі ў 50-я гг. ХХ ст. Прадметам рытарычнага або дыскурснага аналізу з'яўляецца камунікатыўная стратэгія, якая патрабуе пэўнага алгарытму камунікатыўных паводзін таго, хто звяртаецца да аб'екта маўлення, іншым словам, адрасата.

У якасці аб'екта дыскурснага аналізу тэкст прадстае як канструктыўная ўзаемаабумовленасць трох кампетэнцый: рэфэрэнтнай, крэатыўнай і рэцэптыўнай, што адрозніваюцца адносінамі вызначанага дыскурсу адпаведна да рэчаіснасці, мовы і свядомасці. Для таго каб праілюстраваць своеасаблівае выкарыстанне навуковага апарату (метамовы) неарыторыкі, звернемся да двух паэтычных твораў, аб'яднаных адной назвай «Родная мова», розных паэтаў – Максіма Танка і Пімена Панчанкі. Пачнем з рэфэрэнтных кампетэнцый паэтычных дыскурсаў. Такія кампетэнцыі адрозніваюцца адносінамі вызначання да рэчаіснасці. Па свайму рэфэрэнтнаму зместу кожнае вызначанне характарызуецца адным з чатырох рытарычных статусаў: абагульненнем у мадальнасці ведаў, пераканання, думкі або разумення. Пералічаныя мадальнасці адлюстроўваюць прынцыпова адрозныя карціны свету. Рытарычны статус ведаў рэальны ў межах прэзэдэнтнай карціны свету, дзе важна толькі тое, што паўтараецца, ўзмацняецца. Мадальнасць пераканання суадносіцца з імператыўнай карцінай свету, якая арыентавана на пошук адзіна правільнага шляху. Мадальнасць думкі асэнсоўваецца аказіяльнай карцінай свету. Мадальнасць разумення скіравана на магчымую карціну свету, для якой характэрнай з'яўляецца разнастайнасць сэнсаў.

Верш Максіма Танка «Родная мова» ўяўляе сабой яркі прыклад вызначання ў рытарычнай мадальнасці ведаў: *З легендаў і казак былых пакаленняў, // З калосся цяжкага жытоў і пшаніц, // З сусор'яў і сонечных цёплых праменьняў, // З грымучага ззяння бурлівых крыніц, // З птушынага шчэбету, шуму дубровы, // І з гора, і з радасці, і з усяго // Таго, што лягло назаўсёды ў аснову // Святыні народа, бяссмерця яго, – // Ты выткана, дзіўная родная мова (Танк 1998, 382).*

Змест гэтага вызначання ўзмацняецца ў наступных строфах, дзе падаецца вызначанне з мадальнасцю пераканання. Сутнасць пераканання: існаванне роднай мовы – гэта акт разумення аб'ектыўнай рэчаіснасці: *Народ пранясе, цябе,*

родная мова, // *Святлом незгасальным у сэрцы сваім // Праз цемру і годы змаганняў суровых* (Там жа, 382).

У творы Пімена Панчанкі мы маем справу з прыкладам аказіянальнай карціны свету: наяўнасць роднай мовы мысліцца аўтарам як яднанне суб'ектыўнага з аб'ектыўнай сувяззю ўсяго жывога: *Кажуць, мова мая аджывае // Век свой ціхі: ёй знікнуць пара, // Для мяне яна вечна жывая, // Як раса, як сляза, як зара* (Панчанка 1993, 516).

Крэатыўныя кампетэнцыі выказванняў адрозніваюцца інтэнцыямі аўтарства ў яго адносінах да мовы. Карыстаючыся знакамі ўсіх відаў, арганізатар камунікатыўнай падзеі звяртаецца да мовы ў цэлым як механізма, што стварае тэкст вызначанага тыпу. Такім чынам, фарміруецца фігура аўтарства.

Згодна з класічнай тэорыяй знакаў Ч.С. Пірса неабходна вызначыць індэксальную, эмблематычную, іканічную і алюзіўна-сімвалічную дыскурсіўнасці. Тэкст верша Максіма Танка можа быць прыкладам іканічнай дыскурсіі, калі креатыўная кампетэнцыя заключаецца ў стварэнні новых значэнняў пры немагчымасці выказаць сэнс, схаваны ў суб'ектыўнасці аўтарскай волі: *Калі ж ападзе і развеецца дым // І нівы васкросшыя закаласяцца, – // Ізноў прашуміш ты вясновым дажджом, // Ізноў зазвініш ты у кожнай у хаце, // Цымбалам дасі іх сярэбраны гром // І вусны расквеціш усмешкай дзіцяці* (Танк 1998, 382).

Характэрнай асаблівасцю іканічнага дыскурсу з'яўляецца тое, што пазытычнае выказванне арганізавана імагінатыўна, яно стварае яркі вобраз. Тэкст верша Максіма Танка заключае ў сабе «гіперзнак», указанне на іншы, больш глыбокі сэнс, які нельга выразіць больш простымі знакамі. У вершы Пімена Панчанкі індэксальная дыскурсіўнасць абаліраецца на інфарматыўнасць у якасці камунікатыўнага рэсурсу: *Студзень – з казкамі снежных аблокаў, // Люты – шчодры на сіні мароз, // Сакавік з сакатаннем і сокам // Непаўторных вясновых бяроз* (Панчанка 1993, 516).

Рэцэптыўныя кампетэнцыі адрозніваюцца адносінамі дыскурсу да свядомасці. Тэкст выказвання залежыць ад камунікатыўнай пазіцыі адрасата. Індэксальнай дыскурсіўнасці верша Максіма Танка адпавядае рэпрадуктыўны рэсурс свядомасці, што ў выніку прыводзіць адрасата да асэнсавання агульназначнай інфармацыі.

Эмблематычная дыскурсіўнасць верша Пімена Панчанкі адпавядае рэгулятыўнаму рэсурсу свядомасці адрасата. Ідэальны рэцыпіент здольны карэкціраваць сваё мысленне і жыццёвыя паводзіны ў адпаведнасці з імператывамі, якія яму паведамляюцца: *Ці плачу я, ці пяю, // Ці размаўляю з матуляю – // Песню сваю, мову сваю // Я да грудзей прытульваю* (Там жа, 516).

Актывізуючы такую здольнасць, дыкурс характарызуецца тым, што яго камунікатыўныя здольныя да ролевай самарэгуляцыі.

З мэтай паспяховага аналізу пражыццёвага твора ў сучаснай навуцы шырока выкарыстоўваецца наратыўны аналіз, які ўяўляе сабой разнавіднасць дыскурснага аналізу (гл. Тюпа 2008, 300). Спецыфіка мастацкага наратыву вызначаецца архітэктонікай рэферэнтнай падзеі. Значная роля пры гэтым надаецца факту, які з'яўляецца рэферэнтнай функцыяй дыскурсу. Менавіта наратыўны дыкурс надзяляе факт або сукупнасць фактаў стасусам падзеі. Падзея ў наратыўным дыскурсе можа быць гетэрагеннай, храналагічнай і інтэлегібельнай.

Звернемся да апавядання Янкі Брыля «Memento mori» (1958), што вывучаецца на заключным этапе школьнай літаратурнай адукацыі, каб выявіць прадуктыўнасць наратыўнага дыскурсу. Інтрыга ў творы ствараецца напружаннем паміж двума падзеямі: фашысты здзяйсняюць акцыю – рыхтуюцца паліць жыхароў вёскі ў адрыве, зондэрфюрэр праяўляе «гуманнасць» у адносінах да печніка. Цыклічная мадэль падзейнага ланцуга сюжэта, які раскрыты ў творы наступным чынам: знішчаны нямецкі ваенны эшалон – карнікі ў вёсцы – адрыва – пачнік – паядынак.

Пачаткова фрагмент у апавяданні стварае фон для наступных падзей. Стыль аўтара надзвычай лаканічны: «Позняй восенню сорок трэцяга года на адным з самых спакойных перагонаў Беларускай чыгункі ўзарваўся нямецкі вайсковы эшалон.

Праз дзень, халодным, золкім досвіткам, бліжэйшую да месца катастрофы вёску абкружылі карнікі» (Брыль 1995, 559). Потым у творы ідзе кароткі эпізод, дзе апісаны дзеянні фашыстаў: «Зондэрфюрэр, начальнік экспедыцыі, разважыў, што прымусіць “бандытаў” капаць сабе яму – доўгая гісторыя. Значна прасцей спаліць іх у гэтай адрыве. Пакуль яго падначаленыя зачынялі вёску ў трое шырокіх варот драўлянай будыніны, ён стаў трохі збоку, на ўзгорачку, і непрыемна моршчыўся ад дзікага крыку і плачу...» (Брыль 1995, 560).

Сустрэча з печніком вызначае наступную фазу сюжэта. Дыялог персанажаў у гэтай наратыўнай матрыцы з'яўляецца мінімальнай фазай, пасля чаго ідзе завяршаючы фрагмент тэксту. Зразумець глыбіню аўтарскага бачання можна толькі пры ўмове ўважлівага аналізу тканіны тэксту.

Сістэма эпізодаў: падзел тэксту на эпізоды і іх аналіз у будучым дадуць магчымасць убачыць карціну.

1. «...Узарваўся нямецкі вайсковы эшалон» (падзея, якая праводзіць мяжу паміж эпізодамі).

2. «Праз дзень... вёску акружылі карнікі» (лакалізацыя жыццёвага працэсу ў часе і прасторы).

3. «Мы хутка скончым гэтае швайнерай і тады, фройляйн Вера, паедзем дахаты. Будзе зноў цёпла... О так!...» (На працягу гэтага эпізоду няма перамяшчэння ў прасторы і часе, але ёсць дадатковая інфармацыя.)

4. «Адкуль я ведаю яго?.. О!.. Мэншэнскінд, дык гэта ж той пячнік!.. Скажыце, фройляйн Вера, каб яго падагналі сюды» (з'яўленне дадатковага персанажа суправаджаецца нязначным пераносам у прасторы і часе: «Улетку гэты стары рабіў зондэрфюрэру печы»).

5. «Спытайцеся ў яго апошні раз: чаго ён хоча, вар'ят?..» Нарастанне тэматычнага пералелізму і пералом, які завяршаецца трагічна: «І ён згарэў – адзін, хто мог бы ў той дзень не згарэць».

Герой твора, як бачым, з'яўляецца суб'ектам нарматыўнага выбару. Дыскусія яго адказаў сведчыць пра цэльнасць знешняга і ўнутранага жыцця. Адсюль кантраст: з аднаго боку, мараль народа, з другога – амаральнасць фашыста і «фройляйн Веры», што ў творы характарызуецца, як «істота ў скураным паліто». Завяршаецца апавяданне знешнім алагізмам «і ён згарэў» – «і ён жыў». Але прысутнічае ўнутраная логіка: у паядынку перамог пячнік, бо яго мараль – гэта мараль народа.

Выкарыстанне разнастайных метадыч у працэсе аналізу мастацкага тэксту дае магчымасць даследчыку пранікнуць у глыбіню ідэйнага сэнсу твора, па-новаму яго прачытаць.

Літаратуразнаўства ў ХХ ст. зрабіла значны крок у кірунку разумення прыроды мастацкага твора, у прыватнасці арганізацыі літаратурнага

тэксту. Адсюль новыя падыходы да аналізу выдатных твораў сусветнай літаратуры розных эпох, якія ў сваю чаргу павялічылі метадычную палітру прыёмаў аналізу мастацкага твора ў школе. У артыкуле прадэманстраваны толькі некаторыя з іх. Яны прадуктыўныя ў практыцы выкладання пры ўмове іх дакладнага і семантычна сэнсаарганізаванага выкарыстання.

ЛІТАРАТУРА

- Багдановіч М. Поўны збор твораў: У 3 т. Мн., 1992. Т. 1.
Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён: папулярныя нарысы. Мн., 2006.
Брыль Я. Memento mori // Родная літаратура: Хрэстаматыя для 11 класа агульнаадукац. шк. Мн., 1998.
Колас Я. Збор твораў: У 14 т. Мн., 1974. Т. 6.
Колас Я. Збор твораў: У 14 т. Мн., 1975. Т. 9.
Конан У. М. Францыск Скарына // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: У 2 т. Мн., 2006. Т. 1.
Мархель У. І. Прадвесце адраджэння // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: У 2 т. Мн., 2007. Т. 2.
Панчанка П. Родная мова // Анталогія беларускай паэзіі: У 2 т. Мн., 1993. Т. 2.
Танк М. Родная мова // Родная літаратура: Хрэстаматыя для 11 класа агульнаадукац. шк. Мн., 1998.
Тюпа В. І. Анализ художественного текста. М., 2008.

Паступіў у рэдакцыю 06.04.09.

Ніна Барысаўна Рашэтнікава – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры рыторыкі і метадыкі выкладання мовы і літаратуры.

А.П. СМАНЦЕР

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Анализируются теоретические основы преемственности как философского и педагогического феномена. Показано, что в педагогике она обеспечивает непрерывный процесс развития человека. Преемственность рассматривается во внешнем (в содержании и процессуальном аспекте) и внутреннем (в познавательной деятельности) планах.

The continuity reveals as a philosophical and pedagogical phenomenon, shows, that in pedagogics it provides continuous process of development of a person. The continuity is considered in external (in the maintenance and remedial aspects) and internal (in cognitive activity) plans.

Система образования включает ряд ступеней, которые по своей природе дискретны, но благодаря преемственности устанавливается ее непрерывность. Диалектическая взаимосвязь и единство непрерывности и дискретности как важные характеристики системы непрерывного образования обеспечиваются оптимальной организацией преемственности всех ее ступеней. Она позволяет человеку плавно, безболезненно переходить от одного этапа развития к последующему, от одной к следующей, более высокой ступени образования. Поэтому решение проблемы преемственности между различными ступенями системы непрерывного образования приобретает особое значение.

Преемственность как философская категория представляет объективную закономерность развития природы, общества и познания. Она обеспечивает диалектическое единство устойчивости

и изменчивости, сохранения и воспроизведения, созидания и разрушения. В философии преемственность рассматривают как ряд ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна ступень развития является отрицанием другой. Однако это не голое отрицание, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием всего положительного из прежних этапов. Российский философ Э.А. Баллер рассматривает преемственность как связь между различными ступенями развития, «как объективную необходимость между новым и старым в процессе развития» (Баллер 1969, 29), а белорусский философ А.И. Зеленков определяет ее как «философское понятие для отражения важнейшего типа связи между различными качественными состояниями развивающейся реальности, сущность которой состоит в единстве сохранения, воспроизведения и модификации определенного

содержания из отрицаемой системы» (Зеленков 1986, 21). Он при этом подчеркивает, что преемственность должна быть представлена в виде многомерного, полифункционального отношения между качественно различными уровнями любой развивающейся системы. А.И. Зеленков указывает, что сущность этого отношения задается композицией следующих его содержательных характеристик: сохранение некоторых элементов из отрицаемого с последующей их консервацией в структуре новой системной целостности; воспроизведение и трансляция сохраненного содержания в новую качественную определенность; изменение и модификация этого содержания в результате его включения в новую структуру реальности (Там же, 20).

Смысл диалектического отрицания состоит в том, что оно выступает не только как момент уничтожения старого, отжившего, но и как момент непрерывности в развитии объекта, момент связи нового со старым, который реализуется через сохранение элементов отрицаемой системы, обеспечение гармонии в структуре новых уровней организации. Происходит своего рода передача эстафеты от одного этапа в развитии системы к последующему. При этом отрицание связывается, во-первых, с уничтожением, деструкцией системы как целого образования либо отдельных его сторон, элементов, состояний; во-вторых, с сохранением, кумуляцией некоторых содержательных и функциональных характеристик отрицаемого объекта или системы; в-третьих, с преобразованием, модификацией новой качественной определенности; в-четвертых, с передачей эстафеты в развитии системы последующим этапам.

Преемственность выступает не как случайный процесс, а как необходимое закономерное явление, обеспечивающее поступательный характер развития. Всегда важно помнить, что «новое не возникнет на пустом месте, не образуется из ничего. Оно имеет глубокие корни в прошедшем этапе развития, порождается прошлым, вырастает из ушедшего, как дерево из семян, и, в свою очередь, содержит в себе зародыш будущего. Поэтому отсутствие при изменении какого-либо предмета, вещи, явления элемента преемственности говорит либо о пустом топтании на месте, либо о таких превращениях их, которые также не являются процессом развития. Преемственность – это необходимая черта, характеризующая характер развития» (Кустов 1990, 40).

В ходе непрерывно изменяющегося внешнего и внутреннего взаимодействия возникают новые связи, ранее неизвестные способы действий. Всякое развитие осуществляется на основе преемственности и всегда детерминировано его прошлыми этапами. Однако самое главное в том, что преемственность непременно и ежедневно обеспечивает выход за пределы прошлого, по-

скольку каждая следующая стадия, фаза развития связаны с предыдущими, при этом старые структуры не исчезают, перестраиваются и входят в состав новых. Значит, прошлое существенно влияет на возникновение последующего нового качества, новых отношений и связей. Однако имеется и обратная связь. Настоящее оказывает существенное влияние на перестройку, на переосмысление прошлого опыта, прошлых связей и отношений, действий. Более того, будущее само вызывает необходимость взаимосвязи и взаимодействия с прошлым и настоящим. Оно как бы требует мобилизации всего прошлого и настоящего, его обобщения и включения в новые связи и отношения для выработки новых действий. Будущее всегда возникает не на пустом месте, оно аккумулирует прошлое и настоящее и служит базой для дальнейшего психического развития личности.

Опираясь на философскую трактовку преемственности, психологи и педагоги высказывают различные точки зрения на сущность этого понятия. В педагогике преемственность трактуется как методологическая закономерность развития человека в системе непрерывного образования, как общепедагогический принцип, на основе которого функционирует целостный педагогический процесс в системе непрерывного образования, как дидактический принцип, который вместе с другими дидактическими принципами обеспечивает учащимся и студентам целостное восприятие дисциплин школьного и вузовского обучения, как частнометодический принцип, который раскрывает особенности проявления преемственности в организации обучения тому или другому предмету в средней и высшей школе.

В психологии и педагогике преемственность приобретает особый статус, ибо она позволяет обеспечивать непрерывность педагогического процесса, непрерывность развития школьника и студента. Известный российский психолог В.И. Слободчиков различает содержание образования, которое намечает «определенные цели, ценности и смыслы развития человека, т. е. тот комплекс его способностей, которые позволяют ему быть человеком и которые могут сложиться именно в этом конкретном образовательном процессе» (Слободчиков 2005, 116), и содержание педагогической деятельности, где «должны быть точно обозначены условия и способы достижения этих целей и обеспечения этих ценностей» (Там же, 117). В соответствии с данными положениями он рассматривает преемственность, с одной стороны, как обеспечение этапности образования, а с другой – как проявление эстафетности в развитии обучаемого. Тем самым можно констатировать, что преемственность можно рассматривать во внешнем и внутреннем планах.

Во внешнем плане преемственность обеспечивает единство содержательного и процессу-

ального аспектов обучения. Содержательный аспект преемственности обучения проявляется в согласованности содержания образования на всех ступенях обучения (стандарты образования, учебные программы, учебники и учебные пособия). К характерным признакам содержательной преемственности в обучении относятся: использование на каждом последующем этапе знаний, умений и навыков, полученных на предыдущем этапе, т. е. актуализация опорных результатов; пропедевтический характер обучения, т. е. возможность на каждом этапе закладывать основы обучения на следующей его ступени, что позволит ориентировать обучающегося на требования в будущем. К основным признакам процессуальной преемственности относятся: взаимосвязь форм, методов и средств обучения, последовательное применение педагогических технологий, которые обеспечивали бы школьникам и студентам развивать свои творческие способности. На характер процесса преемственности в развитии школьников и студентов большое влияние оказывают содержание, формы и методы обучения, эффективная организация педагогического процесса, профессионализм преподавателей и т. д.

Во внутреннем плане преемственность проявляется в обеспечении полноценного развития обучаемого. Обеспечение преемственности в учебно-познавательной деятельности, направленной на развитие учащегося, во многом зависит от его усилий, стремлений к достижению целей. Если учебно-познавательная деятельность становится внутренней потребностью обучаемого, внутренним стремлением к полноценному развитию, то она переходит в личностно-значимый конструкт. Не случайно известный российский педагог М.М. Левина отмечает, что в процессе обучения личность обучающегося формируется путем перевода отношения к учебной деятельности в систему внутренних свойств и качеств (см. Левина 2001, 7). Тем самым обучающийся становится субъектом учебно-познавательной деятельности.

Преемственность в учебно-познавательной деятельности (учении) обучающихся обеспечивается внутренней потребностью. Она является системным личностным образованием, имеющим определенную структуру. Взяв за основу сущностную структуру учебно-познавательной деятельности, которая включает целый ряд взаимосвязанных составляющих: цели, мотивы, содержание, методы организации деятельности, методы ее стимулирования, анализа и оценки результатов, контроль и самоконтроль, рефлексия, мы выделяем ее компоненты: мотивационно-целевой, содержательно-информационный, операционально-деятельностный, организационно-планирующий, оценочно-рефлексивный. Видимо, для успешного обучения и развития обучающихся необходимо

обеспечить реализацию каждого компонента учебно-познавательной преемственности.

Мотивационно-целевой компонент преемственности учебно-познавательной деятельности школьников и студентов обуславливается целями, какие ставят перед собой обучающиеся, тем, как они меняются с переходом на новую ступень обучения, мотивами получения образования. Это в той или иной мере определяет и успешный переход учащихся с одной ступени обучения на последующую.

Наш опыт работы в средней школе убеждает, что цель и мотивы учения школьников зачастую определяют их дальнейшую профессиональную деятельность.

Мотивационно-целевой компонент учебно-познавательной преемственности характеризуется развитостью мотивации и целеполагания, устойчивостью познавательного интереса. Каждый этап обучения имеет свои закономерности функционирования этих элементов и их развития. На первых порах обучения мотивационно-целевой компонент преемственности в большей степени находится под влиянием обучающей деятельности преподавателя. На последующих этапах обучения этот компонент приобретает устойчивость: учащиеся сами намечают цели своей учебно-познавательной деятельности. У них развивается определенная мотивация учения, познавательный интерес. Если преподаватель не подавляет их стремления к реализации собственных целей, то, как правило, обеспечивается успех в учении. Гуманистически ориентированный педагогический процесс учитывает особенности мотивационно-целевой преемственности.

Целостный педагогический процесс в системе непрерывного образования характеризуется совокупностью целей. При этом главная цель расчленяется на каждой ступени на систему целей, которые должны быть преемственно взаимосвязаны между собой и которые должны стать целями учащихся. Для этого прежде всего необходимо выделить цели и осознание ближайшего результата, достигаемого в процессе деятельности.

Сравнительный анализ практики работы средней и высшей школы, наши экспериментальные исследования показывают, что школьники и студенты в большинстве случаев не осознают или не полностью осознают цели обучения. Анкетный опрос (1240 студентов-первокурсников) показал, что для 38 % опрошенных первокурсников главная цель – окончить вуз, для 15 % – получить широкое и разностороннее образование, для 30 % – стать высококвалифицированными специалистами, 17 % респондентов вообще не отвечали на вопрос о цели учебы в вузе. Видимо, как в средней школе, так и в вузе перед учащимися не ставятся конкретные цели обучения, не показывается необходимость знаний для дальнейшей деятельности. Значит, в элементе целеполага-

ния отсутствуют целенаправленность и преемственность. Перед школьниками чаще всего ставится цель – хорошо окончить тот или иной класс, поступить в вуз. В меньшей мере школа заботится о том, чтобы подготовить человека психологически к необходимости получения знаний в течение всей жизни, постоянного пополнения объема информации.

Для достижения оптимальных результатов в учении школьников и студентов важно раскрыть перед ними систему близких, средних и дальних целей-перспектив получения образования, целей обучения как на каждом этапе, так и на всех ступенях непрерывного образования. Успешность овладения учебным материалом, тем или иным учебным предметом будет зависеть от того, как цели, которые ставит общество перед воспитанниками, будут согласовываться с теми целями и задачами, которые ставит перед собой человек – школьник и студент. Отсюда следует, что с первых шагов обучения человека в том или ином учебном заведении перед ним должна быть развернута последовательность преемственно связанных целей получения образования.

Таким образом, реализация мотивационно-целевой преемственности в обучении на каждой ступени средней и высшей школы будет способствовать реализации потребностей школьников и студентов, обеспечивать целенаправленность в их деятельности. Учащиеся будут видеть перспективы и необходимость усвоения того или иного учебного предмета.

Содержательно-информационный компонент преемственности обеспечивает ее в содержании образования и в деятельности учащихся по овладению этим содержанием. Он обуславливается мотивационно-целевым компонентом так, чтобы сами учащиеся стремились к повседневному обогащению своего запаса знаний, достижению более высокого уровня развития предметных умений и навыков. Можно привести немало примеров, когда учащиеся самостоятельно, без наставления учителей стремятся расширить круг своих знаний, приобрести нужную информацию как по смежным дисциплинам и отраслям (преемственность «по горизонтали»), так и по одной и той же отрасли знаний или учебному предмету (преемственность «по вертикали»).

При переходе учащихся с одной ступени обучения на последующую этот компонент усиливается. Если на первой ступени обучения содержательно-информационный компонент подсистемы учебно-познавательной преемственности главным образом направляется учителем, то на последующих учащиеся сами в определенной мере определяют необходимость тех или иных знаний, той или иной информации, того или иного уровня образования. Некоторые из них без принуждения стремятся овладеть необходимыми знаниями, интересующей их информацией, выбирают соот-

ветствующие предметные умения и навыки. Опыт работы средней и высшей школы в настоящее время показывает, что обучение, построенное на свободе выбора информации, является залогом реализации потребности человека в приобретении, расширении, углублении и обновлении взаимосвязи между новой и старой информацией.

В массовой школьной практике формирование предметных умений происходит малоэффективно, что приводит к расхождению между ростом объема подлежащей усвоению информации при переходе из класса в класс, особенно при поступлении в вуз, и уровнем сформированности умений, необходимых для переработки и усвоения знаний.

Определение перечня предметных умений по всем школьным учебным предметам, установление преемственности в их развитии и формировании от класса к классу, от предмета к предмету будут способствовать выработке прочных специальных умений и навыков.

Таким образом, содержательно-информационный компонент преемственности в учении способствует плавности перехода от одной ступени обучения к последующей, более высокой, т. е. в усвоении знаний, в овладении предметными умениями и навыками не будет искусственно-го разрыва.

Операционально-деятельностный компонент учебно-познавательной преемственности обеспечивает взаимосвязь и последовательность в методах, приемах, действиях в процессе обучения.

Сущность операционально-деятельностного компонента преемственности состоит в том, что на основе овладения учащимися общеучебными умениями и компетенциями формируется соответствующая культура умственного труда.

Одной из важнейших задач школы является подготовка личности к непрерывному образованию, для чего она должна овладеть умениями и навыками учебного труда, т. е. научиться учиться, а это значит – подготовиться к самообразованию. От сформированности у учащихся умений учебного труда зависит успех в овладении системой знаний, умений и навыков по тем или иным учебным дисциплинам, их оперативность и действенность.

Для нашего исследования важно было подтверждение необходимости формирования общеучебных умений и навыков, разработки соответствующего тезауруса всех общеучебных умений и навыков для каждого класса и преемственная взаимосвязь между предметами при их формировании. В процессе обучения от класса к классу учащихся необходимо знакомить с методами науки (абстрагированием, моделированием, аналогией, идеализацией (идеальные модели), мысленным экспериментом, индукцией).

Таким образом, операционально-деятельностная преемственность обеспечивает выработку у учащихся необходимых общеучебных, логических и учебных умений и навыков, дающих возможность дальнейшего самообразования, самостоятельного выбора необходимой информации в условиях непрерывного образования.

Организационно-планирующий компонент преемственности заключается в том, что успешная реализация учебно-познавательной деятельности требует соответствующей ее организации и планирования. На постепенность и преемственность в обучении школьников и студентов умениям и навыкам, организацию и планирование своей учебной деятельности указывают многие исследователи. С наших позиций заслуживает особого внимания предложенный Л.М. Фридманом принцип самоорганизации учебной деятельности. Он пишет, что «разумное обучение должно быть обучением самоорганизации, а по мере овладения учащимися самоорганизацией они должны учиться сами, а учитель должен лишь ставить перед ними общие цели обучения и оказывать помощь по мере возникающей у них необходимости» (Фридман 1987, 24–25). Это верно, но в средней и высшей школе обучение нужно построить таким образом, чтобы была возможность реализации преемственности в самоорганизации личности обучающегося.

Суть организационно-планирующего компонента преемственности состоит в создании на каждой ступени обучения благоприятных условий для учебы учащихся на последующих ступенях, в обучении их методам и приемам планирования и организации учебно-познавательной деятельности. Тем самым будет осуществляться подготовка обучающихся к непрерывному самообразованию и самовоспитанию.

Оценочно-рефлексивный компонент преемственности направлен на овладение обучаемыми умениями оценки и самооценки результатов учебно-познавательной деятельности, рефлексии познавательных действий обучающихся, мыслительных процессов, своих потенциальных возможностей. Учебно-познавательная деятельность учащихся не может успешно протекать без соответствующей оценки и самооценки результатов этой деятельности, без самоанализа своих действий, без самопознания, т. е. она требует обязательного осмысления, оценки и самооценки результатов учебной деятельности, анализа своих познавательных действий, самопознания своих потенциальных возможностей. Овладение учащимися умениями оценки и самооценки, контроля и самоконтроля, самоанализа и самопознания способствует большей продуктивности протекания педагогического процесса, результативности учебных действий, обдуманности поступков человека.

Педагогам постоянно приходится сталкиваться с рассогласованием самооценок учащихся и нередко студентов с их действительными возможностями. Особенно часто это бывает в подростковом возрасте, когда школьник всеми силами стремится проявить себя во «взрослых» видах деятельности. В юности нередко превышение оценки своих возможностей является залогом большой активности, высоких достижений, но не спасает и от разочарований, и от неудач.

С оценкой и самооценкой своих успехов в учебной деятельности самым непосредственным образом связана и рефлексия – процесс самопознания субъектом внутренних психических актов. В ходе учебной деятельности на первых порах важно учить школьников восстанавливать всю последовательность учебных действий другого человека, возможные продолжения этих действий.

Суть оценочно-рефлексивного компонента преемственности заключается в постепенном и последовательном развитии у учащихся от класса к классу умений и навыков контроля и самоконтроля, оценки и самооценки, самоанализа и самопознания.

Таким образом, мы выяснили сущность компонентов учебно-познавательной преемственности в обучении в средней и высшей школе. При этом обратили внимание на то, что все компоненты преемственности в обучении взаимосвязаны и взаимообусловлены. Нарушение преемственности в реализации одного из них незамедлительно сказывается на результатах процесса обучения. В практике работы средней и высшей школы недостаточно реализуется мотивационно-целевая, организующе-планирующая и оценочно-рефлексивная преемственность в обучении, значительно большее внимание уделяется реализации в содержательно-деятельностной и учебно-операциональной преемственности. Это в определенной мере отражается и на качестве процесса обучения, и на его результатах.

ЛИТЕРАТУРА

- Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
- Зеленков А.И. Философско-методологический анализ проблемы преемственности в научном познании: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Мн., 1986.
- Кустов Ю.А. Преемственность профессионально-технической и высшей школы. Свердловск, 1990.
- Левина М.М. Технология профессионального педагогического образования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2001.
- Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. Биробиджан, 2005.
- Фридман Л.М. Педагогический опыт глазами психолога: Кн. для учителя. М., 1987.

Поступила в редакцию 22.12.08.

Анатолий Петрович Сманцер – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и проблем развития образования.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Показано, что общая модель механизма формирования социально-профессиональной компетентности в процессе обучения иностранным языкам в неязыковом вузе может быть представлена как развитие иноязычной коммуникативной компетенции в социокультурной и профессиональной сферах общения, на основе которой формируется социально-профессиональная коммуникативная компетентность, являющаяся средством овладения собственно социально-профессиональной компетентности специалиста.

The article deals with the mechanism of social and professional competence development in the process of teaching foreign languages at non-linguistic universities. The model may be represented in the following way: communicative competence development in socio-cultural and professional spheres, on the basis of which socio-professional communicative competence is developed. The latter in its turn becomes the means of developing and mastering the socio-professional competence.

Согласно Государственному образовательному стандарту (ГОС) нового поколения конечным результатом высшего профессионального образования является формирование социально-профессиональной компетентности (СПК). Последняя рассматривается как интегральное системное качество личности специалиста, приобретаемое в результате усвоения общепрофессиональных и общечеловеческих компетенций и социального опыта. В этом понимании СПК соотносится с понятиями такого смыслового ряда, как уровень общей культуры, образованность, личностное развитие, составляющими непреходящую ценность отечественного образования (см. Зимняя 2005). В устоявшемся понимании СПК представляет собой совокупность академической, социально-личностной и профессиональной компетенций. Каждая из них формируется посредством широкого спектра дисциплин учебного плана, в том числе иностранного языка (ИЯ).

Вклад ИЯ в формирование СПК определяется его способностью формировать иноязычную коммуникативную компетенцию (ИКК), на базе которой возможно дальнейшее развитие знаниевой либо деятельностной компетенции в любой предметной сфере. Большинство лингвистов представляют ИКК как некое глобальное единство таких составляющих компетенций, как лингвистическая (система языка и ее реализация в речи), лингвострановедческая, социолингвистическая, социокультурная, учебная и компенсаторная. Все перечисленные виды компетенций являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Они имеют единый стержень – лингвистическую компетенцию, являющуюся основой речевого взаимодействия и обязательным компонентом любого акта коммуникации. Таким образом, ИКК можно представить как определенный уровень владения ИЯ, позволяющий обучаемому коммуникативно грамотно строить свое речевое поведение соответственно конкретной ситуации общения.

В силу самой природы языка ИКК реализуется только при наличии такого важного компонента, как предмет речи. Без предмета речи ИКК может остаться лишь кодом для описания объекта действительности, невостребованным инструментом речевой деятельности, функционирующим на

уровне минимальных языковых единиц (звуки, буквы, слова и правила их речевого употребления). Поэтому, говоря об ИКК, мы всегда имеем в виду семантику коммуникации, все то, что сказанное и написанное может означать. Овладение ИКК в той или иной сфере ведет к формированию не только коммуникативной, но и соответствующей предметно-коммуникативной компетенции, что и является главной целью коммуникации. Правильно будет сказать, что ИКК, определенная в мысли и нашедшая себя в предмете речи, ведет к постижению самого предмета речи во всем многообразии его аксиологических характеристик, а следовательно, способствует не только познанию, но также развитию и воспитанию, широкому образованию на базе вновь познанной знаковой системы. Этот постулат определяет механизм формирования СПК специалиста средствами ИЯ: развивая коммуникативную компетенцию в той или иной сфере, мы постигаем данную сферу деятельности, совершенствуя свое профессиональное и личностное развитие.

Изложенное выдвигает на передний план проблему отбора предметно-тематического содержания обучения иностранным языкам (СОИЯ) в совокупности тем, проблем, ситуаций и сфер общения. Трудности проблемы связаны с «беспредметностью» и «беспредельностью» языка (термины И.А. Зимней), что допускает значительную долю субъективизма при отборе учебного материала. Согласно устоявшемуся в отечественной методике подходу отбор СОИЯ в системе высшего профессионального образования осуществляется с учетом его профессиональной направленности. Это позволяет структурировать СОИЯ по модели инвариантной структуры профессиональной подготовки специалиста, включающей такие важные блоки, как социально-гуманитарный, профессиональный и частично – научный (см. Хведченя 2002). Приобретение ИКК на основе соответствующей тематики обеспечивает всестороннюю адаптацию обучающегося к будущей социально и профессионально значимой деятельности в условиях межкультурной коммуникации.

Ценность предпринятого подхода к отбору СОИЯ заключается в том, что оба блока (социокультурного и профессионального общения) не-

посредственно соотносятся с соответствующими компетенциями – социально-личностной, профессиональной, а также академической. Следовательно, каждый из блоков должен быть наполнен таким содержанием, которое максимально способствовало бы формированию необходимых коммуникативных навыков.

Академическая компетенция включает в себя знания и умения по изучаемым дисциплинам, а также способности и умения учиться. Вклад ИЯ в ее формирование состоит в том, что ИЯ представляет уникальную возможность развивать следующие навыки и умения:

- работать с различными источниками учебной и научной информации, справочными материалами и т. п.;
- концентрировать внимание, воспринимать и воспроизводить информацию;
- писать научное сообщение, статью, реферат, аннотацию, составлять план или конспект лекций, делать пометки и т. д.;
- вести деловую корреспонденцию;
- заполнять бланк, анкету и другие функционально значимые документы;
- проводить презентации в режиме Power Point и Front Page;
- овладевать рациональными приемами умственного труда, способствующими дальнейшему самообразованию и самосовершенствованию;
- осуществлять поиск информации на традиционных и электронных носителях, включая библиографическую работу и поиск информации в сети Интернет;
- приобретать новые знания на основе владения еще одним языковым кодом.

Перечисленные навыки составляют часть СОИЯ в вузе. Они относятся к числу универсальных, деятельностных, прагматических и представляют собой навыки собственно учебной деятельности, т. е. само умение учиться.

Социально-личностная компетенция формирует воспитательную составляющую учебно-воспитательного процесса и моделирует ее результат. Она обеспечивает культурно-ценностные и мировоззренческие установки личности, умение ориентироваться в экологических, экономических, политических, гражданско-правовых и других социальных проблемах современной жизни. Она предполагает знание идеологических, нравственных ценностей общества и государства и умение следовать им. По своей сути социальная компетенция является метапрофессиональной, определяющей личность специалиста любого профиля. В ее состав входят:

- 1) компетенция социального взаимодействия;
- 2) социокультурная компетенция;
- 3) компетенция культурно-ценностной и личностной ориентации;

4) компетенция гражданственности и патриотизма.

Нетрудно заметить, что перечисленные компетенции формируются на основе коммуникативной и предполагают социально-личностное взаимодействие, осуществляемое на основе коммуникации. ИКК, реализуемая на базе социокультурной тематики, может характеризоваться как *социокультурная коммуникативная компетенция*. Она составляет важную часть языковой подготовки специалиста неязыкового вуза и реализуется в рамках модуля социального общения (сферы социально-бытового, социокультурного и социально-политического общения).

В рамках данной статьи мы не ставим задачу рассмотреть методику формирования каждой из социальных компетенций в отдельности, поэтому ограничимся лишь приблизительным перечнем социально значимых умений, которые могут привести к развитию ряда способностей и качеств личности, характеризующих социально-коммуникативную компетенцию. Овладение содержанием вышеперечисленных сфер дает студенту возможность приобрести **знания**:

- о морально-нравственных устоях иноязычных национальных сообществ, культуре и этике взаимоотношений в семье, коллективе;
- о социокультурных реалиях, стиле поведения и образе повседневной жизни носителей изучаемых языков;
- о системе общечеловеческих, национальных и личностных мировоззренческих ценностей;
- о политической и правовой структуре соизучаемых стран, существующих социально-политических реалиях.

На основе полученных знаний выпускник формирует следующие **способности**:

- ориентироваться в мире духовных ценностей, выражающих разные культуры и мировоззрения, т. е. решать аксиологические проблемы;
- ориентироваться в проблемах, связанных с реализацией определенных социальных ролей (избирателя, гражданина, потребителя, организатора, члена семьи);
- понимать и адекватно интерпретировать различие социокультурных реалий, коммуникативных и поведенческих стереотипов носителей изучаемого ИЯ;
- понимать и оценивать доминирующие в официальном истеблишменте соизучаемых стран ценностные установки и ориентации;
- устанавливать контакт на межличностном уровне, создавая при этом атмосферу доверия и взаимопонимания.

* Компетенция здоровьесбережения, входящая в состав социально-личностной компетенции, в меньшей степени связана с изучением языка, хотя некоторые сведения о здоровом образе жизни будущий специалист все же получает в процессе ознакомления с социокультурными особенностями страны изучаемого языка (спорт, досуг, проблемы молодежи и т. п.).

Формирование социально-личностных компетенций предполагает развитие следующих **качеств** личности:

- гуманистического мировоззрения;
- самостоятельности;
- чувства патриотизма и интернационализма;
- чувства гражданской ответственности;
- толерантности, эмпатии;
- вежливости и тактичности в общении;
- ответственности за свои дела и поступки.

С социальными компетенциями неразрывно связаны **профессиональные**, представляющие собой знания, умения и способности, востребованные в той или иной области профессиональной деятельности. Структура профессиональной компетенции не является величиной постоянной. Она варьируется, поскольку каждая конкретная профессия предлагает свой набор компетенций, без которых невозможна адаптация и успешное выполнение профессиональных функций. Среди общих требований, предъявляемых к специалисту любого профиля, можно выделить: высокий уровень профессиональной подготовки, позволяющий ставить и решать проблемы и задачи (в том числе творческие) на должном квалификационном уровне; способность взаимодействовать со специалистами не только профилирующей, но и смежных областей для решения широкого круга профессиональных задач; умение составлять документацию, вести деловую корреспонденцию; умение пользоваться глобальными информационными ресурсами в профессиональных целях (Интернет, современные компьютерные технологии и средства телекоммуникации).

Дескрипторная характеристика сферы профессиональной деятельности специалиста (А.Н. Корякина, И.И. Шушакова, Е.С. Самойлова, В.И. Кошелева, А.Б. Щегляев, В.В. Молчановский, Т.М. Балыхина, Т.В. Борисова, С.В. Реттих и др.) позволяет выделить следующие профессиональные компетенции: предметную (в единстве общетеоретической и производственной составляющих), самоуправления, информационную.

Какую же роль может играть ИЯ в формировании перечисленных и других профессиональных компетенций? Думается, что значительную, если учесть, что многое в профессиональной деятельности зависит от умения человека реализовать себя через общение, установить деловые контакты, вступить в контакт и т. п. ИЯ предоставляет также возможность углубить знания в профессиональной области на основе изучения зарубежных источников, быть в курсе современных достижений науки и производства. Именно профессионализация содержания иноязычного образования в вузе, особенно активно проводимая в отечественной системе с 80-х гг. XX в., позволила превратить изучение ИЯ в инструмент не только общекультурной, но и профессиональной подготовки.

Обучение ИЯ на базе модуля профессионального общения охватывает сферы учебно-профессионального, производственного и частично – учебно-исследовательского общения. Широко представленная в указанных сферах тематика способствует формированию *профессиональной коммуникативной компетенции*, в рамках которой студент приобретает следующие общетеоретические и практические **знания**:

- об общей системе базовых научных понятий изучаемой специальности (право, экономика, философия и т. п.), а также уровне развития данной научной отрасли;
- об осваиваемой профессии, ее социальной значимости, о структуре, методах и способах осуществления профессиональной деятельности;
- об уровнях научно-технического прогресса, о технологиях и материальной базе современного производства;
- о способах языкового выражения основных понятий профессиональной сферы;
- об этике деловых отношений.

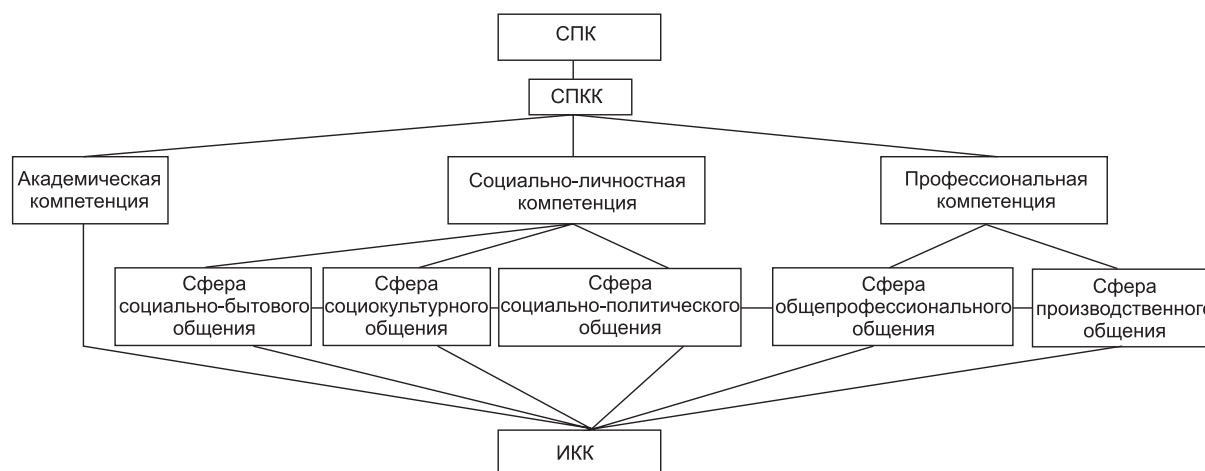
В рамках данной компетенции специалист должен быть **способным**:

- осуществлять иноязычную коммуникативно-когнитивную деятельность в области профессиональной подготовки;
- вести деловую беседу и деловую корреспонденцию;
- решать типичные коммуникативные задачи производственного общения;
- иметь навыки делопроизводства и рекламоведения;
- устанавливать контакт с коллегами на профессиональном уровне, при этом создавая атмосферу доверия и взаимопонимания;
- осуществлять поиск необходимой профессионально значимой информации, активно используя современные базы данных, компьютерные технологии и средства телекоммуникации;
- владеть первичными навыками научных исследований.

Профессиональная коммуникативная компетенция способствует развитию следующих профессионально значимых **качеств**:

- высокого уровня профессионализма;
- творческого мышления;
- дисциплинированности, самоорганизованности и самоконтроля;
- целеустремленности;
- самостоятельности;
- ответственности за порученное дело;
- требовательности;
- взвешенности принимаемых решений и др.

Таким образом, можно констатировать, что ИЯ как обязательная учебная дисциплина социально-гуманитарного блока играет важную роль в формировании профессиональной коммуникативной компетенции специалиста, которая в сочетании с социокультурной коммуникативной компетенцией непосредственно направлена на формирование такого интегрального понятия, как социально-профессиональная коммуникативная компетентность (СПКК).

Модель формирования СПК в процессе обучения ИЯ

Механизм формирования СПК в процессе обучения ИЯ включает следующие этапы: а) формирование ИКК в социокультурной и профессиональной сферах общения; б) формирование на ее основе социально-профессиональной коммуникативной компетентности (СПКК). Последняя, в свою очередь, является средством овладения собственно СПК. Модель формирования СПК в процессе обучения ИЯ представлена на рисунке.

Таким образом, ИКК как главная цель обучения ИЯ в неязыковом вузе, сформированная в тщательно отобранных предметно-ориентированных областях, решает задачи не только языкового, но и профессионального образования. В силу того что ИКК является надпредметной, междисциплинарной компетенцией, она создает новое образовательное пространство, своего рода виртуальную учебную лабораторию, в которой формируются все условия для применения ИКК при изучении других дисциплин и специальностей в совокупности потенциально присущих им компетенций – общих и предметно-профессиональных.

Приведенная модель трансфера ИКК в СПКК, а затем в СПК становится реальной в силу выхода ИЯ за узкие предметные рамки и интеграцию с широким спектром профессиональных и социально значимых тем. На основании сказанного можно также сделать вывод, что из всех дисциплин социально-гуманитарного блока ИЯ представляет одну из наиболее продуктивных моделей формирования СПК будущего специалиста при условии правильного отбора предметно-тематического содержания обучения.

ЛИТЕРАТУРА

Зимняя И. А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) // Проблемы качества образования. М.; Уфа, 2005. Кн. 2. С. 10–19.

Хведченя Л. В. Теоретические основы формирования содержания иноязычного образования (на примере классического университета): Дис. ... д-ра пед. наук. Мн., 2002.

Поступила в редакцию 09.06.09.

Елена Викторовна Красовская – аспирантка кафедры педагогики и проблем развития образования. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор Л. В. Хведченя.

НОВЫЯ ВYДАННІ ПМНІКАЎ СТАРАЖЫТНАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў БЕЛАРУСІ І ЛІТВЕ

Беларускія *Александрыя*, *Троя*, *Трышчан...*: Перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст. / Уклад., расчытанне, пер. са старабеларус., прадм., камент. Алесь Бразгунова. Мн.: Беларуская навука, 2009. 736 с. (Беларускі кнігазбор. Серыя 1. Мастацкая літаратура).

P. Royzius. **Carmina selecta = Petras Roizijus**. Rinkiniai eilėraščiai / Iš lotynų kalbos vertė Rita Katinaitytė, Eglė Patiejūnienė, Eugenija Ulčinaitė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. 326 p.

J. Radvanus. **Opera = Jonas Radvanas**. Raštai / Iš lotynų kalbos vertė Sigita Narbutas. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009. 375 p.

M. C. Sarbievius. **Poetica**. Volumen I. Praecepta poetica. De perfecta poesi = Poetika. I tomas. Poezijos mokslas. Apie tobulą poeziją / Parengė, papildė, pratarinę parašė ir rodykles sudarė Ona Daukšienė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009. XXVIII + 521 p.

У галіне гісторыка-літаратуразнаўчых даследаванняў пачатку XXI ст., прысвечаных помнікам шматмоўнай літаратуры Вялікага Княства Літоўскага, асаблівае значэнне набывае падрыхтоўка двухмоўных выданняў старажытных тэкстаў. Акадэмік Д.С. Ліхачоў свой уступны артыкул да першай кнігі славунай серыі «Памятнікі літаратуры Древней Руси» пачаў такімі словамі: «Каб адчуць духоўныя багацці старажытнай рускай літаратуры, неабходна зірнуць на яе вачыма яе сучаснікаў, адчуць сябе ўдзельнікам таго жыцця і тых падзей». Няцяжка здагадацца, пра што гаварыў вялікі расійскі вучоны: «Зірнуць на літаратуру вачыма сучаснікаў» можна толькі праз тэкст – той, які спасціглі нашы далёкія продкі, які наталіў іх спрадвечную прагу да спазнання ісціны. Аднак старажытны тэкст мэтазгодна выдаваць не для дзесятка самых адукаваных навукоўцаў-паліглотай, а для шырокага кола чытачоў – аматараў даўняга слова, а значыць, побач з арыгінальнымі тэкстам павінен быць пераклад. Менавіта за апошнія пяць гадоў на Беларусі быў падрыхтаваны шэраг двухмоўных выданняў. Гэтую традыцыю, распачатую ў 80–90-х гг. XX ст. Віктарам Дарашкевічам, у новым тысячагоддзі падтрымалі некалькі навукоўцаў у Мінску і Гродне. Плёнам навуковага супрацоўніцтва мінскіх і гродзенскіх медыявістаў стала хрэстаматыя «Старажытная літаратура ўсходніх славян XI–XIII ст.» (пад агульн. рэд. У.Г. Кароткага; Гродна, 2004), у якой арыгінальныя і перакладныя тэксты размешчаны паралельна. Найбольшым плёнам у названай галіне беларускай гуманістыкі вылучыўся 2005 г., калі з'явілася паралельнае выданне твораў беларускага лацінамоўнага паэта XVI ст. Яна Вісліцкага з яго адзінага кракаўскага зборніка 1516 г. «Пруская вайна» (уклад., пер., уступ. арт. і камент. Ж. Некрашэвіч-Кароткай; Мінск), двухмоўнае выданне «Міндаў, кароль Літоўі ў дакументах і сведчаннях» (уклад., падрыхт., пер. А. Жлуткі; Мінск), а таксама паралельнае выданне «Катэхізіс: Помнік беларускай Рэфармацыі XVI ст.» (так званы «Катэхізіс»

Сымона Буднага; адаптаваны тэкст, пер. са старажытнай бел. мовы Н. Кабелка; Мінск). У 2006 г. выйшла падрыхтаванае А. Бразгуновым і Н. Старавойтавай двухмоўнае выданне «Беларускі Трышчан» (Wrocław), а таксама кніга «Латыноязычные риторички на Беларусі: полоцкі трактат «О риторическом искусстве...» 1788, 1799 годов издания» (Мінск), падрыхтаваная гродзенскім філолагам-класікам І.Б. Краўчук. Новым каштоўным укладам у справу вяртання скарбаў старажытнага айчыннага пісьменства стала падрыхтаванае А. Бразгуновым выданне «Беларускія *Александрыя*, *Троя*, *Трышчан...*» (Мінск, 2009). Кніга адкрываецца прысвячэннем вядомай даследчыцы даўняй літаратуры Зоры Кіпель, пасля якога (ці ў межах якога) А. Бразгуноў змясціў свой верш «Мілоць Трышчанова», напісаны на старабеларускай (!) мове. Ва ўступным артыкуле пад назвай «Ізмагды ў кароне нашага пісьменства» ўкладальнік, разважаючы пра неабходнасць вяртання помнікаў старажытнай беларускай літаратуры, свядома акцэнтуюе аксіялагічны аспект іх даследавання. Старадаўняя культурная спадчына, адзначае ён, «вабіць, прыцягвае сваёй неразгаданасцю, але мы не заўсёды хочам заўважаць яе прысутнасць у штодзённым жыцці, прысутнасць у мове і слове» (с. 8). А. Бразгуноў якраз і паставіў перад сабой задачу наблізіць да сучаснага чытача тыя помнікі літаратуры, да якіх звярталіся нашы продкі «не вылучна дзяля спасення, але венцей для душы потешення».

Асноўную частку кнігі, якая змяшчае ў сабе ўласна тэксты, укладальнік папярэджвае раздзелам «Прынцыпы перадачы тэксту», што сведчыць пра наяўнасць адпаведнай тэарэтыка-тэксталагічнай базы, на якой грунтуецца выданне. Алесь Бразгуноў, удзячны прадаўжальніку навуковых традыцый А.Ф. Коршунава, разам з тым істотна паглыбіў навуковую базу тэксталагічнай школы беларускай літаратуразнаўчай медыявістыкі. Адбору і падрыхтоўцы тэкстаў для выдання «Беларускія *Александрыя*, *Троя*, *Трышчан...*» папярэднічала

скрупулёзнае вывучэнне даследчыкам пытання пра рэдакцыі і спісы ўсіх вызначаных ім помнікаў. А. Бразгуноў імкнецца максімальна поўна і дакладна ўзнавіць тэкст адпаведнага помніка. Дзеся гэтага ён дапаўняе тэкст фрагментамі розных спісаў, быццам бы выпраўляючы несправядлівасць спрадвечнага *habent sua fata libelli* (кнігі маюць свой лёс). Так, публікуючы гістарычны раман «Александрыя», даследчык пазначае разыходжанні паміж беларускім і польскім (з якога рабіўся пераклад на старабеларускую мову) тэкстамі. Тэкст «Гісторыі пра Атылу» дапаўняецца апошнім раздзелам з лацінскай рэдакцыі М. Олага, які адсутнічае ў польскім і беларускім перакладах. Такая навуковая скрупулёзнасць, такая шчырасць укладальніка сведчаць пра выключную павагу да свайго чытача.

Структура выдання, спосаб яго навуковай арганізацыі выяўляюць вялікую асабістую зацікаўленасць укладальніка ў тым, каб жывое слова даўніны дайшло да сучаснікаў-сучаснікаў. Толькі асобныя дробныя моманты парушаюць арганічную цэласнасць кнігі «Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан...». Так, няцяжка заўважыць, што ўступны артыкул з кароткімі літаратурнаўчымі прэзентацыямі ўсіх уключаных у выданне помнікаў пабудаваны па прынцыпу паслядоўнасці адносна тэкставай часткі. Пасля агульнага ўступу ў артыкуле выдзелены два асноўныя раздзелы: «Гістарычны раман» і «Рыцарскі раман». Падобным чынам і тэкставая частка падзелена на два раздзелы, але з іншымі назвамі – «Гістарычная проза» і «Рыцарскі раман». З чым звязана варыяцыйнасць першай назвы? Магчыма, з тым, што сярод тэкстаў першай часткі – «Казанне пра Пятра Нядзведку, маскаля», пра якое ва ўступным артыкуле наогул няма згадкі і якое, мяркуючы па ўсім, да жанру рыцарскага рамана аўтар не адносіць. Ці не варта было б у такім разе скарэкціраваць назву адпаведнай часткі ўступнага артыкула і ўсё ж такі даць неабходны літаратурнаўчы мінімум, датычны «Казання пра Пятра Нядзведку...»? Намінатыўны разнабой закранае і яшчэ адзін помнік гістарычнай прозы. Ва ўступным артыкуле характарызуецца твор «Казанне пра разгром Мамаю», аднак сярод тэкстаў сустракаем помнік «Кніга о побоищи Мамаю...», які ў перакладзе атрымаў назву «Пра разгром Мамаю, цара татарскага...». Зразумела, што гэтыя дробныя заўвагі не зніжаюць навуковай вартасці падрыхтаванага А. Бразгуновым выдання. Яно – двухмоўнае, і тэксты ў ім размяшчаюцца паслядоўна: пасля арыгінальнага (на старабеларускай мове) тэксту друкуецца яго пераклад на сучасную беларускую мову.

Усё ж калі гаварыць пра плён у вырашэнні задачы выдання помнікаў пісьменства Вялікага Княства Літоўскага, то бяспрэчнае першыняўства ў гэтай навуковай галіне належыць літоўскім філолагам. Першыя паралельныя выданні з'явіліся ў Літве яшчэ ў 60-х гг. XX ст.: у 1966 г. быў перавыдадзены трактат Міхала Літвіна «Пра звычаі татар, літоўцаў і маскоўцаў» (фотакопія) разам з перакладам І. Іонінаса. У наступныя гады былі падрыхтаваны шматлікія двухмоўныя выданні лаціна- і польскамоўных аўтараў ВКЛ XVI–XVII ст., трохмоўнае выданне Першага Статута ВКЛ, шыкоўная анталогія старажытнай паэзіі Літвы XVI–XVII ст. пад назвай «Cantus solo, soli et sibi» («Спеў для сусвету, сонца і для сябе») (уклад. Э. Ульчынайтэ; Vilnius, 1993) і інш. У межах святкавання тысячагоддзя першага ўпамінання Літвы Інстытутам літоўскай літаратуры і

фальклору былі падрыхтаваны некалькі выданняў помнікаў старажытнага пісьменства. Першае з іх – «Carmina selecta» («Выбраныя творы») Пятра Раізія – іспанскага паэта, які ў сярэдзіне XVI ст. жыў і працаваў у Вялікім Княстве Літоўскім. Кароткую прадмову да кнігі напісаў Сігітас Нарбутас, а аб'ёмісты ўступны артыкул пад назвай «Самабытнасць паэтычнага таленту Пятра Раізія» – Аўшра Тамашунене. Тэкставая частка прэзентуе спачатку арыгіналы паэтычных твораў «доктара-гішпанца». Тут паслядоўна прадстаўлены наступныя раздзелы: «Carmina nuptialia» (вершы на шлюб), «Carminen funebre» (верш на пахаванне, а менавіта «Жалобнае апісанне скону Боскага Жыгімонта, караля Сарматыі...»), «Didascalium» (павучанне, а менавіта паэма «Тысячарадкоўе»), «Satirica» (сатырычныя творы; сярод іх – славыты макаранічны верш «На літоўскае падарожжа»), «Carmina minora» (вершы малых форм; гэта пераважна эпіграмы, прысвечаныя розным вядомым асобам), «Varia» (рознае). Непасрэдна за «лацінскай» часткай выдання пачынаецца «літоўская»: усе названыя вышэй раздзелы запаўняюцца перакладамі адпаведных твораў на літоўскую мову. Па ўсім відаць, што асноўным крытэрыем пры адборы тэкстаў служыла не мастацкая вартасць твораў Пятра Раізія, а ступень іх далучанасці да гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Так, у названы збор не была ўключана адна з найлепшых у мастацкіх адносінах паэма – «Песня пра святога забітага пантыфіка, або Станіслаў», хаця культ святога Станіслава быў пашыраны не толькі ў Польскай Кароне, але і ў Вялікім Княстве Літоўскім (пра што сведчыць паэма Яна Вісліцкага «Пруская вайна»).

Другое выданне, прымаркаванае да Міленіума Літвы, – «Творы» Яна Радвана. У адрозненне ад «Выбраных твораў» Пятра Раізія тут у якасці «лацінскай» часткі тэксту прадстаўлены фотакопіі. Трэба адзначыць, што публікацыя перакладу разам з фотакопіяй арыгінала – найбольш пашыраная практыка выдання старажытных тэкстаў у літоўскай філалагічнай медыявістыцы. Аднак і ў гэтай кнізе тэксты размеркаваны па раздзелах: «Carmina ex libris variis deprompta» («Вершы, узятыя з розных кніг»), «Epithalamium» («Эпіталама»; маецца на ўвазе эпіталама на шлюб Хрыстафора Монвіда Дарагастайскага і Зоф'і Хадкевіч), «Radivilias» («Радзівіліяда»). Тэкст гераічнага эпаса «Радзівіліяда», у адрозненне ад першага перавыдання, падрыхтаванага С. Нарбутасам у 1997 г., падаецца разам з тытульным аркушам і прадмоўным комплексам, што дазваляе чытачу сфарміраваць больш-менш цэласнае ўражанне пра архітэктоніку выдання 1592 г. Пасля «перакладной» тэкставай часткі змяшчаецца вялікі артыкул С. Нарбутаса «Радван у свой час і цяпер». Літоўскі вучоны падзяліў увесь тэкст артыкула на тры часткі ў адпаведнасці з прадметам апаведу: «Радзівіліяда», «Эпіталама», «Вершы». Гаворачы пра «Радзівіліяду», С. Нарбутас справядліва ацэньвае гэты твор як знакавы для фарміравання грамадзянскай і нацыянальнай свядомасці чытачоў, якія атаясамліваюць сябе, сваю гісторыю з прэзентаваным у паэме матэрыялам. «Адраджэнне» паэмы Яна Радвана для літоўскага чытача ў 1997 г. даследчык слухна супастаўляе з егіпецкай экспедыцыяй Напалеона, вынікам якой сталі вялікія адкрыцці ў галіне егіпталогіі. Падобным чынам «Радзівіліяда» з'яўляецца мастацкай прэзентацыяй культурнага космасу Вялікага Княства Літоўскага эпохі Жыгімонта Аўгуста. Галоўныя героі паэмы – цэнтральныя постаці той эпохі, манаршыя асобы і магнаты,

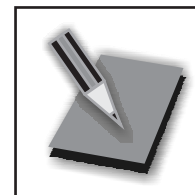
іх «жыццё, заняці і вольны час» (с. 340). Робячы кароткі агляд гісторыі Лівонскай вайны, даследчык пакідае больш падрабязнае вывучэнне ўсіх яе эпизодаў для гісторыкаў, яго ж цікавіць найперш мастацкая прастора «Радзівіліяды», якая аказваецца на дзіва моцна знітанай з зямным светам – светам людзей, гераічных суайчыннікаў паэта. С. Нарбутас слухна ставіць «Радзівіліяду» ў адзін шэраг з тымі шэдэўрамі сусветнай літаратуры, якія тыпалагічна супастаўляюцца з паэмай Яна Радвана паводле назвы: ад «Іліяды» Гамера да захаванай «Лехіяды» Мацея Казіміра Сарбеўскага. У апошнім раздзеле артыкула побач з вершамі Яна Радвана, надрукаванымі ў кнігах Андрэя Валана, Андрэя Рымшы, Андрэя Хшчанстоўскага і Гжэгажа з Жарноўца, разглядаецца эпіграма «Іншаземец і арол» з выдання «Радзівіліяда». У цэлым выданне Яна Радвана «Творы» падрыхтавана і выканана на высокім навуковым і паліграфічным узроўні. Хочацца звярнуць увагу на асаблівую пазнавальную каштоўнасць артыкула С. Нарбутаса: у ім робіцца агляд даследчыцкай літаратуры, прысвечанай творчасці Яна Радвана, з сярэдзіны XVII ст. да нашых дзён, згадваюцца асноўныя навуковыя працы, прысвечаныя князям Радзівілам і адпаведнай культурнай эпосе ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Пры гэтым аўтар улічвае публікацыі польскіх, літоўскіх і беларускіх аўтараў, абавіраючыся ў якасці метадалагічнай базы на асноўныя палажэнні тэорыі рэцэптыўнай эстэтыкі Х.Р. Яўса.

Нарэшце, трэцяя кніга, якая выйшла ў Літве пад эгідай Міленіума, – «Паэтыка» М.К. Сарбеўскага. Першы том, падрыхтаваны Онэй Даўкшэне, уключае ў сябе тэксты толькі на лацінскай мове (пераклады на літоўскую плануецца выдаць у другім томе) і складаецца з дзвюх частак. Іх структура адпавядае структуры дзвюх кніг сачыненняў Сарбеўскага, якія ў 50-х гг. XX ст. падрыхтаваў польскі філолаг Станіслаў Скіміна. Аднак, як адзначаецца ў «Падсумаванні прадмовы», тое аўтарытэтнае выданне, якое больш чым паўстагоддзя таму выйшла ў выдавецтве Польскай акадэміі навук, пасля таго як мінуў значны адрэзак часу, стала бібліяграфічнай рэдкасцю. «Мэта і галоўная задача новай кнігі – перавыдаць тэкст з крытычным апаратам <...> зрабіць больш лёгка для

вучоных і ўсіх зацікаўленых людзей доступ да сачыненняў Сарбеўскага і магчымасць іх выкарыстання» (с. XVII–XVIII). Такім чынам, у першую частку пад назвай «Praecepta poetica» («Паэтычныя прадпісанні») увайшлі трактаты «De acuto et arguto, sive Seneca et Martialis» («Пра вастрыню і досціп, або Сенека і Марцыял»), «Characteres lyrici seu Horatius et Pindarus» («Адметнасці лірычнай паэзіі, або Гарацы і Піндар»), «De virtutibus et vitiis carminis elegiaci seu Ovidius» («Пра вартасці і заганы элегічнага верша, або Авідзіў»); другая частка ўтрымлівае ў сабе самы аб'ёмны трактат «De perfecta poesi, sive Vergilius et Homerus» («Пра дасканалую паэзію, або Вергілій і Гамер»). Кніга дапоўнена ілюстрацыйным (таблічным) матэрыялам з арыгіналаў адпаведных выданняў Сарбеўскага, а таксама каштоўным «Паказальнікам сачыненняў новалацінскіх аўтараў, цытаваных у гэтай кнізе».

У якасці падсумавання хачу адзначыць, што да справы выдання тэкстаў старажытнага пісьменства слухна прымяняць выслоўе Ота фон Бісмарка: «Beati possidentes» («Шчаслівыя, хто валодаюць»), – любіў паўтараць «жалезны» канцлер: маўляў, спачатку трэба захапіць тэрыторыю, а потым даказваць свае правы на яе. Падобным чынам усе нашы высілкі і намаганні абгрунтаваць сваё права на культурную спадчыну Вялікага Княства Літоўскага будуць заставацца ў вялікай ступені голымі дэкларацыямі да таго часу, пакуль тыя пісьмовыя помнікі, нацыянальная ідэнтыфікацыя якіх становіцца прадметам гарачых дыскусій паміж беларусамі, палякамі і літоўцамі, не дачакаюцца сваіх перакладаў на беларускую мову і навуковых перавыданняў. У гэтым сэнсе выданні старажытных тэкстаў, падрыхтаваныя ў Літве, – чарговы паспяховы завершаны этап планамернай і карпатлівай (але ж затое і плённай!) навуковай працы літоўскіх даследчыкаў, якая ідзе пры актыўнай падтрымцы розных грамадскіх і адукацыйных інстытутаў дзяржавы. Кніга ж «Беларускія *Александрыя*, *Троя*, *Трышчан*...» – новы важны і годны крок на нашым нялёгкім шляху вяртання *ad fontes*, да сваіх духоўных вытокаў.

Ж.В. Некрашэвіч-Кароткая,
кафедра класічнай філалогіі

КАНДЫДАЦКІЯ ДЫСЕРТАЦЫІ, АБАРОНЕННЫЯ НА ФІЛАЛАГІЧНЫМ ФАКУЛЬТЭЦЕ І ЗАЦВЕРДЖАНЫЯ ВАК РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ У 2008–2009 гг.

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Савет Д 02.01.12. Спецыяльнасці: 10.01.01 – беларуская літаратура; 10.01.02 – руская літаратура;
10.01.03 – літаратура народаў краін замежжа

Гончар Светлана Викторовна (ГрГУ им. Я. Купалы). Миф Наполеона во французской, польской и русской литературе XIX в.

Науч. рук. – Мусиенко С.Ф., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Тычко Г.К., д.ф.н., проф.; Тарасова Т.Н., к.ф.н., доц.

Галыга Наталля Віктараўна (МДЛУ). Беларуская перакладная аповесць «Пакуты Хрыста» – гісторыя тэксту, паэтыка.

Навук. кір. – Казакова Т.П., к.ф.н., дац.

Апаненты: Саверчанка І.У., д.ф.н., праф.; Гаранін С.Л., к.ф.н.

Гордеёнок Татьяна Михайловна (Полоцкий государственный университет). Концепция судьбы в прозе немецкого романтизма.

Науч. рук. – Гугнин А.А., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Мусиенко С.Ф., д.ф.н., проф.; Леонова Е.А., к.ф.н., доц.

Жылевіч Вольга Фёдарэўна (БНТУ). Раман-прытча ў французскай літаратуры другой паловы XX стагоддзя (Ж.-М. Г. Пёплазіё і М. Турнье).

Навук. кір. – Кавалёва Т.У., к.ф.н., дац.

Апаненты: Мусіенка С.П., д.ф.н., праф.; Тарасава Т.М., к.ф.н., дац.

Запартыка Жанна Вацлаваўна (газ. «ЛіМ»). Проза «Узвышша» як эстэтычная сістэма ва ўсходнеславянскім кантэксце.

Навук. кір. – Навуменка П.І., к.ф.н., дац.

Апаненты: Мушынін М.У., д.ф.н., праф.; Васючэнка П.В., к.ф.н., дац.

Кузьмич Татьяна Витальевна (ГГУ им. Ф. Скорины). Творчество Тони Моррисон в контексте литературы США второй половины XX века.

Науч. рук. – Комаровская Т.Е., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Мусиенко С.Ф., д.ф.н., проф.; Халипов В.В., к.ф.н., доц.

Первушкина Любовь Владимировна (МГЛУ). Идеино-творческие искания Эрики Джонг в контексте современной литературы США.

Науч. рук. – Мулярчик А.С., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Комаровская Т.Е., д.ф.н., проф.; Студенко Т.С., к.ф.н., доц.

Прыстаўка Ягор Уладзіміравіч (БДУ). Рытарычныя катэгорыі лацінскага трактата Мацея Казіміра Сарбейскага «Аб вастрэні і досціпе» (1619/1623 гг.) у адносінах да сучаснай камунікацыі.

Навук. кір. – Мячкоўская Н.Б., д.ф.н., праф.

Апаненты: Станкевіч А.А., д.ф.н., праф.; Цысік А.З., к.ф.н., дац.

Шадурский Максим Иванович (БГУ). Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли.

Науч. рук. – Халипов В.В., к.ф.н., доц.

Оппоненты: Мусиенко С.Ф., д.ф.н., проф.; Судленкова О.А., к.ф.н., доц.

Шышко Алена Вікенцьеўна (БДУ). Мастацкае ўвасабленне нацыянальнага характару ў драматургіі Максіма Гарэцкага.

Навук. кір. – Навуменка П.І., к.ф.н., дац.

Апаненты: Тычына М.А., д.ф.н., праф.; Яцухна В.У., к.ф.н., дац.

МОВАЗНАЎСТВА

Савет Д 02.01.11. Спецыяльнасці: 10.02.01 – беларуская мова; 10.02.02 – руская мова.

Савет Д 02.01.24. Спецыяльнасці: 10.02.19 – тэорыя мовазнаўства; 10.02.03 – славянскія мовы

Антанюк Марына Георгіеўна (Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь). Беларуская і руская тэрміналогія права (супастаўляльны аспект).

Навук. кір. – Гваздовіч Г.А., к.ф.н., дац.

Апаненты: Машчэнская Л.Р., д.ф.н., праф.; Мінакова Л.М., к.ф.н., дац.

Горицкая Ольга Сергеевна (БГУ). Вторичные грамматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи).

Науч. рук. – Норман Б.Ю., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Задворная Е.Л., д.ф.н., проф.; Курош С.Б., к.ф.н., доц.

Ольшевская Анжелика Генриховна (ГрГУ им. Я. Купалы). Каузативность глаголов со значением «защищать» (на материале белорусского, русского, английского и немецкого языков).

Науч. рук. – Руденко Е.Н., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Никитевич А.В., д.ф.н., проф.; Курбаленко Н.В., к.ф.н., доц.

Русских Анастасия Сергеевна (БГПУ им. М. Танка). Переводческие корреляты польских производных имен существительных в русском и белорусском языках: структурно-семантический аспект (на материале поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» и ее переводах на русский и белорусский языки).

Науч. рук. – Волянец Т.Н., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Лукашанец А.А., д.ф.н., проф.; Артеменок Г.А., к.ф.н., доц.

Саўчанка Вольга Мікалаеўна (МДУ імя А. Куляшова). Звышфразавыя адзінствы ў мове беларускай мастацкай літаратуры: функцыянальна-стылістычны аспект.

Навук. кір. – Абабурка М.В., д.ф.н., праф.

Апаненты: Старычонок В.Д., д.ф.н., праф.; Куліковіч У.І., к.ф.н., дац.

Скворцова Наталья Николаевна (БГУ). Реализация функций и лексико-грамматического содержания критики в разных типах контекста (на материале русскоязычных произведений В.В. Набокова).

Науч. рук. – Волянец Т.Н., д.ф.н., проф.

Оппоненты: Гируцкий А.А., д.ф.н., проф.; Переход О.Б., к.ф.н., доц.

Снягірова Наталля Аляксандраўна (Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі). Паўночна-ўсходнія арэальныя інавацыі ў польскай мове.

Навук. кір. – Цыхун Г.А., д.ф.н., праф.

Апаненты: Коваль У.І., д.ф.н., праф.; Гушчава В.І., к.ф.н., дац.

Падрыхтавала Н.С. Макарэвіч

Памяці вучонага

БАРЫС ВАСІЛЬЕВІЧ СТРАЛЬЦОЎ

18 кастрычніка 2009 г. перастала біцца сэрца доктара філалагічных навук, прафесара, заснавальніка навуковай школы беларускай журналістыкі Барыса Васільевіча Стральцова. Пайшоў з жыцця выдатны педагог, настаўнік, светлы, душэўны чалавек.

Б.В. Стральцоў нарадзіўся 1 сакавіка 1926 г. у в. Хутар Быхаўскага раёна. Перад пачаткам вайны скончыў 8 класаў Чавускай сярэдняй школы, а 9-ы – толькі ў 1950 г., падчас службы ў арміі (шэсць гадоў салдацкай службы – ад радавога да старшага сяржанта). Праз год, ужо ў вячэрняй школе ў Бабруйску, атрымаў сярэдняю адукацыю, скончыўшы 10-ы клас са срэбным медалём. З 1951 па 1956 г. вучыўся на філалагічным факультэце БДУ (два курсы – завочна, тры – стацыянарна, увесь час сумяшчаючы вучобу з работай у рэдакцыях газет). Быў літаратурным работнікам тагачаснай бабруйскай абласной газеты «Савецкая Радзіма», літработнікам, загадчыкам аддзела газеты «Чырвоная змена», з 1958 па 1969 г. – літработнікам, загадчыкам аддзела літаратуры і мастацтва газеты «Звязда». З верасня 1969 г. на факультэце журналістыкі БДУ – старшы выкладчык, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і практыкі сучаснай журналістыкі, прафесар кафедры сацыялогіі журналістыкі, а пасля – перыядычнага друку.

З першым журналісцкім творам – рэпартажам «Агнявы рубеж» Б.В. Стральцоў выступіў у 1948 г. на старонках газеты «Советская Армия», якая выдавалася Групаю савецкіх войскаў у Германіі. З таго часу Б.В. Стральцоў апублікаваў сотні публіцыстычных і мастацкіх твораў. Працуючы ва ўніверсітэце, выдаў дзесяткі вучэбных дапаможнікаў і манаграфій, навуковых брашур і артыкулаў. Сярод іх – «Газета і мараль», «Публіцыстычнасць інфармацыйных жанраў», «Аналітычныя жанры», «Публіцыстыка. Жанры. Майстэрства», «Дзесятая пяцігодка ў беларускім нарысе», «Фельетон. Тэорыя і практыка жанра», «Асновы публіцыстыкі. Жанры», «Свет і тени», «Асновы літаратурна-мастацкай творчасці», «Асноўныя творчыя метады ў

журналістыцы» і інш. Пад кіраўніцтвам Б.В. Стральцова больш 20 суіскальнікаў абаранілі кандыдацкія і доктарскія дысертацыі.

На пісьменніцкім рахунку Б.В. Стральцова раманы «Між крутых берагоў», аповесці і зборнікі аповяданняў «Наследнік», «Сходзяцца бальшакі і прасёлкі», «Вячэрняя планета», «Метраном памяці», «Чарадзейны туман». Усе творы пісьменніка прывабліваюць тым, што ён глыбока пранікае ў сутнасць жыццёвых працэсаў, псіхалагічна дакладна спасцігае людскія лёсы, у чым яму дапамагала, акрамя пісьменніцкага таленту, багатая журналісцкая практыка.

Творчы партрэт Б.В. Стральцова дапаўняецца аўтарствам чатырох сцэнарыяў дакументальных фільмаў і пяці мастацка-публіцыстычных альбомаў, прысвечаных Беларусі.

Навуковая і педагогічная дзейнасць Барыса Васільевіча была высока ацэнена. Ён узнагароджаны граматамі Вярхоўнага Савета БССР (1962, 1965, 1986). З'яўляецца лаўрэатам прэміі Міжнароднай канфедэрацыі журналісцкіх саюзаў «За адметны ўклад у развіццё журналістыкі» (1992), лаўрэатам прэміі Беларускага саюза журналістаў «За выдатны ўклад у развіццё беларускай журналістыкі» (1995), Заслужаным дзеячам культуры Рэспублікі Беларусь (1997), лаўрэатам спецыяльнай прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь дзеячам культуры і мастацтва ў намінацыі «Журналістыка» (2001).

Спалучэнне даследчыцкай, выкладчыцкай і публіцыстычнай дзейнасці прафесара Б.В. Стральцова адзначана нагруднымі знакамі Міністэрства адукацыі і Дзяржаўнага камітэта Рэспублікі Беларусь па друку – «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» і «Выдатнік друку Беларусі». Барыс Васільевіч, тым не менш, не любіў, калі яго называлі карыфеем, мэтрам, легендай беларускай журналістыкі. Ён быў сціплым чалавекам і заўсёды цікавым. Тым, хто ўступаў у журналістыку, раіў перш за ўсё не забываць, што гэты шлях цяжкі. Вучыў гаварыць праўду, паважаць людзей – тых, пра каго і для каго пішаш. З гэтай навукай пайшло ў жыццё не адно пакаленне вучняў Барыса Васільевіча.

Памяць пра цудоўнага чалавека назаўсёды застаецца ў сэрцах тых, хто ведаў яго і працаваў з ім.

Калектыв Інстытута журналістыкі БДУ

**ПАКАЗАЛЬНІК
артыкулаў, апублікаваных у 2009 г.**

ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК БГУ» – 40 ЛЕТ

Поздравление ректора БГУ С.В. Абламейко.....	1	3
Лукашанец А.А. Беларуская мова ў пачатку XXI ст.....	1	4
Мушынскі М.І. Да гісторыі перакладу паэмы Якуба Коласа «Сымон-музыка» на рускую мову.....	1	19
Рагойша В.П. У пошуках «Беларускага верша» (паэзія Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча і Янкі Лучыны).....	1	24
Шамякіна Т.І. Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць.....	1	10

ФІЛАЛАГІЧНАМУ ФАКУЛЬТЭТУ – 70 ГАДОЎ

Роўда І.С. 3 любоўю да слова.....	2	3
-----------------------------------	---	---

ЛЕГЕНДЫ ФІЛАЛАГІЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА

Валынец Т.М. П.П. Шуба. Разбурэнне сістэмы непрадуктыўных класаў дзеясловаў у сучаснай беларускай мове.....	2	26
Гончарова-Грабовская С.Я. Ф.И. Кулешов. Л.Н. Андреев – реалист.....	2	13
Мечковская Н.Б. А.Е. Супрун. К особенностям порождающей языковой системы ребенка.....	2	22
Прыгодзіч М.Р. Л.М. Шакун. Помнікі дзелавай пісьменнасці як крыніцы гісторыі беларускай літаратурнай мовы..	2	18
Рагойша В.П. М.Р. Ларчанка. Творчасць Алеся Гаруна.....	2	7
Халіпаў В.В. І.В. Шаблоўская. Сусветная літаратура ў беларускім асяроддзі.....	2	30
Шамякіна Т.І. І.Я. Навуменка. Паэтызацыя сялянскай працы ў паэме Якуба Коласа «Новая зямля».....	2	10

ВЫПУСКНІКІ ФАКУЛЬТЭТА – МАЙСТРЫ СУЧАСНАЙ ФІЛАЛОГІІ

Мечковская Н.Б. Будуче філологіі в век массовой культуры и Интернета.....	2	59
Прыгодзіч М.Р. Аказіяналізмы як крыніца папаўнення лексічнага саставу сучаснай беларускай мовы.....	2	34
Рагойша В.П. Версіфікацыйнае майстэрства Максіма Танка.....	2	41
Скоропанова І.С. Філасофскі пейзаж в «киммерийских» циклах Максимилиана Волошина.....	2	51
Чарота І.А. Літаратуразнаўчая славістыка Беларусі: праблемы і перспектывы.....	2	56
Шамякіна Т.І. Элементы міфалагізму ў літаратуры Беларусі XIX ст.....	2	45
Яновіч Е.И. Словообразовательные новации современной русской речи в свете исторических тенденций развития русского языка (на материале текстов СМИ).....	2	36

БУДУЧЫНЯ ФІЛАЛАГІЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА

Важнік С.А. Станаўленне і дынаміка эпістальярнай нормы беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле эпісталаграфіі канца XIX–пачатку XX ст.).....	2	65
Гутовская М.С. Лексико-фразеологическое поле 'речь, говорение' в русском и английском языках.....	2	79
Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. <i>Latinitas</i> у гісторыі беларускай культуры: духоўны скарб продкаў, шлях да нашчадкаў.....	2	70
Прокопчук О.Г. Развитие представлений о метафоре в античной риторической традиции (Аристотель и Квинтилиан)....	2	75
Супрунчук М.В. Таксіс у беларускай мове: асноўныя значэнні і сродкі выяўлення.....	2	84

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Бароўка В.Ю. Беларуская проза XX ст. як крыніца народазнаўства.....	3	23
Гончарова-Грабовская С.Я. Монодрама в творчестве Е. Гришковца.....	3	26
Грымута С.В. Рэцэпцыя антычнасці ў творчасці Максіма Багдановіча і Міколы Зэрава.....	1	31
Дзюкава Э.Ю. «Апалагія» Мялецця Смярыцкага (1628) як паломніцкі тэкст: ідэйна-мастацкія асаблівасці твора.....	3	11
Забродская В.С. Эпіталамічны цыкл 1599 г. на шлюб Льва Сапегі і Альжбеты Радзівіл.....	3	8
Заяц Н.В. Мастацкае асэнсаванне Чарнобыльскай трагедыі ў сучасным ліра-эпасе.....	1	36
Марчанка А.У. Колер як сродак стварэння мастацкага вобраза (на прыкладзе твораў Якуба Коласа).....	1	43
Мятліцкая Г.М. Сацыяльная і міфалагічная семантыка вобразаў дрэў у нашаніўскай паэзіі Янкі Купалы.....	3	19
Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Спалучэнне духоўных здабыткаў антычнасці і хрысціянства ў гуманістычнай канцэпцыі Мікалая Гусоўскага.....	3	3
Смирнов А.Ю. Литературная антиутопия: проблема генезиса.....	1	39
Хмяльніцкі М.М. Канцэпцыя героя і рэчаіснасці ў рамане Т. Новака «Прарок» (1977).....	3	31
Швед І.А. Семантычная апазіцыя «белы/чорны» ў міфалагічнай карціне свету беларусаў.....	3	15

МОВАЗНАЎСТВА

Биюмена А.А. Функционирование глагольной лексики знания в политическом дискурсе.....	3	57
Галоненка І.А. Пераносныя значэнні ў агульнаўжывальнай лексіцы беларускай мовы пачатку XX ст. (на матэрыяле газеты «Наша Ніва»).....	3	39
Зуева О.В. Стилистические ресурсы древнерусских эпистолярных текстов в системе письменности XI–XVII вв. (синтаксический аспект).....	1	58
Коршук Е.В. Социум в зеркале свободного ассоциативного эксперимента.....	3	47
Кузнецова Е.Л. Отражение лечебных свойств лекарственных растений во внутренней форме русских диалектных и литературных номинаций.....	3	60
Куркович Н.А. Особенности значения объективной необходимости в текстах разных функциональных стилей (на материале английского и белорусского языков).....	3	72
Лалло О.Г. Влияние композиционной структуры научной статьи на функционирование эпистемических предикатов (на материале белорусскоязычных лингвистических статей).....	3	79
Ларина Т.И. Феномен ономастического тропа в русском, польском и английском языках (на материале современной публицистики).....	1	70

Матюнова А.А. К вопросу о лингвокультурных аспектах мотивации при именовании (на примере языка Интернета и русскоязычных СМИ)	3	76
Михалевич М.М. Категория посессивности в ономазиологической структуре русских и английских композитов ...	1	66
Муратова Е.Ю. Синергетический подход к проблеме смыслопорождения в системе поэтического языка	3	54
Петрачкова И.М. Художественное использование антропонимов в драматургии А.В. Вампилова	3	64
Пятрова Н.Я. Дыялектызмы ў лексічнай структуры ідыялекту (на матэрыяле твораў Міхася Зарэцкага)	1	54
Рамза Т.Р. Змешанае гутарковае маўленне ў мастацкіх тэкстах	3	43
Раткович Д. Тип языка поэмы «Горный венец» (1847) Петра II Петровича-Негоша	1	62
Руденко Е.Н. Трансформация белорусского свадебного обряда по данным Интернета	1	50
Свістунова М.І. Моўныя сродкі выражэння дыялагічнасці ў старабеларускіх рэлігійна-палемічных тэкстах	3	35
Ушакевіч А.М. Прынцып семантычных паралелей пры этымалагічнай рэканструкцыі назваў маладых істот	1	47
Церлюкевич В.К. О языке, речи и речевой деятельности	3	50
Янковская О.В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа (на материале рассказов Т. Толстой)	3	68

Дыскусіі

О книге академика РАН Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» (М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.)

От редколлегии. Из статьи С.Н. Зенкина «Россия, Франция, семиотика»	3	87
Прохорова С.М. Концепт – главный объект гуманитарной науки?	3	84

ЖУРНАЛІСТЫКА

Басова А.И., Синькова Л.Д. Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич	3	93
Венидиктов С.В. Телевидение в процессе формирования гражданского общества в Беларуси	2	90
Дубовик С.В. МТРК «Мир» на постсоветском информационном пространстве	1	75
Іўчанкаў В.І. Журналістыка на мяжы XX–XXI ст.	1	83
Кавалеўскі А.М. Крытычнае меркаванне аб творы як неад’емны кампанент у сістэме літаратурнага факта	2	97
Левчук Н.Н. Принцип медиавируса в процессе коммуникативного взаимодействия	3	96
Мельникова Л.И. Формализация содержания и образ творческого субъекта в документальном ТВ	3	89
Отливанчик А.В. Формирование идейного направления журнала «Гражданин» (период редакторства Г.К. Градовского и Ф.М. Достоевского)	3	103
Поварич П.П. Классификационные особенности журналов современной культуры	3	107
Саенкова Л.П. Литературно-художественная критика и журналистика: историко-культурный контекст	1	87
Самусевіч В.М. З’ява персаніфікацыі ў сучасным журналісцкім працэсе	1	91
Тянь Юехун. К вопросу о типологических особенностях регионального радиовещания КНР	3	100
Тянь Юехун, Шейн В.Н. Китайское региональное радио: этапы становления и развития	2	107
Фрольцова Н.Т. Белорусская журналистика в XXI в.: перспективы взаимодействия науки и практики	1	80
Харитонова С.В. Изобразительные средства в дизайне периодики для дошкольников	2	93
Шимолин В.И. Жанрово-тематическая палитра епархиальных ведомостей Северо-Западного края (вторая половина XIX – начало XX в.)	2	105
Шоломицкая Т.Л. Просветительская деятельность белорусской земской печати	2	102

ПЕДАГОГІКА

Жук О.Л. Компетентностный подход в педагогической подготовке студентов классического университета	1	95
Красовская Е.В. Механизм формирования социально-профессиональной компетентности студента неязыкового вуза в процессе обучения иностранному языку	3	118
Литвинко Ф.М., Розач О.В. Теоретические основы исследования развивающего обучения русскому языку	2	114
Нижнева Н.Н. Творческое развитие личности в ходе учебной деятельности	2	111
Рашэўніцава Н.Б. Метадалогія літаратуразнаўчага аналізу на ўроках беларускай літаратуры ў старшых класах	3	110
Сманцер А.П. Теоретические основы преемственности в учебной деятельности школьников и студентов	3	113

РЭЦЭНЗІІ

Клімаў І.П. Беларуская трасянка і ўкраінскі суржык: Структурныя і сацыяльныя аспекты іх апісання і катэгарызацыі	2	119
Ковалева Т.В., Борисеева Е.А. И.Л. Лапин. Компендиум истории зарубежной литературы: Античность. Средневековье и Возрождение. Современность	2	120
Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Б. Юдковск. Заняўдбанае шматгалоссе: Тэатральная культура саксонскай эпохі і яе традыцыі	1	105
Некрашэвіч-Кароткая Ж.В. Новыя выданні помнікаў старажытнай літаратуры ў Беларусі і Літве	3	122

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Светлана Михайловна Прохорова	1	108
-------------------------------------	---	-----

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

Гушчава В.І. V Міжнародная навуковая канферэнцыя «Актуальныя праблемы паланістыкі»	2	123
Долбик Е.Е. IV Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование»	2	122
Макарэвіч Н.С. Кандыдацыя дысертацыі, абароненыя на філалагічным факультэце і зацверджаныя ВАК Рэспублікі Беларусь у 2008–2009 гг.	3	125
Макарэвіч Н.С. Кнігі, выдадзеныя супрацоўнікамі філалагічнага факультэта (паводле справаздачы па навукова-даследчай рабоце за 2008 г.)	1	109

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Барыс Васільевіч Стральцоў	3	127
----------------------------------	---	-----

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Nekrashevich-Karotkaya Zh. V.</i> The combination of antiquity and Christianity spiritual achievements in Mikalaj Husousky's humanistic concept	3
<i>Zabrodskaya V. S.</i> The epithalamium cycle written on the occasion of Leo Sapieha and Elisabeth Radziwill's wedding in 1599	8
<i>Dziukava E. Yu.</i> Meletij Smotrickij's «Apologia» (1628) as pilgrimage text: ideological-artistic peculiarities	11
<i>Shved I. A.</i> Semantics opposition «white/black» in the Belarusian mythological World Picture	15
<i>Miatlitskaya H. M.</i> The social and mythological semantics of trees images in Yanka Kupala's poetry of pre-revolutionary period	19
<i>Barouka V. Yu.</i> Belarusian prose of the XX century as a source of anthropology	23
<i>Goncharova-Grabovskaya S. Ya.</i> Monodrama in Grishkovets' creative work	26
<i>Khmalnitski M. M.</i> The concept of a hero and reality in T. Novac's novel «Prorok» (1977)	31

LINGUISTICS

<i>SVISTUNOVA M. I.</i> Linguistic means of expressing dialogical aspect in old belarusian religious-polemical texts	35
<i>GAPONENKO I. A.</i> Transferring meanings in the commonly used lexicon of the Belarusian language of the beginning of the 20 th century (based on the material of the newspaper «Nasha Niva»)	39
<i>RAMZA T. R.</i> Mixed spoken language in fiction texts	43
<i>KORSHUK E. V.</i> Society reflected in the free word association experiment	47
<i>Tserlukevich V. K.</i> On language, speech and speech activity	50
<i>MOURATOVA H. Yu.</i> Synergetic approach to the problem of new word meanings appearance in the system of poetic language	54
<i>BIUMENA A. A.</i> Functioning of «knowledge verbs» in political discourse	57
<i>KUZNETSOVA E. L.</i> Reflexion of healing characteristics of medicinal plants in inner form of Russian dialectal and Russian literary nominations	60
<i>PETRACHKOVA I. M.</i> Artistic use of proper names in the plays by Alexander Vampilov	64
<i>YANKOVSKAYA O. V.</i> The inserted structures as an important means of the chronotop's realization (on the material of T. Tolstaya short stories)	68
<i>KURKOVICH N. A.</i> Peculiarities of objective necessity in texts of different functional styles (on the material of the English and Belarusian languages)	72
<i>MATSIUNOVA A. A.</i> To the question of cultural-linguistic aspects of motivation at the nomination (on the example of the Internet language and Russian-speaking mass media)	76
<i>LAPPO O. G.</i> The influence of scientific article composition structure on epistemic predicates functioning (on the material of Belarusian linguistic articles)	79

Discussions

On a book by Academician of the Russian Academy of Sciences Yu. S. Stepanov «Concepts: Delicate pellicle of civilization» (M.: Languages of Slavic cultures, 2007. 248 p.)

<i>PROKHOROVA S. M.</i> Concept – the main object of the humanities?	84
From editorial board. From the article by S. N. Zenkin «Russia, France, semiotics»	87

JOURNALISM

<i>MELNIKOVA L. I.</i> The formalization of the content and the image of creative subject in the documentary TV	89
<i>BASOVA A. I., SINKOVA L. D.</i> Development of the genre of documentary in S. Aleksievich's journalist writing	93
<i>LEVCHUK N. N.</i> Principle of media virus in the process of communicative interaction	96
<i>TIAN YUEKHUN.</i> Typological diversity of the programs of regional broadcasting of China	100
<i>OTLIVANCHIK A. V.</i> Forming of the idea direction of «The Grazhdanin» journal (the editorship period of G. K. Gradvosky and F. M. Dostoevsky)	103
<i>POVARICH P. P.</i> The classification features of the contemporary culture magazines	107

PEDAGOGICS

<i>RASHETNIKAVA N. B.</i> The methods of literary analysis at the lessons of Belarusian literature in senior forms	110
<i>SMANTSER A. P.</i> Theoretical bases of continuity in educational activity of pupils and students	113
<i>KRASOVSKAYA E. V.</i> The mechanism of social and professional competence development in the process of teaching foreign languages at non-linguistic universities	118

REVIEWS

<i>Nekrashevich-Karotkaya Zh. V.</i> New editions of old time literary monuments of Belarus and Lithuania	122
---	-----

CHRONICLE, INFORMATION

<i>MAKAREVICH N. S.</i> Candidate dissertations defended at the Faculty of Philology and approved by VAK of the Republic of Belarus in 2008–2009	125
--	-----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

<u>Barys Vasil'evich Straltsou</u>	127
--	-----

Bibliography of articles published in 2009	128
--	-----